

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КУРСУ
«ФОНЕТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА»

М. Б. Попов

**ФОНЕТИКА СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА**

*Учебник
для высших учебных заведений
Российской Федерации*

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2014

УДК 811.161.1'34
ББК 81.2Рус-1-923
П58

Попов М. Б.

П58 **Фонетика современного русского языка : Учебник / Учебно-методический комплекс по курсу «Фонетика современного русского языка». — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. — 303 с.**

ISBN 978-5-8465-1408-9

Учебник, написанный в традициях Петербургской (Щербовской) фонологической школы, содержит теоретический материал курса «Современный русский литературный язык. Фонетика». В нем представлены все основные разделы данной дисциплины: сегментная и супraseгментная фонетика, фонология, орфоэпия, а также элементарные сведения по графике и орфографии в части, непосредственно связанной с передачей на письме звуковых единиц русского языка. Каждая глава завершается списком основной и дополнительной учебной и научной литературы.

Учебник в первую очередь рассчитан на студентов-первокурсников филологических факультетов высших учебных заведений Российской Федерации, но может быть полезен магистрантам и аспирантам, изучающим русский язык, а также всем интересующимся русской фонетикой и теоретическими проблемами фонологии.

УДК 811.161.1'34
ББК 81.2Рус-1-923

ФОНД РУССКИЙ МИР

*Учебно-методический комплекс
создан и издан за счет пожертвования
Фонда «Русский мир»*

ISBN 978-5-8465-1408-9

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Язык является одним из великих резонаторов, частью усиливающих, частью же сдввливающих основные тоны души человеческой.

И. А. Бодуэн де Куртенэ

§ 1. Предмет фонетики

Фонетика (от греч. *φωνή* ‘звук’, *φωνήτικός* ‘звуковой’) изучает звуковую сторону языка. Письменная форма языка, которую главным образом изучают в средней школе и которая в связи с этим полностью заслоняет в обыденном сознании носителей литературного языка живую устную речь, является вторичной по отношению к устной речи. Таким образом, звуковая и письменная формы языка не равноправны, хотя повсеместное распространение письменности и ее роль в современных обществах фактически превращает письменный язык в автономную знаковую систему.

В отличие от письма звуковая сторона языка не является чем-то внешним по отношению к говорящему на данном языке индивиду, — звуковой характер языка в некотором смысле навязан человеку природой, поскольку звуковая материя оказалась оптимальным средством для кодирования и декодирования языковой информации. С тем обстоятельством, что звуковой язык обусловлен психофизиологическими особенностями человеческого организма, связана многоаспектность и даже некоторая противоречивость фонетики как области лингвистических исследований. С одной стороны, лингвист наблюдает физическую реальность — работу органов речи (физиологический аспект) и порождаемый в процессе этой работы акустический сигнал (физический аспект). С другой — он изучает функционирование этой физической реальности в качестве «речевого потока», который является манифестацией некой нематериальной сущности — «языковой системы» (лингвистический аспект). С третьей стороны — делать умозаключения о языковой системе и ее функционировании лингвисту позволяет только наблюдение над речевым поведением носителей языка, в частности над тем, как они воспринимают и интерпретируют речевой сигнал (перцептивный аспект).

Окружающая человека действительность полна самых разнообразных звуков, однако фонетика изучает, разумеется, не все звуки,

а только те, которые так или иначе имеют отношение к человеческой речи. Впрочем, и звуки, произносимые человеком, для фонетиста не равноценны. Например, в сферу интересов фонетиста обычно не входят или находятся на ее периферии так называемые звуковые «жесты» (своего рода слова-предложения), например, такие, которые на письме могут обозначаться как *Гм! Угу! Брр!* и т. п. Эти звуковые жесты свободно включаются в русскую речь. Ср., например, диалог Семена Семеныча, только что вернувшегося из заграничной поездки и его жены — персонажей фильма «Бриллиантовая рука»:

- *Сеня, а ты Софи Лорен видел?*
- *А-а!*
- *А кока-колу пил?*
- *Угу!*

Отметим, что звучание фраз, обозначенных в диалоге как *А-а!* ‘нет’¹ (иногда передается как *Не-а!*) и *Угу!* ‘да’, передано на письме весьма условно и не имеет ничего общего с тем произношением, которое обычно передается такой последовательностью букв. Звуковые оболочки этих речевых жестов, имеющих для носителей русского языка в контексте вполне определенное значение, не разлагаются на «отдельные звуки речи» (фонемы), которые входят в звуковую систему русского языка².

Можно предполагать, что когда-то «протоязык», при помощи которого обменивались информацией предки современного человека, состоял из некоторого, поначалу весьма ограниченного, количества такого рода не членимых на дискретные звуки речи звуковых комплексов, прямо связанных со значением, которое, видимо, было, не вполне определенным, расплывчатым. Л. В. Щерба считал естественным, что «на заре человеческой речи несколько внеязыковых звуковых жестов человека, начинавших употребляться с речевыми намерениями, были сложными артикуляциями (комплексами артикуляций — одновременных и последовательных) и при своей малочисленности не образовывали системы по своим сходствам и различиям друг с другом, а потому, не разлагаясь на звуковые элементы, противопоставались друг другу

¹ Есть и попытки дать фонетическую транскрипцию этого звучания. С. С. Высоцкий представил его как [ʔʒʔʒ], указав, что это «квазислово» может быть произнесено с сомкнутыми губами, т. е. приобрести назализацию (*Высоцкий С. С. Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонологического строя говоров // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978. С. 126*). Ср. также описание его как состоящего «из двух гласных типа [ʒ], перед которым происходит резкое смыкание голосовых связок: [ʔʒ-ʔʒ]; гласные эти носовые...» (*Касаткин Л. Л., Лекант П. А., Клобуков Е. В. Краткий справочник по современному русскому языку. 2-е изд. М., 1995. С. 105—106*).

² В русской грамматической традиции они иногда рассматриваются как междометия или частицы, или вообще выпадают из классификации частей речи.

целиком и являлись, таким образом, „словозвуками“, если можно так выразиться»¹.

Вернемся к современным русским «словозвукам». Их звуковые оболочки тоже неотделимы от передаваемых ими значений и не членимы на отдельные звуки. Так, звучание, возникающее в результате вибрации (дрожания) губ и образующее звуковую оболочку эмоционального возгласа *Брр!* ('мне холодно! я мерзну!'), имитирующего дрожь от холода, не имеет соответствия в системе звуков русского языка и не участвует в образовании звуковых оболочек других слов. Чтобы ввести этот звуковой жест в русскую речь и передать его средствами письма (*Брр!*), говорящие должны соотнести эту губно-губную вибрацию со звуковой системой русского языка, которая располагает в качестве дискретных звуков речи губно-губным [b] и дрожащим [ɾ], и интерпретировать эту единую губно-губную артикуляцию как последовательность «членораздельных» звуков речи. Другими словами, необходимо пропустить звуковую оболочку этого жеста через звуковую систему своего языка (или, как говорят лингвисты, через его «фонологическое сито»). В результате этой операции отсутствующий в системе звук разлагается носителями русского языка на два отдельных звука [br] и трактуется ими как сочетание двух дискретных звуков. То же самое в принципе происходит при необходимости создать слово, имитирующее звуки окружающего мира. Эти звуки пропускаются через звуковую систему родного языка, в результате чего появляются *звукоподражания*, или *звукоподражательные слова*. Их звуковые оболочки обычно формируются с использованием фонетических средств языковой системы: *ку-ка-ре-ку, мяу, кап-кап-кап* и подобные.

Есть и другой ряд явлений, примыкающих к звуковой стороне речи, но не входящих в фонетическую систему языка или находящихся на ее периферии. Это так называемые *парафонетизмы* (от греч. *пара-* 'рядом, возле') — такие сопровождающие устную речь явления, которые как бы накладываются на речевой поток: разные виды чмоканья, продления звуков, звукового заполнения паузы, вздохов и т. п. С одной стороны, парафонетизмы интерпретируются лингвистами как своего рода «сверхязыковой остаток», т. е. как несистемные или «малосистемные» явления, а с другой — в плане культуры речи, в том числе и самими носителями языка — они воспринимаются как более или менее неприемлемые отклонения от образцового произношения, подобные словам-сорнякам.

Итак, **фонетика** — это раздел лингвистики, изучающий звуковой строй языка, т. е. звуковые средства языка и правила их функционирования в речи. В самом общем виде цель фонетики как раздела лингвистики состоит в том, чтобы выяснить, как звуковые средства языка выполняют функцию носителя смысла, поскольку язык — это прежде всего значение, смысл.

¹ *Щерба Л. В. О «диффузных» звуках // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 149.*

Фонетистам приходится решать много разнообразных задач. Характеру этих задач соответствуют различные направления фонетических исследований, разные фонетики. Есть *общая фонетика*. Специалисты по общей фонетике занимаются изучением звуковых средств, которые встречаются в языках, сравнивают звуковые системы этих языков, чтобы выявить сходства и различия в закономерности организации звуковой стороны человеческого языка. Это составная часть теоретической общей лингвистики. Решение проблем общей фонетики идет рука об руку и тесно связана с изучением звукового строя конкретных живых языков. Исследование звукового строя какого-либо одного конкретного языка (*частная фонетика*) пополняет копилку знаний общей фонетики и вместе с тем опирается на ее теоретический фундамент. Когда фонетист изучает конкретный язык, он может описывать звуковой строй современного ему живого языка (*описательная фонетика*), либо изучает историю звуковой системы и звуковые изменения этого языка, происходившие в течение длительного времени (*историческая фонетика*). Разумеется, можно изучать звуковую систему какого-либо языка, функционировавшую в какой-то определенный момент в прошлом, иногда в весьма отдаленном прошлом (например, древнерусскую фонетическую систему в XII в.), и, наоборот, описывать современную систему как развивающуюся, изменяющуюся, выявляя в ней архаизмы и инновации, но это дела не меняет: в первом случае будут использоваться методы исторической (диахронической) фонетики, а во втором — описательной (синхронической) фонетики. Всякий живой язык представляет собой постоянно изменяющуюся систему, причем изменения затрагивают все уровни системы, в том числе и звуковой, поэтому любое адекватное ее описание должно, так или иначе, учитывать этот факт.

Параллельно с теоретическим изучением звукового строя языков и на его основе развиваются многообразные практические приложения фонетики. Специалисты по культуре речи изучают нормы литературного произношения в рамках *орфоэпии* с целью помочь носителям языка овладеть правильной речью. *Теория и практика письма*, прежде всего графики и орфографии, тесно связаны с фонетикой и в некоторой своей части относятся к предмету фонетики. Особые задачи стоят перед фонетистами, сфера интересов которых — методика преподавания фонетики иностранных языков, в том числе и русского как иностранного. Эти задачи во многом определили развитие *сопоставительной фонетики*. Роль фонетики очень важна в медицине — при лечении больных, у которых нарушены речевые функции. Врачи-логопеды занимаются исправлением дефектов произношения, прежде всего у детей, что невозможно без учета данных, полученных в фонетических исследованиях. Еще одной задачей, в решении которой активно участвуют фонетисты, является улучшение качества передачи речи по каналам связи (например в телефонии). Роль фонетики особенно возросла в компьютерную эпоху в связи с необходимостью разработки речевого

управления приборами и устройствами (компьютерная фонетика, автоматическое распознавание и синтез речи). Итак, знания, полученные лингвистами при изучении звуковой стороны языка, имеют широкое практическое применение. Однако важно и то, что прикладные задачи, которые стоят перед фонетистами, сами способствовали значительному прогрессу фонетики как раздела лингвистики.

§ 2. Функции звуковых средств языка

Главной функцией звуковых средств языка является *конститутивная*. Она состоит в том, что звуковые средства языка служат в качестве своего рода материала для построения плана выражения («звуковых оболочек») значимых языковых единиц (слов, синтагм, фраз). Определенная таким образом конститутивная функция учитывает ситуацию речевого общения с позиций говорящего, который кодирует некоторое сообщение, используя звуковые средства языка. Со стороны же слушающего конститутивная функция выступает как *опознавательная*. Слушающий должен опознать план выражения и идентифицировать ее с тем или иным содержанием, которое в нем заключено, т. е. декодировать сообщение. В дальнейшем, несколько упрощая положение дел, для обозначения конститутивной и опознавательной функций будем пользоваться обобщающим термином *конститутивная функция*.

Из конститутивной/опознавательной естественным образом вытекает еще одна функция звуковых средств — *различительная*. Звуковые оболочки разных значимых единиц языка должны отличаться друг от друга (хотя это имеет место и не всегда, если учесть многочисленные случаи омонимии). Например, слова *стол* и *кровать* не имеют ни одного совпадающего звука речи в составе своих звуковых оболочек; *стол* и *сто* имеют три одинаковых звука речи, причем расположенных в том же порядке, но в первом слове на один звук речи больше; звуковые оболочки слов *стол* и *стул* или фраз *Это стол.* и *Это стул.* различаются только одним звуком речи, т. е. это так называемая минимальная пара. Минимальные пары обычно используются для иллюстрации различительной функции звуков речи (фонем)¹.

Более сложная ситуация возникает при сравнении звуковых оболочек словоформ *му́ка* и *мука́* или *ста́ла* (глагол, прош. вр., ж. р.) и *стола́* (существительное, Р. п. ед. ч.). Обе пары сравниваемых словоформ как будто не отличаются составом звуков речи (по крайней мере на первый взгляд), составляющих их звуковые оболочки, но тем не менее произносятся по-разному, т. е. различаются фонетически. Они различаются ударением: первые словоформы в каждой паре имеют

¹ Поскольку *звуки речи* (в понимании носителя языка) — в некотором смысле и есть *фонемы* (точнее — их *реализации в речи*), здесь и в некоторых других контекстах, где подчеркивание различия между этими понятиями несущественно, термины *звук речи* и *фонема* употребляются как синонимы.

ударение на первом слоге ([ˈ —]), вторые — на втором ([— ˈ]). При более внимательном изучении звуковых оболочек выясняется, что одни и те же гласные в этих словоформах различаются под ударением и в безударном положении, т. е. это уже и не одни и те же звуки, однако различительной функции эти различия в русском языке не выполняют. Различительную функцию выполняет место ударения словоформы. Ударение как бы надстраивается над последовательностью звуков речи, составляющих звуковую оболочку словоформы, и так же, как и звуки речи, конституирует эту звуковую оболочку.

Сравним теперь две фразы *Это стол.* и *Это стол?* Произносятся они по-разному, хотя последовательность звуков речи (фонем), из которых они состоят, одна и та же. Здесь для различения звуковых оболочек утверждения (*Это стол.*) и общего вопроса (*Это стол?*) используется такое звуковое средство, как мелодика (изменение тона): плавное понижение тона на последнем слоге ([— — \]) в первом случае и резкое повышение тона ([— — /]) на том же слоге во втором.

§ 3. Сегментные и супraseгментные средства

Таким образом, звуки речи (фонемы) не являются единственными фонетическими единицами, выполняющими конститутивную функцию. Набор звуковых средств языка обнаруживает явления разного порядка. Соответственно звуковые средства традиционно принято делить на *сегментные* (от лат. *segmentum* ‘отрезок’) и *супraseгментные* (или *суперсегментные*; от лат. *supra, super* ‘над, сверху’). К сегментным относятся *звуки речи* (фонемы), *слоги*, *фонетические слова*, *синтагмы* (от греч. *σύνταγμα* букв. ‘соединенное’), *фразы*, а к супraseгментным — *ударение* и *интонацию*.

Минимальными сегментными единицами в русском и большинстве известных языков являются *звуки речи* (фонемы). Они составляют как бы основу речевого потока. Из звуков речи состоят другие сегментные единицы — *слоги*, *фонетические слова*, *синтагмы* и *фразы*. Однако последовательность звуков речи не может быть произнесена без ее ритмико-интонационного оформления, т. е. без использования суперсегментных (их также называют ритмико-интонационными) средств. Соответственно в фонетическом отношении речевой поток представляет собой последовательность располагающихся один за другим звуков речи, оформленную при помощи супraseгментных средств. Супraseгментные характеристики речи являются свойствами не отдельных звуков, а более протяженных сегментных единиц, на которые делится речевой поток, — *слов*, *фонетических слов*, *синтагм* и *фраз*, причем они не зависят от конкретных звуков речи, из которых состоят эти сегментные единицы: например, фразы *Это стул?* и *Он унёс?*, сильно различаясь составляющими их звуками речи, в ритмико-интонационном отношении оформлены одинаково. Супraseгментные характеристики как бы накладываются на последовательность звуков,

из которых состоят звуковые оболочки этих сегментных единиц, как бы надстраиваются над ними. Наглядным отражением такого понимания структуры речевого потока является его передача на письме: буквы передают последовательность звуков речи, а диакритические знаки — ударение и интонацию. Важно отдавать себе отчет в том, что физические (акустические) корреляты фонетических средств, рассматриваемых как супraseгментные, находятся внутри сегментов речевого потока, и только лингвистический анализ, опирающийся в том числе и на интуицию наивного носителя языка, позволяет противопоставить сегментные и супraseгментные средства. В некоторых случаях при интерпретации языкового материала бывает не просто решить, что перед нами — сегментное или супraseгментное явление. Кроме того, оказывается, что сами границы между некоторыми сегментными единицами, более протяженными, чем звуки речи, например между синтагмами, — явление в значительной мере супraseгментное. Видимо, этим объясняется то, что иногда слоги, фонетические слова, синтагмы и фразы относят к суперсегментным единицам.

§ 4. Членение речевого потока

Поток речи фонетически членится на фразы (минимальные обладающие самостоятельностью и законченные по смыслу высказывания), фразы — на синтагмы (характеризуемые ударением на последнем слове и состоящие из одного или нескольких слов фонетические единицы, выражающие «единое смысловое целое в процессе речи — мысли»¹), синтагмы — на фонетические слова (отрезки, объединяемые вокруг одного словесного ударения, поэтому их иногда называют *ритмическими группами*). Членение на фразы, синтагмы и фонетические слова определяется смыслом, хотя оформляется разными супraseгментными средствами. Соответственно фонетические слова объединяются в синтагмы, а синтагмы — во фразы.

Ключевым в фонетическом отношении является членение на синтагмы. Синтагма — это предел свертывания фразы, минимального самостоятельного и законченного высказывания. А пределом свертывания самой синтагмы является слово, синтагма не может быть меньше слова. Границы синтагмы четко маркированы и в смысловом отношении и собственно фонетически. Синтагмы — это минимальные отрезки речевого потока, границы между которыми, с одной стороны, прямо опираются на смысл (границы между синтагмами это всегда и границы между словами), а с другой — всегда маркированы фонетическими (ритмико-интонационными) средствами — *паузами*², причем

¹ Шерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1955. С. 87.

² Пауза в фонетике — не всегда перерыв в звучании, но и так называемая *психологическая пауза*, возникающая в результате смены интонационной модели на границах между синтагмами.

последнее обстоятельство связано главным образом с тем, что синтагма является минимальной единицей, на которой может быть реализована интонационная модель.

Вот отрывок из басни И. А. Крылова «Квартет», который можно произнести как текст, состоящий из 3 фраз и 14 синтагм:

*Прокáзница-Марты́шка, |
Осе́л, |
Козе́л |
Да косола́пый Ми́шка |
Зате́яли сыграть Квартет. ||
Доста́ли но́т, | басá, | альта́, | две скри́пки |
И се́ли на лужо́к под ли́пки |
Пленя́ть своим иску́ством све́т. ||
Уда́рили в смы́чки, | дере́т, | а то́лку не́т. ||*

Отметим, что 1-я и 4-я синтагмы состоят из двух фонетических слов (1 — *прока́зница* и *марты́шка*; 4 — *да косола́пый* и *ми́шка*), 2-я и 3-я — из одной (*осе́л* и *козе́л*). 10-я синтагма включает в себя 3 служебных и 3 знаменательных слова, объединенных в 3 фонетических слова (*и се́ли, на лужо́к, под ли́пки*), а 11-я состоит из 4-х фонетических слов (*пленя́ть, своим, иску́ством, све́т*).

Традиционно считается, что паузы между фразами более длительные, чем между синтагмами, поэтому в записи их обозначают двумя вертикальными чертами, в отличие от одной вертикальной черты, принятой для обозначения границы между синтагмами. Однако никаких экспериментальных данных, подтверждающих, что границы между фразами отличаются от границ между синтагмами, нет. Существенно лишь то, что границы между фразами всегда совпадают с границами синтагм (и соответственно с границами между словами). С фонетической точки зрения речевой поток членится не столько на фразы, сколько на синтагмы, которые в свою очередь могут объединяться в единицы более высокого уровня — фонетические фразы (фонофразы).

В отличие от межсинтагменных границ, границы между словами внутри синтагмы в русском языке не маркированы при помощи каких-либо звуковых средств¹. Так, фразы *Та марка упала.* и *Там арка упала.* в естественной русской речи произносятся одинаково и имеют одинаковую слоговую структуру (*та-ма-рка-у-па-ла*), т. е. являются омонимичными. Хотя факультативно в особых ситуациях общения возможно произнесение этих фраз с разделением на слова. Это возможно потому, что границы между словами в речевом потоке можно определить только опираясь на смысл.

¹ На отсутствие фонетических границ между словами в потоке речи указывал еще в начале XX в. такой тонкий фонетист, как А. И. Томсон: «... с фонетической стороны нет слов, так как большей частью нет никаких данных в устной речи для деления ее на отдельные слова» (Томсон А. И. Общее языковедение. Одесса, 1910. С. 229).

Поток речи (а соответственно и фразы, синтагмы и фонетические слова, если фраза или синтагма состоит из одного фонетического слова) в артикуляторном отношении членится на слоги. Членение на слоги обусловлено артикуляционным механизмом. В частности, практически невозможно произнести сегмент меньший, чем слог. В русском языке слоговое членение не связано со смыслом и определяется только особенностями артикуляции. Соответственно слог может быть определен как минимальная произносительная единица. Он оказывается минимальным контекстом, необходимым для реализации звуков речи. Таким образом, слог состоит из звуков речи, но сам по себе функциональной нагрузки в русском языке не несет.

В функциональном (фонологическом) отношении минимальной фонетической единицей, на которые членится речевой поток, являются звуки речи (фонемы). Вопрос о членении речевого потока на дискретные звуки речи (фонемы) является одним из самых важных и сложных в фонетике. Выяснить, чем обусловлено это членение, — одна из главных задач фонетики.

Важность этой задачи хорошо осознавалась одним из создателей теории фонемы Л. В. Щербой, который в университетских лекциях 30-х гг. XX в. подчеркивал, что акустические характеристики речевого сигнала не могут служить основанием для членения потока речи на дискретные звуки: 1) «Надо себе реально представлять, что реально дано нам в языке: речевой поток; **звуков речи нет** (выделено мною. — *М. П.*) <...> Звуки получаются в результате анализа потока», т. е. членение «звук речи» вследствие лингвистического анализа; 2) «Когда говорят о фонемах, обычно говорят о сравнении фонем друг с другом. Наиболее трудное в вопросе о фонеме то, как мы делим на фонемы... Первый вопрос, связанный с фонемой, это вопрос о делимости звуковых рядов на части», т. е. прежде чем сравнивать фонемы какого-либо языка друг с другом и о системе фонем, нужно выяснить, как носители языка («мы») членят речевой поток на дискретные фонетические единицы, которые они осознают как звуки речи, а лингвисты называют фонемами.

§ 5. Теория фонемы

В предыдущих параграфах минимальные единицы речевого потока, которые, сами по себе не обладая значением, образуют звуковые оболочки значимых единиц, назывались «звуками речи». Однако в процессе изучения звуковой стороны языка лингвисты пришли к выводу, что этого термина недостаточно, так как отношения между физической реальностью («звуковой материей») и функциональной реальностью (языковыми единицами, связанными с передачей языковых значений) оказались более сложными.

Когда говорят, что в русском языке 6 гласных «звуков» [i], [i̯], [u], [e], [a], [o], для обозначения которых в русском письме часто служат буквы «и», «ы», «у», «е», «а» и «о», то это в каком-то смысле правильно. Действительно, в фонетической системе русского языка 6 гласных фо-

нем /i, i, u, e, a, o/, участвующих в образовании плана выражения слов. Но при анализе русских гласных с артикуляторной или акустической точки зрения оказывается, что гласных звуков гораздо больше, если не бесконечное количество. Один и тот же звук [a], произнесенный разными людьми или одним и тем же человеком в разных ситуациях (например, громко или тихо) представляет собой физиологически и физически разные звуки. Конечно, такие индивидуальные оттенки звука [a] не воспринимаются носителями языка как разные звуки, потому что с точки зрения звуковой системы русского языка это «один и тот же звук речи». Но проблема значительно сложнее, чем варьирование звука в зависимости от индивидуальных особенностей говорящих и от конкретных условий общения. Звук [a] будет разным и в зависимости от того, какую позицию в слове он занимает (в первом слоге или последнем, в ударном, первом предударном или заударном), какие у него соседние согласные (твердые или мягкие, носовые или неносовые, губные или переднеязычные) и т. д. Так, при произнесении гласных [a] в слове *баба* воздушная струя проходит через рот, а в слове *мама* — через нос, поэтому во втором случае получаются назализованные гласные. Но и в каждом из этих слов первый [a], находящийся под ударением, отличается от конечного безударного [a] большей длительностью, громкостью и более низким положением языка, чем конечный безударный [a]. То же самое можно сказать и о согласных звуках. Например, если внимательно проанализировать положение губ языка при артикуляции первого звука [t] в словах *таз* и *туз*, можно заметить, что во втором случае они округляются и вытягиваются вперед. А при сравнении положения передней части языка при произнесении того же [t] в словоформах *открыл*, *отложил* и *отшил* обращает на себя внимание, что в первом случае кончик языка опущен и передняя часть языка прикасается к верхним зубам, во втором — кончик языка упирается в альвеолы, а в третьем слове — резко поднят вверх, даже несколько загнут назад и упирается в твердое нёбо. Различия в артикуляции отражаются и на акустическом портрете этих звуков.

Таким образом, в зависимости от позиции звук [a] или звук [t] реализуются в разных своих оттенках, каждый из которых выступает только в какой-то определенной позиции. Однако носитель языка без специальной тренировки не замечает различий между позиционными оттенками звука. Почему же? Дело в том, что, находясь каждый в своей позиции, эти оттенки не противопоставляются друг другу, поэтому носители языка и рассматривают их как «один звук». Лингвисты называют такое распределение оттенков по позициям дополнительным распределением, или *дополнительной дистрибуцией*.

Для обозначения того общего, что объединяет все оттенки звука в один звук речи, было введено понятие *фонема*. Фактически не оттенки, а именно фонема и является реальной единицей звукового строя конкретного языка, а оттенки — всего лишь реализации фонем в речи. В зависимости соседних фонем, от позиции по отношению

к ударению, от места в слове и других характеристик фонетического контекста фонема поворачивается той или иной своей стороной, теми или иными своими оттенками, всегда оставаясь самой собой.

Важнейшей задачей фонетики, ее фонологического аспекта, при изучении звуковой стороны конкретного языка является установление состава (репертуара) фонем данного языка. С этого начинается любое описание звукового строя фонемного языка. Все остальное надстраивается над этим фундаментом: выявляются признаки, по которым фонемы противопоставляются друг другу, какими оттенками они реализуются в зависимости от соседних фонем и от супrasegmentных характеристик и т. д.

Почему же понятия «звук речи» оказалось для лингвистов недостаточно? К концу XIX в., по мере развития инструментальных фонетических исследований выяснилось, что между так называемыми «звуками речи» не существует физических границ.

Не только акустический речевой сигнал не имеет границ, соответствующих границам звуков речи, но и непрерывное наложение друг на друга артикуляций соседних «звуков речи» (это явление называется *коартикуляцией*) не позволяет установить границы между предшествующим и последующим звуками. Это значит, что понятие «звук речи» утрачивает какие-либо обозримые очертания. Вместе с тем членение потока речи на отдельные звуки хорошо осознается носителями языка, которые воспринимают речевой поток как следование звуков речи один за другим. Соответственно границы между «звуками речи» надо искать в другом месте.

Есть и другая сторона проблемы. Даже если считать вопрос о границах звуков речи решенным, количество звуков в каждом языке огромно, практически бесконечно, носители языка группируют их в сравнительно небольшое количество различаемых «звуков речи». При этом в одном «звуке речи» могут объединяться мало похожие в артикуляторном и акустическом отношении звуки, и наоборот, физически очень близкие звуки оказываются отнесенными к разным «звукам речи». Например, первый и последний согласный в слове *том* столь сильно различаются своими артикуляторно-акустическими свойствами, что если их вырезать из фонетического контекста и в условиях перцептивного эксперимента предъявить носителям языка, то мало кто из них опознает эти сегменты как «один и тот же звук». Конечный [t] из слова *том* многие вне контекста опознают как звук [t^s]. При этом в речевом контексте любой носитель русского языка воспринимает начальный и конечный [t] как один и тот же звук речи.

Восприятие речевого потока носителями конкретного языка как последовательности отдельных единиц из ограниченного набора «звуков речи» обусловлено исключительно лингвистическими факторами, а именно тем, что эти звуки речи потенциально связаны со смыслом, значением. Осознав связь звуковых единиц языка со значением, лингвисты пришли к выводу, что минимальной единицей плана выражения

является не «звук» как некий сегмент физической реальности (потока речи), как явление материальное, а «фонема» как единица не материальная, а функциональная. Фонема, в отличие от «звука речи», это уже не «сегмент» речевого потока, а скорее его «точка», являющаяся средоточием языковых функций. При этом несомненно, что в звуковом языке последовательность фонем реализуется в виде некоей физической реальности — звуках речевого потока. Таким образом, прав был Щерба, когда говорил, что как физических единиц «звуков речи нет». Реально существуют только фонемы как функциональные единицы конкретного языка, из которых строится план выражения этого языка. Что касается «звуков речи», то это условное понятие, созданное лингвистами, удобное практически для обозначения и описания недискретной физической реальности речевого потока, которую лингвист может рассматривать только как реализацию функциональной реальности — последовательности фонем.

Язык как знаковая система представляет собой единство значения и звучания, *означаемого* (плана содержания) и *означающего* (плана выражения). В таких языках, как русский, центральной языковой единицей является *слово* (в совокупности своих *словоформ*). Слово является минимальной единицей языка, которая может выступать как самостоятельное сообщение. Л. В. Щерба рассматривал *слово* как единицу, производную от предложения (фразы): «Словом мы назовем часть предложения, которую мы можем, не изменяя значения, употреблять самостоятельно»¹. Более четко эта идея была сформулирована Е. Д. Поливановым: «Слово есть потенциальный *minimum* фразы, т. е. тот комплекс..., который может быть употреблен — при тех или иных условиях коммуникации — в качестве целой фразы, но который, в свою очередь, уже не разложим на части, способные фигурировать в качестве фразы»². В фонетике слово (словоформа) обычно и выступает той основной единицей, которая подвергается фонологическому анализу. Фонология — это по преимуществу фонология слова.

Слово, как и другие языковые знаки, двусторонне: оно обладает планом выражения (это его звуковая, в известной степени «материальная», сторона) и планом содержания (это значение — смысл, «духовная» сторона). В звуковом языке носителем смысла является последовательность звуков. Фонетика как раздел лингвистики и отвечает на вопрос: каким образом звуки выполняют функцию носителя смысла? Чтобы ответить на него, лингвистам нужно было найти минимальную, т. е. далее не членимую, языковую единицу, связанную со значением (языковой «квант», по выражению Р. О. Якобсона³). Эти поиски привели лингвистов к от-

¹ Щерба Л. В. О дальше неделимых единицах языка // Вопросы языкознания. 1962. № 2. С. 100.

² Плетнер О. В., Поливанов Е. Д. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930. С. 144 (цит. по: Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965. С. 133).

³ Якобсон Р. Звук и значение // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 31—32.

крытию *фонемы* как реальной языковой единицы. Одновременно с открытием *фонемы* как единицы языка возникло понятие *фонемы*, которое легло в основу фонологической теории (теории фонемы). Но трактуется понятие *фонемы* представителями различных фонологических направлений по-разному. Несмотря на то, что фонема сама по себе не обладает значением, а только потенциально связана с ним, это довольно сложная по своей природе языковая единица. Именно поэтому столь велики разногласия лингвистов и лингвистических школ по вопросу о природе фонемы. Фонема находится как бы на пересечении звучания и значения, но сама не является ни звуком, ни смыслом, ни знаком.

Фонема как фонетическая единица, связанная со значением, была открыта в процессе наблюдения над физической реальностью, функционирующей в качестве языка. Первым лингвистом, который ясно показал, что фонема как функциональная единица языка не идентична звуку как физической реальности, был И. А. Бодуэн де Куртенэ (70-е гг. XIX в.)¹. Следующий важный шаг в развитии фонологической теории был сделан в начале XX в. Л. В. Щербой, который, основываясь на так называемой «смыслоразличительной» (дистинктивной) функции, противопоставил понятия *фонемы* и *оттенка фонемы*. В разных фонологических концепциях вместо щербовского термина *оттенок* используются другие термины, обозначающие приблизительно то же понятие реализации фонемы в потоке речи: *аллофон* (американский дескриптивизм), *вариант* (Пражская фонологическая школа²), *вариация* или *звук речи* (Московская фонологическая школа) и др. В настоящее время наиболее широко для обозначения реализаций фонем распространен термин *аллофон*³.

¹ В поздней работе «Введение в языковедение» (СПб., 1917) Бодуэн полемически писал: «Что такое звук языка? Звук языка как его действительный элемент есть чистейшая фикция, ученое измышление, возникшее благодаря смешению понятий и постановке мгновенно появляющегося, преходящего вместо постоянно существующего. Существует и непрерывно продолжается в индивидуальной психике представление звуковой единицы звуковой единицы, называемой обыкновенно „звуком языка“. Произнесение звука, сопряженные с этим мускульные ощущения, равно как и являющиеся результатом произнесения акустическое впечатление, есть не что иное, как знак того, что в нашей психике существует соответствующее звуковое представление. Это постоянно в нашей психике существующее представление „звука“, т. е. одновременного сложного комплекса произносительных работ и получаемых от этого впечатлений, мы будем называть *фономою*» (*Бодуэн де Куртенэ А. И. Избранные труды по общему языкознанию*. Т. II. М., 1963. С. 249).

² Л. В. Щерба в поздних работах 1940-х гг. (возможно, под влиянием Пражской фонологической школы) использовал и термин *вариант* (наряду с *оттенком*): «Звуки речи, воспринимаемые как одна и та же фонема, т. е. практически воспринимаемые как один и тот же звук, называются обыкновенно вариантами *фонемы* или ее *оттенками*» (*Щерба Л. В. Теория русского письма*. Л., 1983. С. 19).

³ Под *аллофонами* здесь понимаются в первую очередь *обязательные* аллофоны. Так называемые индивидуальные (отражающие *индивидуальные* особенности говорящих) и *факультативные* (произносительные варианты в одинаковых фонетических позициях) несколько осложняют картину аллофонного варьирования.

После открытия фонемы дофонологическое понятие «звук речи» как бы раздвоилось: звук речи как единицу языковой системы стали называть фонемой, а звук речи как артикуляторно-акустическое соответствие фонемы в речевом потоке, как реализация фонемы в речи получил наименование аллофона фонемы.

Таким образом, разграничить понятия фонемы и аллофона пришлось прежде всего потому, что в речевом потоке отсутствуют границы между отдельными его сегментами, которые соответствовали бы членению на фонемы. Ни акустический анализ, ни артикуляторный, в частности рентгенокиносъемка, не обнаруживают таких физических границ между звуками речи. С другой стороны, минимальной проносительной единицей является слог, т. е. с артикуляторной точки зрения звуком речи является скорее уж слог. В некоторых языках (это прежде всего ряд языков юго-восточной Азии — китайский, бирманский, вьетнамский, тайский и др.) слог далее не членится на самостоятельные звуки речи, из которых он состоит. В этих языках — их называют *слоговыми* — в качестве минимальной единицы выступает слог, а фонемы как языковые единицы не выделяются. Русский, как и большинство других языков мира, относится к *фонемным* языкам, в которых минимальной фонетической единицей является фонема.

Важнейшими положениями теории фонемы, которые с теми или иными вариациями принимаются большинством фонологических концепций, являются следующие:

1. фонема как функциональная единица языка представлена в речевом потоке своими аллофонами;
2. в каждой из возможных позиций (относительно соседних фонем, ударения, места в слове и т. п.) фонема представлена особым аллофоном, которых столько, сколько имеется позиций;
3. один и тот же аллофон не может представлять разные фонемы;
4. все аллофоны одной фонемы равноправны, находятся в дополнительном распределении относительно друг друга и в речевой деятельности не осознаются носителями языка как противопоставленные друг другу сущности;
5. все фонемы конкретного языка образуют единую систему противопоставлений как отдельных фонем друг другу, так и их групп;
6. фонемы противопоставлены друг другу различительными признаками, которые отражают отношения фонем в системе и обладают известной самостоятельностью, что позволяет описывать каждую фонему как совокупность ее различительных признаков.

Итак, **фонема — это минимальная, т. е. линейно неделимая, единица языковой системы, которая, сама по себе не обладая значением, используется для образования и различения звуковых оболочек значимых языковых единиц — слов и морфем.**

§ 6. Транскрипция

Решая различные исследовательские и методические задачи, лингвисты вынуждены прибегать к специфическим средствам для передачи на письмо звуковой стороны речевого потока. Таким графическим средством является *транскрипция* (от лат. *transcriptio* — ‘переписывание’) — специальное фонетическое письмо, которое предназначено для передачи последовательности фонем или их оттенков в звуковых оболочках языковых единиц, а также для отражения различных супrasegmentных свойств речи. Фактически транскрипция переводит звуковой образ в зрительный.

Транскрипционные системы бывают разные, и различия между ними связаны не только с тем, что различаются сами языки, для которых создаются транскрипции, но и с тем, что цели, которые ставят перед собой фонетисты, разрабатывая ту или иную транскрипцию, довольно разнообразны. На это накладываются различия между фонетическими традициями, школами и даже отдельными фонетистами. Вместе с тем в фонетике выработались некоторые общие принципы и стандарты, которых обычно придерживаются, разрабатывая транскрипционную систему. Общий принцип любой транскрипции следующий: **одно и то же должно обозначаться одинаково**. Однако что такое «одно и то же» и что такое «одинаково» зависит от типа транскрипции, в частности от того, что обозначается знаками транскрипции — фонемы или их аллофоны, а также от задач и условий транскрибирования (одно дело транскрибирование «идеального», нормативного (орфоэпического) произношения, другое — транскрибирование связной спонтанной речи или запись в полевых условиях диалектологической экспедиции). Таким образом, нужно различать типы транскрипции и виды транскрибирования.

Необходимость разработки специального фонетического письма (транскрипции) вызвана тем, что пользоваться для целей фонетики обычным письмом оказалось неудобным, так как в развитом письме, имеющем длительную традицию, система графики и орфографии обычно лишь косвенно передает даже фонологически существенные различия, т. е. фонемы. Аллофонные же различия в таком письме не могут отражаться в принципе. Современное русское письмо с его правилами графики и орфографии¹ не очень подходит даже для адекватной пере-

¹ Л. В. Щерба дал определение фонетической транскрипции, опираясь на понятия графики и орфографии: «Фонетической транскрипцией называется запись звуков того или другого отрезка речи по правилам какой-либо определенной графики, но без соблюдения каких бы то ни было правил орфографии» (*Щерба Л. В. Теория русского письма*. Л., 1983. С. 19). При этом он добавил, что русский алфавит и графика вполне подходят для научной транскрипции, но правила русской графики слишком сложны и не удовлетворяют принципу: «Каждый отличающийся в языке звук должен иметь свой особый знак или по крайней мере специальный вариант этого или другого знака» (*Там же*. С. 20).

дачи фонем, так как в нем сочетание фонем может передаваться одной буквой, а одна фонема, наоборот, — сочетанием букв, а одна и та же фонема может обозначаться разными буквами. Так, в слове *ель*, звуковая оболочка которой состоит из трех фонем (/jelʲ/), сочетание двух первых фонем /je/ передается одной буквой — «е», а третья фонема /lʲ/ — сочетанием двух букв «ль». Кроме того, фонема /j/ в системе русского письма может обозначаться и другим способом — посредством буквы «й» (ср. *дай*, *йод* и т. п.). Если обычное письмо не способно адекватно передать последовательность фонем, что уж говорить о его возможностях передать многообразие оттенков фонем. Для этого ни в одной из существующих систем письма не хватит букв и диакритических знаков.

Несмотря на все сказанное о неудобстве использования традиционного письма для транскрибирования, практически все фонетические транскрипции неизбежно опираются на графические символы тех или иных конкретных систем письма и на присущие им ассоциации между графическими символами и звуками. Основу любой транскрипции составляют буквы существующих алфавитов, главным образом латинского как самого распространенного, который дополняется буквами других алфавитов или специально создаваемыми знаками, а также различными диакритическими знаками. В отечественной научной традиции при описании звуковой стороны русского языка используются транскрипции на основе как латиницы, так и кириллицы. Чтобы отличить транскрипцию от обычного письма, транскрибируемый текст помещают в косые или квадратные скобки.

В современной фонетике четко разграничиваются два типа транскрипции: *фонематическая* и *фонетическая*. Такое разграничение было введено Л. В. Щербой. Фонематическую (или фонологическую) транскрипцию принято заключать в косые, а фонетическую — в квадратные скобки. Для каждого языка желательно, чтобы символы фонематической и фонетической транскрипций графически в какой-то степени соотносились друг с другом.

Знаки *фонематической транскрипции* обозначают фонемы конкретного языка. Обычно в фонематической транскрипции отражают и такую супraseгментную характеристику, как словесное ударение (в русской фонетической традиции знак ударения принято ставить над гласным ударного слога — /galavá/, в МФА (Международный фонетический алфавит; см. ниже — с. 22—23) — перед слогом с ударным гласным — /gala'va¹/). **В фонематической транскрипции каждая фонема всегда должна быть обозначена одним и тем же транскрипционным знаком**, независимо от того какими аллофонами они реализуются в той или иной позиции. Например, в звуковой оболочке словоформы *голова*

¹ В отличие от фонематической, фонетическая транскрипция учитывает также и побочное, или второстепенное, дополнительное, ударение, которое обозначается по-разному в русской традиции (ср. [gáľvʲɛkrʊʒít'íl'nýj]) и в МФА (ср. [gáľvəkrʊ'žit'il'nij]).

представлены 3 разные по своим артикуляторно-акустическим характеристикам гласные, но все они являются аллофонами одной и той же фонемы /a/, поэтому в фонематической транскрипции должны быть обозначены одним знаком — /galavá/. При этом знак ударения не входит в состав знака, обозначающего фонему, а выделяет ударный слог и характеризует звуковую оболочку словоформы в целом. Для того чтобы записать в фонематической транскрипции какой-либо текст или просто словоформу, необходимо руководствоваться конкретной фонологической теорией и знать инвентарь фонем данного языка и правила их реализации. Различия между фонологическими школами в понимании фонемы бывают столь значительными, что это отражается на определении фонемного состава звуковых оболочек значимых единиц языка и соответственно на фонематической транскрипции. Например, приведенная выше фонематическая транскрипция словоформы *голова* — /galavá/ — соответствует принципам Щербовской фонологической школы, в то время как в Московской фонологической школе (МФШ) фонематическая транскрипция имела бы иной вид — <головá> (см. Гл. 8, § 6). Кроме того, представители МФШ пользуются, как правило, транскрипцией, основанной на кириллице, а в фонематической транскрипции вместо косых скобок используют угловые скобки.

Фонематическая транскрипция имеет своей целью передать вовсе не звучащую речь как таковую, а ее фонемный состав. Звучание передается фонематической транскрипцией постольку, поскольку известно, как реализуется фонема в разных позициях. Однако фонетистам бывает необходимо более или менее точно отразить именно существенные детали произношения, особенности реализации тех фонем, из которых состоит речевой поток, т. е. оттенки фонем. Для этого используется *фонетическая транскрипция*. В ней объектом транскрибирования являются не столько фонемы как функциональные единицы, сколько их позиционные модификации — аллофоны. По идее в фонетической транскрипции каждый аллофон должен быть обозначен особым знаком, но практически это невозможно, потому что аллофонов у каждой фонемы слишком много — практически в каждой позиции свой аллофон. Каждый из них не может быть отражен в транскрипции — она просто утратит смысл. Строго говоря, фонетическая транскрипция опирается на фонематическую, с той или иной степенью детализации уточняя особенности реализации фонем, представленных в фонематической транскрипции. Ведь аллофоны сами по себе не существуют, они всегда воплощают какую-то конкретную фонему¹. В известном смысле фонематическая транскрипция — это транскрипция *теоретическая*, отражающая *функцию* фонемы как единицы языка, а фонетическая — *практическая*, позволяющая передать именно *произношение*. Степень детализации в фонетической транскрип-

¹ В этом смысле термин *оттенок* фонемы значительно более наглядно и адекватно отражает языковую реальность.

ции зависит от практических задач транскрибирования и является предметом договоренности.

Выше была приведена фонематическая транскрипция словоформы *голова* /galavá/. Все три /a/ в этом слове произносятся по-разному, различаются в артикуляторно-акустическом отношении. Первый /a/ реализуется менее длительным и более закрытым гласным, чем второй. Второй /a/ в свою очередь короче третьего и менее открыт. Самым открытым и долгим из трех является последний /a/, который находится под ударением. Таким образом, каждый следующий /a/ в этом слове оказывается более долгим и более открытым. Можно предположить, что это как-то связано с ударением. Но словесное ударение — это супraseгментная характеристика, а каждый из этих аллофонов фонемы /a/ обладает и какими-то собственными сегментными (артикуляторно-акустическими) свойствами, которые могут отражаться в знаках фонетической транскрипции: /a/ под ударением — [a], /a/ в первом предударном слоге — [ʌ], /a/ во втором предударном слоге — [ə]. В результате фонетическая транскрипция этой словоформы будет выглядеть так: [gəʌvá], или в других транскрипционных системах: [gəʌ'va] (при обозначении ударения посредством вертикального штриха в начале слога), или [gʌlvá] (соответствием [ə] в кириллической транскрипции часто является [ъ]), или [гьлэв́а]¹, или [гэла'ва́]² и т. п. Дальнейшая детализация при передаче фонемы /a/ во втором предударном слоге в русской фонетической транскрипции не проводится, хотя, конечно, в словах *голова*, *таракан*, *барабан* аллофон /a/ во втором предударном слоге будет различным, т. к. он находится в окружении разных согласных, которые очень сильно влияют на реализацию безударного гласного (см. Гл. 3, § 5).

В фонетической транскрипции широко используются не только синтетические транскрипционные знаки, обозначающие звук в совокупности его признаков ([t] и [d], [ʌ] и [ə] и т. д.), но и широкий круг *диакритик*³, которые передают отдельные фонетические признаки: [tʰ] или [tʰ] (палатализованный *t*, когда средняя часть спинки языка поднимается к твердому нёбу), [t̪] (апикальный *t*, т. е. кончик языка упирается в альвеолы), [t̪] (дентальный, т. е. зубной *t* — передняя часть спинки языка касается зубов), [t̪ʰ] (дентальный аспирированный, т. е. зубной придыхательный *t*), [a̠] (продвинутый вперед), [a̠] (отодвинутый назад) и другие. Так, в фонетической транскрипции [m°ó'j̪] имеется 3 синтетических знака, соответствующих трем фонемам (фонематическая транскрипция /moj/), которые составляют звуковую словоформу

¹ Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970. С. 12—13.

² Комбинированным символом [aʰ] некоторые фонетисты обозначают гласный, занимающий промежуточное положение между [a] и [ə] (*Касаткин Л. Л.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003. С. 36—37, 133—135).

³ *Диакритика* — надстрочный или подстрочный различительный знак (от греч. διακριτικός 'используемый для различения').

мой (муж. р. притяж. мест. *мой, моя, моё*) и *мой* (повел. накл. глагола *мыть*), и 5 диакритических знаков: 1) «кружок» («знак градуса») справа и сверху от [m] означает, что этот согласный произносится с округлением губ (в МФА используется индекс ^w: ср. [m^wó̞̊]); 2) точка справа и сверху от [o] передает i-образный переходный участок [o] перед следующим за ним йотом¹; она же обозначает i-образный переходный участок гласного после мягкого согласного — [m̞j̞ó̞] *моё*, [m̞j̞á̞] *моя*; иногда вместо точки используют верхний i-индекс — [m^{o̞í̞}]; 3) перевернутая «кратка»² под [i] указывает на неслоговой характер звука; 4) тильда над [o] указывает на то, что этот гласный — назализованный; 5) и, наконец, «акут» — знак словесного ударения, который ставится над гласным выделенного (ударного) слога в слове. Знак акута не вполне совпадает по своему значению в фонематической и фонетической транскрипции. Если в фонематической транскрипции акут не входит в состав знака фонемы, над которым он ставится (не является его диакритикой), а относится ко всей цепочке знаков, обозначающих звуковую оболочку фонетического слова, то в фонетической транскрипции акут входит в состав знака, обозначающего аллофон соответствующей фонемы. Пожалуй, кроме «акута», в русской фонетической и фонематической транскрипции совпадает еще только один знак — запятая сверху и справа при согласном, указывающий на его мягкость этого согласного: ср. [s'á't'] и /s'át'/, [s'ádu] и /s'ádu/.

Степень подробности фонетической транскрипции может быть различной, в зависимости от целей ее применения. Отнюдь не все звуковые свойства потока речи и оттенки фонем целесообразно, да и возможно, адекватно обозначить в транскрипции. Многие здесь зависят от конкретного языка, особенностей реализации его звуковой системы. Например, при объяснении особенностей реализации в русском языке фонемы /o/ под ударением между твердыми согласными можно показать в фонетической транскрипции ее неоднородный характер — [^uɔ] (начинается с закрытого гласного типа [u], а затем переходит в открытый [ɔ]) или даже [^uɔ^h] (в конечном открытом слоге)). Но с учетом того, что в русском литературном языке только одно /o/ (отсутствует противопоставление /o/ закрытого и /ɔ/ открытого), при транскрибировании текстов не принято использовать знаки [^uɔ] и [^uɔ^h], т. к. они будут слишком загромождать текст: ср. [d^{ou}ɔm], [d^{ou}ɔ^hm] и [d^oom], [dom]. Большая или меньшая степень детализации русской фонетической транскрипции — это вопрос договоренности: обозначать или не обозначать i-образные переходы и назализацию гласных ([m'á̞t'],

¹ В фонетической транскрипции такая же точка справа и сверху от согласного обозначает своего рода «полумягкость» согласного (отсутствие веляризации твердого согласного): ср. [d'v'ér'] или [d'v'ér̞'] *дверь*, в фонематической транскрипции — /dv'er'/.
² Ср. верхнюю *кратку* в составе русской буквы «й», которая иногда называется «и с краткой».

или [m'át'], или [m'át']), обозначать или не обозначать лабиализацию согласных ([d^oom] или [dom]) и т. д. Но если договоренность об обязательном обозначении какой-либо особенности достигнута, то следует это делать во всех необходимых случаях, где отмечается данная особенность. Таким образом, общий принцип транскрипции («одно и то же должно обозначаться одинаково») применительно к фонетической транскрипции несколько трансформируется: **одно и то же звучание не должно обозначаться по-разному, но разное может быть обозначено одинаково**. Сегмент речевого потока, который решено обозначить отдельным символом, должен всегда обозначаться этим символом. Соответственно одинаковые сегменты должны обозначаться одинаково, но разные сегменты могут быть обозначены одинаково, если не ставится задача добиться слишком большой детализации в обозначении разных, но очень близких звучаний. Так, в русских слогах [pa], [ta], [ka] переходные участки от согласного к гласному немного различаются, что хорошо видно на спектрограммах, т. е. фонема /a/ после губного, переднеязычного и заднеязычного реализуется несколько по-разному, но в фонетической транскрипции это не принято отражать, чтобы не загромождать транскрипцию.

В дальнейшем мы будем пользоваться фонетической транскрипцией с разной степенью детализации, которая будет зависеть от необходимости отражения тех или иных свойств звуков в каждом конкретном случае.

Надо отдавать себе отчет в том, что никакая фонетическая транскрипция, даже самая детализированная, не дает полного представления о передаваемых звуках. Ее символы отражают лишь самые существенные для фонетиста особенности произношения. Все проблемы фонетической транскрипции и противоречия между различными транскрипционными системами связаны не с фонологическими или фонетическими теориями, а с тем вполне очевидным фактом, что в транскрипции приходится графически передавать то, что имеет совершенно иную — звуковую — природу. Ариадниной нитью для фонетиста при разработке той или иной транскрипционной системы является здравый смысл.

В школе транскрипция активно используется в методических целях при обучении иностранным языкам, а на уроках русского языка — главным образом для того, чтобы показать отличия звучащей речи от письменной и продемонстрировать различие между звуком и буквой, в частности для объяснения орфографических правил. В школьной практике для транскрипции обычно используют квадратные скобки, буквы русского алфавита и минимальный набор диакритических знаков (для обозначения мягкости согласных и ударения). Хотя в школьная фонетическая транскрипция пользуются квадратными скобками, по своей сути является фонематической.

В общей фонетике при транскрибировании широко используется универсальный *Международный фонетический алфавит*, который в принципе предназначен для всех языков. Он создан *Международ-*

ной фонетической ассоциацией (МФА, *International Phonetic Association, IPA*) в 1886 г. и постоянно совершенствуется. Этот алфавит, будучи универсальным, полезен в общей фонетике как база для сравнения реализаций фонем в разных языках. Однако он создавался с опорой на английский, французский и немецкий языки¹, но не всегда оказывается удобен для транскрибирования текстов на других языках. На основе этого алфавита создаются изводы для отдельных языков. Например, для русского языка транскрипция МФА видоизменена для обозначения мягких согласных: в отечественной традиции — запятая справа и сверху от согласного [t'] (в МФА — [tʰ], а [t'] обозначает *эпективный* согласный). Иначе в русской традиции обычно обозначаются огубленные согласные — [tʰ] (в МФА — [tʰ]), русские шипящие принято обозначать одним символом — [ʃ] и [ʒ] (в МФА — соответственно [ʃ] и [ʒ]) и т. д.

Приведем в качестве примера фонематической и фонетической транскрипции начало басни И. А. Крылова «Квартет».

Фонематическая транскрипция:

/pra'kaz'n'ica ma'rtiška | a's'ol | ka'z'ol | da-kasa'lapij 'm'iška | za't'eil'i sig'rat' kva'rt'et || das'tal'i 'not | ba'sa | a'l'ta | 'dv'e 'skr'ipki | i-'s'e'l'i na-lu'žok pa'd-l'ipk'i | pl'i'n'at' 'svaim i'skustvam 'sv'et || u'dar'il'i f-smi'čki | d'i'rut | a-'tolku 'net ||/

Фонетическая транскрипция:

[pra'ka'z'n'icə mɐ'rtiškə | a's'ol | ka'z'ol | də-kəsəl'apij 'm'iška | zɐ't'eil'i si'grat' kvɐ'rt'et || dɐ'stal'i 'nɔt | bɐ'sa | a'l'ta | 'dv'e 'skr'ipki | i-'s'e'l'i nɐ-lu'žok pɐ'd-l'ipk'i | pl'i'n'at' svɐ'im i'skɔustvəm 'sv'et || u'dar'il'i f-smi'č'k'i | d'i'rut | a-'tɔlk'u 'n'et ||]

§ 7. Аспекты фонетики

Выше уже была отмечена многоаспектность фонетики как области лингвистики. Во-первых, фонетисты изучают, как образуется речевой поток, т. е. как произносятся звуки и как работает произносительный аппарат (*артикуляционный аспект*); во-вторых, рассматривают специфику потока речи как звукового сигнала и изучают акустические свойства речевого сигнала (*акустический аспект*); в-третьих, исследуют, как этот акустический сигнал воспринимается и оценивается носителями языка (*перцептивный аспект*); в-четвертых, фонетисты должны объяснить, как звуки речи, будучи сами по себе лишены значения, выполняют свою основную функцию — образования и опознания звуковых оболочек значимых единиц языка (*фонологический аспект*). Фонологический аспект, сердцевиной которого является учение о фонеме, — самый важный в фонетике. Первые три аспекта часто противопоставляются ему как фонетические (в узком понимании) — фонологическому.

¹ Российские школьники используют знаки МФА при изучении иностранных языков.

<p>Артикуляционный аспект: как фонемы «произносятся»?</p>	<p>Фонологический аспект: как фонемы выполняют функцию образования/опознания и различения звуковых оболочек значимых единиц языка?</p>
<p>Акустический аспект: как фонемы «звучат»?</p>	
<p>Перцептивный аспект: как речевой сигнал воспринимается носителем языка?</p>	

Фонологический аспект, или *фонология*, — это своего рода душа фонетики. Фонология объединяет все аспекты фонетики в единое целое и делает фонетику в широком смысле частью лингвистики. Задача фонологии — изучение функций фонетических средств языка (прежде всего *фонем*), т. е. их способности образовывать (конститутивная функция) и различать (дистинктивная функция) звуковые оболочки значимых единиц языка, в первую очередь слов. Фонологию обычно и определяют как раздел лингвистики, который изучает звуковые средства с точки зрения их функции в языке. В меньшей степени фонология занимается супraseгментными средствами языка, но в конце концов большее или меньшее внимание к различным звуковым средствам языка зависит от фонологической концепции.

Некоторые лингвисты (эта традиция идет от Н. С. Трубецкого, но сейчас сторонников такого взгляда на соотношение фонетики и фонологии становится все меньше) рассматривают фонетику и фонологию как разные, хотя и связанные друг с другом науки, считая фонетику наукой естественной, а фонологию — гуманитарной (общественной). У Трубецкого такой подход был связан с борьбой за фонологию, за преодоление артикуляционно-акустического уклона в фонетике. Но ирония развития науки заключалась в том, что, борясь за приоритет фонологии, Трубецкой фактически подчинил ее фонетике, т. к. считал исходными, первичными «звуки речи» (артикуляционно-акустические единицы, т. е. фонетические, в его понимании), из которых он затем выводит фонемы (единицы функциональные, т. е. фонологические). В современной лингвистике эта точка зрения является маргинальной, да и сам Трубецкой на практике следовал этому тезису непоследовательно. В отечественной фонологии, если иметь в виду наиболее влиятельные фонологические школы — Щербовскую (Петербургскую) и Московскую (включая концепцию Р. И. Аванесова), идея отделения фонологии от фонетики на две разные науки никогда не пользовалась успехом.

Поскольку сущность фонетических единиц заключается в их функции, именно функции звуковых единиц долгое время ускользали от внимания лингвистов. На дофонологическом этапе науки о языке лингвистов интересовали не столько функции звуков речи, сколько звуки

как таковые, т. е. как нечто материальное, без учета их роли в языке. Звуки речи, прежде всего, рассматривались с точки зрения артикуляции (это биологический, или анатомо-физиологический, аспект фонетики), и с точки зрения «звучания», акустики (физический, он же акустический, аспект). Оба эти аспекта фонетики тесно связаны друг с другом. Тесное переплетение артикуляторной и акустической сторон особенно важно для речевого сигнала: с одной стороны, любое звучание обусловлено артикуляторно, с другой — усвоение артикуляции (в частности, детьми в определенном возрасте при усвоении родного языка) контролируется слухом. Взаимодействие этих двух аспектов фонетики наиболее ярко проявляется в *акустической теории речеобразования*, которая позволяет предсказать акустический эффект на основе артикуляционного описания.

Вместе с тем между артикуляцией и акустическими свойствами звука отсутствует строгий параллелизм. Для достижения одного и того же акустического эффекта звука могут быть использованы разные артикуляции. Это явление называют «полиморфизмом». Оно получило экспериментальное подтверждение в XIX в. Однако первые свидетельства были обнаружены значительно раньше. Еще в 1630 г. во Франции вышел анонимный трактат «Аглоссостомография, или Описание рта без языка, способного говорить и естественным образом выполнять все прочие свои функции». В этом трактате описывались люди с маленьким отростком вместо языка, которые могли свободно произносить звуки, обычными людьми артикулируемые при помощи языка как активно действующего органа¹.

Спор о том, какой аспект — артикуляционный или акустический — важнее при описании звуковой стороны языка, имеет длительную историю². С одной стороны, артикуляция первична: для того, чтобы возник акустический эффект, органы речи должны осуществить определенные движения. С другой — цель артикуляции заключается, конечно, не в произведении тех или иных произносительных работ самих по себе, а в том, чтобы возник определенный акустический эффект, т. е. в коммуникативном плане важнее акустический аспект. Полиморфизм также свидетельствует о важности акустического аспекта при описании звуков.

Тем не менее в основу фонетического описания языков обычно кладут артикуляционные характеристики, что особенно широко принято в учебной литературе. Кроме того очевидного факта, что артикуляционный механизм речи имеет более длительную традицию изучения и исследован в целом лучше, чем слуховое восприятие акустического речевого сигнала, для этого есть и другие основания.

¹ См. об этом в: *Якобсон Р. Звук и значение* // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 36—37.

² Подробнее об этом см.: *Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи*. М.; СПб., 2007. С. 100—103.

Во-первых, при осуществлении конкретных речевых актов действия произносительных органов первичны по отношению к порождаемому ими акустическому эффекту. При обучении иностранному произношению, произносительным нормам литературного языка, специфике сценической или ораторской речи внимание преподавателей и обучающихся традиционно направлено в первую очередь на движения произносительных органов, а не на акустические свойства звуков. Это связано, в частности, и с тем, что так называемые осязаемые моменты артикуляции сравнительно легко поддаются описанию.

Во-вторых, по артикуляторной характеристике можно довольно точно предсказать акустические свойства звука, а вот акустическая характеристика какого-либо конкретного звука не позволяет дать точного описания той артикуляции, которая его породила.

В-третьих, и это, наверное, самое существенное в теоретическом отношении, модификации фонем в потоке речи, т. е. образование обязательных аллофонов в зависимости от соседних звуков, не могут быть объяснены их акустическими свойствами, но становятся понятными при обращении к артикуляции. Почему, например, первая и вторая согласные фонемы в словах *стал* и *стол* носителями русского языка произносятся (реализуются) по-разному: в первом случае без вытягивания и округления губ, а во втором — с «огублением»? Очевидно, что за этим стоит предвосхищение артикуляции гласного: в первом слове — неогубленного *a*, во втором — огубленного *o*. Довольно странно было бы интерпретировать огубление предшествующего согласного как следствие некоего акустического «заражения» предшествующего согласного звука следующим за ним гласным. Наоборот, вполне естественным представляется объяснение в артикуляторных понятиях: произнося первый и второй согласный, носитель языка уже начинает произносить следующий за ними гласный.

Оба аспекта — артикуляционный и акустический — совместно противопоставляются фонологическому аспекту, а артикуляционно-акустические характеристики звуков речи рассматриваются как фонетические в узком смысле слова. Вместе с тем само существование артикуляторного и акустического аспектов имеет смысл и возможно только при учете фонологического и при опоре на него, поскольку, как было показано выше, само понятие «отдельного звука речи», в отношении которого производится артикуляционно-акустическое исследование, может быть выведено только на основе теории фонемы и в физической реальности не существует. Инструментальная фонетика показала, что акустические характеристики речевого сигнала не могут служить основанием для установления внутренних членений в потоке речи. То же можно сказать и об артикуляционных характеристиках: речевой акт — это безостановочное движение произносительных органов, при котором артикуляция следующего звука может происходить одновременно с артикуляцией предыдущего или даже предшествовать ей. Представление о речевом потоке как о цепочке следующих друг

за другом «отдельных звуков речи» (фонем) — это представление, не имеющее ничего общего с физической реальностью, но отражающее реальность функциональную: с фонологической точки зрения речевой поток представляет собой цепочку следующих друг за другом фонем.

§ 8. Произносительный аппарат

В артикуляционном аспекте изучается произносительный аппарат человека и его роль в механизме звукообразования. Это в значительной степени проблематика общей фонетики, т. к. произносительный аппарат у носителей разных языков не имеет отличий. Звуки речи возникают в результате сложных процессов взаимодействия центральной нервной системы и периферийных органов речи, которые и представляют собой произносительный аппарат человека, превращающий нервную энергию в механическую.

Произносительный аппарат можно определить как систему взаимодействующих друг с другом органов, которые используются для образования звуков речи. Специальных органов, предназначенных только для произношения, в человеческом организме нет, однако фонетисты рассматривают некоторую совокупность органов в качестве «произносительного аппарата», отвлекаясь от их первичных физиологических функций в организме человека. Тем самым фонетика создает как бы свою собственную «анатомию и физиологию», опираясь на такие особенности этих органов, которые существенны именно для произношения звуков речи. Соответственно артикуляторный аспект фонетики имеет лингвистическую, а не биологическую основу.

Произносительный аппарат в широком смысле состоит из двух частей — 1) дыхательного аппарата и 2) собственно произносительного аппарата.

Дыхательный аппарат состоит из легких, бронхов и дыхательного горла (трахеи). Он функционирует как поставщик воздуха («воздушного материала»), необходимого для образования звуков речи.

Собственно произносительный аппарат выступает в виде четырех связанных друг с другом полостей: гортани (англ. *larynx*), представляющей собой сложную систему хрящей, глотки (англ. *farynx*), полости рта (англ. *oral tract*) и полости носа (англ. *nasal tract*). Полости, находящиеся выше гортани (т. е. глотка, полости рта и носа), можно рассматривать как *речевой тракт* (англ. *vocal tract*).

По особенностям участия в артикуляции собственно произносительный аппарат разделяется на две группы органов: активные (снабженные мышцами) и пассивные. Активными органами являются губы, передняя (англ. *blade*), средняя (англ. *center*) и задняя (англ. *back*) части спинки языка, корень языка (англ. *root*), кончик языка (англ. *tip*), мягкое нёбо, или нёбная занавеска (англ. *soft palate*, или *velum*), с маленьким язычком (англ. *uvula*), голосовые связки (англ. *vocal folds*) — два мускула, покрытые слизистой оболочкой и присоединенные к гортани.

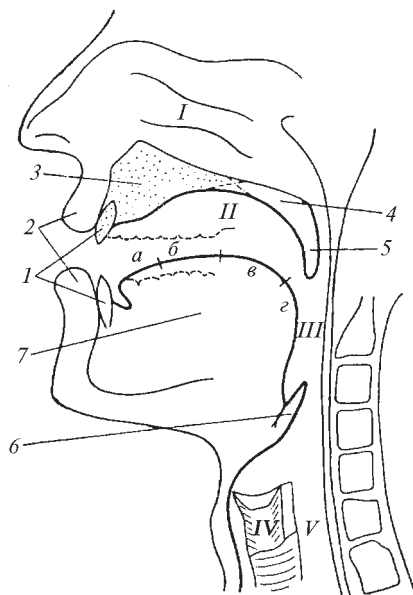

Рис. 1. Произносительный аппарат человека:
 I — полость носа; II — полость рта; III — полость глотки; IV — гортань; V — пищевод; 1 — зубы, 2 — губы, 3 — твердое нёбо, 4 — мягкое нёбо, 5 — маленький язычок (увула), 6 — надгортанник, 7 — язык (а — передняя часть спинки, б — средняя, в — задняя, г — корень языка)

Пассивными — твердое нёбо (англ. *hard palate*), альвеолы (англ. *alveolar ridge*), зубы (англ. *teeth*), носовая полость (англ. *nasal tract*).

Для понимания процесса звукообразования важно различать *физиологическое* и *речевое* дыхание. При физиологическом дыхании (а это в среднем 16—20 вдохов в минуту) выдох равен вдоху, и в легких всегда остается некоторый излишек воздуха, который может быть использован для продления выдоха. Например, при глубоком вдохе объем воздуха может достигать у некоторых людей 6000 см³, а максимальный выдох равен приблизительно 4500 см³. Именно возможность продлить выдох используется для осуществления речевого дыхания, при котором выдох значительно замедляется. Наличие в легких довольно большого запаса воздуха, остающегося после выдоха, позволяет создать такое давление, которое достаточно для того, чтобы заставить колебаться голосовые связки, что необходимо для образования звука голоса. При речевом дыхании превышение давления воздуха в трахее под сомкнутыми голосовыми связками, а также в глотке и полости рта в несколько раз больше, чем при физиологическом. Таким образом, произносительный аппарат функционирует как своего рода замыкаемый сосуд, который может создать перепад давления, необходимый для производства звуков речи.

Несмотря на то, что в человеческом организме нет органов, предназначенных специально для продуцирования звучащей речи, в ходе исторического развития в организме человека развились некоторые особенности, которые, видимо, необходимы только для членораздельной речи. Одной из таких особенностей, отличающих человека, например, от обезьян, является низкое положение гортани. Высокое положение гортани, характерное для приматов, с которыми человек, видимо, имеет общих предков, физиологически весьма удобно, так как оно позволяет одновременно дышать и поглощать пищу без угрозы попадания пищи в дыхательное горло. С другой стороны, низкое положение гортани удобно для членораздельной речи, т. к. оно увеличивает длину глотки и полости рта, а это в свою очередь позволяет такому важному артикулятору, как язык, свободно двигаться вверх и вниз, что обеспечивает необходимые конфигурации полости рта, за счет чего достигается достаточно четкое различие тембров (т. е. формантных структур) противопоставляемых фонем. Таким образом, в конечном счете понижение гортани дает возможность увеличить артикуляторное пространство и соответственно различительные возможности, по крайней мере в области вокализма. Наличие опущенной гортани у обнаруженных ископаемых предков современного человека, что, впрочем, устанавливается косвенным образом (поскольку гортань состоит не из костей, а из мягких тканей — хрящей, которые не сохраняются), часто рассматривается антропологами как свидетельство использования членораздельной речи. Есть гипотеза, что опущение гортани имело место около 1,5 млн лет назад. Интересно, что у человеческих младенцев гортань расположена высоко, а к трем годам — времени овладения звучащей речью — опускается.

§ 9. Основные акустические понятия

В физическом плане речевой поток представляет собой акустический сигнал, возникающий в результате колебательных движений частиц воздуха и воздействующий на слуховой аппарат человека. Источником любого звука являются колебательные движения какого-либо упругого тела или заключенного в полном сосуде столба воздуха. Звуки речевого потока распространяются и достигают слухового аппарата человека через воздушную среду вследствие сжатий и разрежений воздуха, т. е. благодаря перепадам давления, которые возникают в производном аппарате человека.

Если посмотреть на произносительный аппарат с акустической точки зрения, то он состоит из генератора звука и фильтрующего устройства. Генератором звука является гортань с голосовыми связками и различные преграды в надгортанных полостях, создаваемые и возникающие на пути воздуха, а в качестве фильтрующего устройства выступают сами надгортанные полости, которые функционируют как резонаторы.

С акустической точки зрения в речи представлены две разновидности звуков — *тоны* и *шумы*. Различие между ними связано с типом колебаний, которые их вызывают. Тоны возбуждаются *периодическими* колебаниями (волнообразными колебаниями равной длительности), шумы — *непериодическими*. Генератором тона (голоса) в произносительном аппарате является гортань с голосовыми связками (которые и совершают эти периодические колебания), а источником шума — преграда, образуемая активным произносительным органом. Возможны два вида преград — (1) сужение в каком-либо месте речевого тракта, т. е. возникает щель; (2) полное прерывание воздушной струи (т. е. возникает смычка), и создается избыточное давление, с последующим раскрытием смычки и резким спадом давления. Первый вид преграды представляет собой турбулентный источник шума, второй — импульсный.

Лингвиста интересуют не все акустические свойства потока речи, а только те, которые важны при восприятии его человеком. Так же как в артикуляторном аспекте фонетика создает собственную анатомию и физиологию, при акустическом изучении звуков речи их объективные характеристики рассматриваются фонетистом через призму слуховой оценки звуков человеком, т. е. фонетика выстраивает свою собственную акустику (психоакустику). Например, такое объективно измеряемое акустическое свойство звука, как *частота* колебаний, субъективно оценивается как *высота* звука; *сила*, или *интенсивность*, звука воспринимается субъективно как *громкость*; субъективно оцениваемые различия в *тембре* зависят от объективных спектральных характеристик звуков (*спектр* звука). Элементарная информация о соотношении объективных и субъективных характеристик звуков речи представлена в табл. 1.

Для того чтобы описать какой-либо сегмент речевого потока акустически, необходимо получить сведения о частоте и интенсивности (амплитудах) его основного тона, а также об относительной интенсивности всех его составляющих. Эти сведения могут быть получены в результате акустического анализа звука и зафиксированы на *осциллограмме* и *спектрограмме*, которые являются графическим изображением электрической копии звуковых колебаний. Осциллограммы показывают изменение амплитуды звуковых колебаний во времени. Спектрограммы дают больше информации о звуке, они представляют соотношение частотных и амплитудных составляющих звука, т. е. показывают его *спектр*. На спектрограмме можно видеть, какие частоты имеют большую интенсивность, а какие — меньшую. Мгновенная спектрограмма дает моментальный спектральный срез звука, т. е. показывает, какие частоты усилены в данный момент речевого потока. Однако спектральная картина речевого потока постоянно меняется, и наблюдать изменение в спектре звука во времени позволяет динамическая спектрограмма. Динамическая спектрограмма фактически трехмерна: ее горизонтальная ось отражает движение времени, вертикальная ось — частоту колебаний, а степень затемнения показывает относительную интенсивность (амплитуду колебаний) на тех или иных

Таблица 1. Соотношение акустических и психоакустических характеристик

Акустические свойства звуков речи (объективная характеристика)	Психоакустические свойства звуков речи (субъективная слуховая оценка)	Единица измерения
Частота звука. Определяется скоростью колебаний источника звука	Высота звука: низкие звуки имеют меньшую, высокие — большую частоту	Герц (Гц): 1 Гц = одному двойному колебанию в секунду. Для речи важен диапазон частот от 500 до 5000 Гц
Сила звука (= интенсивность): определяется размахом (= амплитудой) колебаний звучащего тела. Силу звука можно измерять в дж/см ² , но ее измерение в абсолютных единицах затруднительно	Громкость звука. Увеличение звукового давления приводит к увеличению громкости. Между интенсивностью звука и громкостью имеется сложная зависимость, определяемая высотой, но для человеческой речи, осуществляемой в диапазоне 40—90 дБ, частота не сильно влияет на оценку громкости	Децибел (дБ): 0 дБ = такой уровень силы звука частотой 1000 Гц, который соответствует порогу слышимости; 130 дБ — порог болевого ощущения. Сон: 1 сон = громкости при частоте 1000 Гц и интенсивности 40 дБ
Время звучания	Длительность звука. Минимальная длительность звука, при которой человеческое ухо успевает его распознать, — постоянная времени человеческого слуха — 30—50 мс	Миллисекунда (мс): 1 мс = 1/1000 с
Спектр звука отражает частоту и относительную интенсивность основного тона и его обертонов (= гармоник). Получают в результате спектрального анализа звука	Тембр (тембр₁) — качество звука, которое определяется формантной структурой, т. е. числом формант и их соотношением (спектром). Тембром (тембр₂) также называют спектральную окраску звука (при неизменной формантной структуре)	

частотах. На рис. 2 изображены осциллограмма (сверху) и спектрограмма (снизу) словоформы *мама*, с условным членением на сегменты, соответствующие аллофонам составляющих его звуковую оболочку фонем /'mata/ = [ˈmāmɐ].

Усиления некоторых частотных составляющих основного тона звука, которые можно наблюдать на спектрограммах, называются *формантами*. Эти полосы концентрации энергии в спектре звука возникают вследствие прохождения воздуха в надгортанных полостях

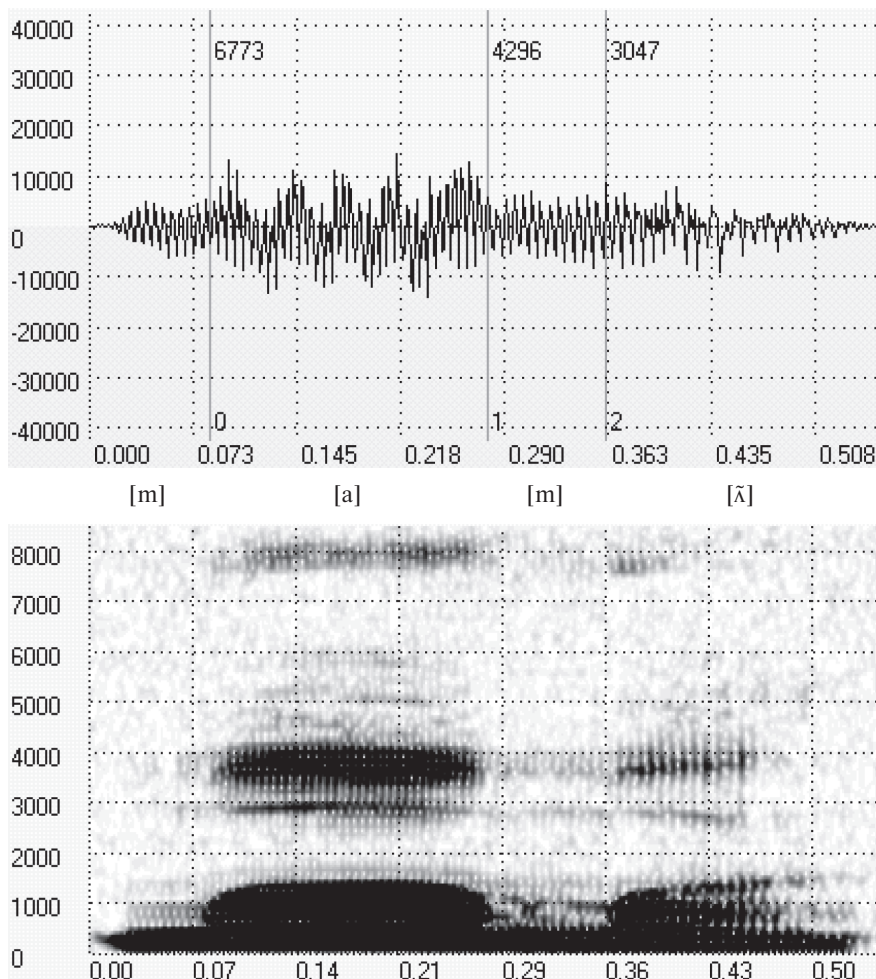

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма слова *мама* (Степихов А. А.¹)

¹ Степихов А. А. Современный русский язык: Введение. Аспекты фонетики. Уч.-мет. пособие. СПб., 2014. С. 18.

и в конечном итоге зависят от расположения органов речи (для гласных — прежде всего от положения языка, определяющего подъем и ряд гласного). Когда говорят о формантах, имеют в виду усиление не какой-либо одной частоты, а частотного диапазона — целой формантной области. Обычно ограничиваются пятью формантами — F1, FII, FIII, FIV, FV. Кроме того, условно в качестве «нулевой форманты» (F0) иногда рассматривают частоту основного тона (ЧОТ) голоса, возникающего в гортани и зависящего от частоты колебаний голосовых связок. Когда воздушная струя проходит через надгортанные полости, выступающие в качестве резонаторов, те или иные частоты возникающего в гортани сложного звука усиливаются (в зависимости от конфигурации надгортанных полостей), что на выходе и приводит к специфической для каждого звука формантной структуре.

Частотный диапазон F0 гласных находится в области 200 Гц, F1 — от 200 до 1000 Гц, FII — от 600 до 3300 Гц, FIII — от 1300 до 4000 Гц. Показатели FIV и FV еще выше.

В принципе для акустического представления качества гласного достаточно двух первых формант (F1 и FII). В некоторых случаях играет роль значение FIII. F_1 (так обозначается частота F1) зависит от степени подъема гласного (открытости/закрытости, т. е. высокого или низкого положения языка), F_2 (частота FII) — от ряда гласного (переднего или заднего положения языка). Соотношение F_1 и F_2 и определяет формантную структуру (F-картину) гласного, его акустический портрет, т. е. в конечном счете «качество» гласного — **тембр₁**.

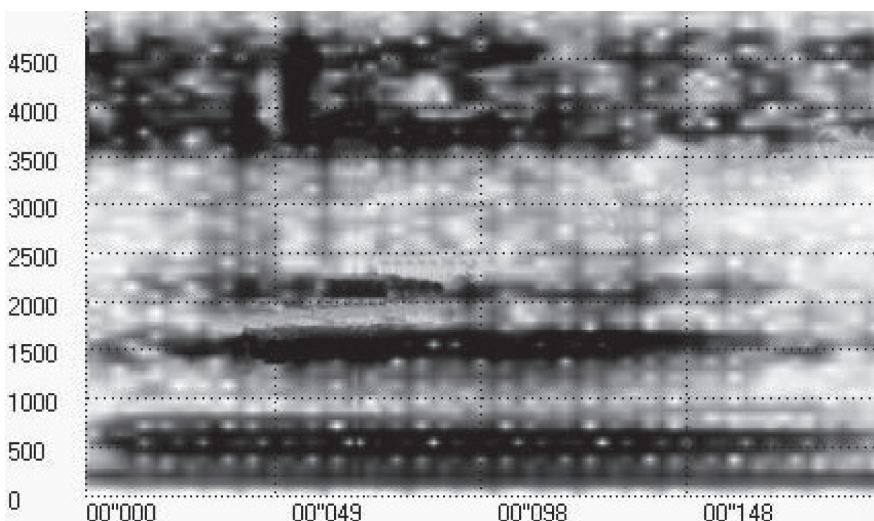

Рис. 3. Спектрограмма звука ударного /е/ (Степихов А. А.)¹

¹ Указ. соч. С. 22.

Самым открытым гласным является [á] ($F_1 \approx 700\text{—}900$ Гц). При этом у [á] $F_2 \approx 900\text{—}1200$ Гц, т. е. значения F1 и F2 у этого гласного довольно близки. Это хорошо видно в спектрограмме слова *мама* на рис. 2. F1 и F2 ударного /а/ настолько близки, что в диапазоне 800—1200 Гц фактически объединяются в одну формантную область. Гласные с близкими значениями F1 и F2 называют *компактными*. Если значения F1 и F2, наоборот, максимально расходятся, то такие гласные называются *диффузными*. Таковы в русском языке ударные [i] ($F_1 \approx 250\text{—}300$ Гц, $F_2 \approx 2100\text{—}2300$ Гц) и [é] ($F_1 \approx 500\text{—}600$ Гц, $F_2 \approx 1600\text{—}1900$ Гц). На спектрограмме ударного /е/ (рис. 3) хорошо виден большой просвет между F1 (затемнение в области 550—600 Гц) и F2 (затемнение в обла-

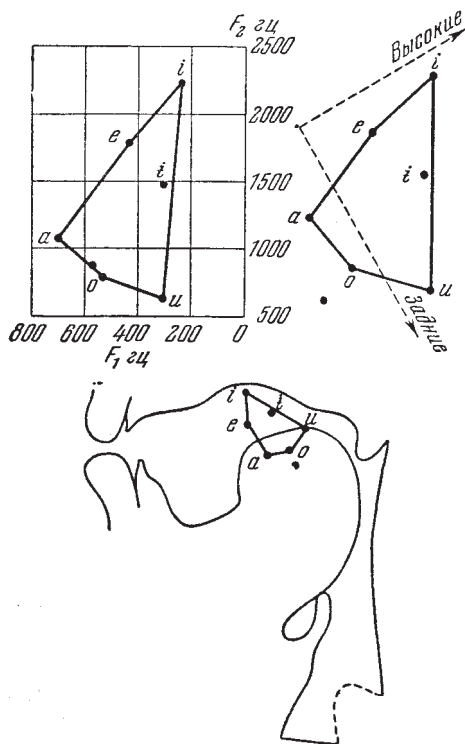

Рис. 4. Соотношение акустических и артикуляторных характеристик русских гласных (по Г. Фанту¹).

Акустическая и артикуляторная характеристики гласных в двух измерениях. Диаграмма частот формант в координатах F_1 , F_2 подобна диаграмме, дающей положение наивысшей точки языка для отдельных гласных. Контур речевого тракта приведен для гласного [u]

¹ Фант Г. Акустическая теория речеобразования. М., 1964. С. 114.

сти 1500 Гц). На этой же спектрограмме имеются затемнения в области 2200 Гц (FIII) и выше 3500 Гц (FIV и FV).

Лабиализованные (огубленные) гласные, т. е. такие, которые произносятся с округлением и вытягиванием губ, имеют более низкие F_1 и F_2 , чем аналогичные им по ряду и подъему нелабиализованные (ср. пары нелабиализованных и лабиализованных гласных: передних [i] *dites* — [y] *du*, [e] *dé* — [ø] *deux*, [ɛ] *dès* — [œ] во французском, или задних [ʌ] *one* — [o:] *warn* в английском). Впрочем, в русском языке лабиализованные гласные [o] и [u] одновременно являются и гласными заднего ряда (рис. 4).

FIII, FIV, FV в значительной степени зависят от индивидуальных особенностей говорящего, т. е. определяют специфическую окраску звука, независимую от соотношения FI и FII, **тембр₂**). Таким образом, в лингвистическом смысле важны не столько количественные показатели FI и FII, сколько их соотношение. Что касается согласных звуков, то их формантная структура, особенно у шумных согласных, выражена значительно менее четко, чем у гласных. Сонанты в этом отношении ближе к гласным, чем к шумным согласным.

§ 10. Перцептивный аспект фонетики

Итак, наблюдения над звуковой стороной разных языков, результаты многочисленных инструментальных фонетических исследований свидетельствуют, что если с артикуляторной и акустической стороны речевой поток представляет собой непрерывный звуковой континуум, то с фонологической (функциональной) точки зрения он является последовательностью дискретных языковых единиц — фонем. Между физической реальностью речевого потока и его функциональной реальностью существуют очень сложные отношения, ни одна из них прямо не выводится из другой. Как же соотносятся друг с другом эти две на первый взгляд непересекающиеся реальности — физическая и функциональная? И как лингвист, как будто бы наблюдая физическую реальность, узнает о стоящей за ней функциональной реальности? На самом деле лингвист моделирует функциональную реальность языка, опираясь отнюдь не только на физическую реальность. Стремясь выявить языковую структуру (в частности, состав фонем языка), лингвист, строго говоря, работает не столько с физической реальностью (звуковым континуумом), сколько с носителем языка, который для лингвиста выступает в роли информанта. Именно исследование речевого поведения носителя языка, а не анализ артикуляторных и акустических свойств речевого потока позволяет лингвисту, например, установить состав фонем и фонологическую систему языка. Лишь после того, как система фонем хотя бы в общих чертах установлена в процессе работы с носителями языка, можно приступить к инструментальному (артикуляторному и акустическому) анализу реализаций этих фонем.

Таким образом, в современной фонетике кроме фонологического, артикуляторного и акустического аспектов выделяется еще один аспект — *перцептивный*, важнейшей частью которого является изучение восприятия звуковой стороны языка его носителем. Именно этот аспект фонетических исследований имел в виду Л. В. Щерба, когда еще в начале XX в. говорил о «субъективном методе» как ведущем в фонетике и о лингвистическом эксперименте¹. Если артикуляторная и особенно акустическая фонетика — это фонетика инструментальная, то перцептивная — прежде всего экспериментальная.

Цель перцептивной фонетики — лингвистическое изучение восприятия носителями языка речевых сигналов в экспериментальных условиях. Понимание того, что фонетисты изучают восприятие речевых сигналов *в экспериментальных условиях*, очень важно. Разумеется, лингвистам важно узнать, как носители языка воспринимают поток речи в естественных условиях речевой деятельности. В конце концов это и есть их настоящая цель, но изучать это восприятие оказывается возможным только в экспериментальных условиях. И результаты проводимых перцептивных фонетических экспериментов необходимо интерпретировать, ясно понимая, что получены они в специфических условиях эксперимента и лишь косвенно отражают механизм восприятия в естественной речевой деятельности.

Важнейшие вопросы, на которые должна ответить перцептивная фонетика конкретного языка, следующие.

Во-первых, какими акустическими свойствами звукового потока («акустическими ключами») пользуется носитель языка, чтобы узнать, сколько фонем в том или ином речевом сигнале, другими словами — сколько в нем фонемных границ? Как носитель русского языка решает, например, что в русской словоформе *бой* (фонетическая транскрипция: более подробная [b⁰u⁵ʌ¹i] или менее подробная [b⁰o¹]) три «звука речи» (т. е. фонемы: фонематическая транскрипция /boj/), а не четыре (/b⁰uoj/) или две /bo¹/? Почему носитель русского языка не воспринимает и-образное начало в [u⁰] как отдельную фонему (второй вариант решения — /b⁰uoj/), а трактует его как часть фонемы /o/? Почему он не считает [o¹] однофонемным дифтонгом /o¹/ (третий вариант решения — /bo¹/) подобно тому, как это делает носитель английского языка, который членит слово *boy* на две фонемы: /b/ + /o¹/? Можно сказать: потому, что такова система фонем русского языка. В фонологическом аспекте этот вопрос коррелирует с теоретической проблемой синтагматической идентификации фонемы, которая возникает перед лингвистом, когда он моделирует состав и систему фонем языка: чем определяется членение речевого потока на фонемы? Каковы критерии при установлении межфонемных границ? Почему очень похожие звуковые сегменты разных языков членятся на функциональные единицы по-разному?

¹ Щерба Л. В. Субъективный и объективный метод в фонетике (1909 г.) // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 135—141.

Во-вторых, какие акустические свойства звуков речевого потока носитель языка использует при восприятии, определяя их принадлежность к той или иной фонеме? Что помогает ему идентифицировать такие разные артикуляторно и акустически звуки, как [i] (в [b^{uo}i] *бой*) и [j] (в [v-bajú] *в бою*)? И, наоборот, что в акустическом портрете звуков [u] и [ʌ] в тех же словоформах подсказывает носителю языка их принадлежность к разным фонемам? В фонологическом аспекте — при определении состава фонем языка — это проблема парадигматической идентификации фонемы: чем определяется принадлежность различных в артикуляторно-акустическом отношении звуков к одной фонеме? Каковы критерии установления границ между фонемами? Почему в одном языке очень похожие звуковые сегменты функционально членятся на функциональные единицы по-разному? Например, почему в русском языке в словоформах *в биде* [v-b'i'de] (или [v-b'ide]) и *в беде* [v-b'i'd'e] (или [v-b'ide]) гласные [e] (= [ɛ]) и [e] (= [ê]) относятся к одной фонеме /e/, а согласные [d] и [d'] — к разным, в то время как во французском в словоформах *dé* [de] 'игральная кость' и *dès* [dɛ] 'с, от' гласные [ɛ] и [e] относятся к разным фонемам, а согласные — к одной /d/?

И третий важный вопрос, которым занимается перцептивная фонетика: какой минимальный объем акустической информации необходим, чтобы смысл речевого сообщения был адекватно воспринят носителем языка, т. е. чтобы состоялся акт коммуникации?

Механизм восприятия человеком речевого сигнала очень сложен и является предметом дискуссии в лингвистике. Исследования по восприятию речи показали, что слуховой аппарат человека в процессе эволюции довольно хорошо приспособился к анализу речевого сигнала с целью выявления в нем тех полезных акустических свойств («акустических ключей»), которые позволяют носителю языка распознавать последовательности фонем, составляющих план выражения языковых единиц. В то же время нет никаких оснований предполагать, что слуховая система человека обладает какими-то специально для этого предназначенными элементами (какими-нибудь особыми нейронами), которые позволяли бы прямо соотносить акустические свойства речевого сигнала с фонемами или с признаками фонем. Важной чертой восприятия речевого потока носителем языка является тесная связь между слуховым анализом акустического сигнала и звукопроизводящим механизмом. Эту особенность восприятия отражает моторная теория восприятия речи. Согласно этой теории, акустический сигнал в значительной степени воспринимается через соотнесение его с теми движениями органов речи, которые воспринимающий сам должен был бы осуществить, чтобы произнести данную последовательность звуков. Происходит постоянное перекодирование акустических признаков в артикуляторные движения.

Сложность процесса восприятия и идентификации фонем носителем языка на основе акустических и артикуляторных характеристик речевого потока обусловлена тем, что, как было показано, фонема реализуется очень разными в артикуляционно-акустическом отношении

аллофонами. Кроме того, полезная акустическая информация, необходимая для идентификации фонем, как бы разлита по всему речевому потоку, например, очень часто информация о согласном находится на соседних с ним гласных. Так, например, для носителя русского языка полезной акустической информацией, позволяющей воспринимать согласный как мягкий (палатализованный), является в русском языке переходный *i*-образный участок в начале следующего за ним гласного (ср. ['b^hakə] *бьяка*, но ['bakə] *бака*), отражаемый на спектрограмме в виде высокого показателя частоты F_2 (в области 2000—2500 Гц) на переходном участке, по сравнению с F_2 (в области 1000—1200 Гц) на стационарном.

Исследование восприятия речевого сигнала показало, что носитель языка не воспринимает речевой поток посегментно, фонему за фонемой. Есть некоторые основания предполагать, что носители языка в качестве оперативной единицы при восприятии речевого потока пользуются *словом* (словоформой)¹. Для носителя языка важно опознать слово, а для этого, прежде всего, необходимо идентифицировать фонемы и супrasegmentные признаки, которые составляют план выражения значимых языковых единиц. Вместе с тем следует учитывать, что восприятие подчинено целям понимания речевого сообщения (текста), и для достижения этой цели только акустической информации явно недостаточно, носитель языка пользуется всеми имеющимися в его распоряжении средствами — в первую очередь знанием языковой системы и смысловым контекстом.

Восприятие речи не следует смешивать с ее пониманием. В известном смысле — логически — восприятие предшествует пониманию, оно представляет собой начальный этап интерпретации смысла сообщения. Восприятие направлено на распознавание звуковых оболочек слов и прямо не связано с содержанием воспринимаемого высказывания. Носители языка распознают звуковые оболочки и незнакомых («непонятных») слов. Такая ситуация, например, нередко возникает, когда в воспринимаемом сообщении встречаются никогда ранее не слышанные слова — какие-нибудь редкие топонимы, общеизвестные научные термины, окказионализмы и даже реально не существующие в языке, например, бессмысленные или квазисмысленные² звуковые комплексы. В этом случае контекст не очень помогает и на первый план выступает именно акустическая информация. Кстати, фонетики, для того чтобы снизить роль контекста, в своих перцептивных экспериментах часто используют «квасислова», или «псевдослова». Испытуемый во время таких экспериментов не может узнать слово и вынужден опираться только на звуковую сторону предъявляемых ему стимулов.

¹ Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Фонема и ее место в системе языка и речевой деятельности // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 34—35.

² Типа знаменитой фразы Л. В. Щербы «Глокая кудра штеко будланула бокра и кудрячит бокрѣнка», которая может быть с легкостью затранскрибирована.

Однако носитель языка в речевой деятельности, в процессе восприятия речевого сигнала пользуется не только его акустическими характеристиками, но и знанием всей системы языка, в частности фонологической. Носитель языка владеет фонологической системой практически. Это составная часть языковой компетенции носителя языка. Что же касается лингвиста, то он должен ее реконструировать, смоделировать фонологическую систему изучаемого языка, извлекая информацию из речевой деятельности носителей данного языка. На первом этапе этого моделирования устанавливается репертуар фонем языка.

Несколько упрощая, можно сказать, что главная задача фонетиста-экспериментатора при установлении репертуара фонем — выяснить, какие звуковые сегменты носитель языка воспринимает как тождественные, а какие — как различные. Результаты перцептивных экспериментов должны быть интерпретированы фонологически. То, что не различается носителями языка, не может выполнять различительной функции в языке, хотя то, что носитель языка может различать, не обязательно выполняет различительную функцию в фонологическом смысле. В принципе фонологи исходят из того, что аллофонные различия не осознаются носителем языка и носитель языка в процессе речевой деятельности различает в своем языке столько единиц, сколько в нем фонем. Однако в каждом живом языке, как правило, сосуществуют разные системы (например, диалектные) и разные нормы (например, социальные, возрастные и др.), кроме того, происходят контакты между носителями разных языков, распространено двуязычие в самом широком смысле (включая и ситуацию изучения иностранных языков). Поэтому в некоторых условиях носитель языка способен различать значительно больше звуков, чем имеется фонем в его родном языке, о чем свидетельствует опознание и пародирование диалектного или иностранного акцента. Эта способность отражается в экспериментах по восприятию звуковых сегментов («аллофонов») и своего языка в тех случаях, когда они вычленены и отделены от своего фонетического контекста. Так, в экспериментальных условиях носители русского языка хорошо «различают» аллофоны гласных фонем /а, о, у/ с i-образным переходом, выделенные из контекстов после мягких согласных, и аллофоны этих же фонем без такого перехода после твердых, например, [i^hа] (= [ʰа]) и [а]. Конечно, из результатов такого эксперимента не следует, что в своей речевой деятельности носитель языка различает эти аллофоны как самостоятельные фонетические единицы, т. к. [i^hа] и [а] обусловлены позиционно и различия между ними не осознаются, не замечаются. Но в экспериментальных условиях, будучи выделены из естественного фонетического контекста и предъявлены носителю языка, они теряют связь с позицией и тем самым с важнейшим аспектом речевой деятельности. В этих условиях они начинают противопоставляться друг другу и осознаваться. Часто звуки, выделенные из своего естественного фонетического контекста,

не опознаются носителями языка как звуки этого языка. Имея в виду результаты подобных экспериментов, можно сказать, что [i^ha] и [a] различаются перцептивно, но не различаются функционально.

Таким образом, наряду с фонемами как единицами звукового строя языка, в рамках перцептивного аспекта фонетики могут оперировать особыми «различаемыми звуковыми единицами». Такие единицы выявляются фонетистами на основе того, как в экспериментальных условиях носители языка оценивают аллофоны тех или иных фонем. Такими «различаемыми звуковыми единицами» могут быть как аллофоны разных фонем, что естественно, так и аллофоны одной фонемы (например, [i^ha] и [a]). В отличие от фонем, «различаемые звуковые единицы» не являются различительными единицами соответствующего языка. Это понятие перцептивной фонетики, которое является вторичным по отношению к понятиям «фонемы» и «аллофона». Понятие «различаемой звуковой единицы» сближается с понятиями «аллофона» и «звукотипа».

Если аллофон — это реализация фонемы конкретного языка в определенной позиции, то звукотип — понятие общей фонетики, которое используется при создании универсальных классификаций гласных и согласных, встречающихся в разных языках¹. Звукотип представляет собой результат обобщения (фонетистом) близких в артикуляторно-акустическом отношении реализаций фонем конкретных языков, своего рода звуковой эталон, с которым при необходимости могут быть соотнесены звуки разных языков. Итак, аллофон — это реализация фонемы конкретного языка, представленная каким-либо звукотипом — артикуляторно-акустическая единица универсальной фонетической классификации, а «различаемые звуковые единицы» — аллофоны фонем конкретного языка, которые оцениваются как разные звуки носителями данного языка в ходе перцептивных экспериментов.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 17—22.
2. *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. С. 5—14, 113—122.
3. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. М., 1998. С. 3—21.
4. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В.* Основы общей фонетики. СПб., 2000.
5. *Буланин Л. Л.* Фонетика современного русского языка. М., 1970. С. 5—11, 23—38.
6. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. § 1—26 (Предмет и место фонетики. Методы фонетики), § 305—311 (Гл. IX. Транскрипция и транслитерация) [или: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика // *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007].

¹ *Зиндер Л. Р.* Критика понятия «звукотип» // *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007. С. 432.

7. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. 2-е изд. М., 1987. С. 33—55.
8. *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 16—30.
9. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960. С. 7—22 (Введение. 1. Фонология и фонетика).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова Н. В.* Произношение и транскрипция. Учебно-методическое пособие по современному русскому литературному языку. СПб., 2001.
2. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. § 76—100 (или: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика // *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007).
3. *Зиндер Л. Р., Касевич В. Б.* Фонема и ее место в системе языка и речевой деятельности // *Вопросы языкознания.* 1989. № 6.
4. *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М., 2005. С. 43—55 (Фонетическая транскрипция. § 34—48).
5. *Фант Г.* Акустическая теория речеобразования. М., 1964.
6. *Щерба Л. В.* Из лекций по фонетике (1918 г.) // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 150—158.
7. *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 110—125.
8. *Щерба Л. В.* Субъективный и объективный метод в фонетике (1909 г.) // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 135—141.
9. *Якобсон Р., Фант Г., Халле М.* Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. Гл. II. Опыт описания различительных признаков // *Новое в лингвистике.* Вып. 2. М., 1962. С. 173—215.

§ 1. Гласные и согласные

Традиционно описание системы фонем того или иного языка начинается с разделения всех фонем на два класса — гласные и согласные, или на две подсистемы — вокализм и консонантизм. В значительной степени деление звуков на гласные и согласные связано с интуитивными ощущениями носителей языка, а значит, основания такого деления должны лежать не в области артикуляторно-акустических характеристик звуков, а в сфере функционирования гласных и согласных фонем как языковых единиц. Однако найти четкие функциональные, т. е. как-то связанные с выражением языковых значений, критерии для противопоставления гласных и согласных оказывается не так просто. Конечно, если мы знаем, какие фонемы в русском языке являются гласными, а какие согласными (чувствуем интуитивно или, скорее, в нас это вдолбили в школе), мы можем обнаружить некоторые особенности их функционирования как представителей соответствующей подсистемы. Так, согласные в русском тексте в целом несут значительно большую функциональную нагрузку, чем гласные. Это связано с тем, что в системе фонем согласных в 6 раз больше, чем гласных, а в речевом потоке гласных менее 40%. По согласным опознать слово значительно легче, чем по гласным (ср. например слово /dabražinat' il' / *доброжелатель*: гласные /...a...a...i...a...i.../ и согласные /d...br...ž...l...t'...l'/). О том, что для правильного понимания текста основную роль играет адекватное восприятие согласных, свидетельствуют и опыты по восприятию речевого сигнала, передаваемого по телефону в условиях сильного шума или каких-либо других помех. Кроме того, гласные и согласные могут играть разную роль в построении звуковых оболочек разных типов морфем. Н. С. Трубецкой отмечал, что в славянских языках и соответственно в русском «корневые морфемы, состоящие из одного согласного звука, представлены только в качестве корней местоимений; корневые же морфемы, состоящие только из одного гласного звука (без согласного), если не принимать во внимание такие реликты, как „и“ в польском *obić*, вообще не встречаются в современных славянских языках; в русском именные и местоименные корневые морфемы должны иметь в исходе согласный звук и т. д.»¹. Однако

¹ Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 117. Для польской формы *obić* прямым соответствием является рус. *обуть* — *разуть* со связанным корнем -у-.

все эти факты, которые обнаруживают связь между фонологической и морфологической структурами словоформ, не имеют абсолютного характера и не могут служить четким критерием определения того, какая фонема входит в класс гласных, а какая — в класс согласных.

В акустическом плане различия между гласными и согласными носят в основном количественный характер и тоже не дают явного противопоставления всех гласных всем согласным. В отношении шумовой составляющей гласные являются *тонами* (если не принимать во внимание шепотную речь, гласные представляют собой звуки, которые образуются с участием голосовых связок), для них характерно наличие *четкой формантной структуры* и на их произнесение тратится *больше энергии* (они являются более звучными, громкими), чем на произнесение согласных. Однако с точки зрения акустической классификации четкой границы между всеми гласными и всеми согласными провести границу невозможно. Проблема заключается в том, что по этим параметрам сонанты (которые являются согласными) занимают промежуточное положение между гласными и шумными согласными. У сонантов, как и у гласных, выявляется формантная структура, а тон преобладает над шумом. Таким образом, в акустическом отношении, прежде всего по наличию формантной структуры, гласные и сонанты противопоставлены шумным согласным. Гласные и сонанты иногда объединяют в один класс так называемых *сонорных* звуков. В некоторых классификациях, опирающихся на акустические характеристики, сонанты определяются как гласные и согласные одновременно¹.

Наиболее четким критерием, который позволяет противопоставить гласные и согласные, является артикуляционный. Основное различие между гласными и согласными заключается в том, что при образовании согласного на пути воздушной струи возникает преграда в каком-либо месте произносительного аппарата, а при произнесении гласного такой преграды не возникает и напряжение разлито как бы по всему произносительному аппарату, оно не локализовано. Преграда, возникающая при артикуляции согласного, и является источником шума (импульсного или турбулентного), характерного для согласных. Она создает напряжение в определенном месте произносительного аппарата. То место, где образуется преграда, называется *фокусом образования* согласного. Соответственно, в отличие от гласных, для согласных (включая сонанты) характерна локализованная артикуляция (наличие *фокуса* образования), а напряжение возникает только в одном месте речевого тракта.

Различие между образованием гласных и согласных можно легко обнаружить, сравнивая произношение гласных и согласных, в артикуляции которых принимают участие одни и те же артикуляторы. Так, при произнесении и губно-зубного согласного [v], и огубленного

¹ *Якобсон Р., Фант Г., Халле М.* Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. Гл. II. Опыт описания различительных признаков // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962. С. 177—178.

гласного [u] участвуют губы. Для артикуляции согласного [v] на пути воздушной струи возникает преграда в виде щели, образуемой в результате сближения нижней губы и верхних зубов. Каждый говорящий может почувствовать напряжение, возникающее в этом месте речевого тракта, которое и является фокусом образования щелевого согласного [v]. При произнесении гласного [u] важным осязаемым моментом артикуляции тоже является работа губ — они округлены и выдвинуты вперед, однако никакого особого напряжения именно в этом месте произносительного аппарата мы не ощущаем — оно разлито по всей полости рта, а необходимый акустический эффект достигается изменением ее конфигурации. Гласный верхнего подъема [i] и щелевой среднеязычный согласный [j] тоже имеют некоторое сходство — оба образуются при высоком подъеме средней части языка. Однако если при произнесении гласного мы не можем определить фокус образования, то при образовании йота, например, в слове [ˈjɔlkə] *ёлка* напряжение очень хорошо ощущается в месте сближения средней части спинки языка с твердым нёбом, где образуется специфический турбулентный шум, характерный для щелевых (фрикативных) согласных. В русском языке имеется и другой аллофон фонемы /j/ — [j̥] — его называют «*i* неслоговое». Он встречается в конце слова ([ˈdaj̥] *дай*) или внутри слова перед согласным ([ˈtaj̥nə] *тайна*). При его артикуляции образуется более широкая щель между языком и твердым нёбом, в результате чего напряжение в этом месте речевого тракта ослабевает (по сравнению с [j]), а сужение оказывается недостаточным для возникновения турбулентного шума, свойственного полноценным согласным. Этот звук и воспринимается как гласный, хотя и «неслоговой» (ср. название буквы *й* — «и краткое»). Такие сонанты, которые образуются при недостаточном для появления турбулентного шума сближении произносительных органов, называются *аппроксимантами* (от англ. *approximant*; в отечественной фонетической традиции — *полугласными*, или *глайдами*). Щелевой сонант [j̥] («йот») и аппроксимант [j̥] («и неслоговое») в русском языке являются аллофонами одной фонемы, т. е. находятся в дополнительной дистрибуции и могут чередоваться в составе морфемы: ср. [ˈmoj̥]=/moj̥/ *мой* — [mɔˈja]=/maja/ *моя*, [ˈdaj̥]=/daj̥/ *дай* — [dɔˈju]=/daju/ *даю* и под.

Фонемы, входящие теперь в подсистему согласных, на прошлых этапах развития данного языка могли быть гласными. Так обстояло дело с русскими фонемами /v/ и /j/, которые восходят к индоевропейским и праславянским кратким гласным /*ǔ/ и /*ǐ/. Однако если /*ǐ/, превратившись в /j/, вошло в класс сонантов, то /*ǔ/ сначала перешло в класс сонантов (аппроксимантов), т. е. в губно-губной /w/, а затем в класс шумных согласных, т. е. в губно-зубной щелевой /v/, образовав, как и другие шумные согласные, пару по признаку глухости/звонкости с фонемой /f/ (см. Гл. 2, § 4), сохранив родимые пятна бывшей принадлежности к классу сонантов в виде неспособности вызывать озвончение предшествующих глухих шумных (ср. /ˈsvoj/ *свой*,

/k vam/ к вам), хотя сам оглушается на конце слов (/krof/ кров, /ka'rof/ коров) и перед глухими шумными согласными (ср. /v oz'ira/ в озеро, /v mor'ax/ в морях — /f prut/ в пруд).

Важным различием между гласными и согласными является их различное поведение в слоге. В русском языке слог является минимальной произносительной единицей речи и не связан со смысловым членением речевого потока, а значит, не является единицей языка, даже потенциально связанной со значением, однако, возможно, именно разная роль звуков в слогообразовании позволяет и неискушенному носителю языка сравнительно легко освоить деление звуков речи на гласные и согласные. Простейшим, идеальным слогом во всех языках является последовательность «гласный + согласный» (CV). Нет языков, которые имели бы слоги типа CVC или VC, но не имели бы при этом слогов типа CV. В любом типе слога его ядро, вершину образует гласный, а согласный выступает как сопутствующий элемент слога. Без гласного согласный может образовать слог только в исключительных случаях. Конечно, есть языки, в которых согласные (слоγοобразующие сонанты, чаще всего [r] и [l]) могут образовывать вершину слога: ср. чеш. [vr̩x] vr̩x 'верх' и [v̩lna] v̩lna 'волна'. Даже в русском языке, для которого в полном типе произнесения не характерны слоговые согласные, в разговорном стиле речи, в беглом произношении согласный может принимать на себя слоγοобразующую функцию, но обычно лишь в тех случаях, когда выпадает соседний, как правило, следующий за ним гласный: ср. [p'a-t̩n-cə] < [p'a-tn'ɪ-cə] пятница, [p'o-l̩-č'kə] < [p'o-lə-č'kə] полочка, [i-'va-ni-'va-ŋč'ɪ] < [i-'va-ni-'va-nič'ɪ] Иван Иванович, [f sa-m̩-d'e-l'ɪ] < [f sa-mə-md'e-l'ɪ] в самом деле и даже [z-l̩-toj] < [zə-lə-'toj] золотой (ср. [zl̩-'toj] златой) и т. п. В некоторых звуковых жестах, состоящих из одних согласных, эти согласные выполняют слоγοобразующую функцию: ср. [ts:] или [tʃ:] (призыв замолчать или говорить тише), [ks-ks] < [k'is-k'is] (так подзывают кошку), [kš] < [kiš] (так прогоняют овец, птиц и т. п.).

Итак, гласные в русском языке являются вершиной слога, а согласные, как правило, выступают в качестве сопутствующего элемента слога, причем согласные могут составить вершину слога только в том случае, если в слоге отсутствует гласный. Нет ни одного языка, в котором в сочетании согласного с гласным вершину слога составлял бы согласный, а не гласный звук. Деление звуков речи на гласные и согласные лежит в основе артикуляционной классификации звуков речи.

§ 2. Состав фонем русского языка

Звуковой строй современного русского литературного языка насчитывает 42 фонемы и включает в себя две относительно самостоятельные подсистемы: подсистему вокализма (6 гласных фонем: /i, i, u, e, a, o/), и подсистему консонантизма (36 согласных фонем: /p, p', b, b', m, m', f, f', v, v', t, t', d, d', n, n', c, č', s, s', z, z', š, ž, š':, l, l', j,

г, г', к, к', г, г', х, х'/). Такой состав (репертуар) фонем принимается далеко не всеми специалистами в области фонетики русского языка. Существуют и другие точки зрения на вопрос о том, какими фонемами располагает фонологическая система русского языка. Конечно, нельзя сказать, что разногласия между фонологами по этим вопросам носят кардинальный характер. В конечном счете фонологи при установлении состава фонем русского языка опираются на интуицию носителей языка (даже если открыто не признают этого), которая ставит некоторые пределы творческой фантазии исследователей, поэтому костяк фонем одинаков практически у всех фонологов. Разногласия касаются в основном отдельных частных вопросов.

Так, в области русского вокализма существуют разногласия в определении фонологического статуса звуков [i] и [i]. Что это — самостоятельные фонемы, противопоставленные друг другу, или аллофоны одной фонемы? При установлении состава согласных фонем русского языка такой проблемой является фонологический статус долгих мягких шипящих [š':] и [ž':]: самостоятельные это фонемы или бифонемные сочетания? А если [š':] и [ž':] — бифонемные сочетания, то сочетания каких фонем они реализуют? Долго спорным был и вопрос о фонологической самостоятельности мягких заднеязычных [k', g', x'], однако в настоящее время этот спор в основном завершен: практически все фонетисты признают /k', g', x'/ самостоятельными фонемами. Вместе с тем аргументы сторон, высказанные в ходе этой дискуссии, представляют не только исторический, но и теоретический интерес.

Время от времени возникают и другие гипотезы, которые, как правило, не имеют широкого распространения в науке. Такова, например, идея о наличии в составе русского языка долгих согласных /s:/, /n:/, /l:/ (ср. /'kas:a/ *касса*, /'van:a/ *ванна*, /'vil:a/ *вилла*), противопоставленных соответствующим кратким /s/, /n/, /l/. Было высказано также предположение о том, что в русском языке фонемный статус имеет *гортанная смычка*, возникающая перед начальным гласным и в транскрипции обычно обозначаемая знаком ² (ср. [?'arkə] *арка*, [?'o'l'gə] *Ольга*). Обычно гортанная смычка трактуется как часть гласной фонемы, т. е. между гортанной смычкой и гласной никогда не проходит морфемная граница, а частично и как просодическое явление. Некоторые фонетисты полагают, что нейтральный гласный /ə/ (*шва*), хотя и с оговорками, может рассматриваться в русском языке как самостоятельная фонема («учитывая ее позиционную невыводимость в некоторых частицах: *Так[а] было и так будет!*, но *Так[ъ] было это или нет?*¹). Такой вывод представляется неожиданным, поскольку его сторонники отказывают в фонематической самостоятельности звуку [i], но готовы признать

¹ *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001. С. 411. На с. 347 предлагается такой пример фонематической транскрипции русского текста: /нэ другóй д'эн' в'эст' а пажáр'э рэзн'эслáс' пэ фс'эмú акалóтку/ На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку.

самостоятельной фонемой заполнение *паузы хезитации* (э), т. е. парафонетическое явление — «эканье»¹, привязанное к концу синтагмы ([ʼtak(э) | ʼbʲiʔ ʼetə | ilʼi ʼnʼet ||]), по сути своей супraseгментное.

Разногласия в определении состава фонем вызваны несколькими обстоятельствами. Основными являются два.

Первое обстоятельство носит объективный характер и связано с тем, что любой живой язык в процессе ежедневного общения изменяется. Изменения пронизывают все его уровни: грамматику, словарь и произношение, план содержания и план выражения. Если взять изменения в звуковой стороне языка, то происходят изменения не только в звуковых оболочках слов и морфем, но и в инвентаре фонем. Например, в процессе исторического развития русского языка некоторые фонемы утратились (например, носовые гласные *ɛ и *o, редуцированные гласные *ъ и *ь, фонема «ять» *ǣ), другие появились (например, появилась мягкие губные, переднеязычные и заднеязычные согласные, долгие мягкие шипящие /šʲ:/ и /žʲ:/, фонемы /f/ и /fʲ/). Некоторые изменения происходили сравнительно недавно и неравномерно по говорам русского языка (например, возникновение мягких заднеязычных фонем /kʲ/, /gʲ/, /xʲ/ или долгого мягкого шипящего /šʲ:/), а кое-какие еще не завершились и в настоящее время (например, утрата звонкой шипящей фонемы /žʲ:/, заменяемой в процессе ее отвердения сочетанием фонем /žʒ/, — изменение, которое в литературном языке близко к завершению или, возможно, уже завершилось). В зависимости от того, считают ли лингвисты такие процессы завершенными, возможны разногласия в оценке фонологического статуса той или иной фонетической единицы, в частности в признании ее самостоятельной фонемой, сочетанием разных фонем или аллофоном какой-либо другой фонемы.

В связи со сказанным об исторических изменениях в звуковом строе отметим еще один важный аспект языковой изменчивости. Он заключается в том, что специфическая структура каждого языка представляет собой результат его прошлого развития. А это в свою очередь определяет значение истории каждого конкретного языка для адекватного понимания его современного состояния. Если специалист по исторической фонетике русского языка реконструирует его прошлые состояния и пережитые этим языком звуковые изменения, то фонетист, изучающий звуковую сторону современного русского языка, может в ряде случаев обнаружить существенные особенности его современного состояния, если учитывает достоверно установленные факты его предшествующей эволюции.

Второе обстоятельство имеет в известном смысле «субъективный» характер. Причиной расхождений при определении состава фонем

¹ Не путать с термином *эканье*, обозначающим одну из разновидностей русского (литературного и диалектного) произношения, когда фонемы /e/ и /i/ различаются в безударном положении (ср. *дѣ[vʹe]ть*, [dʹe]вѣтѣ, [dʹe]вѣтѣй), а фонемы /e/ и /a/ после мягких не различаются (ср. *дѣ[vʹe]тѣ*).

языка являются различия во взглядах на фонему в разных фонологических концепциях, особенно в том, каковы критерии синтагматической и парадигматической идентификации фонем, лежащие в основе процедур установления состава фонем. Однако, как уже было отмечено выше, различия между фонологическими концепциями не следует преувеличивать: несмотря на существенные разногласия в теоретических установках представители разных фонологических школ при решении вопросов, связанных с определением состава фонем языка, приходят, за некоторыми редкими исключениями, лишь подтверждающими правилом, к очень близким результатам.

Прежде чем обсуждать спорные вопросы состава фонем современного русского литературного языка, необходимо выяснить, как вообще устанавливается состав фонем языка, какими принципами и критериями руководствуется лингвист при определении состава фонем конкретного живого языка.

§ 3. Процедуры установления состава фонем

Когда фонетист приступает к изучению звукового строя какого-либо конкретного языка, он должен ясно представлять себе, какой минимальной информацией ему нужно обладать, чтобы начать исследование. Во-первых, фонетист должен в какой-то степени *владеть* этим языком, т. е. должен знать значения слов, их грамматическую структуру и т. д. Эта информация позволит ему строить некоторые гипотезы относительно звукового строя данного языка. Во-вторых, фонетист должен исходить из какой-то фонологической теории. Он должен понимать, что речевой поток дискретен, т. е. членится на такие звуковые отрезки, которые являются реализациями неких функциональных единиц (в языках фонемного типа это фонемы, в слоговых языках это могут быть другие единицы). Таким образом, исследователь звукового строя должен обладать практическим знанием носителя языка и теоретическим знанием лингвиста. Современный фонетист не может, конечно, ограничиваться своим собственным знанием изучаемого языка, анализом своей языковой интуиции, даже если он носитель этого языка, поэтому необходимо обращение к экспериментальному исследованию языкового сознания носителей языка, работа с информантом с целью извлечения лингвистически важной информации из его речевого поведения.

Первостепенной задачей, которая стоит перед фонологом при изучении конкретного языка (или диалекта), особенно неизвестного или мало изученного, является установление состава (репертуара) фонем данного языка. Если речь идет о хорошо изученных языках, например о русском, то акцент переносится на решение спорных вопросов, на уточнение состава фонем, но в любом случае это первая задача, после решения которой можно приступать к другим. Разумеется, сказанное имеет смысл только в том случае, если считать фонемы конкретного языка реальными, объективно существующими языковыми единицами,

а не теоретическими конструктами, которые создаются лингвистами для удобства описания. Такие взгляды в лингвистике тоже существуют¹.

Вопрос о составе фонем имеет две стороны. Во-первых, это установление состава фонем данного языка: сколько в нем фонем, и какие. Это проблема *исследовательская*, которая решается лингвистом в процессе исследования языка. Во-вторых, установление состава фонем любого высказывания на этом языке, другими словами, фонематической транскрипции. Эта задача решается лингвистом в результате анализа. Ее иногда называют *аналитической*, и к решению этой задачи можно приступить только тогда, когда решена первая, т. е. когда известен состав фонем данного языка. Понятно, что в практическом отношении вторая проблема сводится к тому, чтобы дать фонематическую транскрипцию отрезка речи. Соответственно решение первой из указанных задач логически предшествует решению второй.

Конечно, фонетика даже в своем фонологическом аспекте не ограничивается установлением состава фонем языка и высказывания, а раскрывает связи между фонемами, т. е. моделирует систему фонем, включая и правила аллофонного варьирования, т. е. реализаций фонем в разных позициях. К понятийному аппарату фонологии относятся также такие понятия, как *аллофон фонемы*, *позиция фонемы*, *оппозиция фонем*, *дифференциальный признак фонемы*, *нейтрализация фонем*, *функциональная нагрузка фонемы* и другие. Но все явления, стоящие за этими понятиями, моделируются уже после установления состава фонем. Нельзя обсуждать, например, иерархию дифференциальных признаков фонем или аллофонное варьирование фонем, пока неизвестен состав самих этих фонем.

Установление состава (репертуара) фонем языка осуществляется в два этапа.

На первом этапе необходимо произвести так называемую *фонемную сегментацию* речевого потока, т. е. выделить минимальные звуковые сегменты, на которые членится речевой поток. Эту фонологическую процедуру называют *синтагматической идентификацией (отождествлением) фонем*. Другими словами, на этапе синтагматической идентификации определяется количественный состав фонем в каждом произвольно взятом отрезке речи на данном языке, т. е. фактически устанавливаются границы между фонемами. Исследователь, исходя из фонологической теории, понимает, что условные «сегменты», получающиеся в процессе синтагматического отождествления, представляют собой как бы «аллофоны» еще не установленных фонем. На самом деле, конечно, фонолог не занимается реальной сегментацией физической реальности, стоящей за каждым отрезком речевого пото-

¹ Ср., например, точку зрения на реальность фонемы американских дескриптивистов: фонема — «абстрактная фиктивная единица» (Уильям Ф. Тюдделл, 1935 г.); фонема — это не языковая данность, а результат фонологического анализа (Кеннет Ли Пайк, 1947 г.).

ка, а экспериментально, работая с информантом, проверяет, сколько фонемных границ имеется в том или ином отрезке речи. Например, выясняет, сколько фонемных границ в слове [p¹a¹t^s] *пять* и где они проходят. Две — [p¹a¹t^s]? Четыре — [p¹||a¹|t^s]? Пять — [p¹||a¹||t^s]? Или выясняет, сколько фонемных границ в слове [t⁰ot] *тот* и где они проходят. Две — [t⁰||o||t] — или три — [t⁰||o||t]? Или, может быть, звуковые оболочки этих слов вообще не членятся на фонемы, а представляют собой *слогоморфемы*, как в так называемых слоговых языка типа китайского? Результаты исследования будут однозначны: слова эти членятся на фонемы, и в обоих словах фонемных границ будет две, значит, звуковые оболочки каждого из них состоят из трех фонем: [p¹||a¹||t^s] и [t⁰||o||t].

На втором этапе исследования полученные в результате синтагматической идентификации «отрезки» (мы уже поняли, что это представители фонем в речи) сравниваются друг с другом. Фонолог подвергает их процедуре отождествления и проверяет, какие из сегментов являются реализациями одной фонемы, а какие представляют собой аллофоны разных фонем. Например, сравнивая сегменты [p¹] и [t^s], представленные в слове *пять*, и [t⁰], [t], представленные в слове *тот*, исследователь русского языка сделает вывод о том, что [t⁰] и [t] отождествляются носителем языка и представляют собой аллофоны одной фонемы /t/, а [p¹] и [t^s] противопоставляются и соответственно являются реализациями разных фонем. Кроме того, [t^s] не может быть отождествлен с [t] и [t⁰]. Данную фонологическую процедуру называют *парадигматической идентификацией фонем*. Конечно же, в этом случае фонолог не сравнивает попарно все вычлененные на первом этапе сегменты (это и практически невозможно осуществить), а опять же, работая с информантом, выясняет, какие сегменты для носителя языка представляют собой «одно и то же», а какие — «не одно и то же», т. е. разные единицы. Результаты последовательно проведенной процедуры парадигматической идентификации дают состав фонем данного языка.

Итак, получается, что установление состава фонем языка представляет собой экспериментальное исследование речевой деятельности и фонологическую интерпретацию результатов исследования. То есть лингвист в некотором смысле следует за носителем языка. Но чем определяется то или иное «решение» носителя языка? Другими словами, что заставляет носителя языка членить речевой поток именно так, а не иначе, что заставляет его отождествлять казалось бы совсем разные звуки, и наоборот — считать разными похожие в артикуляторном и/или акустическом отношении?

§ 4. Принципы синтагматической идентификации фонем

В разделе «Фонетика» Академической грамматики русского языка, написанном Л. В. Щербой и М. И. Матусевич, подчеркивается: «Лингвистическая природа отдельных звуков речи определяется тем,

что каждый из них может что-то значить в данном языке, и термин фонема введен именно с целью подчеркнуть это обстоятельство»¹. Фонема обычно определяется как минимальная единица плана выражения языка, которая, не имея собственного плана содержания, потенциально связана со смыслом. Наиболее очевидным образом это проявляется в том, что звуковые оболочки слов (и морфем) могут состоять из одной-единственной фонемы. В русском языке имеются однофонемные союзы *и, а*, частица *ль* (ли), предлоги *у, о, к* и др. Однофонемных морфем значительно больше. При этом звуковая оболочка словоформы не может состоять менее чем из одной фонемы. Потенциальная связь фонемы со значением в конечном счете и определяет выделение фонемы как при синтагматической, так и при парадигматической идентификации.

Как уже было сказано, основной, первичной функцией фонемы является конститутивная, суть которой состоит в том, что фонемы выступают в качестве строительного материала для образования звуковых оболочек (плана выражения) единиц более высоких уровней языковой структуры — слов (и морфем).

Поскольку фонемы являются строительным материалом звуковых оболочек значимых единиц языка, границы между значимыми единицами всегда оказываются и границами между фонемами. Из этого вытекает следующее положение: *граница между звуковыми оболочками значимых единиц (слов и морфем)² не может проходить внутри фонемы*. Таким образом, членение на фонемы является функцией членения на слова и морфемы. Поэтому для осуществления процедуры синтагматической идентификации фонемы необходимо располагать информацией о межсловных и морфемных границах.

Сказанным определяется основной критерий синтагматической идентификации фонемы: если внутри некоей звуковой последовательности проходит граница между словоформами (или морфемами), она тем самым разделяется и фонемной границей, т. е. членится на фонемы. Например, в русском языке имеется звуковая последовательность [s:°], например, в начале фонетического слова [ˈs:°ogəm] *с сором* или на стыке фонетических слов [ˈnaːs:°ogək] *нас сорок (человек)*. Наличие границы между словами ясно указывает, что внутри звукового комплекса [s:°] проходит фонемная граница, и это [s:°] реализует сочетание двух фонем [ss]. А как трактовать те случаи, когда внутри [s:°] или [s:] нет границы между словами или морфемами: ср. [ˈs:°ogəm] *ссорам*, [ˈkas:ə] *касса*? В этом случае вступает в силу более общий принцип теории фонемы — *принцип аналогии*, который состоит в том, что

¹ Грамматика русского языка. Т. I: Фонетика и морфология / Ред. В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. М., 1953. С. 12.

² С морфемой дело обстоит несколько сложнее, т. к. план выражения морфемы не обязательно линейен. Значение морфемы может быть передано не только цепочкой фонем.

фонологическое различие предполагает различие фонетическое, т. е. одинаково звучащие (для носителя языка) сегменты речевого потока фонологически интерпретируются (лингвистом) одинаково. Соответственно, если звуковая последовательность членится на две фонемы в связи с наличием внутри нее межсловной или морфемной границы, то аналогичная ей звуковая последовательность, где такая граница отсутствует, так же членится на две фонемы согласно принципу аналогии. Таким образом, [s:°] в [s:°ogəm] является бифонемным сочетанием независимо от того, в звуковую оболочку каких значимых единиц они входят, *ссорам* или *с сором*.

С учетом принципа аналогии общий критерий сегментации речевого потока на фонемы можно сформулировать так: если внутри какого-либо звукового комплекса в данном языке потенциально возможна межсловная или межморфемная граница, то этот звуковой комплекс является реализацией какого-то бифонемного сочетания. Например, звуковой отрезок [ká], например в слове *карта*, представляет собой реализацию двух фонем, потому что в принципе в русском языке внутри такого звукового комплекса может проходить граница слов (ср. *к арке*) или морфем (ср. *рука*). И наоборот, звуковой сегмент [ʔa] (ср. [ʔarkə] *арка*, [ʔetə ʔarkə] *эта арка*), включающий гортанную (глоттальную) смычку¹ и гласный, характерный для русской речи в начале синтагмы и на стыках слов после гласного внутри синтагмы. Эта гортанная смычка — фактически гортанный смычный согласный — фонологически является частью гласной фонемы. Это связано с тем, что внутри [ʔa] в русском языке не может проходить межсловная или межморфемная граница. Таким образом, гортанная смычка не фонологизована в русском языке и обычно не замечается носителями языка. Есть языки, в которых [ʔ] является самостоятельной фонемой.

Таким образом, критерий синтагматической идентификации фонемы — это критерий определения монофонемности и бифонемности звуковых сегментов. Например, выдвинутым критерием можно руководствоваться при решении спорных вопросов установления состава фонем в разных языках. Одной из таких традиционных проблем является проблема дифтонгов — сочетаний входящих в один слог гласных, один из которых находится под ударением. В разных языках дифтонги трактуются по-разному: в одних они имеют фонемный статус, в других являются бифонемными сочетаниями. Например, английские дифтонги [ai] *side*, [oi] *toy*, [ei] *male* и др. рассматриваются как самостоятельные фонемы /ai/, /oi/, /ei/. Этот их статус связан с тем, что внутри этих дифтонгов в английском языке никогда не проходит морфемная (не говоря уж о межсловной) граница. В русском языке тоже есть сложные звуки [ai] *дай*, *майка*, [oi] *пой*, *тройка*, [ei] *ней*,

¹ Происходит смыкание голосовых связок, перекрывающее проход воздуха через голосовую щель (*глоттис* — отсюда термин *глоттальная смычка*) и сопровождающееся сжатием гортани.

рейс напоминающие английские дифтонги. В отличие от английских, русские дифтонги бифонемны. Это прямо вытекает из того, что внутри русских дифтонгов может проходить морфемная граница: [ˈdaj] *да-й*, [ˈdaj|tˈi] *да-й-те*, ср. *да-л, да-ть, да-в*. Однако в русском языке есть и другой тип дифтонгов, представляющих собой сочетание *i*-образного перехода и следующего за ним стационарного гласного: ср. [iː] (= [ˈa]) *сяду*, [iːo] (= [ˈo]) *вёл*, [iːu] (= [ˈu]) *тюк* и др. Их чаще называют дифтонгоидами, прежде всего потому, что они фонологически не членимы, т. е. монофонемны. Такая фонологическая интерпретация прямо вытекает из невозможности в русском языке прохождения межсловной или морфемной границы внутри таких сегментов: ср. [xoˈtʰ ˈon] *хоть он*, но [xoˈtʰ ɪ ˈon] *хоть и он*. Кроме того, сочетания фонем /i/ и /j/ с гласными /a/, /o/ и /u/ фонетически не совпадают с /a/, /o/ и /u/ после мягких согласных, т. е. с [iːa] (= [ˈa]), [iːo] (= [ˈo]), [iːu] (= [ˈu]): ср. [idˈrʲot] *идиот* — [iˈdʲot] *идёт*, [ˈsjʲomkə] *свёмка* — [ˈsʲʰomkə] *Сёмка*.

Есть еще один критерий, важный для определения фонематического статуса: внутри фонемы не может проходить слоговая граница. Это критерий не функциональный, т. к. слог является произносительной единицей. Тем не менее фонологический статус русских и английских дифтонгов вполне согласуется с критерием слоговой границы. Английские (монофонемные) дифтонги никогда не оказываются по разные стороны слоговой границы. Что касается русских бифонемных дифтонгов, то составляющие их фонемы регулярно оказываются по разные стороны слоговой границы при чередовании: [ˈdaj] *дай* — [dajˈtʰu] *даю*, [dajˈtʰo] *даёт*.

Монофонемная трактовка английских дифтонгов, как и бифонемная трактовка русских, общепризнанна и опирается на языковое сознание носителей английского языка, но теоретически такое решение обосновывается по-разному. Н. С. Трубецкой, например, при фонемной интерпретации английских дифтонгов руководствовался их артикуляционными характеристиками: «Группу звуков можно считать реализацией одной фонемы только в том случае, если она образуется с помощью единой артикуляции или создается в процессе постепенного убывания или сокращения артикуляционного комплекса»¹. Такой подход, полностью игнорирующий функции звуковых единиц, неприемлем при решении вопросов их фонемного статуса. Иногда фонологи учитывают функциональный аспект, но не всегда корректным образом. Ср. такое обоснование: «Фонемный статус дифтонгов в английском языке **очевиден** (выделено мною. — М. П.) ввиду наличия многочисленных чередований с простыми гласными: *write — wrote — written* и т. п. Более того, как мы видели, трудно провести границу между напряженными узкими гласными и дифтонгами»². Очевидно, что этот аргумент некорректен, т. к. в языках сплошь и рядом встречаются чередования одной фонемы

¹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 56.

² Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М., 2001. С. 371.

с сочетаниями фонем, а указание на «трудность проведения границы» между дифтонгами и монофтонгами вообще не может служить аргументом. Но самое главное заключается в том, что монофонемный статус «простых гласных» сам нуждается в доказательстве.

Некоторые фонетисты, которые вслед за Н. С. Трубецким считают главной функцией фонемы различительную, при решении вопросов сегментации на фонемы пользуются сравнением звуковых оболочек слов. Такой метод иногда называют «ассоциативным анализом», потому что в его основе лежит сравнение («ассоциация») минимальных пар. Суть его заключается в том, что фонетист, сравнивая звуковые оболочки слов, устанавливает участки сходства и различия, доходя до вычленения минимальных, далее не делимых фонологических сегментов. Например, чтобы определить, на какие минимальные фонологические единицы делится звуковая последовательность [d^oóm], необходимо сравнить ее — «ассоциировать» — со звуковыми последовательностями [t^oóm], [s^oóm] и [d^oók], [d^oón]: сравнивая [d^oóm] и [t^oóm], устанавливает членимость отрезка [d^o|ó]; сравнивая [d^oóm] и [d^oón], устанавливаем членимость отрезка [ó|m]. Установить путем сравнения дальнейшую членимость отрезков [d^o], [ó], [m] невозможно, следовательно, эти отрезки и являются минимальными фонологическими сегментами — аллофонами, каждый из которых представляет одну фонему, т. е. звуковая последовательность [d^oóm] представляет собой сочетание трех фонем.

Некорректность такого метода очевидна, поскольку сравнивать звуковые последовательности [d^oóm] и [t^oóm] можно лишь в том случае, если мы уже знаем, на какие отрезки они членятся. Только предварительно установив, что [d^o] и [t^o] являются минимальными сегментами (аллофонами разных фонем), можно сравнивать звуковые последовательности [d^oóm] и [t^oóm] и говорить о противопоставлении [d^o]—[t^o]. Таким образом, минимальные пары не могут лечь в основу сегментации, а могут лишь проиллюстрировать уже известное членение речевого потока. Этот метод по сути своей не опирается на связь фонологического уровня с более высокими уровнями языковой структуры, т. е. не учитывает конститутивную функцию фонемы. Ведь об оппозициях можно говорить только на следующем этапе установления состава фонем — этапе парадигматической идентификации фонемы.

Сказанное становится еще более наглядным, если использовать не специально подготовленную квазифонематическую транскрипцию, а более детальную, отражающую больше свойств речевого потока. Например, если для доказательства членения сравнивать не [m^ool] — [b^ool] — [b^ool'], где уже в транскрипции все расчленено и все участки сходства и различия отражены, а хотя бы [m^oot] — [b^oot] — [b^ooI'], когда в транскрипции вообще отсутствуют «участки сходства и различия». С другой стороны, если мы сопоставим в чуть более подробной транскрипции словоформы ['d^{ou}эм] и ['d^uэм], то в первой из них придется провести три границы (/d|u|o|m/), а во второй — две (/d|o|m/), что явно будет противоречить интуиции носителя языка и не будет совпадать ни с одной

из существующих точек зрения. То, что участки сходства и различия в значительной степени зависят от принятой транскрипции, хорошо видно при сравнении, например, [š':é'j] *шей* и [č'é'j] *чей*. В данной транскрипции [š':] и [č'] выступают как участки различия. Но если эти словоформы представить в фонетической транскрипции как [š'š'é'j] и [tš'é'j], то обнаружатся и другие участки различия [š':] и [t], что приведет в выводу о бифонемности как [š':], так и [č'], а с тем, что в русском языке аффриката [č'] является бифонемным сочетанием, не согласится ни один лингвист, изучающий русский язык.

Неприемлемость ассоциативного анализа выявится окончательно, если мы попытаемся сопоставить осциллограммы соответствующих сегментов. Итак, ассоциативный анализ не может быть эффективным средством синтагматического отождествления фонем.

Л. В. Щерба в классической работе «Русские гласные в качественном и количественном отношении» писал: «В силу присущей нам наклонности к анализу <...> мы сравниваем звуковые представления и наблюдаем в них сходства и различия. Так, мы узнаем... элементы *s* и *n* в слове *сан*, как тождественные с начальным и конечным в слове *сон*, и в силу этого сознаем как отличные срединные элементы *a* и *o* и т. д.»¹ Этот пассаж только внешне напоминает методику ассоциативного анализа. На самом деле Щерба здесь говорит совсем не о принципах членения речевого потока на фонемы, а о реальности фонемы (которая в этом отрывке названа элементом звукового представления) для языкового сознания говорящих («мы» здесь «носители русского языка», а не лингвисты).

Отметим также, что одна очень глубокая и плодотворная идея Л. В. Щербы послужила источником некоторого недоразумения. Настаивая на том, что фонемы не являются конструктом, результатом научного мышления лингвистов, а представляют собой реальные языковые единицы, Щерба писал: «... элементы смысловых представлений (словоформы и морфемы. — *М. П.*) оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений (фонемами. — *М. П.*); так *л* в словах *пил, бил, выл, дала* ассоциировано с представлением прошедшего времени; *a* в словах *корова, вода* ассоциировано с представлением субъекта; *у* в словах *корову, воду* — с представлением объекта и т. д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям элементы наших звуковых представлений (фонемы. — *М. П.*) получают известную самостоятельность (выделено мною. — *М. П.*)»². Мысль Щербы понятна: фонемы автономны (получают «известную самостоятельность») по отношению к конкретным словам и морфемам, звуковые оболочки которых они составляют. Однако эта ясная мысль, которая проиллюстрирована в приведенной цитате однофонемными морфемами, была понята некоторыми последователями Щербы как описание критерия сегментации на

¹ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 114.

² Там же. С. 114–115.

фонемы: будто бы в [b'it] бил конечная [t] вычленяется, потому что она составляет план выражения однофонемной морфемы -л-, а [i] — потому что есть однофонемный союз и или флексия -и. Что касается [b'], то она якобы вычленяется на основании *принципа остаточной выделिमости*. Ничего подобного, конечно, Щерба, который дал всего лишь *иллюстрацию* автономности фонемы, не имел в виду. Совершенно очевидно, что морфемы и слова могут быть и многофонемными, поэтому однофонемность морфемы и слова собственно и требуется доказать. Мы не можем использовать монофонемность морфемы -л- или союза и, т. к. их монофонемность именно и обосновывается на этапе синтагматической идентификации фонемы. Тем самым теряет всякий смысл и ложный *принцип остаточной выделिमости*.

§ 5. Принципы парадигматической идентификации фонем

Опора на смысл, на значимые единицы языка, строительным материалом которых являются фонемы, лежит в основе и парадигматической идентификации фонем. Носитель языка как один «звук речи», т. е. фонему (для лингвиста), воспринимает разные звуки, не встречающиеся в одном и том же контексте, но в принципе могущие ассоциироваться друг с другом благодаря тому, что они иногда чередуются в одной и той же морфеме или словоформе. Соответственно, когда лингвист принимает решение, одну и ту же или разные фонемы реализуют полученные на предыдущем этапе минимальные звуковые сегменты, он руководствуется следующим критерием: **два сегмента являются реализациями одной фонемы, если они чередуются в одной морфеме (словоформе) и находятся при этом в дополнительной дистрибуции**. Так, на этапе синтагматической идентификации фонем выяснилось, что в русском языке есть минимальные сегменты [i] дай, твой, ней, [j] твоя, пьяный, [j^o] даю, пьёт. Сегмент [i] встречается на конце слога после ударного гласного, сегмент [j] — перед ударным гласным после гласного или согласного, [j^o] — перед ударным огубленным гласным после гласного или согласного, т. е. все они находятся в дополнительной дистрибуции. Кроме того, все три сегмента регулярно чередуются в одних и тех же морфемах. Из этого вытекает, что они являются реализациями (аллофонами) одной фонемы, которую в фонематической транскрипции принято обозначать /j/. То же самое можно сказать и о сегментах [ʔa] (с гортанной смычкой — встречается в начале слова после паузы или после гласного), [a] (между твердыми согласными), [aː] (после твердого перед мягким), [ʔa] (после мягкого перед твердым), [ʔaː] (между мягкими согласными). Они должны быть признаны аллофонами одной фонемы /a/, т. к. при наличии дополнительной дистрибуции регулярно чередуются в одной морфеме (словоформе): [ʔa] Анна, [ʔaː] Ане, [a] с Анной, [aː] к Ане, [ʔa] здесь Анна, [ʔaː] здесь Аня.

Итак, для признания разных сегментов аллофонами одной фонемы недостаточно дополнительной дистрибуции. Это связано с тем, что

вообще-то в каждом языке есть множество звуков, которые никогда не встречаются в одном и том фонетическом контексте. Но никому из фонологов не приходит в голову считать их аллофонами одной фонемы, т. к. это будет находиться в вопиющем противоречии с интуицией носителей языка. Например, в русском языке [ʔáʔ] и [ʔóʔ] встречаются только в позиции между мягкими согласными, а [á] и [ó] возможны только в позиции между твердыми согласными, то есть они находятся в дополнительной дистрибуции. При этом [ʔáʔ] и [ʔóʔ] встречаются в одной позиции, а именно, между мягкими согласными, и замена одного из них другим изменяет смысл слова (ср. *тятя* — *тётя*) или сильно деформирует его (ср. *пять* — **нётъ*), они являются реализациями разных фонем (соответственно /a/ и /o/). В то же время [á], который встречается только между твердыми согласными, находится в состоянии дополнительной дистрибуции не только с [ʔáʔ], так и со звуком [ʔóʔ], т. е. потенциально может входить в одну фонему и с тем, и с другим. Поскольку это невозможно, необходим еще какой-нибудь дополнительный критерий. Таким критерием и является возможность чередования сегментов в одной морфеме. В русском языке, как мы видели, регулярно чередуются в зависимости от окружающих согласных, с одной стороны, [a] с *Анной* и [ʔaʔ] *здесь Анне*, с другой — [o] *вот оба* и [ʔoʔ] *хоть обе*. При этом [a] и [ʔoʔ] или [o] и [ʔaʔ] никогда не чередуются в морфемах и на стыках слов. Именно этим и определяется распределение сегментов по фонемам.

При установлении состава фонем все фонологи, отождествляя сегменты, исходят из критерия дополнительной дистрибуции, однако далеко не все из них используют критерий чередования в морфеме. Многие в качестве второго критерия привлекают критерий артикуляционно-акустической близости отождествляемых сегментов. Эти фонологи полагают, что артикуляторно и акустически звук [a] «ближе» к звуку [ʔaʔ], чем к звуку [ʔoʔ], поэтому [a] и [ʔaʔ] являются реализациями одной фонемы /a/, а [ʔóʔ] и [ó] — аллофоны другой фонемы /o/. Так рассуждал и один из корифеев фонологии Н. С. Трубецкой: «Если два **акустически (или артикуляторно) родственных звука** (выделено мною. — М. П.) никогда не встречаются в одной и той же позиции (т. е. находятся в дополнительной дистрибуции. — М. П.), то они являются комбинаторными вариантами (т. е. аллофонами, оттенками. — М. П.) одной и той же фонемы»¹. Однако понятие артикуляционно-акустического сходства слишком неопределенно и расплывчато, чтобы им можно было пользоваться в процедурах установления состава фонем.

Проанализируем действенность критерия чередования в морфеме еще на одном примере. В исходе словоформы *кот* имеется сегмент [t^h] (конечнослоговой /t/, который обозначим условно как придыхательный, слегка аффрицированный [t^h]), артикуляторно и акустически весьма сильно отличающийся от оттенка [t] в словоформе *кота́*, а так-

¹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 56.

же от аллофона [t^o] (лабиализованное) в слове *коту*, но, тем не менее, все три являются реализациями одной фонемы /t/, поскольку чередуются в одной морфеме и находятся в дополнительной дистрибуции, т. е. не противопоставлены друг другу в одинаковых фонетических условиях. Те же самые звуки, представленные, например, в словоформах *тур*, *там*, но не вступающие в чередования, также являются реализациями фонемы /t/ — в соответствии с принципом аналогии. Сегменты [t^h] (в словоформе [s'·e·t^h] *сеть*) и [t'] (в словоформах [s't'·e·i] *сетей*, [s't'·am] *сетям*) чередуются в одной морфеме и обусловлены при этом позиционно, следовательно, должны трактоваться как оттенки одной фонемы — /t'/.

Впрочем, критерий, основанный на чередовании в морфеме, содержит в себе одно существенное противоречие. Опираясь только на морфемы, фонолог обнаруживает, что, например, минимальные сегменты [t'] корневых морфем в словоформах *сетей* и *о коте* совпадают фонетически (т. е. по идее их нужно идентифицировать фонологически), но при этом входят в разные ряды чередований — [t']/[t']/[t^h] (*сетей*, *сетям*, *сеть*) и [t']/[t]/[t^h] (*коте*, *кота*, *кот*). А это значит, что, согласно принятому критерию, [t'] может быть отождествлено и с [t'], [t^h] в словах *сетям*, *сеть* и с [t], [t^h] в словах *кота*, *кот*. Вместе с тем важнейшее положение фонологической теории гласит, что один и тот же сегмент (аллофон) не может быть реализацией разных фонем¹. Следовательно, необходимо решить, с каким же из двух сегментов — [t^h] или [t^h] — фонематически должен быть отождествлен [t']. Попытка обойти это противоречие указанием на тот факт, что признак твердости/мягкости является для русских согласных фонемным (= дифференциальным) и поэтому [t'] отождествляется с [t^h], а не с [t^h], не достигает цели, поскольку на данном этапе фонологического анализа еще не может быть известно, какой признак является фонемным, а какой — аллофонным, т. к. статус признака определяется после установления состава фонем.

Несмотря на все эти трудности, критерий чередования в значимых единицах языка (наряду с критерием дополнительной дистрибуции) остается наиболее приемлемым в процедуре парадигматической идентификации фонемы. Последовательное осуществление процедуры парадигматической идентификации фонем дает на выходе состав фонем языка.

§ 6. Установление состава фонем и неоднородность речевого потока

Когда фонетист занимается вопросами установления состава фонем конкретного языка, перед ним возникает проблема материала исследования. Как уже было сказано, объектом в данном случае

¹ Ниже будет показано, что не все фонологические школы принимают это положение. Это связано с разным пониманием фонемы как языковой единицы.

выступает речевой поток и речевое поведение носителей языка, их языковое сознание. Однако, как показывает артикуляционно-акустическое и перцептивное изучение речевого сигнала, речевой поток весьма неоднороден. Эта объективная неоднородность речевого потока проявляется в том, что в связной спонтанной речи, которая является наиболее естественным представителем устной формы речи и соответственно объектом фонетического исследования, чередуются сегменты, характеризующиеся разными типами произнесения. Есть сегменты, которые воспринимаются носителями языка с опорой прежде всего на акустические свойства речевого потока, а есть такие, для восприятия которых только фонетических характеристик оказывается недостаточно и которые могут быть восприняты и адекватно интерпретированы благодаря внефонетической информации, прежде всего контексту и ситуации общения. В соответствии с этим разграничением принято различать два типа произнесения — *полный* и *неполный*. Противопоставление полного и неполного типов произнесения с точки зрения фонологического аспекта носит принципиальный характер. Фонемный состав сегментов полного типа произнесения всегда может быть интерпретирован носителем языка однозначно, а сегменты неполного типа произнесения не поддаются однозначной фонемной интерпретации. Соответственно различие полного и неполного типов произнесения относится не столько к характеристике фразы или части фразы, сколько к фонемам и особенностям их реализации.

В реальном потоке речи участки полного и неполного типов произнесения чередуются. Не только разные части одной фразы, но и даже части фонетического слова могут представлять разные типы произнесения. Например, фразу *У тебя есть какие-нибудь деньги?* можно в зависимости от ситуации общения произнести по-разному, с большей или меньшей ясностью и четкостью. При максимально тщательном, но не утрированном произнесении она в фонетической и фонематической транскрипции будет выглядеть так: [u-t'i'b'a 'je's't kl'k'iin'ibud' d'e'n'g'i] и /u-t'i'b'a 'jes't ka'k'iin'ibud' d'en'g'i/. При максимально беглом произнесении та же фраза приобретает такой вид, что практически не поддается адекватному транскрибированию. Используя существующие символы фонетической транскрипции, эту фразу можно весьма условно передать так: [t'is' k'ŋ' d'e'n'g']. Здесь только часть последней словоформы (до флексии, от которой остался только «след» в виде звонкости конечного шумного согласного) произнесены полным типом. Опознать без контекста сегменты начала этой фразы практически невозможно. Что такое [k'ŋ']? *Кинь?* Или *киньте?* Даже если произнести *какие-нибудь* более тщательно, например ['k'in't'], ситуация не прояснится. Сегмент ['k'in't'] может быть воспринят и как *киньте*, и как *кинете*. Фонематическая транскрипция этого сегмента в принципе невозможна. Носитель языка в процессе восприятия может реконструировать состав фонем сегмента, произнесенного в неполном типе, но только на основе внефонетической информации, т. е. кон-

текста или ситуации. Реконструкция фонемного состава фразы будет в этом случае лишь побочным продуктом понимания фразы.

Разграничение полного и неполного типов произнесения следует учитывать при определении того, какие отрезки объективно неоднородного потока речи могут, а какие не могут привлекаться исследователем для установления состава фонем языка. Совершенно очевидно, что в процедурах синтагматической и парадигматической идентификации фонем следует использовать только участки полного типа произнесения. Само же определение того, какие участки речи произнесены полным, а какие неполным типом, требует особого экспериментально-фонетического исследования и является частью процедур установления состава фонем языка.

§ 7. Установление состава фонем и фонетические подсистемы

Некоторые фонетисты выделяют в фонетической системе того или иного языка различные подсистемы, каждая из которых характеризуется какими-то специфическими правилами функционирования фонетических единиц. Выделяют, прежде всего, так называемую *подсистему общеупотребительных слов*. Эта подсистема рассматривается как центральная, основная часть фонетической системы, которая собственно и находится в центре внимания при изучении звукового строя русского языка. Она выступает как точка отсчета, на фоне которой выявляется специфика других — периферийных фонетических подсистем. Периферийные (вторичные) подсистемы представлены в словах, произношение (и в частности, фонемный состав) которых в той или иной степени отклоняется от фонетических правил основной системы. В качестве периферийных фонетических подсистем часто выделяют: *подсистему необщеупотребительных слов* (заимствований и малочастотной лексики), *подсистему служебных слов* (предлогов, союзов, частиц) и *подсистему междометий*, *подсистему сложных слов*¹. Естественно, что об особенностях периферийных подсистем говорят тогда, когда известны состав и система фонем данного языка.

При установлении состава фонем языка определенную проблему составляют заимствования. Вследствие двуязычия многих носителей языка, в их речи могут быть представлены не пропущенные через фонологическое сито родного языка (не освоенные) заимствования из других языков, сохраняющие фонетические особенности языка-источника. В качестве примера можно привести широко распространенное в русской интеллигентской речи начала XX в. произношение

¹ Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967. С. 191—198; Гловинская М. Я. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971. С. 54—96; Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003. С. 141—142.

так называемого «европейского» среднего [ɪ]¹, отличного от сильно веляризованного нормального русского твердого [ɨ] и палатализованного [ɪ'] в таких словах, как [lɔ'rnet] *лорнет* (франц. *lorgnette*), [kɔ'lokviu] *коллоквиум* (от лат. *colloquium*), [klerk] *клерк* (англ. *clerk* [kla:k]), [kəbr'io'let] *кабриолет* (франц. *cabriolet*) и т. п. Возникает вопрос: следует ли наряду с /ɨ/ и /ɪ'/ включать среднее /ɪ/ в состав фонем русского литературного языка в целом, или, по крайней мере, подсистемы заимствованных слов? И более общий вопрос: может ли вообще быть разным состав фонем в фонетических подсистемах? В данном конкретном случае, применительно к [ɪ], очевидно, что произношение «европейского» [ɪ] является прямым иноязычным вкраплением в русское произношение и не должно учитываться при установлении состава фонем русского языка. Видимо, не следует включать [ɪ] как отдельную фонему в подсистему заимствованных слов начала XX в. Учитывая, что среднее [ɪ] в заимствованных словах конкурирует с [ɨ] и [ɪ'], его целесообразно интерпретировать как факультативный вариант фонем /ɨ/ и /ɪ'/ в подсистеме заимствованных слов. Впрочем, здесь многое зависит от частотности и распространенности такого произношения как среди носителей языка, так и в отдельных словах. В современном русском языке примером «интеллигентского» произношения заимствований является произношение мягкого [ž'] в словах *жюри*, *Жюль*, *жюльен* и некоторых других. В настоящее время произношение [ž'] (факультативного варианта фонемы /ž/) провоцируется, прежде всего, орфографией, которая в свою очередь сформировалась под влиянием произношения соответствующих слов в языке-доноре (французском). Этому способствует и система фонем русского языка с противопоставлением палатализованных и непалатализованных согласных фонем.

От иноязычных «вкраплений» в речь двуязычных носителей языка, воспроизводящих произношение языка источника, следует отличать освоенные заимствования, преодолевшие фонологическое сито родного языка, но обнаружившие на выходе некоторые особенности, которые в исконной лексике могут быть представлены единичными случаями или даже не представлены вовсе. Например, приведенные выше слова с «европейским» [ɪ], даже если их произнести с нормальными русскими [ɨ] и [ɪ'], будут характеризоваться некоторыми чертами, не характерными для большинства исконных русских слов, а именно, произношением твердых согласных вместо мягких перед /е/ и безударного /о/: ср. [ɬɔ'rnet] *лорнет*, [kəbr'io'let] *кабриолет* и др. Эти фонетические особенности никак не могут рассматриваться как чуждые русской фонетической системе, так как в русской речи сплошь и рядом встречаются сочетания твердых согласных перед /е/ и безударное /о/: ср. [no'so'netət] *но сон этот*, [ˈda'ʲetəmu] *дал этому* и т. п. Различие только в том, что в обычной русской речи эти особенности

¹ Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка (1931 г.) // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 232—233.

встречаются на стыках слов в пределах синтагмы, а язык-источник (язык-донор) способствует проникновению этих особенностей внутрь исконных русских слов. Происходит это потому, что фонологическая система русского языка не препятствует такому проникновению.

Зачастую именно анализ освоенных заимствований позволяет обнаружить сдвиги, произошедшие в системе фонем языка-рецептора к моменту заимствования. Например, если бы в составе фонем русского языка ко времени заимствования таких слов, как *ликёр* (нем. *Likör* или франц. *liqueur*), *маникюр* (с 20-х гг. XX в. из франц. *manicure*) и других, не было фонемы /k'/, то эти формы с мягким заднеязычным перед гласными /o/ и /u/ вряд ли появились после прохождения фонологического сита. Скорее всего на выходе возникли бы формы типа **ликер* или **ликор*, **маникур* (ср. еще в XIX в. *маникур* в старом значении 'специалист по уходу за ногтями'¹).

Таким образом, при установлении состава фонем русского языка исключаются неосвоенные иноязычные вкрапления в речь двуязычных носителей русского языка, но должны учитываться все освоенные заимствования, прошедшие фонологическое сито языка-рецептора. Просторечное (но не диалектное!) произношение также может быть полезным при решении проблем состава фонем.

После обзора принципов синтагматической и парадигматической идентификации фонем, а также обсуждения некоторых вопросов, связанных с выбором материала, релевантного при установлении состава фонем, рассмотрим подробнее некоторые традиционные спорные проблемы в определении состава фонем русского языка.

§ 8. Фонологический статус [i]

Дискуссия о фонематической самостоятельности [i] возникла вместе с фонологией. Для фонологии русского языка вопрос о фонематическом статусе [i] и [i̯] стал своего рода полигоном, на котором оттачивались теоретические установки различных фонологических направлений и школ, в той части, которая касается процедуры парадигматической идентификации фонемы. Проблема ставится остро: либо [i] и [i̯] являются реализациями одной фонемы (условно /i/), либо [i] и [i̯] функционально противопоставлены друг другу и являются реализациями разных фонем — /i/ и /i̯/.

И. А. Бодуэн де Куртенэ и большинство фонологов после него рассматривали [i] и [i̯] как реализации единой фонемы /i/. Бодуэн назвал эту, как он выразился, «раздваивающуюся фонему» *i mutabile* (изменяемое) и обозначал — *i_m*. Основание для такого решения лежит на поверхности — это дополнительная дистрибуция [i] и [i̯]: [i] может находиться в начале слова, после гласных и мягких согласных,

¹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. М., 1999. С. 508.

но никогда после твердых согласных, а [i] — наоборот, только после твердых согласных. Однако Бодуэн де Куртенэ, подчеркнув, что всем фонемам свойственна «мутабельность», «изменяемость» (позиционное варьирование), обратил внимание на одно существенное обстоятельство: в отличие, например, от позиционного варьирования других фонем, которое является результатом «ограничения и уклонения от нормы» вследствие ослабления, недостаточного исполнения заданной артикуляции, в случае фонемы /i_m/ вообще «нет единой нормы, нет единого типа данной фонемы» (выделено мною. — М. П.) или данного фонетического представления, а исполнение двоится сообразно с тем, что мыслится или представляется перед началом раздваивающейся фонемы i_m¹. Таким образом, Бодуэн фактически указал на то, что в русском языке отношения между [i] и [i̯] принципиально отличаются от отношений между [a] и [ʰa], [o] и [ʰo] и т. п., которые тоже, по его мнению, являются реализациями фонем /a/, /o/ и т. п.

Всесторонне рассмотрел вопрос ученик Бодуэна Л. В. Щерба. Он указал еще на одно существенное обстоятельство, которое как будто бы свидетельствует в пользу того, что [i] и [i̯] являются оттенками одной фонемы: при наличии дополнительной дистрибуции [i] и [i̯] могут регулярно чередоваться в одних и тех же морфемах (ср. [i]грать — по[i]грать — с[i̯]грать — стал [i̯]грать и т. п.), что по идее способствует их объединению в одну фонему. Однако Л. В. Щерба не принял аргумент Бодуэна о наличии абсолютной дополнительной дистрибуции между [i] и [i̯] в современном русском языке, указав на наличие слов с начальным [i̯] (ср. название буквы *ы*, *ыканье* противопоставленные *и*, *иканье*) и способность носителей языка легко изолировать звук [i̯], а значит, противопоставлять [i] и [i̯]. Об этом свидетельствуют и новые заимствования с начальным /i/, среди которых особенно много географически названий: ср. *Ыныкчан*, *Ыныкчанский* (поселок в Якутии), *ысыах* (якутский национальный праздник), *Ыйсон* и *Ыйджу* (города в Корее) и др. Наличие даже регулярного чередования [i]||[i̯] при отсутствии абсолютной дополнительной дистрибуции этих звуков (что необходимо для признания [i] и [i̯] аллофонами одной фонемы) не позволяет, по мнению Щербы, сделать вывод, что в системе гласных отсутствует противопоставление самостоятельных фонем /i/ и /i̯/. При этом Щерба полагал, что наличие слов с начальным [i̯], таких, как название буквы *ы*, *ыкать*, *ыканье* и других, которые указывают на противопоставление [i] и [i̯] в одной и той же фонетической позиции начала слова (ср. *и*, *икать*, *иканье*), а также способность носителей языка легко изолировать звук [i̯], свидетельствуют о том, что в системе гласных представлена фонема /i/.

Противники фонематической самостоятельности /i/, в свою очередь, не принимают аргументов, основанных на материале заимствований, в которых встречается начальное [i̯]. Заимствования они не счи-

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение. 5-е изд. Пг., 1917. С. 85—86.

тают словами русского языка и не привлекают для фонологического анализа. Что касается таких слов, как *ы*, *ыкать*, *ыканье*, то они, по мнению ряда фонологов, входят в особую фонетическую подсистему необщеупотребительных (малочастотных) слов, обладающего составом фонем, отличным от того, каким располагает подсистема общеупотребительных слов. По мнению Л. Л. Касаткина, «на вопрос о том, есть ли в русском языке фонема /ы/, противопоставленная другим гласным фонемам, следует ответить: есть, но только в фонетической подсистеме необщеупотребительных слов»¹. К этой точке зрения одного из представителей МФШ близка и позиция, занятая сторонником Щербовской фонологии В. Б. Касевичем, который высказал осторожное предположение, что поскольку «в словарь неграмотного или малограмотного носителя языка такие единицы (имеются в виду слова *ы*, *ыкать* и т. п. — *М. П.*), скорее всего, не входят», «в системе фонем, складывающейся на базе ограниченного словаря, нет фонемы /ы/, а есть лишь вариант фонемы /i/»². Впрочем, даже если признать существование особой фонетической подсистемы необщеупотребительных слов (или фонетической подсистемы носителя языка, не знакомого с названиями букв русского алфавита), то трудно согласиться с тем, что разные фонетические подсистемы русского литературного языка имеют разный состав фонем.

Л. В. Щерба, как и Бодуэн, полагал, что фонема /i/, которая изначально существовала в древнерусском языке, в процессе исторического развития фонетической системы, прежде всего в связи с развитием категории мягкости/твердости, функционально сблизилась с фонемой /i/ и оказалась с ней в отношениях, близких к дополнительной дистрибуции. Это, по мнению Щербы (и в оценке завершенности этого процесса они с Бодуэном расходятся), «вполне подготовило почву для его окончательного слияния с „и“, но это слияние не произошло, как это случилось в чешском. Пережиточно „ы“ сохраняет свою самостоятельность...»³. Таким образом, большинство фонологов согласны с тем, что фонема /i/ либо уже утрачена русским языком как самостоятельная фонема (Бодуэн и его сторонники), либо, даже если она сохраняется в системе, имеет «пережиточный» характер (Щерба и его последователи).

Складывается довольно странная ситуация. Идея о самостоятельности /i/ — пусть даже и пережиточной — держится на одном-двух исконно русских словах, начинающихся с [i] (*ы*, *ыканье*), и нескольких экзотических заимствованиях. Однако интуитивно ясно, что если бы в русском лексиконе по какой-либо случайности таких слов не оказа-

¹ Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003. С. 142.

² Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983. С. 54.

³ Щерба Л. В. Теория русского письма. Л., 1983. С. 53.

лось, в фонологической системе, в частности в составе фонем, принципиально ничего не изменилось бы.

Лингвист, моделируя синхронную фонологическую систему конкретного языка, в значительной степени опирается на его лексикон, но вместе с тем представляется, что взаимосвязи между фонологическим и лексическим уровнями значительно сложнее. Фонологическая система живого, функционирующего языка и особенно состав его фонем не зависит напрямую от его лексического состава. Скорее наоборот: никакое пополнение словаря не может происходить вопреки фонологической системе, которая в известном смысле существует как бы *до* словаря, или точнее — *до изменения* словаря. Заимствование или неологизм (хотя бы название буквы *ы*) осваивается носителем языка в соответствии с его фонологической системой, т. е. пропускается, как мы уже неоднократно отмечали, через «фонологическое сито» языка. Сам по себе факт отсутствия в лексиконе слов с начальным [i] отнюдь не доказывает отсутствия фонемы /i/ в фонологической системе. И наоборот, проникновение хотя бы одного слова с начальным [i] в лексикон уже свидетельствует о наличии фонемы /i/ в системе. С исторической точки зрения это вполне понятно: если в системе отсутствует фонема /i/, а в начале слов возможно только [i], то слова с начальным [i] не пробьются через это «фонологическое сито».

В этом смысле показательным аргументом в пользу фонематической самостоятельности /i/ является принципиальная возможность переноса одной из этих фонем в позицию другой в результате морфологической аналогии. Об этом свидетельствует иногда встречающееся произношение [i'rkɑ] *Ирка*, [u-'irk'i] у *Ирки* вместо нормативного [i'rkɑ], [u-'irk'i] с начальным [i] на месте [i] вследствие морфонологического влияния нормативных форм [s-irkəi] с *Иркой*, [k-irk'i] к *Ирке*, [bra't irk'i] *брат Ирки*. Известны даже случаи письменной фиксации такого «ненормативного» произношения, например, подпись девочки под письмом в редакцию детской газеты — «Ваша Ырка». Того же порядка часто фиксируемое произношение безударного [i] в словах с начальным «э»: [i]тáж, [i]конóмика и т. п. по аналогии с к [i]тáжэ, с [i]конóмикой и т. п. Характерно, что исследователи отмечают зависимость такого произношения от частоты употребления слов. Так, согласно данным Л. А. Вербицкой, «чем чаще употребляется слово, тем вероятнее произнесение начального безударного [ы]; так, в словах типа *этаж, этюд, экономика, электричество* [ы] произносится в 75 % случаев; в словах... более редких, специальных терминах, в 80 % случаев произносится [e]»¹. Если [i] и [i] являются аллофонами одной фонемы, то такие переносы по аналогии были бы невозможны. Это вытекает из положения теории фонемы, которое впервые было сформулировано Л. В. Щербой еще на заре фонологии: «...оттенки фонем, не будучи ассоциированы со смысловыми представлениями, являясь лишь неосознанным следствием окружа-

¹ Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л., 1976. С. 54.

ющих условий, **не способны к перенесению „по аналогии“** (выделено Л. В. Щербой. — *М. П.*), т. е. не являются теми основными единицами, с которыми мы только и можем оперировать в лингвистике»¹. Соответственно факты перенесения по аналогии [i] в фонетическую позицию, которую обычно занимает [i], однозначно указывают на отсутствие дополнительной дистрибуции между [i] и [i], что подтверждает статус /i/и /i/ как самостоятельных фонем.

Таким образом, имеется достаточно оснований включать /i/ в состав фонем современного русского литературного языка.

§ 9. Различительные признаки в системе русского вокализма

Решение вопроса о статусе /i/ является важным для интерпретации русского вокализма в целом, поскольку от этого зависит система различительных, или дифференциальных, признаков (ДП) гласных фонем. Признание фонематической самостоятельности /i/ и /i/ приводит к необходимости рассматривать признак ряда (передний/непередний ряд) как дифференциальный.

В фонологии широко распространен взгляд на русский вокализм как на систему, где все гласные фонемы позиционно варьируют по ряду, т. е. признак ряда не является ДП. Такой подход ясно сформулирован Н. С. Трубецким: «В русском языке более переднее или более заднее положение языка при реализации гласной фонемы обусловлено звуковым окружением: между палатализованными согласными „о“, „а“, „е“, „и“ произносятся как гласные переднего ряда (ö, ä, è, i), а „u“ продвинуто вперед <...>; после непалатализованных (фонетически веларизованных) согласных „u“, „o“, „a“ реализуются как гласные заднего ряда, „i“ — как гласный смешанного ряда (u), а „e“ некоторыми русскими произносится как гласный среднего ряда. Следовательно, для гласных русского языка заднее или переднее положение языка является фонологически несущественным: фонологическая значимость присуща только лабиальной корреляции»². Имеется в виду, что фонемы /i/, /u/, /e/, /o/, /a/ под ударением между палатализованными согласными, например, в словах *стиль, тюль, сети, тётя, дядя*, реализуются звуками переднего ряда [i], [ü], [ë], [ö], [ä], а между непалатализованными (в таких словах, как *тыл, туз, с этой, тот, дар*) — звуками непереднего ряда [i], [u], [ε], [o], [a], а значит, признак переднего/непереднего ряда не может считаться дифференциальным, т. к. различает не фонемы, а аллофоны (является аллофонным). Такой подход, по мнению его сторонников, позволяет представить русский вокализм как более «экономную» и «симметричную» систему, чем она оказывается при признании фонематической самостоятельности /i/.

¹ Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении (1912 г.) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 122.

² Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 113.

Если фонема /i/ отсутствует, «пятифонемная» система гласных может быть описана при помощи двух ДП — подъема и лабиализованности: верхние /i/, /u/ — средние /e/, /o/ — нижняя /a/, лабиализованные /u/, /o/ — нелабиализованные /i/, /e/, /a/. Такая трактовка современного русского вокализма представлена в табл. 2.

Таблица 2. Система гласных фонем русского языка (без /i/)

Подъем / лабиализованность	Нелабиализованные		Лабиализованные
Верхний	/i/		/u/
Средний	/e/		/o/
Нижний		/a/	

Впрочем, среди противников фонематического статуса /i/ есть фонологи, отдающие предпочтение не признаку лабиализованности/нелабиализованности, а признаку ряда. Так, Г. О. Винокур писал нечто противоположное тому, что утверждал Трубецкой: «Что касается отдельных физиологических признаков гласных звуков, то **лабиализация... в русском языке не имеет самостоятельной функции, а есть лишь сопроводительный признак гласных заднего ряда** (выделено мною. — М. П.) <...> своеобразная роль в русском звуковом строе принадлежит противопоставлению гласных верхних и неверхних... и гласных передних и непередних»¹. У Винокура за псевдофизиологической терминологией, несомненно, скрывается фонологическая интерпретация. Оригинального взгляда на соотношение признаков ряда и лабиализации придерживаются С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова. Они различают три ряда: передний — центральный — задний, причем приписывают фонемам /o/ и /u/ признак заднего ряда, подчеркивая его комплексный характер: гласные заднего ряда одновременно являются и лабиализованными².

Таблица 3. Система гласных фонем (по С. В. Кодзасову и О. Ф. Кривновой)

Подъем / ряд	Передний	Центральный	Задний (+лабиализованность)
Верхний	/i/		/u/
Средний	/e/		/o/
Нижний		/a/	

Вслед за Н. С. Трубецким сторонники нерелевантности признака ряда в русском вокализме опираются на два связанных друг с другом,

¹ Винокур Г. О. Русское сценическое произношение (1948 г.) // Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 132.

² Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М., 2001. С. 363—364.

но спорных, постулата и на одну неверную интерпретацию фонетических фактов русского языка.

Постулаты эти следующие. Во-первых, принято считать, что система фонем должна обладать минимальным набором различительных (дифференциальных) признаков, достаточным для различения всех фонем. Во-вторых, признается, что если подсистема согласных характеризуется ДП палатализованности/непалатализованности, то для подсистемы гласных признак ряда не является различительным. Но даже если согласиться с этими постулатами в общем виде, некорректно опираться на них, решая проблему фонематической самостоятельности [i], т. к. установление состава фонем языка предшествует выявлению характеризующих эти фонемы признаков. Невозможно проводить эти процедуры в обратном порядке, т. е. обосновывать фонологический статус [i] на основании отсутствия ДП ряда в системе гласных. ДП гласных на этом этапе моделирования системы еще неизвестны. И наоборот, установив, что в системе есть фонема /i/, приходится констатировать наличие ДП переднего/непереднего ряда у гласных фонем, поскольку только таким признаком могут различаться /i/ и /i/. Оппозиция /i/ ↔ /i/ является единственным противопоставлением гласных, в котором фонемы различаются лишь признаком ряда. Возможно, и при отсутствии особой фонемы /i/ у нас были бы основания считать признак ряда дифференциальным в русском вокализме, но признание фонемного статуса /i/ и наличие противопоставления /i/ ↔ /i/ лишает почвы возражения против трактовки признака ряда как ДП.

Что касается неверного истолкования фонетических фактов, то неоправданной следует признать интерпретацию аллофонов русских фонем /u/, /o/, /a/ между палатализованными согласными и после них как гласных переднего ряда наподобие действительно передних гласных типа [y], [ø], [æ], характерных для французского, немецкого, английского языков, в которых они являются передними на всем своем протяжении. Как уже говорилось выше, в этой позиции /u/, /o/, /a/ реализуются в русском языке дифтонгоидными гласными, которые начинаются с i-образного переходного участка и завершаются гласными заднего ряда, если дальше идет непалатализованный согласный: [t^huk] *тюк*, [t^hotkə] *тётка*, [p^hatkə] *пятка* (или при другом обозначении i-образного перехода [t^huk], [t^hotkə], [p^hatkə]). Перед следующим палатализованным согласным снова появляется i-образный переход, хотя и не такой выразительный, как в начале: [t^hu'l] *тюль*, [t^hoi't'in'kə] *тётенька*, [p^ha'it'] *пять* (или [t^hu'k], [t^ho't'in'kə], [p^hart']). Наличие i-образных переходных участков лишь подчеркивает задний ряд как существенный признак соответствующих фонем, свидетельствует о том, что заднее положение языка при артикуляции этих гласных входит в их артикуляторную программу независимо от позиционных условий¹.

¹ Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. С. 62.

В связи с обсуждаемой проблемой нелишне вспомнить глубокую мысль Л. В. Щербы о том, что «[И]сследовать систему фонем данного языка, определять „семантизированные“ (фонологизованные) признаки каждой из них можно только на основе изучения конкретного произношения данного языка, не менее конкретных причинных связей между отдельными элементами этого произношения, а для этого надо <...> изучать разные произношения, а также самый механизм этого явления. Только в свете такого изучения будут понятны многие явления фонологии»¹.

Итак, модель системы вокализма с пересечением ДП ряда и лабиализованности, видимо, более адекватно отражает звуковой строй русского языка (см. табл. 4 и 4а).

Таблица 4. Система гласных фонем русского языка

Подъем / ряд	Передний	Непередний	
Верхний	/i/	/i/	/u/
Средний	/e/		/o/
Нижний		/a/	
	Нелабиализованные		Лабиализованные

или

Таблица 4а. Система гласных фонем русского языка

Подъем / ряд	Передний	Непередний	
Верхний	/i/	/i/	/u/
Неверхний	/e/	/a/	/o/
	Нелабиализованные		Лабиализованные

§ 10. Фонологический статус мягких заднеязычных

Если в древнерусском языке /i/ был самостоятельной фонемой, а по отношению к современному русскому языку его статус как фонемы подвергается сомнению многими фонологами, то с мягкими заднеязычными дело обстоит противоположным образом. Мягкие заднеязычные фонемы [k', g', x'] включились в корреляцию по твердости/мягкости позднее губных и переднеязычных. До этого они были лишь аллофонами заднеязычных фонем /k, g, x/, т. к. твердые [k, g, x] и мягкие [k', g', x'] находились в дополнительной дистрибуции: перед согласными, гласными непереднего ряда и на конце слов были возможны только [k, g, x], а перед гласными переднего ряда — только [k', g', x']. Споры об

¹ Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения (1945 г.) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 58.

их фонологическом статусе связаны с решением вопроса о том, когда эта дополнительная дистрибуция была разрушена, т. е. когда в русском языке [k', g', x'] оказались возможны перед гласными фонемами заднего ряда /а, о, у/, а [k, g, x] — перед гласными фонемами переднего ряда /i, e/. Ученые давали разные ответы на этот вопрос.

Еще в середине XX в. многие фонологи не признавали мягкие заднеязычные согласные самостоятельными фонемами на том основании, что они находились в дополнительной дистрибуции с твердыми и при этом могли чередоваться с последними в одной морфеме: ср. *пу[k']ú*, *пу[k']é*, но *пу[k']á*, *пу[k]у*, *пу[k]óу*, *пу[k]*; *бло[x']ú*, *бло[x']é*, но *бло[x]á*, *бло[x]ú*, *бло[x]óу* и т. п. Аргументы сторонников фонематической самостоятельности [k', g', x'], которые утверждали, что никакой дополнительной дистрибуции уже нет и приводили многочисленные примеры употребления мягких заднеязычных перед гласными (*ли[k']ёр*, *мани[k']юр*, *Гёте*, *гойс* и т. п.), не принимались оппонентами во внимание, поскольку такие слова были заимствованиями, т. е. входили в подсистему необщепотребительных слов (ср., впрочем, слова, образованные на русской почве из заимствованных морфем, типа *киос[k']ёр*, *пани[k']ёр*). Даже такое русское слово, как *т[k']ёшь*, *т[k']ёт*, *т[k']ётё* и т. п., которое, казалось бы, не оставляет сомнений в противопоставлении [k'] — [k] (ср. *тот* [k'o]т — *то* т[k'o]т), некоторыми фонетистами, например представителем МФШ М. В. Пановым, было признано непоказательным, т. к. [k'o] и [ko] здесь находятся в разных морфонологических позициях: [k'o] — на стыке морфем (*тк-ёт*), а [ko] — внутри морфемы (*кот*).

Дополнительная дистрибуция твердых и мягких заднеязычных не соблюдается в современном языке и в другом отношении. Твердые /k/ и /x/ уже довольно давно употребляются в русском языке перед гласным переднего ряда /e/ перед местоимением *этот* и производными от него внутри фонетического слова (*к этому*, а при экающем произношении и в других случаях, ср. *дву[хэ]ркерный*) и на стыках слов (*дурак этакий*, *сверх этого* и т. п.). Появление заимствований (типа *кэб*, *кэш*, *гэг*, *Хуанхэ*, *Хэллоун*) и новообразований с твердыми заднеязычными (название буквы *э*, *ГЭС*, *ГЭК*, *ЕГЭ*) также подтверждает отсутствие дополнительной дистрибуции между твердыми и мягкими заднеязычными в современном русском языке (ср. /keš/ *кэш* — /k'eša/ *Кеша*, /jige/ (разг. вариант /ige/) *ЕГЭ* — /bab'i jig'e/ или /bab'i ig'e/ *Бабё-Яге*) и недвусмысленно свидетельствует в пользу признания фонематической самостоятельности /k', g', x'/.

Вопрос о фонематической самостоятельности [k', g', x'] в этих дискуссиях оказался забавным образом связан с проблемой фонологического статуса [i], поскольку одни и те же фонологи выступали как против фонемы /i/, так и против /k', g', x'/. Однако если отрицать фонологический статус и /i/, и /k', g', x'/, непонятно, чем различаются звуковые оболочки таких фонетических слов, как ['kir'e] *К Ире* — ['k'ir'e] *Кире*, поскольку фонетически они различаются, а в

отношении состава фонем — /kire/ — нет. Казалось бы, есть три возможности: 1) признать фонематическую самостоятельность /i/; 2) признать фонематическую самостоятельность /k', g', x'/; 3) признать фонематическую самостоятельность /i/ и /k', g', x'/. При первом решении различие будет в гласных (<kire>¹ *К Ире* — <kire> *Куре*), при втором — в согласных (<kire> *К Ире* — <k'ire> *Куре*), при третьем — и в гласных, и в согласных (<kire> *К Ире* — <k'ire> *Куре*). Но противниками фонематического статуса /i/ и /k', g', x'/ было найдено другое решение: в смысловом различии участвуют не только фонемы, но и позиции фонем. Развивая эту идею А. А. Реформатского, М. В. Панов вводит — фактически в состав фонем (по его терминологии — «синтагмо-фонем») — особую фонологическую единицу — *диэрему* (обозначается знаком — | или #)². Диэрема фактически представляет собой особую смысловую (морфемную) границу — стык слов, но в МФШ трактуется как фонологический разграничительный сигнал в звуковой цепи. Диэрема, будучи своего рода «нулизированной фонемой», входит наравне с фонемами в состав звуковой оболочки фонетического слова, и тогда получается, что одна и та же фонема <k> в <k#ire> *К Ире* и <k> в <kire> *Куре* на фонологическом уровне находятся в разных позициях: в первом случае перед /#/ , а во втором — перед /i/. Таким способом достигается экономия в три фонемы: вместо /ы, k', g', x'/ вводится диэрема /#/ . Проблемы экономности описания системы фонем значительно в меньшей степени занимают ЩФШ, представители которой вслед за Л. В. Щербой всегда признавали фонематический статус как /i/, так и мягких заднеязычных. Впрочем, большинство фонологов, в том числе и сторонников МФШ, в настоящее время все-таки признают фонематическую самостоятельность /k', g', x'/.

§ 11. Фонологический статус долгих мягких шипящих

Отличие от вопроса о фонологическом статусе мягких заднеязычных, который в настоящее время практически всеми фонологами решается однозначно, вопрос о долгих мягких шипящих продолжает оставаться остродискуссионным в русской фонетике, причем существуют различные подходы к решению этой проблемы. Внутри каждой из фонологических школ представлены прямо противоположные трактовки.

Фонологический статус [š':] и [ž':] прежде всего требует ответа на вопрос об их бифонемности или монофонемности и должен решаться в рамках процедуры синтагматической идентификации фонем. Если вопрос решается в пользу монофонемности, это значит, что в русском языке есть самостоятельная фонема /š':/ (и/или /ž':/). Если же вопрос

¹ В традиции МФШ для фонематической транскрипции используются угловые скобки.

² *Панов М. В.* О разграничительных сигналах в языке (1961 г.) // *Панов М. В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 309—313. См. также: *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. С. 175—176.

решается в пользу бифонемности долгих мягких шипящих, то на этапе парадигматической идентификации фонемы на до решить, реализацией каких фонем являются [š':] и [ž':].

Фонологический статус [š':]

Н. С. Трубецкой прямо писал, что сомнения в монофонемности /š/ и /ž/ (так он обозначал долгие мягкие шипящие фонемы) неосновательны, и руководствовался этим в своем описании морфонологической системы русского языка¹. В то же время ученик Трубецкого А. В. Исаченко придерживался бифонемной трактовки [š':] и считал, что за этим звуковым комплексом скрывается сочетание фонем /sč'/², причем вдохновлялся он, кажется, не столько идеями Трубецкого, сколько соображениями Л. В. Шербы. Позиция самого Шербы была достаточно противоречивой. С одной стороны, он признает долгий мягкий шипящий согласный «вполне выкристаллизовавшейся» «самостоятельной звуковой единицей», т. е. фонемой, а с другой — не включает ее в список согласных фонем, считая, что произношение [šč'] «более отвечает грамматической системе русского языка»³. Тем самым он руководствовался не столько фонологическими, сколько морфонологическими соображениями.

Что касается МФШ, то среди ее представителей также находятся сторонники как монофонемной (Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, М. В. Панов), так и бифонемной трактовки [š':] (Е. Л. Бархударова, Л. Л. Касаткин). Когда мы рассматриваем подходы представителей МФШ к этой проблеме, дело осложняется тем, что одинаковые в фонетическом отношении звуковые сегменты могут фонологически трактоваться по-разному в зависимости от морфемной структуры слова. Поэтому, например, в случаях, где внутри [š':] не проходит морфемная граница, [š':] реализует самостоятельную фонему /š':/ (*ве<ш':>и, мор<ш':>ина*), а там, где [š':] рассекается границей морфем, представлены различные бифонемные сочетания (*во<з'ч'>ик, разно<с'ч'>ик, не<сч'>аный* и др.). Понятно, что при таком подходе /š':/ включается в состав фонем русского языка. Впрочем, это решение вызывает возражения и у некоторых представителей МФШ. Они считают, что при таком подходе фонема /š':/ всегда оказывается в слабой позиции, что невозможно по определению, следовательно, [š':] воплощает не самостоятельную фонему, а бифонемное сочетание⁴. Так, Л. Л. Касаткин

¹ Трубецкой Н. С. Морфонологическая система русского языка (1934 г.) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 67—142.

² Isačenko A. V. Морфонологическая интерпретация долгих шипящих [s':], [ž':] в русском языке // IJSLP. XIV. 1971. С. 32—52.

³ Шерба Л. В. Теория русского письма. Л., 1983.

⁴ Бархударова Е. Л. Русский консонантизм: Типологический и структурный анализ. М., 1999. С. 82—83; Касаткин Л. Л. Фонологическое содержание долгих мягких шипящих [ш':], [ж':] в русском литературном языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 83—84.

приходит к выводу, что [š':] представляет собой сочетание гиперфоне-мы /s|s'z|z's|ž/ с фонемой /č/ во всех случаях, т.е. и внутри морфемы и на стыке морфем. Подробнее о концепции МФШ, в т. ч. о сильных и слабых позициях фонем, будет сказано в Гл. 8, § 6.

Среди сторонников щербовского направления в фонологии тоже нет единства. Л. Р. Зиндер бескомпромиссно отстаивал бифонемный статус [š':] = /šč'/¹. А. Н. Гвоздев сначала как будто не включал долгий мягкий глухой шипящий в состав фонем² (при всех колебаниях на этот счет³), но позднее он стал признавать /š':/ самостоятельной фонемой. М. И. Матусевич считала [š':] фонемой, но полагала, что процесс изменения /šč'/ > /š':/ в современном русском языке еще не завершился⁴. Следующее поколение фонологов ЩФШ, прежде всего Л. В. Бондарко, постепенно все больше отходит от ортодоксальной позиции Л. Р. Зиндера и склоняется к признанию /š':/ самостоятельной фонемой⁵.

В рамках концепции ЩФШ главным аргументом против признания [š':] самостоятельной фонемой является то, что внутри долгого мягкого глухого шипящего в русском языке как будто может проходить морфемная граница: (*pa[š':]ěска* — *рас-чѣс-к-а*, *разно[š':]ик* □ — *разнос-чик* □ и др.). Из возможности прохождения морфемной границы внутри [š':] вытекает его бифонемный статус. Соответственно и в тех случаях, когда морфемная граница отсутствует (*/š':/ука* — *шук-а*, *ве[š':]/и* — *вещ-и* и т. п.), долгий мягкий шипящий реализует сочетание двух фонем, причем во всех случаях, независимо от того, в какие чередования вступает [š':] и чередуется ли он вообще, это, конечно, будет сочетание одних и тех же фонем. Сочетание каких же фонем реализуется звуком [š':]? Л. Р. Зиндер рассуждал так: поскольку в русском языке [š':] противопоставлен всем возможным сочетаниям согласных, кроме [šč'], с которым он находится в свободном варьировании (ср. варианты литературного произношения [š':ukə] ~ [š'č'ukə], [gʌš':oskə] ~ [gʌš'č'oskə]), [š':] и есть реализация сочетания фонем /šč'/. Соответственно, фонематическая транскрипция слов *щука*, *расческа*, *разносчик*, *вещи* будет /ščuka/, /gaščoska/, /gaznoščik/, /v'ešči/.

Такое решение проблемы фонематического статуса [š':] теоретически выглядит вполне оправданным. Однако интуиция носителя языка заставляет усомниться в правильности конечного вывода об отсутствии фонемы /š':/ в современном русском литературном языке. Слишком

¹ Зиндер Л. Р. Фонематическая сущность долгого палатализованного [š':] в русском языке // Филологические науки. 1963. № 2. С. 137—142 (перепечатано в кн.: Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: М., 2007. — С. 408—413).

² Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка (1949 г.) // Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963. С. 110.

³ Там же. С. 123—124.

⁴ Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 142—144.

⁵ Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. С. 99—100.

уж очевидным представляется противопоставление /šč/↔/š':/ в фонетической системе современного языка, что позволяет усматривать в наличии произносительных вариантов [š'č']~[š':] не аллофонное варьирование, а отражение завершающего этапа слияния сочетания фонем /šč/= [š'č'] в одну фонему: новая фонема /š'= [š':] уже появилась и происходит ее распространение в отдельных словах. Для такой трактовки есть и теоретические основания. При решении вопроса о том, проходит ли морфемная граница внутри какого-либо звукового комплекса, многое зависит от позиции исследователя, от оценки им языковых фактов. Например, ничто не мешает нам считать, что в слове *расческа* или в слове *разносчик* внутри [š':] нет никакой морфемной границы. В первом случае, возможно, произошло опрошение (приставка *рас-* уже не выделяется языковым сознанием как морфема и стала частью корня). Во втором нет никаких оснований предполагать наличие суффикса *-чик-*, перед первым согласным которого конечный согласный корня *-нос-* якобы чередуется с /š/. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с морфонологическим усечением последнего согласного корня перед суффиксом *-щик-*, тем, который представлен в таких образованиях, как *банщик*, *конторщик* и подобных, где [š':] не является результатом взаимодействия согласных на стыке морфем. Не обязательно, что альтернативные решения верны, но их возможность и даже предпочтительность говорит о том, критерий морфемной границы не всегда может быть решающим при решении проблем моно- и бифонемности.

Таким образом, есть серьезные основания присоединиться к тем фонологам, которые отрицают бифонемный статус долгого мягкого глухого шипящего и признают существование фонемы /š':/ в современном русском литературном языке.

Фонологический статус [ž':]

Значительно реже обсуждается вопрос о фонематической самостоятельности долгого мягкого шипящего согласного [ž':]. Это связано с некоторыми особенностями его функционирования в современном русском литературном языке. Прежде всего само существование [ž':] в современном языке находится под вопросом. В речи младшего поколения носителей литературного языка он практически отсутствует, а в тех словах, где [ž':] произносился раньше, он заменен долгим твердым шипящим [ž:]: в соответствии со старым [j'éž':u] *езжу*, [róž':i] *позже* и т. п. произносится [j'éz':u], [róž:i], что соответствует и современной норме. Этот [ž:] всеми фонологами единогласно трактуется как реализация бифонемного сочетания /žž/. Таким образом, проблема фонологической интерпретации [ž':] не является актуальной применительно к современному литературному языку и постепенно перемещается в сферу исторической фонологии. Но вопрос может быть сформулирован следующим образом: каким был фонологический статус [ž':] в тот период развития современного русского языка, на-

пример, в середине XX в., когда [ž':] еще был живым явлением, свойственным литературному произношению? Впрочем, и для фонолога, описывающего звуковой строй современного русского языка, вопрос о фонологическом статусе [ž':] сохраняет свою актуальность. В частности, как трактовать [ž':] в речи старших носителей современного литературного произношения? Поскольку [ž':], который встречается только внутри морфемы, никогда не рассекается морфемной границей, у нас нет никаких оснований рассматривать его как бифонемное сочетание. Последовательное применение данного критерия приводит к выводу, что мягкий долгий звонкий шипящий функционирует как самостоятельная согласная фонема /ž':/, противопоставленная сочетанию фонем /žž/, хотя и имеющая очень слабую функциональную нагрузку. Она находится на периферии системы и постепенно вытесняется сочетанием /žž/. Между фонемами /ž':/ и /žž/ в современном языке имеет место своеобразное факультативное варьирование, которое носит неравноправный характер. Это варьирование носит исключительно и строго однонаправленный характер, что характерно для фонологических изменений, находящихся на завершающей стадии: [v'i'ž':at'] → [v'i'ž:at'] *визжать*, [d'ro'ž':i] → [d'ro'ž:i] *дрожжи*, но никогда [ž:e'č'] → *[ž':e'č'] *сжечь*, [b'iž:i'ni] → *[b'iž':i'ni] *без жены*, *[va'ž:alkə] → *[va'ž':alkə] *вас жалко* и т. д. Уникальное варьирование [ž':] и [žd'] имеет место в формах слов *дождь* и *вождь*: [dɫ'ž':i] → [dɫ'žd'i] *дожди* и др. К ним можно добавить такие возникшие в результате гиперкоррекции и устаревшие (устаревающие) формы, как *предупре[ž':]ение*, *убе[ž':]ение*, *день ро[ž':]ения* и некоторые другие. В совокупности все эти факты не позволяют поставить знак равенства между [ž':] и [ž:] в фонологическом отношении.

Таким образом, в русском языке, в тот период его исторического существования, когда произношение долгого мягкого шипящего согласного [ž':] было актуальным, этот согласный следует рассматривать как самостоятельную фонему /ž':/, а в старшей норме современного русского литературного языка — как пережиточную, маргинальную фонему, постепенно заменяемую сочетанием /žž/.

§ 12. Различительные признаки в системе русского консонантизма

Если считать мягкие заднеязычные и долгие мягкие шипящие самостоятельными фонемами, в составе современного русского консонантизма имеется 36 или 37 фонем (при учете мягкого звонкого шипящего /ž':/). Классификация согласных фонем русского языка строится на основе нескольких групп фонологических признаков и может быть представлена в таблице (см. табл. 5). Для обозначения этих фонологических признаков обычно используется артикуляторная и частично акустическая терминология, однако собственно фонологическое содержание этих различительных признаков лишь косвенно соотносится

с исходным содержанием соответствующих терминов в артикуляторной и акустической фонетике (то же самое имело, хотя, может быть, и не столь очевидно, место и при признаковом описании вокализма).

Таблица 5. Система согласных фонем

		Губные	Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные
			Однофокусные	Двухфокусные		
Шумные	Взрывные	p p' b b'	t t' d d'			k k' g g'
	Аффрикаты		с	č'		
	Щелевые	f f' v v'	s s' z z'	š š': ž (ž':)		x x'
Сонанты	Взрывные	m m'	n n'			
	Щелевые		l l'		j	
	Дрожащие		г г'			

Фонологические признаки опираются на терминологию, связанную со следующими артикуляторными характеристиками звуков.

Во-первых, это признак, опирающийся на характеристику русских согласных **по способу образования**: *смычные (взрывные и аффрикаты), щелевые, дрожащие* (ср. смычный взрывной /b/ — щелевой /v/, взрывной /t/ — аффриката /c/ — щелевой /s/, взрывной /n/ — щелевой /l/ — дрожащий /г/ и др.).

Во-вторых, признак, основанный на характеристике **по активному действующему органу** (с этой характеристикой коррелирует характеристика по месту образования). При этом для русского языка существенно различие *губных, переднеязычных, среднеязычных и заднеязычных* согласных (ср. губной /b/ — переднеязычный /d/ — заднеязычный /g/, губной /f'/ — переднеязычный /s'/ — заднеязычный /x'/, губной /m/ — переднеязычный /n/¹ и др.).

К противопоставлению русских согласных по способу и месту образования примыкает еще одно существенное различие — по количеству фокусов образования согласного. При образовании согласных может возникать один (большинство русских согласных, в частности фонемы /s/ и /z/) или два (фонемы /č'/, /š/, /ž/, /š':/ и исчезающая фонема /ž':/) фокуса. Признак однофокусности/двухфокусности² не-

¹ В русском языке отсутствует соответствующая самостоятельная заднеязычная носовая фонема /ŋ/, хотя [ŋ] как факультативный аллофон фонемы /n/ возможен в позиции перед сочетанием согласных, начинающихся заднеязычным: ср. *пункт* [puŋkt], *конгресс* [kɔŋ'grɛs], *он к нам* [oŋ 'k nam].

² Возможно, двухфокусные согласные с артикуляторной точки зрения являются скорее длиннофокусными.

обходим для различения по крайней мере двух пар фонем: /s/ — /š/ и /z/ — /ž/, которые различаются только этим признаком.

В-третьих, признак глухости/звонкости, в основе которого лежит характеристика **по работе голосовых связок**, позволяющая противопоставить *глухие* и *звонкие* согласные (ср. /p/ — /b/, /fʰ/ — /vʰ/, /t/ — /d/, /sʰ/ — /zʰ/, /š/ — /ž/, /k/ — /g/, /x/ — /xʰ/ и т. п.). Некоторые глухие фонемы (/c/, /čʰ/, /x/, /xʰ/) не имеют звонкой пары, от которой они отличались бы только признаком глухости. Видимо, к этой группе непарных по глухости/звонкости фонем сейчас уже, видимо, можно отнести и /šʰ:/, т. к. фонема /žʰ:/ практически утратилась и сохраняет коррелятивные отношения с фонемой /šʰ:/ только в слове *дождь* (ср. /došʰ:/, /dožʰ:a/). При этом непарные по глухости/звонкости фонемы /c/, /čʰ/, /šʰ:/, /x/, /xʰ/ имеют звонкие аллофоны [ç] (= [dž]), [čʰ] (= [džʰ]), [šʰ:] (= [žʰ:]), [x] (= [ɣ]), [xʰ] (= [ɣʰ]) в позиции перед звонкими шумными согласными: ср. *коне[dz] дороги, клю[džʰ] дома, пла[žʰ:] Димы, стра[ɣ] божий, и[ɣʰ] гены* и т. п.

В-четвертых, характеристика **по работе средней части спинки языка** (различаются *твердые* и *мягкие* согласные). Различие между твердыми и мягкими согласными (ср. /b/ — /bʰ/, /f/ — /fʰ/, /t/ — /tʰ/, /s/ — /sʰ/, /k/ — /kʰ/, /x/ — /xʰ/ и т. п.) часто интерпретируется как наложение дополнительной артикуляции — *палатализации* (подъема средней части спинки языка к твердому нёбу) — на основную: губную, переднеязычную и заднеязычную, но не на среднеязычную (палатальную), т. к. для среднеязычных согласных подъем средней части спинки языка является основной, а не дополнительной артикуляцией. Поэтому русские твердые и мягкие согласные лучше называть соответственно непалатализованными и палатализованными. Таким образом, /j/ как среднеязычный (палатальный) согласный фонологически не является палатализованным согласным, хотя артикуляторно для него характерен подъем средней части спинки языка, как и для палатализованных согласных, но у него это основная артикуляция.

В-пятых, характеристика **по работе мягкой занавески** (мягкого нёба), что позволяет различать *неносовые*, которые произносятся при поднятой нёбной занавеске, и *носовые* согласные, которые произносятся при опущенной нёбной занавеске (ср. /b/ — /m/, /bʰ/ — /mʰ/, /d/ — /n/ и /dʰ/ — /nʰ/).

В-шестых, еще одной характеристикой является не артикуляторная, а акустическая: **по роли шумовых составляющих в спектре** звука. По этому признаку различаются *шумные* согласные и *сонанты*.

При описании системы фонем посредством различительных признаков мы лишь используем артикуляционную или акустическую терминологию, но фактически различительные признаки отражают функционально важные для данного языка группировки фонем. Так, сонанты фонологически объединяются в группу не просто потому, что они больше тоны, чем шумы, а прежде всего на основе того, что они, в отличие от шумных, не участвуют в противопоставлении по глухости/звонкости

(нет сонантов, которые были бы противопоставлены только по этому признаку) и в частности не вызывают озвончения предшествующих согласных (ср. *слон* — *злон*). Поскольку сонанты не участвуют в противопоставлении по глухости/звонкости, они могут варьировать по этому признаку и иметь звонкие аллофоны в позиции конца слова, особенно после глухих шумных фонем: ср. [ˈvopʲ] *вошь*, [tˈrʲatrʲ] *театр* и т. п.¹

В русском языке фонологический признак, противопоставляющий носовые и неносовые согласные, пересекается с признаком, выделяющим сонанты, и признаком глухости/звонкости, поскольку носовые согласные всегда являются сонантами и не имеют парных глухих носовых фонем, от которых они отличались бы только признаком глухости/звонкости.

Наличие одного или двух фокусов у согласного — это характеристика способа образования. Соответственно по способу образования все согласные следовало бы сначала разбить на две группы — однофокусные и двухфокусные, а затем проводить следующие разбиения по активному органу. Однако в силу того, что группы эти по количеству входящих фонем слишком неравны (двухфокусных только 5 фонем из 37, а без /ʒː:/ и того меньше), специалисты по русской фонетике так не делают, мало того, учитывая, что все двухфокусные являются переднеязычными, разграничение однофокусных и двухфокусных проводится только внутри класса переднеязычных согласных, т. е. фактически включается в характеристику по месту образования. Можно заметить, что все русские двухфокусные переднеязычные согласные /čː/, /šː/, /ʂː/, /žː/ являются «шипящими», т. е. характеризуются специфическим тембром, которым они отличаются от соответствующих однофокусных переднеязычных «свистящих» (/c/, /s/, /sʲ/, /z/, /zʲ/).

Приведем еще один пример того, что одноименные фонологические и артикуляционные признаки располагаются в разных, лишь косвенно соотносимых друг с другом плоскостях. Мягкий переднеязычный /tʲ/ фонологически характеризуется как взрывной, противопоставленный твердому /t/ лишь одним признаком твердости/мягкости, но с артикуляционной точки зрения очень близок к аффрикатам, т. к. его смычка завершается не взрывом, а плавно переходит в щель [tʲ^s]. Таким образом, с позиций артикуляторной фонетики /tʲ/ мог бы рассматриваться как мягкая аффриката /cʲ/, противопоставленная по признаку твердости/мягкости твердой аффрикате /c/ (= [tʲ^s]). Однако такое решение противоречит системным отношениям, т. к. в русском языке пара /t/ — /tʲ/ входит в одни и те же ряды чередований, что и другие твердые и мягкие (*плита* — *плите*, *коса* — *косе*, *раба* — *рабе* и т. п., *плету* — *плетешь*, *несу* — *несешь*, *гребу* — *гребешь* и т. п.). Пара

¹ В МФА оглушение сонант обозначаются кружком под символом согласного [ː], однако в отечественной традиции используется и знак [˘], отсутствующий в МФА и созданный как противоположный символу озвончения [˙]. Соответственно слова *вошь* и *театр* могут транскрибироваться как [ˈvopʲ˘] и [tˈrʲatrʲ˘].

же /с/ — /т'/ не вписывается в эти отношения, более того — /с/ и /т'/ вообще не вступают в чередования.

Таким образом, различительные признаки русских согласных отражают довольно сложные отношения внутри подсистемы согласных фонем. Среди фонологов имеются значительные разногласия относительно того, какие признаки русских согласных являются фонологически существенными и какова иерархия различительных признаков системы в целом и конкретных фонем в частности. Так, если мы говорим о долгом мягком шипящем /š':/ как о самостоятельной фонеме, сразу возникает вопрос о его месте в системе фонем и, соответственно, о его различительных признаках. Является ли долгота этого согласного его различительным признаком? Видимо, нет, поскольку нет согласных фонем, от которых /š':/ отличался бы только долготой. Кроме того, /š':/ совсем не всегда реализуется долгим согласным, а значит, этот признак не является для него различительным. Соответственно и в системе согласных долгота не выступает в качестве фонологически существенного, дифференциального. Можно ли признак мягкости (палатализованности) рассматривать как различительный для /š':/? На это как будто указывает то, что в системе признак твердости/мягкости является различительным. Однако /š':/ не входит в те ряды чередований палатализованных и непалатализованных фонем, которые и позволяют выделить сам признак твердости/мягкости (ср. *плу/т/а — плу/т'/е*, *ко/с/а — ко/с'/е*, *па/б/а — па/б'/е* и т. п., но в *лев/š/a — лев/š'/е*, не *лев/š/a — *лев/š':/е*). Таким образом, ни мягкость, ни долгота не могут по отдельности быть признаны дифференциальными признаками фонемы /š':/. Видимо, следует признать, что /š':/ характеризуется комплексным дифференциальным признаком, включающим одновременно два «интегральных» признака — долготу и мягкость. Удобный способ обозначения долгих мягких шипящих фонем использовал Н. С. Трубецкой — /š̂/ и /ž̂/. В кириллической транскрипции иногда используются символы /щ/ и /ж/. Такие символы для фонематической транскрипции подчеркивают комплексный характер различительного признака, совмещающего долготу и палатализованность.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И.* Из истории русского вокализма. Звуки I и Y // Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 238—259.
2. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. М., 1998. С. 22—47 (Гл. I. Система фонем современного русского литературного языка).
3. *Буланин Л. Л.* Фонетика современного русского языка. М., 1970. С. 40—87.
4. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. § 27—72 (Гл. I. В. Учение о фонеме) [или: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика // Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007].
5. *Зиндер Л. Р.* Фонематическая сущность долгого палатализованного [š':] в русском языке // Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007. С. 408—413).

6. *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 61—66, 83—88 (о фонеме /ы/), 88—94, 139—144 (о мягких долгих шипящих), 158—161 (о долгих согласных).
7. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960. С. 38—46 (Основные понятия. 1. Фонологическая оппозиция. 2. Фонологическая единица. Фонема. Вариант), с. 52—59 (Различение фонем и вариантов), с. 62—71 (Отдельная фонема и сочетание фонем).
8. *Щерба Л. В.* Теория русского письма. Л., 1983. С. 35—61 [§ 32—51].

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Гвоздев А. Н.* Вопрос о фонемах в «Очерке грамматики русского литературного языка» Аванесова и Сидорова // Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963. С. 115—132.
2. *Гвоздев А. Н.* К вопросу о системе фонем современного русского литературного языка // Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963. С. 90—115.
3. *Добродомов И. Г.* Беззаконная фонема /ʔ/ русского языка // Проблемы фонетики. IV. М., 2002. С. 36—52.
4. *Зиндер Л. Р.* Долгий звонкий шипящий мягкий согласный в русском литературном языке // Экспериментально-фонетический анализ речи. — Л., 1989. Вып. 2. С. 3—5.
5. *Касаткин Л. Л.* Фонологическое содержание долгих мягких шипящих [шʲ:], [жʲ:] в русском литературном языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 80—89.
6. *Панов М. В.* О разграничительных сигналах в языке (1961 г.) // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 309—313.
7. *Попов М. Б.* Некоторые соображения относительно фонематической самостоятельности [ы] в русском языке // Вестник СПбГУ. 1999. Сер. 2. Вып. 3. С. 40—51.
8. *Попов М. Б.* О фонологическом статусе долгого звонкого мягкого шипящего [žʲ:] в русском литературном языке // Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича. СПб., 2011. С. 124—128.

§ 1. Модификации фонем в потоке речи

Фонемы как функциональные единицы звукового строя языка подвергаются различным модификациям в речевом потоке. Каждая конкретная фонема воплощается в разных аллофонах в зависимости от фонетических условий, в которых она оказывается, но реализуется она только ей свойственным набором аллофонов. Поскольку фонемы являются автономными единицами плана выражения языка, они не имеют общих аллофонов, поэтому появление у фонемы в какой-либо позиции аллофона другой фонемы следует трактовать как позиционное фонологическое изменение. Так, на определенном этапе (до XVI в.) в московском произношении фонемы /a/ и /o/ различались и имели разные аллофоны в безударной позиции: произношение словоформ /volǐ/ *воли* и /valǐ/ *валы*. Во 2-й половине XVI в. в Москве распространилось аканье, т. е. произношение аллофона фонемы /a/ на месте аллофона этимологической фонемы /o/ в позиции не под ударением. Невозможно реконструировать правила аллофонного варьирования в московском произношении XVI в., но фонологические отношения ясны: в безударном положении после твердых согласных аллофон фонемы /o/ в разговорном произношении перестал употребляться и на его месте стал употребляться аллофон фонемы /a/. В результате изменения в некоторых морфемах возникло чередование фонем /o:/a/ (/vol/ *вол* — /valǐ/ *валы*), в других чередования нет, но фонема /a/ представлена разными аллофонами в зависимости от позиции по отношению к ударному слогу ([ˈval] *вал* — [vǎˈlʲi] *валы* — [vǔlˈvoʲ] *валовой*). Между модификациями фонем и чередованиями фонем существует принципиальное различие. Модификация фонемы — это варьирование аллофонов фонемы в зависимости, прежде всего, от фонетических условий, в которых оказываются фонемы в потоке речи, а чередование фонем — это варьирование плана выражения морфемы, которое может быть связано с передачей определенных значений. Так, чередование /o:/a/ может участвовать в выражении противопоставления единственного и множественного числа (ср. *д/о/м, д/о/ма, д/о/му* ..., но *д/а/ма́, д/а/мо́в, д/а/ма́м* ...).

Последовательности фонем как минимальных, далее линейно не делимых единиц языка, материально реализуются в сегментах речевого потока. Фонему как функциональную единицу языка нельзя

измерить в миллисекундах, но длительность конкретной произнесенной фразы, синтагмы, словоформы от паузы до паузы измерить можно. Зная количество фонем в сегменте, соответствующем звуковой оболочке значимой единицы, можно определить среднюю длительность фонем в словоформе, фразе и даже в данном языке в целом. Длительность реализаций фонем естественным образом связана с темпом речи, который у разных говорящих и в разных ситуациях общения будет различным. Кроме того, разные классы звуков характеризуются разной длительностью: гласные являются более длительными, чем согласные, щелевые согласные более долгие, чем смычные, палатализованные характеризуются большей длительностью, чем непалатализованные, глухие — большей, чем звонкие. Гласные при прочих равных условиях тоже характеризуются разной «природной» длительностью: по мере понижения подъема (и соответственно увеличения открытости) длительность гласного увеличивается (таким образом, ударный гласный [a] в русском языке по своей природе является самым длительным в среднем 160—170 мс; ударные гласные верхнего подъема [i] и [i̯] — в среднем 110—120 мс). Минимальная длительность гласного составляет 30 мс (при очень сильной редукции в безударной позиции — это минимальная длительность звука, при которой носители языка могут его опознать), максимальная достигает 300 мс у ударных гласных при особом фразовом выделении, т. е. в так называемой сильной фразовой позиции.

Сегменты речевого потока, соответствующие конкретным фонемам, из которых состоят звуковые оболочки значимых единиц языка, в фонетике изучаются как реализации фонем, которые в фонологии описываются как аллофоны этих фонем. Границы между сегментами, соответствующими реализациям фонем, являются условными и определяются приблизительно, а критерии такой сегментации и само установление границ в конкретных случаях представляет собой одну из проблем инструментальной и экспериментальной фонетики¹.

Трудность определения границ сегментов обусловлена тем, что фонема как языковая единица (в совокупности своих ДП) является своего рода функциональной «точкой», поэтому последовательность фонем в словоформе функциональна, а последовательность реализаций ДП (т. е. их артикуляционно-акустических коррелятов) в речевом потоке не функциональна. Так, в словоформе /p'ok/ *пёк* ДП лабиализованности фонемы /o/ начинает реализовываться уже на предшествующем согласном /p'/, который реализуется лабиализованным аллофоном, а палатализованность /p'/ реализуется не столько в отрезке, соответствующем этому согласному, сколько в начале следующего за /p'/ гласного, который является дифтонгоидом, начинающимся с *i*-образного переходного участка. В фонетической транскрипции это может быть передано при

¹ См. об этом в кн.: *Скрябин П. А. Сегментация и транскрипция*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

помощи специальных символов: ср. [p^{oi}ok] *пёк* (символ ^o обозначает лабиализованность согласного, а ⁱ перед гласным — i-образный переход от согласного к гласному). Этот переходный участок гласного является коррелятом ДП палатализованности предшествующего согласного. Таким образом, ДП фонем реализуются не в сегментах, соответствующих фонемам, а в сегментах, соответствующих сочетаниям фонем, прежде всего в слогах, являющихся минимальными произносительными единицами, в которых реализуются последовательности фонем.

Каковы бы ни были трудности определения границ между звуковыми сегментами, реализующими отдельные фонемы, именно эти сегменты являются объектом исследования в артикуляторной, акустической и перцептивной фонетике.

§ 2. Классификация аллофонов

С фонологической точки зрения, модификации фонем представляют собой аллофонное варьирование. В свою очередь модификация фонемы в потоке речи зависит от многообразных условий. Это могут быть индивидуальные особенности говорящего, его эмоциональное состояние, принадлежность к той или иной социальной или возрастной группе, ситуация общения, темп речи, стиль произношения, позиция во фразе, позиция в словоформе, влияние соседних фонем, позиция по отношению к ударению и т. д. и т. п. Эти условия играют разную роль в реализации фонем и имеют разную функциональную нагрузку. Некоторые из этих условий не имеют лингвистического значения, например, индивидуальные особенности говорящих, обусловленные физиологическими особенностями организма. Реализации фонем, вызванные собственно физиологическими характеристиками говорящих, обычно выводятся за пределы аллофонного варьирования и по отношению к ним термин *аллофон* не используется. В лингвистическом плане первостепенное значение для описания варьирования фонем имеют: позиция фонемы по отношению к соседним фонемам, позиция по отношению к ударению и позиция в словоформе и слоге. Реализации фонем, зависящие от этих позиций, называются *обязательными аллофонами*.

Обязательные аллофоны, или просто аллофоны, каждой фонемы принадлежат только этой фонеме и находятся в отношениях *дополнительной дистрибуции*, т. е. они, встречаясь только во взаимоисключающих позициях, как бы дополняют друг друга. Каждый аллофон фонемы имеет свою собственную фонетическую позицию. Поскольку позиций у каждой фонемы довольно много, почти бесконечное количество, постольку и аллофонов у каждой фонемы очень много. Фонетисты, изучающие конкретный язык, учитывают, конечно, не все аллофоны каждой фонемы, а обычно, опираясь на здравый смысл и особенности системы фонем и их дифференциальных признаков, объединяют аллофоны в группы на основе артикуляторно-акустического сходства

и результатов перцептивных экспериментов. Для таких объединений аллофонов можно оставить термин *аллофон*¹, но можно, видимо, трактовать их и как *звукотипы*. Аллофоны и звукотипы — это не единицы фонетической системы конкретного языка, а способ описания («ученое измышление», по выражению Бодуэна) модификаций фонем в потоке речи, т. е. аллофонного (позиционного) варьирования фонем данного языка.

Как сказано выше, каждый из аллофонов фонемы занимает свою, только ему присущую позицию, т. е. все аллофоны фонемы по существу являются позиционными. Однако часто фонетисты разграничивают два вида аллофонов в зависимости от того, каков характер этой позиции. Если аллофонное различие вызвано взаимодействием с соседними фонемами, т. е. фактически коартикуляцией, то такие аллофоны называют *комбинаторными*. Если же аллофонное различие вызвано позицией фонемы в словоформе (абсолютное начало слова или абсолютный конец слова перед паузой) или ее позицией по отношению к ударению (первый или второй предударный слог, заударный слог), то такие аллофоны называют *позиционными*.

Типичными позиционными аллофонами являются различные реализации фонемы /a/ в зависимости от отношения к ударному слогу и к абсолютному началу словоформы (ср. под ударением [ˈzvaʃ] = /zval/ *звáл*, в 1-м предударном [zvʌˈtʌi] = /zvaˈla/ *звалá*, во 2-м предударном [zəziˈvat] = /zaziˈval/ *зазывáл*, в заударном [ˈvʲizvət] = /ˈvʲizval/ *вы́звал*; под ударением [ˈangˈɪʃ] = /ˈangˈil/ *áнгел*, во 2-м предударном и даже в 4-м предударном, но в абсолютном начале [ɪngˈɪtočˈik] = /angˈiˈločˈik/ *а́нгелóчек*, [ɪngˈɪtərlˈdobnʲi] = /angˈilapɑˈdobnʲi/ *а́нгелоподóбный*). Для согласных примером позиционных аллофонов могут служить начальнoслоговые и конечнoслоговые аллофоны смычных согласных /p/, /t/, /k/: в начале слога эти фонемы реализуются непридыхательными аллофонами, а в абсолютном конце словоформы — придыхательными² (ср. [p˚opːh] = /pop/ *ноп*, [t˚otːh] = /tot/ *тот*, [k˚akːh] = /kak/ *как*).

Типичными комбинаторными аллофонами являются нелабиализованные и лабиализованные согласные: первые выступают перед нелабиализованными гласными, вторые перед лабиализованными (ср. /doma/ = [d˚omə] *дóма* и /damoj/ = [dʌˈm˚oʲj] *домóй*). Аллофоны [d] и [d˚] — комбинаторные аллофоны фонемы /d/, а [m] и [m˚] — комбинаторные аллофоны фонемы /m/. Для гласных типичными комбинаторными аллофонами являются неназализованные, выступающие после носовых согласных, и назализованные аллофоны, появляющиеся после носовых /n/, /n˚/, /m/, /m˚/ (ср. /baba/ = [ˈbaba] *баба* и /mama/ = [ˈmāmə]

¹ Ю. С. Маслов предпочитает термин *аллофонема*. Это связано с тем, что он считает аллофонемы (как и фонемы) единицами языка (Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987. С. 52).

² Обычно в фонетической транскрипции придыхательность русских согласных в абсолютном конце слова не обозначается.

мама). Аллофоны [a] и [ã] — комбинаторные аллофоны фонемы /a/, но и [ə] и [ǣ] — тоже комбинаторные аллофоны фонемы /a/.

Однако последний пример показывает и условность разделения аллофонов на комбинаторные и позиционные, т. к. один и тот же аллофон может быть комбинаторным по отношению к одному аллофону и позиционным по отношению к другому. Например, [ǣ] и [ə] являются комбинаторными аллофонами /a/ в отношении назализации (так же, как [a] и [ã]), но позиционными аллофонами фонемы /a/ в отношении ударения. Такое же пересечение позиционного (начало слога/конец слога) и комбинаторного (лабиализованность/нелабиализованность) условия мы могли наблюдать в приведенных выше примерах: [r^oop^h]=/rop/ *нон*, [t^oot^h]=/tot/ *том*. Поэтому когда говорят о комбинаторных или позиционных аллофонах, обычно имеют в виду не один аллофон, а несколько аллофонов, различающихся в отношении какого-либо одного фонетического параметра.

Итак, фонетические свойства аллофонов каждой фонемы зависят от разнообразных комбинаторных и позиционных условий, в которых оказывается фонема в речевом потоке. Поскольку каждый аллофон привязан к своей позиции, в фонологическом отношении все аллофоны фонемы равноправны. Каждый из них комбинаторно и позиционно обусловлен. Даже если мы возьмем гласные фонемы, которые могут составлять звуковые оболочки однофонемных слов (например, союзы *и*, *а*, предлоги *у*, *о*, существительные — названия букв «и», «ы», «у», «э», «о», «у») и поэтому в принципе могут произноситься в изолированной позиции, они всегда — даже в изолированной позиции — будут представлены своими аллофонами, обусловленными позиционно и, как ни странно, комбинаторно. Так, при изолированном произнесении названия буквы «а», например, в ответе на вопрос: — *Какая это буква?* — *А.*, фонема /a/, образующая план выражения существительного «а», представлена ударным аллофоном [a], который обусловлен ударностью и является позиционным аллофоном в ряду аллофонов [a], [ʌ], [ə]. Однако при внимательном рассмотрении аллофон [a] в данном случае обусловлен и комбинаторно, т. к. в абсолютном начале слова (и слога) у гласного появляется «твердый приступ» (гортанная или глоттальная смычка, т. е. смыкание голосовой щели — *глоттиса*), который в фонетической транскрипции обозначается знаком [ʔ]. Наличие глоттальной смычки обусловлено отсутствием предшествующего согласного (его функцию в какой-то степени и восполняет глоттальная смычка). Таким образом, строго говоря, изолированный аллофон фонемы /a/ под ударением следовало бы обозначать [ʔa]. Таким образом, аллофонное варьирование может быть обусловлено как наличием соседней фонемы, так и ее отсутствием. Аллофон всегда обусловлен позиционно и комбинаторно.

Несмотря на равноправие всех аллофонов каждой фонемы в фонологическом отношении, при описании реализаций фонем любого языка фонетисты из практических соображений обычно выделяют один из аллофонов (фактически, конечно, группу аллофонов) в качестве

основного аллофона, который как бы «представляет» данную фонему. Описывая артикуляционно-акустические свойства реализаций фонем, как правило, описывают именно основные аллофоны. Понятие основного аллофона в конечном счете оправдано языковым сознанием и речевым поведением носителя языка, поскольку носитель языка осознает, видимо, только основной аллофон и именно его в любой позиции стремится произносить. Если же между основным и другими аллофонами фонемы обнаруживаются существенные различия, основной аллофон служит при описании точкой отсчета, своего рода эталоном, с которым сопоставляются другие аллофоны данной фонемы. Возможен даже подход, согласно которому остальные комбинаторные и позиционные аллофоны фонемы трактуются как преобразования основного аллофона в зависимости от фонетической позиции фонемы.

Единственное, против чего следует предостеречь, так это против отождествления *фонемы* и ее *основного аллофона*. Представление о том, что основной аллофон и есть фонема, может возникнуть вследствие того, что, называя фонему, мы обычно произносим ее основной аллофон, т. к. фонема сама по себе как функциональная единица языка не произносима.

Критерии выбора основного аллофона фонемы являются предметом дискуссий среди фонетистов. Наиболее подходящей кандидатурой, видимо, является аллофон, находящийся в изолированной позиции. Для гласных фонем изолированная позиция — это всегда положение под ударением, а также положение, в котором гласный не подвергается воздействию соседних фонем (возникающая перед начальным гласным глоттальная смычка не является фонемой). Что касается согласных фонем, то их тоже в принципе всегда можно изолировать (Ср. — *Произнеси согласный «т»!* — «Т».)¹, но в обычной речи, конечно, согласные изолированно не произносятся. С одной стороны, изолированное произнесение согласного, если этого удастся добиться от носителя языка, проявляет существенные фонетические свойства согласного, в частности те особенности артикуляции, которые входят в его артикуляторную программу и не подвергаются воздействию соседних фонем, с другой стороны, изолированное произнесение согласного нельзя признать типичным в естественной речи. В связи с этим в качестве основных аллофонов русских согласных фонем некоторые фонетисты предлагают рассматривать аллофоны, появляющиеся перед ударным гласным,

¹ Л. В. Щерба писал: «Очень распространено мнение, будто „мгновенные“, как *p, t, k...* не могут быть произнесены отдельно; но раз мы произносим *at*, то решительно не понятно, почему бы мы не могли бы произнести просто *t*: оно мало сонорно и потому не будет слышно уже в небольшом отдалении, но может быть совершенно естественным. Это мнение возникло среди учителей, которые действительно, для того чтобы быть услышаны всем классом, произносят нечто вроде [tə, pə, kə] вм. [t, p, k]» (*Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 114*).

артикуляция которого в наибольшей степени соответствует артикуляции согласного и в наименьшей степени влияет на его артикуляцию¹. Для непалатализованных заднеязычных /k/, /g/, /x/ и, видимо, для губных такой позицией будет позиция перед /a/, для твердых переднеязычных — позиция перед /e/ (хотя это не очень типичная позиция в плане частотности, т. к. перед /e/ обычно выступают мягкие согласные), для палатализованных — перед /i/. Возможны и другие решения. Например, можно было бы считать основными аллофонами позицию перед ударным гласным /a/ для всех непалатализованных согласных, и позицию перед /e/ для всех палатализованных. Для всех типов согласных русского языка эти позиции являются частотными и достаточно типичными, а фонемы /a/ и /e/ по подъему различаются меньше, чем /a/ и /i/.

§ 3. Факультативные варианты фонемы

Кроме того, в реализациях фонем существует вариантность другого рода, когда в языке оказываются возможными разные варианты произношения фонемы в одних и тех же фонетических позициях. Речь при этом идет не о вариантах слов, различающихся составом фонем (независимо от причин такой вариантности), как в словах *галоши* — *калоши*, *шкаф* — *шкaп*, *матрас* — *мaтpaц*, *було/§/ная* — *було/џ'/ная*, *п/о/эт* — *п/а/эт*, */т/вёрдый* — */т'/вёрдый* и т. п., а о случаях свободного варьирования фонологически не противопоставленных звуков. Например, сонанты, не входящие в противопоставление по глухости/звонкости, на конце слов могут быть представлены как звонкими, так и глухими вариантами: ср. [smotr]~[smotr̩] *смотр*, [vopl']~[vopl̩'] *вопл* и т. п.² Звонкие и глухие сонанты являются взаимозаменяемыми в одной и той же позиции, причем фонемный состав звуковой оболочки словоформы не меняется — /smotr/, /vopl'./.

Поскольку реализации фонемы, которые находятся в отношениях дополнительной дистрибуции (т. е. не встречаются в одной и той же фонетической позиции), называются *аллофонами* (или обязательными аллофонами), этот термин (аллофон) обычно не используется по отношению к таким реализациям фонем, которые находятся в отношении свободного варьирования (т. е. являются вариантами, возможными в одной фонетической позиции), как в описанном случае звонких и глухих сонантов. В противоположность термину *обязательные аллофоны* фонемы, которым обозначаются реализации фонем, находящихся в дополнительной дистрибуции, для реализаций фонемы, находящихся в состоянии свободного варьирования, используется термин *факультативные варианты* фонемы (впервые, видимо, введенный Е. Д. Поливановым).

¹ Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998. С. 60.

² Обратите внимание, что здесь одновременно действуют и позиционные (абсолютный конец слова) и комбинаторные (соседство с глухим шумным согласным) условия.

Другим примером факультативных вариантов фонемы могут служить смычный [g] и щелевой [ɣ], а также [gʲ] и [ɣʲ]. В литературном произношении эти варианты возможны в таких словах, как *господи*, *Бога*, *бухгалтер* и некоторых других (ср. [ˈbogə] или [ˈboʊə] *Бога*, [л-ˈbogʲi] или [л-ˈboʊʲi] *о Боге*). Щелевой вариант [ɣ] (и [ɣʲ]) является архаизмом и представляет собой реликт старого литературного произношения (по происхождению церковнославянского), которое было живым еще в XVIII в. Позиция заднеязычного согласного здесь одинаковая, фонемный состав слов не меняется, т. к. [g] и [ɣ] в фонологической системе русского языка не противопоставлены и не могут различать звуковых оболочек разных слов. В современном произношении в словоформе /box/ *Бог* на конце слова представлена фонема /x/ (результат оглушения щелевого [ɣ]), и соответственно имеет место нетипичное чередование фонем /g/:/x/¹. Носители языка, ориентирующиеся на произношение с [g] ([ˈbogə] *Бога*) это слово произносится с конечным [k] ([ˈbok]), что не соответствует нормативному литературному произношению, но соответствует продуктивной модели чередования /g/:/k/. В русском языке фонемы /x/ и /k/ противопоставлены, поэтому их аллофоны [x] и [k] в произносительных вариантах словоформы *Бог* не являются факультативными вариантами одной фонемы.

Следует отметить, что между факультативными вариантами [r]~[ɾ], [lʲ]~[lʲʰ], с одной стороны, и факультативными вариантами [g]~[ɣ], [gʲ]~[ɣʲ], с другой, имеется различие, которое заключается в том, что звонкие и глухие варианты сонантов являются факультативными вариантами только в определенных фонетических позициях, а [g]~[ɣ] не связаны с какими-либо позициями фонемы /g/. Факультативные варианты первого типа ([r]~[ɾ] и др.) можно назвать *комбинаторно-факультативными*. Такие варианты часто зависят от темпа и стиля произношения. Факультативные варианты второго типа ([g]~[ɣ] и [gʲ]~[ɣʲ]) можно назвать собственно *факультативными*. Они обычно зависят от ориентации на ту или иную произносительную норму, от влияния диалектного субстрата. Так, щелевые [ɣ] и [ɣʲ] могут проникать в произношение говорящих, не вполне овладевших нормой литературного произношения, из южнорусских диалектов, для которых характерны не смычные звонкие заднеязычные /g/ и /gʲ/, а щелевые /ɣ/ и /ɣʲ/.

§ 4. Артикуляционная классификация русских согласных и модификации русских согласных фонем

При классификации русских согласных фонем используется несколько признаков, основанных на их артикуляторных свойствах. Согласные различаются: 1) по способу образования; 2) по действующему органу и по месту образования; 3) по работе нёбной занавески;

¹ Ср. такое же чередование в /lʲogak/ *лёгок* — /lʲiˈxko/ *легко*, /mʲagak/ *мягко* — /mʲaxka/ *мягко*).

4) по работе голосовых связок (по глухости/звонкости); 5) по работе средней части спинки языка (по твердости/мягкости, или точнее — по непалатализованности/палатализованности). Когда мы говорим о фонемах — функциональных единицах звукового строя — эти признаки приобретают абстрактный характер, они отражают группировки фонем, отношения фонем в системе, т. е. не столько особенности артикуляции соответствующих согласных, сколько их принадлежность к той или иной группе фонем. При классификации фонем как функциональных единиц может использоваться артикуляторная терминология, но при этом собственно артикуляционные особенности и детали реализаций классифицируемых фонем могут отражаться весьма приблизительно, т. к. в этом случае важно показать, чем каждая фонема во всей совокупности своих реализаций отличается от любой другой фонемы. И в этом смысле совершенно все равно, какие термины — артикуляционные, акустические или еще какие-нибудь — будут использованы для обозначения дифференциальных признаков фонем. Собственно артикуляционное содержание эти признаки приобретают тогда, когда мы хотим понять, как работают произносительные органы (артикуляторы) при реализации фонем в речевом потоке. Наблюдения над артикуляторной стороной модификаций фонем в речи, т. е. над процессом образования обязательных аллофонов фонем, позволяют глубже понять и функционирование фонем как единиц звукового строя языка.

Таблица 6. Артикуляционная классификация согласных русского языка

Способ образования		Активный действующий орган	Губные		Переднеязычные			Среднеязычные	Заднеязычные
			Двугубные	Одногубные	Дорсальные	Апикальные	Какуминальные		
С М Ы Ч Н Ы Е	Взрывные	Носовые	m m'		n n'				
		Неносовые	p p' b b'		t t' d d'			k k' g g'	
	Аффрикаты			ç [dʒ]	č' [dʒ']				
Щ е л е в ы е	Срединные		f f' v v'	s s' z z'	š': [ž':]	š ž	j	x x' [ɣ]	
	Боковые				l l'				
Дрожащие						r r'			

Рассмотрим артикуляторные свойства русских согласных.

Характеристика по способу образования фактически отражает специфику шумообразующей преграды. В зависимости от типа преграды, возникающей на пути воздушной струи, образуется тот или иной тип шума, которым с акустической стороны характеризуется согласный. Для русских согласных достаточно различать три способа образования: *смычку* (при ее образовании два активных или активный и пассивный органы речи полностью смыкаются, предотвращая проход воздуха), *щель* (органы речи сближаются, оставляя место для прохода воздуха) и *дрожание* (органы речи образуют поочередно более и менее закрытый проход воздуха). Соответственно при помощи этих способов образуются *смычные* (англ. *stops*), *щелевые* (или *фрикативные*, англ. *fricatives*) и *дрожящие* (или *вибранты*, англ. *trills*) согласные.

Произнесение любого согласного, вопреки нашему представлению, основанному на восприятии речевого потока как последовательности линейно не членимых фонем, не одномоментный процесс. Артикуляция согласного, реализующая определенную двигательную-временную программу, распадается на несколько фаз: первая фаза — *экскурсия*, или *приступ*, — представляет собой переход (от нейтрального положения или от предшествующего звука) к такому состоянию артикуляторов, которое необходимо для произнесения данного согласного; вторая фаза — *выдержка* — некоторая относительная стабилизация органов речи в необходимом положении; третья фаза — *рекурсия*, или *отступ*, — переход к следующему звуку или к состоянию покоя. Центральная фаза — выдержка — фиксирует место образования согласного.

Различение трех фаз артикуляции существенно для понимания дальнейшей классификации смычных согласных. В зависимости от того, имеется ли у смычного согласного третья фаза артикуляции — рекурсия — и что следует за выдержкой, различают три типа смычных согласных.

Во-первых, смычка может завершаться резким размыканием органов речи, т. е. взрывом. Такие согласные называются *взрывными* (англ. *plosives*). Взрыв происходит не в результате напора воздушной струи, а входит в артикуляторную программу взрывных согласных, т. е. является артикуляционным жестом.

Во-вторых, смычка может плавно переходить в щель. Такие смычные называются *аффрикатами* (англ. *affricates*). В МФА для обозначения аффрикат используется сочетание двух символов, соединенных верхней или нижней дугой. Так, русская непалатализованная аффриката, начинающаяся переднеязычной (дорсальной) смычкой, как у [t], плавно переходящей в щель, как у [s], обозначается в МФА символом [tʃ], а в русской традиции символом [с], который имеет совсем другое значение в МФА, а именно палатального смычного. Звонкие аффрикаты, являющиеся аллофонами фонем /с/ и /с'/, обозначаются двумя символами, соединенными дугой, — [dʒ] и [dʒ'], но могут обозначаться и специальным знаком озвончения под символом согласного, чтобы подчеркнуть

аллофонный статус звука, — [ç] и [ç̣]: ср. [ʌ't'eç 'bol'in] *отец болен* и [doç' bʌ'l'na] *дочь больна* или [ʌ't'edẓ 'bol'in] и [doðẓ' bʌ'l'na].

И, наконец, в-третьих, возможен еще один способ реализации смычных согласных, когда при их произношении третья фаза артикуляции вовсе отсутствует: смычка завершает согласный или становится смычкой следующего за ним смычного согласного. Такие согласные, у которых смычка завершает артикуляцию, называются *имплозивными*¹. В русском языке они могут выступать в качестве факультативных вариантов соответствующих взрывных на конце слова (особенно у сонантов /dom/ и /ton/, которые могут произноситься без губного и переднеязычного взрыва).

Если противопоставление взрывных, аффрикат и щелевых в русском языке является фонологически существующим, т. е. только способом образования противопоставлены согласные /t/ (взрывной) — /c/ (аффриката) — /s/ (щелевой), то имплозивные согласные не являются самостоятельными фонемами, поэтому в таблице согласных они не представлены и в транскрипции их, как правило, не обозначают. Иногда для их передачи используют особый диакритический значок под символом согласного — [dom̩], [don̩]. Имплозивные аллофоны фонем /p/, /b/, /t/, /d/, /m/, /n/ выступают в позиции перед гомоорганными (т. е. того же места образования) фонемами (ср. ['oɞdɔl] *отдал*, [ʌtʌ'vo] *от того*, [ʌ'tsa] *отца*, [sʌm̩mɐ] *сумма* и т. п.). Такие сочетания имплозивных с гомоорганными смычными часто интерпретируются как долгие согласные и в фонетической транскрипции обозначаются следующим образом: ['oɞ:ɔl] *отдал*, [ʌt:ʌ'vo] *от того*, [ʌ's:a] *отца*, [sʌm̩:mɐ] *сумма* и т. п. В принципе как имплозивный можно трактовать также и /t/, /d/ в позиции перед боковыми сонантами /l/, /l'/: ['poɞlɐ] *подло*, [ʌtʌʒn̩'] *отложить*, [tʌ'a] *тля* и т. п. Фаза взрыва отсутствует. Однако такие сочетания с равным основанием можно рассматривать и как аффрикаты ([tʌ], [dʌ]) (или [tʰ], [dʰ]) и под., т. е. здесь смычка, не меняя своего переднеязычного (апикального) характера, плавно переходит в боковую щель, и артикуляция в сущности ничем принципиально по своему характеру не отличается от того, что происходит в аффрикате [tʌs], где переднеязычная (дорсальная) смычка плавно переходит в срединную щель. Разница заключается только в том, что аффриката [tʌs] является реализацией одной фонемы /c/, а аффрикаты [tʌ], [dʌ] представляют собой бифонемные сочетания /tl/ и /dl/. Это, конечно, накладывает свой отпечаток и на интерпретацию этих звуковых комплексов фонетистами.

Как имплозивные согласные могут в принципе рассматриваться и реализации губных и переднеязычных смычных шумных (звонких и глухих) фонем в позиции перед гомоорганными носовыми смыч-

¹ В классификации МФА термин «имплозивные» (англ. *implosives*) используется для обозначения совсем другого типа согласных, отсутствующего в русском языке. Имплозивными в этой традиции называется одна из редких разновидностей согласных, образуемых не на выдохе, а на вдохе.

ными. Речь идет о сочетаниях фонем типа /bm/, /pm/, /dn/, /tn/, /dn'/, /tn'/ и подобных. Первая фонема в таких сочетаниях реализуется смычным согласным, но смычка (губная или переднеязычная) не завершается губным или переднеязычным взрывом, а превращается в смычку следующего гомоорганного согласного, который и произносится с губным или переднеязычным взрывом. При этом во время смычки, но еще до осуществления завершающего взрыва, происходит резкий отрыв мягкого нёба от стенки носоглотки, который многие фонетисты интерпретируют как *фаукальный* (т. е. глоточный, от лат. *faux* 'глотка') взрыв. Фактически это даже не взрыв, а своего рода *отступ* (ср. англ. *nasal release*; ср. англ. *release* 'освобождение, отпускание, разъединение'). Но этот «взрыв» не губной или переднеязычный, поэтому можно считать, что первая фонема сочетания реализуется импловивным аллофоном. В фонетической транскрипции фаукальный взрыв (т. е. открытие прохода воздушной струи через носовую полость) обозначается верхним индексом ⁿ при согласном: [l^{bⁿ}man] *обман*, [l^{bⁿ}m'en] *обмен*, [modⁿnij] *модный*, [dⁿn'i] *дни* и т. п.

В группе щелевых согласных по расположению щели различают *боковые* (англ. *lateral*) /l/, /l'/ и *срединные*, каковыми являются все остальные щелевые. Кроме того, по форме щели разграничивают *плоскощелевые* (у губных щелевых при этом губы растянуты, а у язычных язык распластан) и *круглощелевые* (губы слегка округляются, а язык прижат к боковым зубам и твердому нёбу, оставляя для прохода воздуха узкую щель) согласные. От формы щели зависит характер шума согласного, что отражается на его спектральных характеристиках. Единственными русскими круглощелевыми согласными являются [s] и [z]. Мягкие [s'] и [z'] артикуляционно являются плоскощелевыми: спинка языка поднимается у них, по сравнению с [s] и [z], так высоко, что щель становится плоской. Однако вхождение их в корреляцию по палатализованности делает более целесообразным размещение их в таблице рядом с плоскощелевыми твердыми /s/, /z/.

Фактически единственным дрожащим в русском языке является непалатализованный [r]. Он артикулируется поднятым вверх к твердому нёбу кончиком языка, который совершает колебания в воздушной струе. Эти колебания (вибрации) кончика языка называют «ударами». Вибрирующий кончик языка может при этом касаться пассивного органа (твердого нёба или альвеол), но считать эти касания смычкой не следует, т. к. роль смычки у смычных согласных совсем другая. Основной аллофон фонемы /r/, встречающийся между гласными и в начале слова, является одноударным (редко двухударным). Многоударность [r] (три-четыре вибрации) встречается при эмфазе. Его палатализованный коррелят [r'] тоже может произноситься как одноударный дрожащий, но поднятие средней части спинки языка, необходимое для артикуляции палатализованного согласного, плохо сочетается с дрожанием и высоким положением кончика языка, поэтому [r'] часто произносится без вибрации кончика языка, т. е.

фактически как щелевой согласный. Таким образом, в целом [r'] отнесен к дрожащим условно, т. к. во многих случаях он, в отличие от [r], реализуется как щелевой, причем по активному органу является апикальным, а не какуминальным.

В этом случае, как и в других, фонологические отношения между фонемами (а /r/ и /r'/ входят в корреляцию по непалатализованности/палатализованности) перевешивают собственно фонетические характеристики. То же мы можем наблюдать и в отношении палатализованных [t'] и [d'], которые с артикуляционной точки зрения являются скорее аффрикатами типа [tʂ'] и [dʒ'], чем взрывными, но по функционально важному признаку непалатализованности/палатализованности /t'/ противопоставлено /t/, а не /c/. Итак, даже если мы стремимся отразить в таблице в первую очередь артикуляционные свойства, то не можем не учитывать те ограничения, которые накладывают на артикуляционную классификацию отношения фонем в системе.

В таблице дан только один, так называемый основной, аллофон фонемы /j/, который представлен как щелевой согласный [j], выступающий в позиции перед ударными гласными (ср. [l'bjɛtk'ɪ] *объедки*, [dl'j'arkɛ] *доярка* и т. п.). Однако фонема /j/ в некоторых позициях реализуется другим аллофоном [j̥] («i неслоговым»), который представлен в конце слова ([daj̥] *дай*) и внутри слова перед согласным ([tʲaj̥nə] *тайна*). При его произнесении щель между языком и твердым нёбом менее узкая, чем у [j], поэтому турбулентный шум, который является отличительной чертой щелевых согласных, не образуется. Соответственно с артикуляционно-акустической стороны его трудно признать щелевым согласным. Такие сонорные согласные, у которых сближение активных органов или приближение активного к пассивному органу оказывается недостаточным для появления турбулентного шума, называются *аппроксимантами* (от англ. *approximant*). Некоторые фонетисты считают аппроксимантами и русские сонанты [ɬ], [ɮ'], [r], [r'], а также реализации фонемы /j/, традиционно обозначаемые в фонетической транскрипции символом [j]. Аппроксиманты занимают как бы промежуточное положение между гласными и согласными и легко берут на себя функцию вершины слога при выпадении гласного, поэтому иногда трактуются как *полугласные* звуки (или *глайды*). До последнего времени термин «аппроксиманты» в описании русской фонетической системы употреблялся мало.

По активному действующему органу для русских согласных достаточно деления на *губные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные*.

Губные согласные в свою очередь могут быть разделены на *двугубные* /m/, /m'/, /p/, /p'/, /b/, /b'/ и *одногоубные* /f/, /f'/, /v/, /v'/, однако это различие полностью перекрывается противопоставлением по способу образования: в русском языке все двугубные (чаще используется термин *губно-губные*; англ. *bilabial*) являются смычными, а все одногоубные (чаще называются *губно-зубными*; англ. *labiodental*) — щелевыми.

Согласные самого многочисленного в русском языке локального ряда — переднеязычного — по характеру работы языка делятся на *какуминальные* (весь передний край языка загнут вверх; от лат. *casiten* — вершина), *апикальные* (действует кончик языка; англ. *apical*) и *дорсальные* (действует передняя часть спинки языка при опущенном кончике; от лат. *dorsum* ‘поверхность, спинка’). Такая классификация представлена в работах отечественных фонетистов. В некоторых других фонетических традициях термин *дорсальный* (англ. *dorsal*) используется для обозначения согласных, образующихся задней частью языка, т. е. заднеязычных. Переднеязычные согласные, образуемые передней частью языка, но не кончиком (т. е. не апикальные) называются *ламинальными* (англ. *laminal*), а переднеязычные, образуемые при помощи переднего края языка или кончика — *корональными* (англ. *coronal*)¹. Таким образом, следует признать, что фонетика в части классификации согласных не испытывает недостатка в терминах.

Следует иметь в виду, что в таблице указаны главным образом основные аллофоны русских согласных фонем, поэтому, например, согласные /t/, /d/, /s/, /z/, /n/ представлены как дорсальные. Однако эти фонемы могут иметь апикальные ([t̪], [d̪], [s̪], [z̪], [n̪]) и даже какуминальные ([t̠], [d̠], [ŋ̠])² аллофоны. В результате коартикуляции фонемы /t/, /d/, /s/, /z/, /n/ реализуются как апикальные, например, в позиции перед апикальными и перед какуминальным /r/ (ср. [r̪l̪z̪l̪ʲif] *разлив*, [l̪ʲoʊ̯t̪ʲɪk] *лётчик*, [gɔn̪ʂ̪ʲ:ɪk] *гонщик*, [l̪ʲt̪r̪avə] *отрава*, [d̪ruk] *друзь*), и как какуминальные в позиции перед /ʃ/ и /ʒ/ (ср. [l̪ʲʃɪt̪ʲ] *отшить*, [l̪d̪ -ʒiˈni] *от жены*, [l̪ʲoʊ̯-ʒi] *он же*).

Все русские шумные какуминальные и апикальные являются двухфокусными (точнее, *длиннофокусными*), т. е. в традиционной терминологии — «шипящими» (ср. дорсальные — «свистящие» [s], [sʲ], [z], [zʲ], [ç]). Для смычных фонем дорсальная артикуляция не является фонологически существенной, поскольку перед апикальными и какуминальными они реализуются соответственно апикальными или какуминальными оттенками. У всех переднеязычных фонем, которые не являются дорсальными, мягкость (палатализованность) сопровождается апикальной артикуляцией. Видимо, для русского консонантизма фонологически существенным признаком является двухфокусность («шипящность»), а апикальность и какуминальность — сопутствующие признаки.

Приведенная классификация согласных по *активному действующему органу* коррелирует с классификацией по *месту образования*. Ряды согласных, различающихся по месту образования, называют *локальными рядами*. Для характеристики места образования важно указание не только на активные, но и на пассивные органы речи. Так, русские одногубные по месту образования характеризуются как губно-зуб-

¹ *Ladefoged Peter*. A Course in Phonetics. Orlando: Harcourt. 4th ed. 2001.

² Для обозначения какуминальных согласных мы воспользовались знаками МФА для ретрофлексных.

ные (лабиодентальные; англ. *labiodental*); переднеязычные дорсальные в русском языке по пассивному органу являются зубными (*дентальными*; англ. *dental*), переднеязычные апикальные — альвеолярными (англ. *alveolar*), переднеязычные какуминальные — *постальвеолярными* (англ. *postalveolar, retroflex*); среднеязычные по пассивному органу являются *палатальными* (англ. *palatal*); заднеязычные — *велярными* (англ. *velar*).

Место образования традиционно рассматривается в фонетике как *основная артикуляция* согласного. На основную артикуляцию — губную, переднеязычную, заднеязычную — может накладываться (точнее — как бы «накладываться») *дополнительная артикуляция*.

Для русского языка характерна вокалическая дополнительная артикуляция, которая придает согласному специфическую тембральную окраску, свойственную тому или иному гласному. Имеется несколько типов такой дополнительной вокалической артикуляции, но в фонологической системе они играют различную роль.

Во-первых, *палатализация* — наложение [i]-образной артикуляции. Она возникает у согласного вследствие подъема средней части спинки языка. Палатализация играет важнейшую роль в русской фонологической системе: дополнительная с артикуляционной точки зрения, [i]-образная артикуляция в русском языке фонологизована, т. е. является фонемным (дифференциальным) признаком, обслуживает противопоставление твердых (непалатализованных) и мягких (палатализованных) согласных. Палатализованными могут быть согласные всех локальных рядов, кроме палатального. Это и понятно, т. к. у среднеязычного (палатального) согласного /j/ [i]-образная артикуляция является основной. Фонологические системы, в которых, как в русской, противопоставление твердых и мягких согласных охватывает несколько локальных рядов, называются системами с *тембровой корреляцией*. Фонологические системы, где мягкие согласные представлены только в одном — палатальном — ряду, называются системами с *палатальным рядом*.

Во-вторых, *веляризация* — [i]-образная дополнительная артикуляция. У заднеязычных согласных она выражается в напряжении мягкого нёба с нёбной занавеской и задней части языка, а у губных и переднеязычных — в поднятии задней части языка к мягкому нёбу и его напряжением вместе с нёбной занавеской. В МФА есть специальный символ [v] для указания на веляризацию, однако при транскрибировании русских текстов веляризация обычно не обозначается. Перед гласными все твердые (непалатализованные) согласные в русском языке характеризуются веляризацией. Но в позиции перед мягкими (палатализованными и палатальным /j/) согласными твердые согласные не являются веляризованными ([dʷerʲ] *дверь*, [kɔzʲlʲik] *козлик* и т. п.). Такие невеляризованные согласные иногда (не вполне удачно) называют «полумягкими» и в русской фонетической традиции часто обозначают точкой справа сверху от символа согласного. Таким образом, в отличие от палатализации, веляризация не фоноло-

гизована в русском языке (признак веяризованности/невеяризованности не является дифференциальным), т. к. непалатализованные (твердые) фонемы могут быть представлены как веяризованными, так и невеяризованными аллофонами. В словоформах *козёл*, *козлик* и *козля* буквой «з» обозначены разные «звуки»: в первом слове — [кɫ'z'otʃ] (= /kaz'ol/) — представлен палатализованный [zʲ], во втором — [k'oz'l'ik] (= /kozl'ik/) — произносится непалатализованный и невеяризованный [z], в третьем — [кɫ'zɫa] (= /kazla/) — веяризованный [z]. Непалатализованные — веяризованный [z] и невеяризованный [zʲ] — являются аллофонами фонемы /z/, а палатализованный [zʲ] — аллофон фонемы /z/. Для русского литературного произношения характерна вариантность палатализованных и непалатализованных согласных в позиции перед палатализованными согласными: ср. ([dʲv'erʲ] (= /dʲv'erʲ/)~[dʲv'erʲ] (= /dʲv'erʲ/) *дверь*, [k'oz'l'ik] (= /kozl'ik/)~[k'oz'l'ik] (= /kozl'ik/) *козлик* и т. п. Вариант с непалатализованным отражает младшую норму, а с палатализованным — старшую (см. Гл. 7, § 6).

В-третьих, *лабиализация* — [ʉ]-образная дополнительная артикуляция, получающаяся в результате вытягивания и округления губ. Лабиализация у согласного (или сочетания согласных) появляется автоматически во всех случаях, когда после него идет лабиализованный гласный /u/ или /o/: ср. [sʰtʰuʃ] *стул*, [sʰtʰuʃu] *стулу*, [sʰtʰoʃ] *стол*, [stɫʰʉu] *столу*, [stɫʰʉom] *столом*, но [stɫʰta] *стола*. В МФА лабиализация обозначается индексом [ʷ] при согласном ([sʷtʰuʃ] *стул*), однако в отечественной традиции чаще используется индекс [ʉ]. Лабиализация, автоматически возникающая у согласных в позиции перед гласными фонемами /o/ и /u/, не является дифференциальным признаком и не используется для противопоставления лабиализованных и нелабиализованных согласных фонем. Лабиализация, естественно, может сочетаться с веяризацией, но также и с палатализацией ([vʰʉos] *вёз*, [nʰʉux] *нюх* и т. п.). Возникающий перед /u/ и /o/ i-образный переход от палатализованного согласного к лабиализованному гласному приобретает тембр лабиализованного гласного переднего ряда верхнего подъема типа [ʏ]: ср. [vʰʉʉos] *вёз*, [nʰʉʉux] *нюх* (здесь символ [ʉ] обозначает лабиализацию согласного, а [ʲ] — переходный участок лабиализованного гласного).

Еще одним видом дополнительной артикуляции можно считать *назализацию* чистых (неносовых) согласных в соседстве с носовыми согласными. Она происходит либо на этапе приступа (после носового при запаздывании подъема нёбной занавески, например, в слове *зонтик*, *сон долгий*), либо на этапе отступа (когда нёбная занавеска опускается до начала артикуляции следующего носового согласного, как в словах *признак*, *обман* и т. п.). Эта дополнительная артикуляция имеет аллофонный характер в русском языке. Носовой характер русских взрывных смычных /m/, /mʲ/, /n/, /nʲ/, которые собственно и приводят к описанной выше дополнительной артикуляции, следует считать их основной артикуляцией. Поэтому фонемы /m/, /mʲ/, /n/, /nʲ/ лучше называть не *назализованными*, а *носовыми*.

§ 5. Артикуляционная классификация русских гласных и модификации гласных фонем

При обзоре дифференциальных признаков русского вокализма (§ 9 гл. 1), мы уже перечислили те признаки, которые противопоставляют гласные фонемы русского языка. Для противопоставления 6 гласных фонем оказалось достаточно трех признаков (см. табл. 4 и 4а). Гласные различаются: 1) по степени подъема языка (верхние — средние — нижние или верхние — неверхние); 2) по ряду (передние — непередние); 3) по положению губ (нелабиализованные — лабиализованные). Как и у согласных, дифференциальные признаки гласных фонем носят довольно абстрактный характер, что не позволяет отразить различия между комбинаторными и позиционными аллофонами каждой фонемы. Для того чтобы дать более детальную артикуляционную характеристику гласных с учетом аллофонного варьирования фонем, используются и другие артикуляционные признаки, которые не участвуют в противопоставлении фонем, т. е. не являются дифференциальными. Аллофоны гласных фонем русского языка могут различаться: 1) по длительности (например, безударные аллофоны фонем являются более краткими, чем ударные); 2) по работе нёбной занавески (*неназализованные* — *назализованные*; например, аллофоны гласных фонем после носовых согласных /n/, /n'/, /m/, /m'/ произносятся с опущенной нёбной занавеской, т. е. гласные являются назализованными); 3) по степени напряжения мышц артикуляционного аппарата (*ненапряженные* — *напряженные*; например, безударные аллофоны произносятся с меньшим мышечным напряжением произносительных органов, чем ударные); 4) по степени интенсивности (например, аллофон гласной фонемы, находящийся ближе к началу словоформы, произносится с большей силой, более громко, чем аллофон той же фонемы, находящейся ближе к концу словоформы); 5) по степени неоднородности гласного (монофтонги и дифтонгоиды¹).

Те признаки, которые в русском языке являются признаками аллофонов, в других языках могут использоваться и для различения фонем. Так, например, во французском языке противопоставлены фонемы /ɔ/ — /ɔ̃/, /ɛ/ — /ɛ̃/ и др. Это значит, что работа нёбной занавески в этом языке фонологизована, в отличие от современного русского языка. Когда-то в праславянском языке и раннем древнерусском (до начала X в.) тоже существовали носовые гласные фонемы /ɛ/ и /ɔ/, похожие на носовые гласные французского языка. Праславянские носовые возникли из дифтонгических сочетаний гласных и носового

¹ *Дифтонг* — это сочетание двух более или менее равноценных гласных, входящих в один слог, а *дифтонгоид* — неоднородный в артикуляционном и акустическом отношении гласный, который в начале или в конце звучания имеет незначительный элемент (призвук) другого гласного. Дифтонгоиды всегда имеют монофонемный статус в языке. Что касается дифтонгов, то вопрос монофонемности или бифонемности дифтонгов решается на основе критериев синтагматической идентификации фонемы (см. Гл. 1, § 4).

согласного в закрытом слоге (**mēmsō* > **męso* = ст.-сл. *мѣсо*, **pontis* > **рѣть* = ст.-сл. *пѣть*). Однако к середине X в. древнерусский язык утратил носовой характер этих гласных: /e/ изменилось в /ä/, перед которым позднее согласный стал мягким (ср. др.-рус. **męso* > /*mäso*/ > /*m'asa*/ *мясо*), а /o/ — в /u/ (ср. **рѣть* > /*руть*/ > /*рут'*/ *нуть*). Следы бывшего носового гласного видны в чередованиях современных рефлексов носовых гласных с сочетаниями гласного и носового согласного, из которых они когда-то появились: ср. /a//en/ *имя* — *имени*, /u//on/ *звук* — *звон* и др.

Различие гласных по длительности также может быть фонологизовано, и тогда в языке противопоставляются долгие и краткие гласные, как например, в чешском языке. При этом в чешском, в отличие от русского, долгота/краткость не зависит от ударения, которое является фиксированным и всегда падает на первый слог фонетического слова ([*'dra:ɦa*] *dráha* 'дорога' — [*'draɦa:*] *drahá* 'дорогая', [*'va:da*] *váda* 'ссора' — [*'vada:*] *vada* 'порок', [*'xudi:*] *chudý* 'бедный' — [*'xudi*] *chudy* 'бедны'). Наоборот, степень интенсивности гласного никогда не служит в качестве признака, различающего самостоятельные фонемы. Признак напряженности/ненапряженности обычно коррелирует с признаками долготы/краткости и периферийности/централизованности гласного. В русском языке безударные гласные, например, являются по сравнению с соответствующими ударными более краткими, менее напряженными и более централизованными, т. е. смещенными в направлении максимально нейтрального гласного [э] (*шва*¹).

Однако и те признаки, которые являются дифференциальными в системе гласных фонем (подъем, ряд и лабиализованность), будучи рассмотрены не в фонологическом, а в собственно артикуляторном смысле, могут использоваться и широко используются при описании аллофонного варьирования. Например, гласные фонемы верхнего подъема /i/, /i/, /u/ в безударной позиции реализуются аллофонами более низкого подъема, чем в позиции под ударением; и наоборот, фонема /a/ в позиции первого предударного слога реализуется аллофоном [ʌ], который является звуком более высокого подъема и более передним, чем ударный аллофон [a]. Гласный /o/ в безударной позиции представлен менее лабиализованным аллофоном, чем под ударением. Таким образом, когда мы говорим не о фонемах, а о реализациях фонем, об аллофоном варьировании, мы используем большее число признаков и характеристик, и число этих признаков зависит от задач описания, от того, какая степень детализации необходима в том или ином случае.

¹ *Шва* — термин, заимствованный индоевропейцами из древнееврейской грамматики, где он обозначал редуцированный гласный между согласными (др.-евр. *šwā* 'пустота'); в индоевропейстике используется для обозначения особой фонемы, которая реконструируется на основе бесспорных фонетических соответствий и рассматривается как редуцированная ступень долгих гласных; обозначается знаком *э.

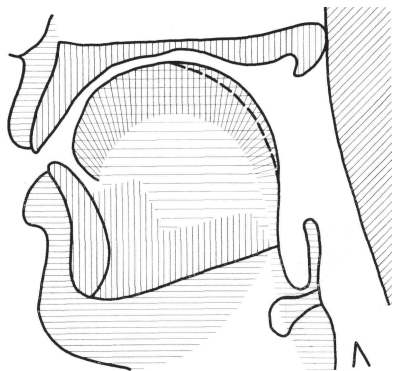
Для того чтобы более или менее полно представить артикуляцию какого-либо русского гласного, нужны прежде всего сведения о положении языка, губ и нёбной занавески во время произнесения данного гласного. Такая информация может быть получена в процессе рентгенографической съемки произносительных органов во время речевого акта. Данные об артикуляции русских гласных могут быть представлены на так называемых профилях артикуляции (рис. 5), которые дают схематическое изображение разреза головы с указанием положения языка, губ и нёбной занавески относительно пассивных органов произносительного аппарата. В последнее время в экспериментальной фонетике все большее распространение при изучении движения артикуляторных органов в процессе порождения речевого сигнала получает метод магнитно-резонансной томографии.

Костяк артикуляторного описания вокализма любого языка составляют признаки подъема и ряда, к которым, как правило, примыкает признак, отражающий работу губ (нелабиализованность/лабиализованность). Артикуляторное пространство гласных описывается признаками подъема и ряда.

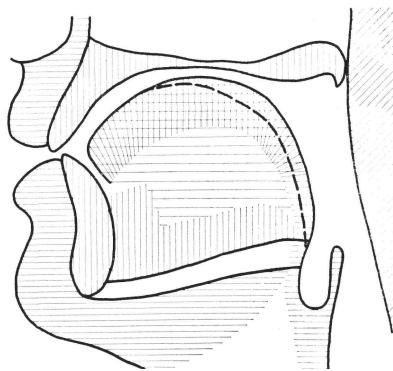
Признак подъема связан с положением языка в полости рта и определяется движением языка по вертикали. Чем ближе к верхней границе полости рта поднимается язык, тем выше подъем гласного и тем более *закрытым* (англ. *close*) является этот гласный. Самыми закрытыми русскими гласными являются аллофоны фонемы /i/ под ударением между палатализованными согласными, самыми *открытыми* (англ. *open*) — ударные аллофоны фонемы /a/ между непалатализованными заднеязычными согласными. Основные аллофоны русских гласных фонем по степени подъема языка выстраиваются от наиболее закрытого до самого открытого в следующей последовательности: [i] — [i] — [u] — [o] — [e] — [a]. При этом обычно первые три аллофона ([i] — [i] — [u]) объединяются в рамках верхнего подъема, аллофоны [o] — [e] рассматриваются как гласные среднего, а [a] — нижнего подъема.

В общей фонетике обычно учитывается шесть степеней подъема гласного. Такое количество «подъемов» определяется тем, что опытные фонетисты могут достаточно хорошо различать на слух именно шесть степеней подъема. Гласные шести подъемов являются своего рода фонетическими эталонами («звукотипами»), по отношению к которым определяется подъем конкретных гласных разных языков. Такие гласные эталоны называют *кардинальными гласными*. Кардинальные гласные представлены на трапецоиде гласных МФА (табл. 7).

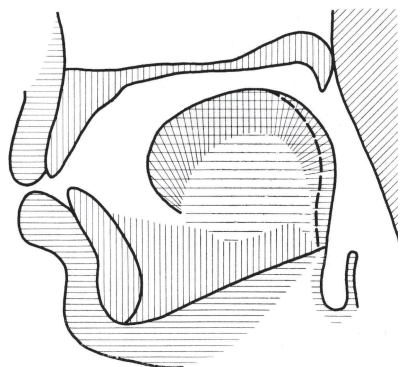
В русской фонетической традиции обычно ограничиваются следующими терминами, обозначающими различия по подъему: верхний (англ. *high = close*) — средне-верхний (англ. *mid-high = close-mid*) — средне-нижний (англ. *mid-low = open-mid*) — нижний (англ. *low = open*) подъем. В некоторых русских диалектах существенным оказывается различение гласных четырех подъемов. Это связано с различением двух типов *e* (/e/ *закрытого* и /ɛ/ *открытого*) и двух типов *o* (/o/ *закрытого* и /ɔ/

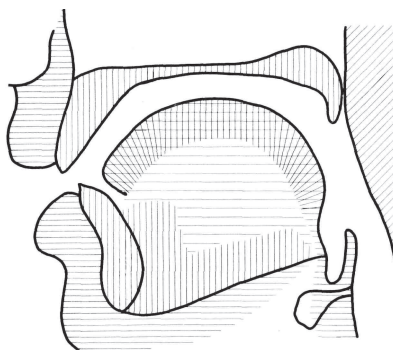
а) гласный [i] в слове [š':i] *щи*

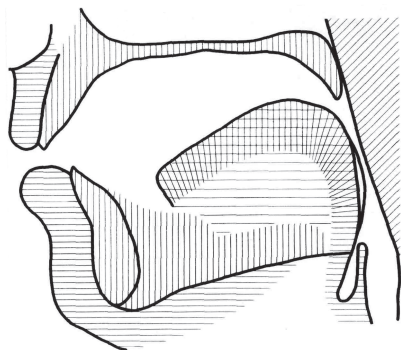
б) гласный [i] в слове [ti] *ты*

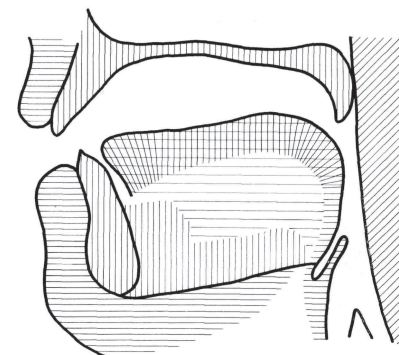
в) гласный [u] в слове [tu] *ту*

г) гласный [ε] в слове [εtə] *это*

д) гласный [o] в слове [kto] *кто*

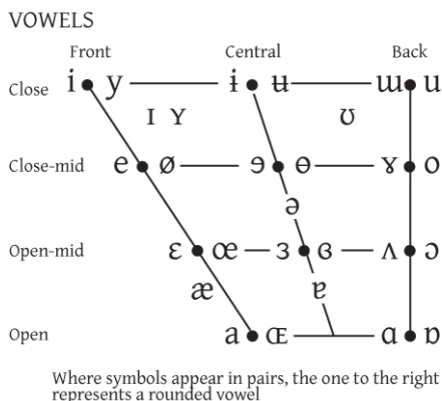

е) гласный [a] в слове [ta] *та*

Рис. 5. Профили артикуляции русских гласных (по К. Болла)¹

¹ Болла К. Атлас звуков русской речи. Будапешт, 1981.

Таблица 7. МФА (гласные)

открытого)¹. В этих диалектах /e/ закрытое этимологически восходит к древнерусской фонеме *ять* (*ě), а /o/ закрытое — к древнерусской фонеме, которая возникла из *o под восходящим ударением. В большинстве русских говоров, в том числе в тех, что легли в основу литературного языка, древнерусские /e/ закрытое и /ε/ открытое совпали в одной фонеме, которую условно обозначают /e/, а /o/ закрытое и /ɔ/ открытое — в одной фонеме, в транскрипции условно обозначаемой /o/.

Признак ряда связан с движением языка по горизонтали. При этом важно, в какой части полости рта — передней, центральной или задней — сконцентрирован комок языка. В соответствии с положением комка языка гласные делятся на *передние* (англ. *front*), *центральные* (англ. *central*) и *задние* (англ. *back*). Кроме того, существуют гласные, у которых комок не образуется, а гласный произносится при распластанном теле языка, который вытянут вдоль полости рта. Такие гласные Л. В. Щерба называл гласными *смешанного ряда* (англ. *mixed*) и относил к ним русский гласный верхнего подъема [i]. По степени продвинутости языка вперед основные аллофоны русских гласных фонем тоже могут быть выстроены в цепочку от максимально переднего к максимально заднему положению: [i] — [e] — [ɨ] — [a] — [o] — [u]².

В русском языке самые задние гласные [o] и [u] являются и лабиализованными. В принципе с общefonетической точки зрения любой кардинальный гласный независимо от подъема и ряда может произноситься с округлением и выпячиванием губ, т. е. имеет лабиализованный

¹ В русской диалектологической традиции существуют и другие обозначения соответствующих фонем. Закрытое /o/ иногда обозначают символами /ɔ/ или /ɒ/, а закрытое /e/ — как /ɛ̄/. В таком случае для обозначения открытых /o/ и /e/ используются знаки /o/ и /e/.

² По некоторым данным, артикуляция [u] может осуществляться при более продвинутом вперед языке, чем [o]. Проблема, видимо, заключается в дифтонгоидности [o] (= [ʊo]).

коррелят, что отражается в трапецоиде гласных МФА (см. табл. 7): в паре гласных одного подъема и ряда справа представлен символ лабиализованного гласного. В центре артикуляторного пространства гласных находится нейтральный гласный [ə] (*шва*), который находится как бы вне шести степеней подъема и символизирует максимально нейтральное положение языка.

В идеале гласные трапецоида МФА являются точками артикуляторного пространства, в которых пересекаются признаки подъема и ряда, а значит, кардинальные гласные являются монофтонгами. Это несколько затрудняет характеристику гласных звуков конкретного языка, в частности аллофонов русских гласных, которые часто являются дифтонгоидами, т. е. неоднородными в артикуляционном и акустическом отношении гласными. Поэтому при артикуляторном описании аллофонов русских гласных фонем необходимы существенные уточнения их фонетических характеристик.

Рассмотрим фонетические свойства основных аллофонов гласных фонем русского языка.

Основной аллофон фонемы /a/ представлен под ударением в изолированной позиции или после непалатализованных согласных¹ и между ними (фонетически наиболее благоприятным является положение после или между заднеязычными). По подъему и ряду основной аллофон /a/ в целом соответствует кардинальному гласному, который в таблице МФА обозначается символом [a]. Это нелабиализованный гласный нижнего подъема, заднего ряда. По сравнению с кардинальным гласным русский [a] является несколько более продвинутым вперед, особенно после переднеязычных согласных, и несколько более централизованным, т. е. сдвинутым к центру. Следует иметь в виду, что оттенки основного аллофона /a/ зависят от качества соседних согласных. Например, после переднеязычных дорсальных согласных /t/, /s/, /n/ и др., которые образуются передней частью спинки языка при опущенном кончике языка, фонема /a/ представлена еще более продвинутыми вперед аллофонами, а в спектре этих аллофонов можно обнаружить ε-образный переходный участок, отражающий коартикуляционное воздействие предшествующего переднеязычного согласного. Впрочем, это воздействие даже опытными фонетистами ощущается слабо, и традиционно в транскрипции не отмечается. Некоторые отличия, по сравнению с оттенками основного аллофона, представленными после заднеязычных согласных, можно обнаружить и в реализациях фонемы /a/ после губных согласных. В этом случае коартикуляция связана с активной работой губ при произнесении согласного, что тоже отражается на переходном участке от губного согласного к стационарному участку гласного /a/. То обстоятельство,

¹ Напомним, что в начале слова при его изолированном произнесении или в начале синтагмы перед любым гласным, в том числе перед /a/, в русском языке возникает глоттальная смычка: [ʔa].

что в фонологической системе русского языка нет другой передней гласной фонемы в нижнем подъеме, дает фонеме /а/ возможность более или менее широкого варьирования по ряду в зависимости от согласного окружения, хотя в его артикуляторную программу этой фонемы входит именно заднее положение языка. Отсутствие в русском языке противопоставления передней (типа /а/ по МФА) и задней (типа /а/ по МФА) фонем нижнего подъема позволяет также использовать для обозначения русской гласной фонемы нижнего подъема и ее ударных аллофонов более привычного (в типографском отношении) символа /а/ ([a]).

С точки зрения открытости/закрытости на противоположном полюсе по отношению к аллофонам фонемы /а/ находятся основные аллофоны гласных /i/, /i/ и /u/.

Основным аллофоном фонемы /u/ является лабиализованный монофтонг верхнего подъема и заднего ряда [u], который произносится под ударением в таких словах, как *у, уж, пути, куст* и т. п., т. е. в изолированном положении, в начале слова перед непалатализованным согласным, а также после и между непалатализованными согласными. По сравнению с кардинальным гласным [u], представленным в табл. 7, русский [u] чуть больше сдвинут к артикуляционному центру, т. е. с общefonетической точки зрения является чуть менее закрытым, чем в некоторых других языках. Отметим, что огубление [u], как и вообще лабиализованных гласных (см. ниже об основном аллофоне фонемы /o/), постепенно ослабевает к концу звучания (получается нечто вроде [u¹]). Однако [u] и другой гласный верхнего подъема [i] воспринимаются как более однородные, чем другие гласные, поэтому в целом их можно трактовать как монофтонги.

Основной аллофон фонемы /i/ — нелабиализованный монофтонг верхнего подъема и переднего ряда [i], который произносится в таких словах, как *и, иго, тиг, нить*. Это самый закрытый и самый передний русский гласный, но и он является несколько менее закрытым, чем соответствующий ему кардинальный гласный. Перед твердым согласным фонема /i/ представлена менее однородным гласным, чем между двумя мягкими: приспособляясь к произношению следующего непалатализованного согласного, средняя часть спинки языка отодвигается назад. Однако это скольжение языка от более закрытого гласного [i] к менее закрытому мало заметно на слух, поэтому различие между оттенками [i] перед палатализованными и непалатализованными согласными не принято отражать в фонетической транскрипции. Таким образом, основным аллофоном можно считать аллофон /i/, встречающийся в изолированном положении, а также в позиции после палатализованных согласных как перед палатализованными, так и перед непалатализованными согласными. Фонема /i/ употребляется только после непалатализованных согласных и в начале слова, если это одновременно и начало синтагмы. В последнем случае перед /i/ появляется глоттальная смычка (ср. ['kot | ?i 'povəŋ ||] *Кот и повар.*).

Обычно же в начале слова фонема /i/ чередуется с /i/ в зависимости от палатализованности/непалатализованности предшествующего согласного (ср. то же предложение, произнесенное в одну синтагму: ['kot i 'rouɐg ||] *Кот и повар.*; ср. также: ['ivə] *ива* — [ʌ't ivi] *от ивы*, [pʌ'd ivə] *под ивой* и т. п., ['igrənʲi] *игранный* — ['sigrənʲi] *сыгранный*).

В отличие от основных аллофонов фонем /i/ и /u/, которые можно считать монофтонгами, т. е. в целом достаточно однородными в артикуляторно-акустическом отношении гласными, **основной аллофон фонемы /i/**, третьей русской фонемы верхнего подъема, представляет собой ярко выраженный дифтонгоид¹, поэтому он достаточно сильно отличается от максимально близкого ему кардинального гласного, обозначаемого в МФА символом [i]. Наиболее ярко эта дифтонгоидность проявляется в позиции конечного открытого слога под ударением (ср. *мы, ты, сады* и т. п.). Достаточно протянуть этот гласный, чтобы убедиться в том, что по своей артикуляторной программе он является дифтонгоидом типа [i¹]: ср. *ты-ы-и-и-и, сады-ы-и-и-и*. Русский [i¹] в таком положении начинается как гласный верхнего подъема (но несколько более открытый, чем кардинальный) непереднего ряда, т. е. как гласный заднего ряда, продвинутый вперед (или как некоторые фонетисты трактуют начальный элемент [i] как гласный смешанного ряда, отодвинутый назад²), а завершается как фактически гласный переднего ряда типа [i] или [ɪ]. Непередняя артикуляция характерна только для начала гласного. Основной аллофон фонемы /i/ приблизительно на две трети (в конце своего звучания) является гласным переднего ряда, поэтому в более детализированной транскрипции его можно было бы обозначить скорее как [i¹] (или [i¹]), а не [i¹] (или [i¹]). Именно со спецификой русского /i/ как дифтонгического гласного связана традиция обозначать эту фонему не символом кардинального гласного по МФА [i], а собственно русским знаком [ы] (или [ы̆]). В позиции перед непалатализованным согласным i-образный завершающий элемент у [i] выражен менее ярко (ср. *пыл, шит* и т. п.), а в быстрой непринужденной речи и вовсе может отсутствовать. При этом i-образный переход характерен для [i] в позиции перед палатализованными согласными (ср. [pʲiˈlʲ] *пыль*, [ʂ:ɪˈtʲ] *шить* и т. п.), однако это может быть связано не только с дифтонгоидностью гласного /i/ как такового, но и с коартикуляционным влиянием следующего палатализованного согласного, что характерно не только для [i], но и для других гласных (ср. [daˈlʲ] *даль*, [ʒɪˈtʲ] *жить*). В фонетической литературе также представлено мнение, что в русском литературном произношении есть еще один (факультативный) вариант основного аллофона фонемы /i/ в позиции

¹ Неоднородность русского [i] была замечена давно. Еще в начале XX в. на нее указал А. И. Томсон, который был очень тонким фонетистом.

² Зиндер Л. Р. *Общая фонетика*. 2-е изд. М., 1979. С. 208 (§ 204). Л. В. Бондарко категорически возражает против трактовки русского [i] как гласного центрального и тем более смешанного ряда (см.: *Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка*. СПб, 1998. С. 56).

перед непалатализованными согласными — недифтонгоидный гласный заднего ряда, продвинутый вперед¹.

Некоторая централизованность периферийных (т. е. максимально удаленных от артикуляционного центра, а значит, относящихся к крайним подъемам) русских гласных [i], [i̯], [u] и [a], по сравнению с кардинальными гласными трапецоида МФА и реальными гласными некоторых других языков, связана с особенностями артикуляционной базы современного русского литературного языка, для которой характерна слабая напряженность артикуляционного аппарата и общая вялость артикуляции (см. Гл. 2, § 7).

Основной аллофон фонемы /o/ также является дифтонгоидом и представлен под ударением в таких словах, как *о, ох, сто, пост* и т. п., т. е. в изолированном положении, в начале слова перед непалатализованным согласным, а также после и между непалатализованными согласными. Этот гласный начинается с и-образного элемента, т. е. как гласный верхнего подъема, и затем плавно скользит вниз вплоть до достаточно открытого [o], т. е. фактически до [ɔ]. Такой гласный можно обозначить как [ʊ̯]. Кроме того, по мере произнесения этого гласного уменьшается не только его закрытость, но и лабиализованность, которая у некоторых носителей языка к концу артикуляции гласного может и вовсе сходить на нет. В результате чего получается даже не дифтонгоид, а «трифтонгоид» [ʊ̯ʌ]. Такое произношение встречается при продлении гласного в абсолютном конце слова или синтагмы (*Ты куда? — В кин[ʊ̯ʌ].*) и в его утрированном варианте может восприниматься как манерное, особенно в речи мужчин. Фонема /o/ может встречаться и в положении без ударения, обычно это заимствования или служебные слова (ср. [ˈradʲiʊ] = /ˈradʲiʊ/ *радио* и [ˈavʲiə] = /ˈavʲiə/ *авиа*, [nɔ-ˈvi] = /nɔ-ˈvi/ *но вы* и [nɐ-ˈvi] = /nɐ-ˈvi/ *новы*). Аллофон фонемы /o/, выступающий в безударной позиции, отличается от основного главным образом тем, что является менее длительным, а и-образное начало у него менее ярко выражено.

Основной аллофон фонемы /e/. Дискуссионным является вопрос о том, какой из аллофонов этой фонемы следует рассматривать в качестве основного. Если трактовать как основной ударный аллофон, который представлен в изолированной позиции и в начале слова (название буквы э, *этот, эпос, эх* и т. п.), или в позиции после и между твердыми согласными (название букв *нэ, тэ, от этого, к эху, шесть, целый* и т. п.), то он не очень частотен. Значительно чаще в русской речи представлены аллофоны фонемы /e/ после мягких согласных (*землю, сельский, день, дело, небо, пекло, печь* и т. п.). Собственно когда-то, несколько веков назад (в XI—XII вв.), эти согласные и смягчились потому, что находились в позиции перед гласным переднего ряда (перед /e/, а также другими, которые позднее изменились в /e/), т. к. в древнерусском языке произошла палатализация всех твердых

¹ Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 71.

согласных перед гласными переднего ряда (это изменение в исторической фонетике русского языка получило название «вторичного смягчения полумягких согласных»¹). После завершения действия этого фонетического изменения не было фонетических препятствий для появления твердых согласных перед /e/, поэтому на стыке слов конечный твердый согласный перед /e/ не смягчается (ср. [ˈvot ˈtət] *вот тот*, [pˈerˈiˈd-ɛtnəsəm] *перед этносом*). Однако внутри слова синтагматическая модель, благоприятствовавшая тому, чтобы перед /e/ всегда был мягкий согласный, долго сохранялась, но имеет она не столько фонетический, сколько морфонологический характер. В современном русском языке заимствования с твердым согласным перед /e/ перестали адаптироваться к этой модели, поэтому появляется все больше слов с твердым согласным перед /e/ (ср. [tˈiˈrɛ] *тире*, [pˈiˈnsnɛ] *пенсне*, [ˈtemp] *темп*, [ˈmɛr] *мэр* и мн. др.).

Таким образом, можно считать, что фонема /e/ имеет два основных аллофона, но для сопоставления с основными аллофонами других гласных фонем удобнее считать основным тот, который представлен под ударением в изолированной позиции, в начале слова и после непалатализованных согласных, но не перед палатализованными согласными, т. е. в таких словах, как *э*, *эпос*, *тире*, *целый* и т. п. Этот аллофон фонемы /e/ представляет собой нелабиализованный монофтонг переднего ряда среднего подъема, довольно открытый, т. е. средне-нижнего подъема (более открытый, чем [i], но более закрытый, чем [a]). По этим параметрам он ближе всего к гласному, который в МФА обозначается символом [ɛ]. Как и все другие основные аллофоны гласных фонем, он имеет разные оттенки в зависимости от фонетических свойств соседних согласных. Так, например, в абсолютном начале [ɛ] произносится с опущенным к нижним зубам кончиком языка, а после какуминальных согласных /š/, /ž/ при произнесении [ɛ] кончик языка приподнят (не успевает опуститься к нижним зубам после окончания артикуляции какуминальных [š] и [ž], которые артикулируются с поднятым вверх или даже загнутым назад кончиком языка). Конечно, немного по-разному произносится [ɛ] после губных (ср. *мэр*) и переднеязычных (ср. *сэр*) согласных, однако эти различия относятся к неощутимым моментам артикуляции и не отражаются в фонетической транскрипции.

Другие кандидаты в основные аллофоны фонемы /e/ — те аллофоны, что произносятся после палатализованных согласных (ср. *ел*, *сел*, *тесто* и под.) и между палатализованными согласными (ср. *ель*, *сельский*, *тесть* и под.), т. к. они являются наиболее частотными реализациями фонемы /e/ в русском языке. Этот аллофон сильно отличается от того основного аллофона фонемы /e/, который был охарактеризован выше. Соседние палатализованные согласные очень сильно влияют на реализацию фонемы /e/, причем воздействие предшествующего согласного значительно больше, чем последующего. После палата-

¹ Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980. С. 83—98.

лизованного согласного в начале артикуляции гласного появляется i-образный элемент, превращающий этот гласный в дифтонгоид. Такого же качества i-образный призвук (но менее ярко выраженный) возникает у гласного /e/ и в позиции перед палатализованным согласным. Возникновение i-образных призвуков способствует тому, что и стационарный участок гласного артикулируется при более высоком (средне-верхнем) подъеме языка и большей его продвинутой вперед, приближаясь к гласному, который в МФА обозначается символом [e]. С учетом того, что в русском литературном языке отсутствует фонетическое противопоставление /e/ средне-верхнего подъема (/e/ закрытого) и /ɛ/ средне-нижнего подъема (/ɛ/ открытого), в русской фонетической традиции принято обозначать ударные аллофоны нелабиализованной фонемы переднего ряда среднего подъема одним символом — [e] (в кириллической транскрипции возможен и символ [э]), а i-образные переходы точками при этом символе (ср. [s'ɛt] или [с'э́л] *сел*, [t'ɛstə] или [т'э́стэ] *тесто*, [s'e'l'] или [с'э́л'] *сель*, [t'e'st'] или [т'э́ст'] *тесть*).

Отмечено, что аллофон типа [e] (или [ɛ]) в старой произносительной норме выступал в качестве факультативного варианта аллофона [ɛ] в абсолютном начале слова (ср. ['ɛtət] ~ ['etət] *этом*), однако в настоящее время такое произношение уже устарело¹.

Для современного русского вокализма характерна очень высокая степень вариативности фонем в зависимости от фонетической позиции, т. е. большой разброс в артикуляторно-акустических свойствах аллофонов гласных фонем русского языка. Это относится как к позиционным, так и к комбинаторным аллофонам. Особенно ярко подобная вариативность проявляется у аллофонов фонемы /a/, которые сильно варьируют в отношении ряда и подъема (ср. [a], [a], [a'], [λ], [ə], [æ] и др.). Многие лингвисты видят причину такой широкой вариативности русских гласных фонем в том, что их в современном литературном языке сравнительно немного (всего 5 или 6 фонем, в зависимости от того, считать ли /i/ и /i/ самостоятельными фонемами). В каждой позиции, где возможно противопоставление гласных фонем, каждая из них имеет свою область рассеивания, т. е. тот участок в артикуляторном пространстве, которое занимают аллофоны данной фонемы, не пересекаясь с аллофонами другой фонемы. Мы говорили выше о том, что фонема /e/ в абсолютном начале слова перед твердым согласным реализуется аллофоном [ɛ] (например, в слове *это*), а между мягкими согласными — аллофоном [e'] (например, в слове *петь*), который сближается с зоной рассеивания фонемы /i/ (например, с аллофоном /i/ в слове *бит*), но и аллофон фонемы /i/ в позиции между мягкими (как в слове *пить*), чтобы сохранить зону безопасности, отделяющую его от зоны рассеивания фонемы /e/, становится еще более закрытым, чем аллофон /i/ в слове *бит*. Таким образом, в каждой

¹ Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 71.

позиции между фонемами существуют своего рода *зоны безопасности* между *областями рассеивания* противопоставленных фонем¹. Нарушение зоны безопасности чревато фонетическим изменением. Например, если в слове *петь* вместо [e'] будет регулярно произноситься [i], который является аллофоном /i/, это будет означать, что фонемный состав звуковой оболочки словоформы *петь* изменился: /p'et'/ > /p'it'/, а в языке появится новая пара омонимов, т. к. различавшиеся до того словоформы *петь* и *пить* стали произноситься одинаково.

§ 6. Комбинаторные аллофоны ударных гласных

Как уже неоднократно говорилось в предшествующих параграфах, соседние фонемы могут оказывать сильное взаимное влияние друг на друга, адаптироваться друг к другу в артикуляторном отношении, что приводит к значительным модификациям фонем в потоке речи. Такое распространение артикуляторных свойств (признаков) фонем на соседние фонемы называется *коартикуляцией*. Ее общefonетической основой является непрерывность артикуляции при образовании речевого потока. С фонологической точки зрения, результатом коартикуляции является образование обязательных комбинаторных аллофонов фонем.

В зависимости от типа взаимодействующих фонем фонетисты обычно разграничивают две разновидности коартикуляционного взаимодействия — *аккомодации* и *ассимиляции*. *Аккомодация* (от лат. *accommodatio* — ‘приспособление’) — это приспособление друг к другу соседних фонем, относящихся к разным классам — согласного и гласного. *Ассимиляция* (от лат. *assimilatio* — ‘уподобление’) — уподобление соседних звуков, как правило, относящихся к одному классу — двух согласных или двух гласных².

С другой стороны, влияние соседних фонем (это относится и к аккомодациям, и к ассимиляциям) может быть *регрессивным*, когда следующая фонема влияет на предшествующую, и *прогрессивным* — когда, наоборот, предшествующая воздействует на следующую за ней. Однако приспособление двух смежных фонем может быть обоюдным, двусторонним, когда имеет место одновременно и регрессивное и прогрессивное воздействие, но в отношении разных признаков. Так, в слове /nos/ *нос* фонема /n/ приспосабливается к лабиализованному /o/, реализуясь лабиализованным аллофоном [n^o] (регрессивная аккомодация), а фонема /o/ приспосабливается к носовому /n/, rea-

¹ Термины *область рассеивания* и *зона безопасности* были введены в фонологию французским лингвистом Андре Мартине (см.: *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960. С. 70—74.

² Впрочем, различение аккомодаций и ассимиляций проводится далеко не всеми фонетистами. Так, С. И. Бернштейн для обоих случаев использует термин «ассимиляция» (см.: *Бернштейн С. И.* Словарь фонетических терминов. М., 1996. С. 42—43).

лизуясь назализованным аллофоном [δ] (прогрессивная аккомодация), что отражается в фонетической транскрипции этого слова [n^oδs].

Понятия аккомодации и ассимиляции целесообразно использовать при описании аллофонного варьирования в синхронической фонетике. Аккомодация и ассимиляция, как они определены выше, — это не изменение фонем, а их реализация в речи по правилам аллофонного варьирования, существующим на данном синхронном срезе развития языка. Однако и аккомодации, и ассимиляции могут приводить к изменениям, если приспособление к соседней фонеме выходит за пределы аллофонного варьирования. Такие изменения нередко происходили в истории русского языка. Например, переход /e/ в /o/ в позиции после мягких перед твердыми согласными (ср. др.-рус. *вель* > *вѣл*, др.-рус. *береза* > *берѣза* и т. п.). Сначала, видимо, возникло аллофонное варьирование: аллофон фонемы /e/ перед твердым согласным представлял собой дифтонгоид с лабиализованным переходным участком типа [e^o] (или [eδ]); позднее лабиализованный элемент возобладал: [v^eεɤ] > [v^eεɤɤ] > [v^eεɤ] > [vⁱɔɤ] (= [vⁱol]). На каком-то из этапов этого аллофонного изменения произошел «переход» фонемы /e/ в фонему /o/: /v^eel/ > /v^ool/. В настоящее время фонема /o/ после мягких согласных перед твердым реализуется аллофоном, начинающимся с i-образного переходного участка.

Модификация гласных фонем в соседстве с палатализованными согласными

Наличие переходных и стационарных (квазистационарных) участков характерно для гласных, особенно в позиции под ударением, и является следствием коартикуляции, т. е. аккомодации гласного к окружающим его согласным. Однако неоднородность гласного, как мы видели, может быть и «природной», не связанной с коартикуляцией. Например, неоднородность русских /o/ и /i/, основные аллофоны которых являются дифтонгоидами типа [u^o] и [iⁱ] (или [iⁱ]) в изолированной позиции, а также в начале и в конце слова, не вызвана влиянием смежных согласных.

С другой стороны, любой согласный в той или иной степени оказывает влияние на реализацию соседнего гласного. Например, наличие перед гласным твердого заднеязычного вызывает прогрессивную аккомодацию — делает этот гласный более задним по сравнению с основным аллофоном. Оттянутость назад гласного может быть обозначена особым диакритическим знаком: ср. [r^ou'kq] *рука*, [g^{ou}ɤ] *гол¹*, [k-ɣtɔj] *к этой* и т. п. Если же перед гласным стоит твердый переднеязычный согласный, то гласные начинаются с небольшого ε-образного переходного элемента, который довольно плохо различается на слух, а сам

¹ В словоформе [g^{ou}ɤ] наличие сильно веляризованного согласного [ɤ] после гласного приводит к еще большему оттягиванию гласного назад (это уже регрессивная аккомодация). Кроме того, сам гласный /o/ влияет на предшествующий согласный, приводя к его лабиализации (тоже регрессивная аккомодация).

гласный при этом продвинул несколько вперед: ср. [tʰak] *так*, [sʰɛk] *сук* и др. Присутствие перед нелабиализованным гласным твердого губного согласного приводит к появлению в начале звучания гласного небольшого переходного э-образного элемента (прогрессивная аккомодация), который, впрочем, обычно не принято отражать в фонетической транскрипции¹: ср. [bʰat] *бал*, [pʰɛr] *нэр*, [bʰik] *бык* и др. Переходные элементы от согласного к следующему за ним гласному могут быть разного качества, которое зависит главным образом от таких характеристик, как тембр гласного и активный действующий орган (место образования) согласного. Что касается способа образования или глухости/звонкости согласного, то они большей роли в реализации переходного элемента не играют. Впрочем, краткость этого переходного элемента не позволяет установить его качество с достаточной определенностью.

Наиболее существенные модификации по сравнению со своими основными аллофонами русские гласные фонемы претерпевают в соседстве с палатализованными согласными. В позиции после палатализованных согласных в открытом или закрытом слоге перед непалатализованным согласным у аллофонов всех гласных фонем возникает ярко выраженный переходный элемент переднего ряда, который придает им дифтонгоидный характер. Такие переходные элементы появляются у всех гласных, за исключением фонемы /i/, которая не встречается в этой позиции. У аллофонов фонемы /i/ переходный элемент фактически сливается со стационарной частью гласного. У разных гласных фонем качество переходного от палатализованного согласного к гласному элемента существенно отличается в зависимости от тембра гласного, но в любом случае это переходный призвук переднего ряда. Так, у фонемы /a/ перед стационарной частью аллофона возможны два переходных элемента, следующих друг за другом: i-образный + ε-образный или æ-образный (ср. [vz^ʰicat] или [vz^ʰiaat] *взял*). Появление у фонемы нижнего подъема /a/ двух последовательных переходных элементов объясняется тем, что в этом случае расстояние между i-образным началом и стационарной частью [a] слишком большое и, кроме того, требует больше времени. Так, при средней длительности гласного /a/ после палатализованного перед непалатализованным согласным 220 мс переходный к стационарной части элемент имеет длительность 90 мс, равный длительности стационарной части (у гласного /u/ в аналогичной позиции переходный элемент почти в два раза короче стационарной части — 50 мс и 90 мс). Аллофоны фонемы /e/ имеют в начале звучания i-образный или e-образный элементы (ср. [s^ʰiet] или [s^ʰeat] *сел*). У фонемы /o/ после палатализованных согласных i-образный и «свой собственный», «природный» u-образный элементы сливаются в один y-образный переходный участок (ср. [p^ʰoos] или [p^ʰoʊs] *нёс*). У гласного /u/ возможны y-образный или i-образный

¹ Обозначим его здесь условно символом ^ʰ перед гласным, чтобы отличить от ^o, который обычно используем для передачи лабиализованности согласного.

переходные элементы (ср. [t^oʏuk] или [t^{oi}ʏuk] *тюк*). В практической транскрипции, конечно, все эти оттенки переходных элементов не отражаются, и обычно используется символ [i] или верхняя точка [ɨ] перед гласным: ср. [vzⁱʌtʃ] или [vz^ʌʌtʃ] *взял*, [sⁱʲetʃ] или [s^ʲetʃ] *сел*, [p^{oi}os] или [p^oos] *пёс* и т. д.

Влияние предшествующего палатализованного согласного на следующий за ним гласный представляет собой явление *прогрессивной* аккомодации. Для русского языка характерна и *регрессивная* аккомодация — приспособление гласного к следующему палатализованному согласному, однако она носит менее ярко выраженный характер. Переходные элементы, возникающие перед палатализованным согласным у всех гласных короче тех, что получаются при прогрессивной аккомодации (переходе от палатализованного согласного к следующему за ним гласному), но, тем не менее, они всегда более длительные, чем переходные участки от гласного к непалатализованному согласному.

Переходные элементы, возникающие в конце звучания гласного перед следующим палатализованным согласным, представляют собой гласные призвуки переднее-верхнего образования, т. е. условно *i*-образные: ср. [da^tʲ] (= [da^tʲ]) *дать*, [p^ʲa^tʲ] (= [p^ʲa^tʲ]) *пять*, [o^ʲɕ^ʲin^ʲ] (= [o^ʲɕ^ʲin^ʲ]) *очень*, [go^sʲtʲ] (= [go^sʲtʲ]) *гость*, [t^ʲʲo^tʲə] (= [t^ʲʲo^tʲə]) *тётя*, [ce^ʲlʲ] (= [ce^ʲlʲ]) *цель*, [l^ʲʲe^sʲ] (= [l^ʲʲe^sʲ]) *лезь*, [r^ʲi^sʲ] (= [r^ʲi^sʲ]) *рысь*, [gu^sʲ] (= [gu^sʲ]) *гусь*, [t^ʲʲu^ʲlʲ] (= [t^ʲʲu^ʲlʲ]) *тюль* и т. п. Фонема /i/, основной аллофон которой является дифтонгоидом типа [iⁱ] (см. выше), в позиции перед палатализованным согласным фактически представлен очень похожим звуком. В русской фонетической традиции принято обозначать *i*-образные переходы — как в начале, так и в конце звучания гласного — точками, без учета того, что в начале гласного они выражены значительно лучше, чем в конце.

Квазистационарные части гласных, находящихся в окружении палатализованных согласных, становятся более передними, чем соответствующие части основных аллофонов, особенно в условиях высокого темпа речи, когда артикуляторная программа гласного не имеет возможности осуществиться полностью. В наибольшей степени это относится к фонемам заднего ряда, особенно /a/.

В безударной позиции *i*-образные переходные элементы и дифтонгоидность аллофонов гласных заднего ряда /a/, /o/ и /u/ в соседстве с палатализованными согласными выражены значительно меньше, чем под ударением. При полном типе произнесения, в медленной, тщательной речи эти фонемы реализуются аллофонами, которые можно считать гласными заднего ряда, сильно продвинутыми вперед, по крайней мере в позиции после палатализованного и перед непалатализованным согласным: ср. [dl^ʲʌ^ʲ-domə] *для дома*, [tr^ʲox^ʲi^ʲtaʃkə] *трёхэтажка*, [l^ʲʲu^ʲbo^ʲfʲ] *любовь* и т. п. В быстрой же, непринужденной речи, особенно в окружении палатализованных согласных фонемы /o/ и /u/ приближаются к гласным переднего ряда типа [ø, œ], [y, ʏ]. В орбите фонем /o/ и /u/ их удерживает только признак лабиализован-

ности. Что же касается фонемы /a/, то она в соответствующих случаях может заменяться фонемой /i/ (ср. [dl'ɪ-'domə]=/dl'i doma/ для дома). В современной разговорной речи в безударной позиции после мягких и между мягкими согласными фонема /u/ может терять лабиализованность и заменяться фонемой /i/ (ср. [b'ɪɢl'krat] бюрократ, [ˈpoˈlʲis] полюс, [t'ɪb'ɪt'eːjkə] тубетейка, [b'ɪl'ɪt'eːnʲ] бюллетень и т. п.).

В принципе коартикуляция приводит к образованию переходных участков в начале и в конце звучания гласного в соседстве с любым согласным — как палатализованным, так и непалатализованным, но наиболее ярко они выражены под ударением в соседстве с палатализованными согласными, что обычно отражается в фонетической транскрипции.

Переходные элементы, возникающие у гласных в соседстве с палатализованными согласными, играют чрезвычайно важную роль в различении палатализованных и непалатализованных согласных носителем языка в процессе речевой деятельности. Исследования по восприятию показывают, что носители языка различают согласные, которые противопоставлены только по признаку непалатализованности/палатализованности, не только и не столько благодаря свойствам согласных, сколько при помощи *i*-образных переходов, входящих в состав соседних гласных. Роли *i*-образных переходов различны для согласных разного места образования. Наиболее существенна роль таких переходов для противопоставления губных палатализованных и непалатализованных согласных и не столь существенна для переднеязычных согласных. Это и понятно, поскольку для губных согласных работа спинки языка не является их основной артикуляцией (а палатализация — это в первую очередь работа средней части спинки языка), в то время как переднеязычные согласные имеют собственные средства выражения палатализованности (аффрикатизация у смычных /t'/, /d'/; замена круглой щели на плоскую у /s'/, /z'/; изменение способа образования с дрожания на щель у /r'/ и т. п.). Но у всех согласных *i*-образные переходы являются своеобразным дополнительным «полезным» фонетическим признаком, который используется носителем языка для опознания палатализованных согласных.

Модификация гласных фонем в соседстве с носовыми согласными

Еще одним примером регрессивной и прогрессивной аккомодации гласных фонем может служить назализация гласного перед и после носовых согласных фонем /n/, /n'/ и /m/, /m'/, которая имеет место не только под ударением, но и в безударной позиции. Артикуляция носовых смычных согласных происходит при опущенной нёбной занавеске, когда струя воздуха проходит только через носовую полость. Если после носового согласного идет гласная фонема, а в ее артикуляторную программу опущенная нёбная занавеска не входит, опущенная при артикуляции носового согласного нёбная занавеска не успевает полностью перекрыть проход воздуха через носовую полость. В ре-

зультате начальная часть гласного (а в случае открытого слога практически весь гласный) оказывается назализованной, т. е. произносится с опущенной нёбной занавеской, когда воздух проходит через полость носа. В этом случае можно говорить о прогрессивной аккомодации: признак назальности (ринезма) предшествующего согласного как бы переходит на следующий за ним гласный: ср. [mãt] *мат*, [m'ãt'] *мять*, [nõs] *нос*, [n'õs] *нёс* и т. п. Когда же носовой согласный идет после гласного, то происходит антиципация (предвосхищение) носового характера согласного. Это проявляется в том, что еще до того, как закончилось произношение гласного, нёбная занавеска опускается, в результате чего конец гласного окрашивается носовым резонансом. Носовая окраска конечной части гласного перед /n/, /n'/ и /m/, /m'/ в транскрипции обычно не обозначается. Наиболее полно назализация гласного выражена в окружении носовых согласных, когда совмещаются прогрессивная и регрессивная аккомодация (ср. [kl'mãndə] *команда*, [gnõm] *гном*, [m'ĩmã] *мимо* и т. п.).

Назализация гласных может рассматриваться как дополнительная артикуляция, которая накладывается на основную артикуляцию гласного (поъем, ряд и работу губ). Струя воздуха при произнесении назализованных гласных проходит через полость носа и через полость рта. С акустической точки зрения, носовая окраска гласного возникает вследствие понижения показателей, прежде всего F1, и в появлении специфической *форманты назализации*, которая располагается в области 200—300 Гц. Назализация (работа нёбной занавески) у русских гласных не фонологизована и автоматически возникает в соседстве с носовыми согласными: она приводит к возникновению не самостоятельных носовых гласных фонем, а комбинаторных назализованных аллофонов неносовых гласных фонем. Соответственно назализованность не входит в число дифференциальных признаков русского вокализма, в отличие, например, от французского языка, где имеется по крайней мере три носовые гласные фонемы /ã/, /ẽ/ и /õ/¹. Различие в фонологическом статусе назализации в русском и французском языках приводит к тому, что русские, в отличие от носителей французского языка, значительно хуже опознают фонемную принадлежность назализованных гласных, выделенных из конкретных русских и французских словоформ. Можно полагать, что нерелевантность признака назализации в русском языке и сформированный на этой основе фонологический слух мешает носителю русского языка правильно опознавать гласный, отделенный от своего фонетического контекста, и по другим признакам (подъему и ряду), т. к. в условиях перцептивного эксперимента признак назализации как бы уравнивается с другими признаками².

¹ Гордина М. В. Фонетика французского языка. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997. С. 141.

² Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. С. 85—86.

В отличие от описанной выше «сегментной» назализации, которая может выступать в одних языках в качестве аллофонного признака (как в русском), в других в качестве дифференциального признака (как во французском или польском языках), существует «просодическая» назализация. Просодическая назализация распространяется на отрезки речи более продолжительные, чем фонемы, например, на целые слова и даже фразы. С точки зрения норм литературного произношения такая назализация воспринимается как «гнуасовое произношение», иногда характерное для речи пьяных, для воровского жаргона, и в целом оценивается как вульгарное. Иногда просодическая назализация используется как средство маркирования иронии или пренебрежения и в некоторых других случаях. Фонетическая природа просодической назализации в русском языке заключается не в аккомодации гласных соседним носовым согласным (т. к. соседних носовых согласных может и не быть), а в общей расслабленности, ненапряженности произносительного аппарата, в частности нёбной занавески, что позволяет воздушной струе свободно проходить не только через полость рта, но и через носовую полость, что и создает носовой резонанс. Возможно и просто преждевременное опускание нёбной занавески (т. е. приведение в нейтральное состояние) в конце синтагмы, когда воздушная струя проходит и через ротовую и через носовую полости, что приводит к назализации (ср. *Мы рады приветствовать вас, дорогие слуша[т'і'і]!*). Все это оказывается возможным благодаря тому, что назализация не фонологизована в подсистеме русского вокализма. Особенно часто фонетисты отмечают независимую от ударения назализацию аллофонов фонемы /а/ не в соседстве с носовыми согласными, что, видимо, вызвано не только нерелевантностью признака назальности и общей ненапряженностью русской артикуляции, но спецификой артикуляции самого гласного /а/, для которого характерна особенная расслабленность нёбной занавески.

§ 7. Артикуляционная база русского языка

В фонетике существует традиционное представление, что «[в] каждом языке существуют общие особенности в артикуляциях, снимаемые главным образом приобретенными привычками в движениях и связанным с ними развитием соответствующих мускулов органов речи. <...> Вся совокупность этих физиологических условий данного языка, наречия и пр. называется артикуляционной базой его и узнается из сравнения с другими языками, наречиями и пр.»¹.

Сформировавшиеся в данном языке произносительные установки² и привычные (оптимальные для данного языка) положения (позы)

¹ Томсон А. И. Общее языковедение. Одесса, 1906. С. 214.

² Под произносительной, или артикуляционной, установкой понимают скрытую, неосознанную подготовку к собственно артикуляционным движениям, предварительное возбуждение групп мышц речевого аппарата, которые играют важную роль в процессе артикуляции.

произносительных органов, совокупность которых обычно и охватывается понятием «артикуляционная база», не являются врожденными. Артикуляционная база конкретного языка определяется не какими-то особенностями в строении произносительного аппарата, который в целом одинаков у представителей разных рас и носителей разных языков, а обусловлена языковой традицией. Это, впрочем, не означает, что артикуляционная база языка не подвержена изменениям.

Артикуляционная база родного языка формируется в детском возрасте постепенно в процессе усвоения фонетической системы языка, на котором говорят окружающие ребенка люди. Соответственно артикуляционная база отражает не просто особенности механизма преднастройки произносительного аппарата и артикуляции звуков данного языка, а является составной частью фонетической системы языка как средства общения данного языкового коллектива.

После возникновения фонологии стало ясно, что артикуляционная база языка тесно связана с системой фонем. Так, например, противопоставление палатализованных и непалатализованных согласных фонем характерно для языков с дорсальным укладом языка при произнесении согласных (как в русском литературном языке) и не характерно для языков с апикальным укладом (типа английского). При апикальном укладе затруднено четкое противопоставление палатализованных и непалатализованных согласных как самостоятельных фонем. Артикуляционная база отражает иерархию различительных признаков и особенности аллофонного варьирования фонем данного языка или диалекта. Кроме того, есть основания предполагать, что артикуляционная база играет важную роль в процессе исторического изменения звукового строя языка, влияет на направление его эволюции.

Изучение артикуляционной базы важно для понимания процессов, происходящих при языковых контактах на уровне фонетических систем. Изучение иностранного языка тоже является разновидностью языкового контакта, поэтому в практическом отношении знание особенностей артикуляционной базы необходимо при обучении иностранным языкам. Без знания артикуляционной базы изучаемого языка невозможно прогнозирование и предупреждение фонетических ошибок в речи обучающихся иностранному языку.

Характеризуя артикуляционную базу русского языка, обычно учитывают следующие параметры: система фонем и их различительных признаков, предпочтение тех или иных зон артикуляции (более передняя или более задняя), положение губ, способ примыкания звуков друг к другу в речевой цепи, способность переключения с одних типов артикуляций на другие, степень напряженности артикулирующих органов, определяющих энергичность или вялость артикуляции, и т. п.

Понятие артикуляционной базы — это в значительной степени понятие сопоставительной фонетики, т. к. особенности артикуляционной базы какого-либо языка могут быть выявлены только путем сравнения артикуляторных навыков разных языков, причем эти особенности

будут зависеть от того, с каким языком проводится сопоставление. Так, при сопоставлении русской артикуляционной базы с английской выявится, что для русского языка характерен дорсальный (а не апи-кальный) уклад при произнесении согласных; при сравнении с французским обнаружится, что для артикуляционной базы русского языка не характерна концентрация массы языка в передней части ротовой полости при произнесении гласных; в отличие от немецкого в русском языке отсутствует обязательный гортанный взрыв («твердый приступ», или Knaklaut) перед всяким начальным гласным, с чем связаны важные отличия в слогаделении. От всех трех перечисленных языков русский язык отличается меньшей степенью напряженности произносительных органов, т. е. общей вялостью артикуляции гласных и вместе с тем большой ролью палатализации и веляризации согласных.

Можно выделить и некоторые специфические особенности артикуляционной базы русского языка в целом. Е. А. Брызгунова выделяет ряд таких особенностей¹:

- 1) для русского языка характерны четкие различия в работе кончика языка (дифференцированы дорсальная, апикальная и какуминальная артикуляции);
- 2) русские звонкие согласные являются полнозвонкими, т. е. голосовые связки вибрируют на протяжении всей артикуляции согласного;
- 3) твердые согласные в русском языке веляризованы, т. е. для них характерна *i*-образная дополнительная артикуляция, которая накладывается на основную (губную, переднеязычную и заднеязычную);
- 4) все гласные в соседстве с палатализованными согласными (особенно после них) получают *i*-образные переходы;
- 5) русские гласные в начале слова произносятся без гортанного (глоттального) взрыва, причем в связной речи конечный согласный предшествующего слова образует один слог с гласным, начинающим следующее слово;
- 6) артикуляция легко переключается с заднеязычной на переднеязычную и наоборот;
- 7) кончик языка легко переключается с апикальной и какуминальной артикуляции на дорсальную, а в соседних слогах и наоборот;
- 8) произносительный аппарат способен легко переключаться с артикуляции непалатализованных согласных на артикуляцию палатализованных и наоборот;
- 9) артикуляция звонких согласных легко переключается на артикуляцию глухих в соседних слогах и наоборот;
- 10) для безударных слогов характерна меньшая длительность и большая вялость артикуляции, чем для ударных.

В легком переключении артикуляций (пп. 6, 7, 8, 9), по мнению некоторых исследователей, отражается такая общая особенность рус-

¹ Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд., перераб. М., 1977. С. 82—85.

ской артикуляционной базы, как слабое примыкание фонем друг к другу в потоке речи¹. В некоторых группах согласных (губной + переднеязычный, заднеязычный + переднеязычный) переключение артикуляции в группах согласных осуществляется при помощи нефонологических гласных вставок неопределенного тембра типа шва (ср. [ɫbʷdumətʹ] *обдумать*, [gʷ bʷi'dʷe] *к беде* т. п.).

Перечисленные особенности артикуляционной базы характерны в первую очередь для русского литературного языка, а также для южнорусского наречия. Что касается севернорусского наречия, то артикуляционная база многих из севернорусских говоров (в частности вологодско-кировской группы) существенно отличается от артикуляционной базы литературного языка (а также южно- и среднерусских говоров) следующими чертами²:

- 1) если в литературном произношении доминирующий уклад языка — *дорсальный* (а не *апикальный*), то в ряде севернорусских говоров он — *апикальный* или даже *какуминальный*; с этим связаны различия в характере *палатализации* и *веляризации* согласных, в частности слабое развитие противопоставления по палатализованности/непалатализованности в части севернорусских говоров, а также в реализациях гласных;
- 2) севернорусские говоры характеризуются меньшей степенью челюстного раствора, что связано с особенностями реализации безударных гласных в окающих говорах; от степени челюстного раствора зависит соотношение гласных по ряду и подъему в треугольнике гласных;
- 3) в отличие от литературного языка в севернорусских говорах степень примыкания звуков в речевой цепи *сильная*, чем, видимо, определяется и более высокий темп речи в севернорусских говорах;
- 4) различается и ритмическая организация речи; так, например, в севернорусских говорах совершенно иной характер редукции гласных, т. е. им свойственен слабый контраст ударных и безударных слогов, а также 1-х предударных и прочих безударных гласных.

Артикуляционная база языка не остается неизменной. Некоторые ученые считают, что в процессе исторического развития русского языка, в частности в большей части его говоров, происходил «переход от более напряженной артикуляционной базы к менее напряженной»³. Л. Л. Касаткин рассматривает такой переход как общую фонетическую тенденцию развития русского языка, которая проявлялась в том, что

¹ Пауфошима Р. Ф. Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978. С. 23—24.

² Там же. С. 30—31.

³ Касаткин Л. Л. Одна из тенденций развития фонетики русского языка // Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского литературного языка. М., 1999. С. 131—142.

большинство важнейших фонетических изменений, начиная с древнерусского периода, таких, например, как падение редуцированных, возникновение противопоставления палатализованных и непалатализованных согласных фонем, утрата фонем /ѐ/ («ять») и /ѡ/ (о закрытое), отверждение шипящих и др., приводит к уменьшению степени напряженности артикуляционной базы. Под эту тенденцию он подводит и возникновение аканья, поскольку безударные гласные произносятся с меньшим напряжением артикуляторов, а для акающих говоров и литературного языка характерна меньшая напряженность артикуляции гласных по сравнению с окающими говорами. Впрочем, эта гипотеза не объясняет, почему начался сам процесс смены артикуляционной базы в части говоров русского языка.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. М., 1998. С. 53—67 (артикуляционные характеристики гласных и согласных), с. 76—93 (акустические характеристики гласных и согласных), с. 98—122 (комбинаторные и позиционные аллофоны фонем), с. 123—152 (перцептивные характеристики).
2. *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. 3-е изд., перераб. М., 1977. С. 82—85.
3. *Булакин Л. Л.* Фонетика современного русского языка. М., 1970. С. 88—127 (Гл. IV. Фонемы в потоке речи).
4. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. § 73—75 (Артикуляционная база), § 215—250 (Гл. V. Фонема в потоке речи) [или: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика // *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007].
5. *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 61—95 (Гл. 2. Ударный вокализм), с. 121—163 (Гл. 4. Консонантизм), с. 178—189 (Гл. Модификации звуков в потоке речи).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. С. 88—104 (Вокализм. Ударные гласные), с. 146—158 (Консонантизм. Образование отдельных согласных фонем).
2. *Бернштейн С. И.* Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам) // Вопросы фонетики и обучение произношению / Под ред. А. А. Леонтьева и Н. И. Самуйловой. М., 1975. С. 5—62.
3. *Болла К.* Атлас звуков русской речи. Будапешт, 1981.
4. *Бондарко Л. В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. С. 60—96 (Гл. 3. Фонемные решения при опознании гласных), с. 97—143 (Гл. 4. Фонемная интерпретация фонетических характеристик согласных).
5. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р., Павлова Л. П.* Различаемые звуковые единицы русской речи // Механизмы речеобразования и вос-

приятия сложных звуков. Серия «Проблемы физиологической акустики». Том V. / Отв. ред. Г. В. Гершуни. М.; Л., 1966. С. 165—179.

6. *Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р.* О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем // Вопросы языкознания. 1966. № 1. С. 10—14.
7. *Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р., Павлова Л. П.* Различаемые звуковые типы русских согласных // Вопросы радиоэлектроники. Серия «Техника проводной связи». М. 1967. Вып. 5. С. 102—117.
8. *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 29—48 (Звуки русского языка. § 7—9).
9. *Колосов К. М.* К вопросу об артикуляционной базе языка // Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 36—61.
10. *Матусевич М. И. Любимова Н. А.* Альбом артикуляций звуков русского языка. М., 1963.
11. *Скалозуб Л. Г.* Динамика звукообразования (по данным кинорентгенографирования). Киев, 1979.
12. *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983.

§ 1. Понятие слога

Речевой поток на любом языке от паузы до паузы представляет собой последовательность связанных друг с другом слогов. В этом смысле слог выступает как средство структурирования речевого потока, которое обеспечивает организацию непрерывной последовательности фонем в процессе речевой деятельности. Членение потока речи на слоги очевидно для носителей данного языка. Со слога начинается усвоение языка ребенком, и даже в случаях речевой патологии, когда происходит «распад плавности речи», ее слоговое строение не разрушается.

Есть серьезные основания для того, чтобы считать слог реальной единицей, важной для носителей языка.

Во-первых, существенная роль слога в языке подтверждается фактами истории письма. При передаче звучащей речи в зависимости от типа письма основные письменные символы могут передавать разные языковые единицы. В мире существует много систем письма, в которых знаки письма (буквы) обозначают именно слоги, а не отдельные звуки (гласные и согласные), составляющие эти слоги. Это относится не только к так называемым слоговым языкам, в которых слог далее не членится (см. ниже), но и к фонемным языкам (японский, корейский, санскрит и др.). Более того, к слоговому финикийскому (семитскому) письму восходит и греческий алфавит, в котором впервые в истории письма появились отдельные буквы для передачи (сначала факультативной) гласных, что привело в конечном счете к обозначению согласных и гласных специальными буквами. В свою очередь к греческому алфавиту восходят латиница и кириллица, а также алфавиты других языков, созданные на их основе (о типах письма см. Гл. 9, § 4).

Во-вторых, о том, что слог представляет для носителя языка некую реальность, свидетельствует стихосложение, а стихотворная речь была и есть у всех народов, независимо от языка, на котором они говорят. В основе типичной (прототипической) стихотворной речи лежит ритмичность, основанная на том, что такая речь членится на соразмерные отрезки (стихи), обладающие внутренней мерой (размером)¹. Размер стихов в значительной степени связан со сло-

¹ *Томашевский Б. В.* Стих и язык: Филологические очерки. М.; Л., 1959. С. 10.

говой структурой («Дробимость звуков стихотворной речи ограничена пределами слога»¹). В русском языке (как и в других языках со свободным ударением) основу ритма составляет повторение ударных слогов. При этом в качестве дополнительного источника ритмизации может служить и расположение безударных слогов. Что же касается слоговых границ как таковых, то они сами по себе особого значения для ритма не имеют, т. к. с точки зрения ритма все слоги в стихе воспринимаются как единицы одинаковой длительности, т. е. ритмически равноценны.

Таким образом, имеется достаточно оснований предполагать, что слог представляет определенную реальность для носителей языка. Однако определение слога дать довольно сложно². Это связано как с его многоаспектностью и многофункциональностью, так и с тем, что роль слога в звуковом строе разных языков различна.

§ 2. Слог в фонемных и слоговых языках

В русском языке, как и в большинстве известных языков, минимальной языковой единицей является фонема, которая в потоке речи представлена своими аллофонами. Однако существуют языки, в которых фонологические единицы меньше слога не выделяются. Таковы некоторые языки Юго-Восточной Азии (китайский, вьетнамский, бирманский и др.). В этих языках минимальной звуковой единицей является не фонема, а слог, поэтому их называют слоговыми языками. Границы слога и морфемы в них совпадают, т. е. морфема не может быть «короче» слога, а морфемная граница внутри слога невозможна. Таким образом, в слоговых языках слог и слогоделение непосредственно связаны со смыслом, а минимальную языковую единицу иногда называют *силлабемой*, или *слогоморфемой*, которая выполняет конститутивную функцию, аналогичную той, что в языках слогового типа выполняет фонема. Слог (точнее, *слогоморфема*) слоговых языков, будучи минимальной языковой единицей, связан со значением непосредственно, т. к. целиком является формой выражения морфемы. Впрочем, лингвистический анализ позволяет выделить в слогоморфеме составные части — *инициаль*, *медиаль* и *финаль*, но слогоморфема не состоит из них, как в неслоговых языках слог состоит из фонем³. Если в слоговых языках с опорой на смысловые границы в качестве

¹ Там же. С. 37.

² Англо-американский фонетист П. Ладефогед, автор одного из самых популярных учебников по фонетике, в глоссарии к своему учебнику определяет слог как «единицу речи, для которой не существует удовлетворительного определения» (*Ladefoged Peter. A Course in Phonetics. Orlando: Harcourt. 4th ed. 2001. P. 276*).

³ Подробнее о различении языков фонемного и слогового строя см. в работе: *Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983. С. 118—143.*

основной фонологической единицы вычленяется **слог**, то в фонемных языках с опорой на смысл выделяется **фонема**. Соответственно в фонемных языках слог является единицей не столько фонологической, сколько фонетической, произносительной. В фонологическом аспекте слог фонемных языков можно рассматривать с точки зрения составляющих его фонем. Таким образом, функциональная нагрузка слога в слоговых и фонемных языках различна: в слоговых языках она чрезвычайно высока, в то время как в фонемных она намного меньше, хотя и различна в зависимости от звукового и грамматического строя того или иного языка.

В связи с тем, что в слоговых языках выделение границ слога происходит с опорой на смысл, проблем с установлением слоговых границ в таких языках практически не возникает — они совпадают с морфемными. Другая ситуация имеет место во многих неслоговых (фонемных) языках, в частности в русском языке. Далее речь пойдет только о языках фонемного типа, прежде всего о русском. В русском языке в один слог могут входить две морфемы, т. е. внутри слога может проходить смысловая (морфемная и межсловная) граница (ср. [da-ŋ] *дал*, [t-o] *то*, ['ko-ti-'po-vəŋ] *кот и повар*), а также одна морфема может состоять из нескольких слогов ([ˈgɔ-gɐt] *город*, [bɐŋˈban] *барабан*). Таким образом, в русском языке членение на слоги и определение слоговых границ никак не связаны со смысловыми границами. Во многих случаях можно предполагать различное членение речевого потока на слоги: ср. *па-лка* и *пал-ка*, *мо-сты* и *мос-ты*, *Мо-сква*, *Мос-ква* и *Моск-ва*. Носитель русского языка, как правило, интуитивно знает, сколько именно слогов в звуковой оболочке словоформы (за исключением случаев вариантности типа [və-kl-'l'izm] ~ [və-kl-'l'i-zəm] *вокализм*, [rubl'] ~ ['ru-bəl'] *рубль*, [d'ɪ-'ka-br'sk'ij] ~ [d'ɪ-'ka-bə-r'sk'ij] *декабрьский*), но не всегда отдает себе отчет в том, где проходит слоговая граница в каждом конкретном случае: [ml-'tʃ'kom] *молчком* (2 слога, хотя вопрос, где проходит слоговая граница, может поставить носителя языка в тупик) ~ [mɐ-ʔl-'č'kom] *молочком* (3 слога; и тоже непонятно, где слоговые границы: [mɐ-ʔl-č'kom] или [mɐ-ʔlč'-kom], но ясно, что не ***[mɐ-ʔl-č'k-om]). Определенность количества слогов связана с тем, что слог выполняет функцию структурирования, квантования потока речи (сколько вершин слога, столько и слогов), а неопределенность слоговых границ в случае скопления согласных связана с тем, что членение на слоги в русском языке не опирается на смысловые границы. На вопрос о том, сколько слогов в том или ином слове (фразе), многие носители языка смогут ответить только после того, как сами произнесут соответствующее слово или фразу. Это говорит о том, что природа слога скорее артикуляторная, чем акустическая.

Говорящие могут определить количество слогов в слове или фразе посредством ее скандирования. Скандирование (от лат. *scando* 'размерно читаю') — это громкое, сравнительно медленное и четкое,

произнесение текста по слогам, а не по словам. В стиховедении скандирование часто используется для подчеркивания ритма и размера стиха в отвлечении от его смысла. Способность к скандированию присуща любому человеку, а ребенок и вовсе делает это бессознательно. Однако при скандировании каждый слог фактически произносится как отдельное слово, в связи с чем возникает интерференция слогового и морфемного членения, которые в русском языке принципиально не совпадают, что приводит к возможности двоякого (или тройного) членения на слоги: ср. [пл-'с'ној] и [плс'-'ној] *ночной*. Членение, в результате которого первый слог оказывается закрытым, возникает именно вследствие интерференции фонетического и морфологического уровней (ср. морфемное членение *ноч-н-ой* и принципиальная возможность закрытого слога — [нос'] *ночь*¹). Таким образом, скандирование позволяет определить количество слогов, но не слоговые границы, возникающие в естественных условиях речевой деятельности. Трудности определения границы между слогами вызваны тем, что в русском языке слогоделение не связано со смыслом: значение слова не зависит от того, как мы делим его на слоги. В русском языке нет слов, значения которых различались бы в зависимости от места слоговой границы. Как бы мы не произнесли словоформу *сестра* — *се-стра*, *сес-тра* или *сест-ра* — его план выражения и план содержания останутся теми же. И наоборот, за одной и той же звуковой оболочкой, произнесенной с одним и тем же слогоделением могут скрываться совершенно разные фразы: ср. [ʼta-'ma-rkə-u-'pa-lə]=/ta-ma-rka-u-pa-la/ во фразах *Там арка упала*. — *Та марка упала*.

Таким образом, эксплицитно выраженные представления носителей языка о том, где в их речи проходят слоговые границы, подвержены влиянию морфологического и лексического уровней языка и не вполне согласуются с тем, как реально обстоит дело в естественной речевой деятельности. Исследования показывают, что дети в возрасте до 4 лет делят поток речи только на открытые слоги, в возрасте 4,5—6 лет испытуемые в одинаковой степени предпочитают открытые и закрытые слоги (речь идет о словах, содержащих группы согласных типа *пальто*, *куртка*, *майка*, *почта* и т. п.), затем по мере увеличения возраста испытуемых доля закрытых слогов растет и для взрослых составляет уже около 90%. Наиболее вероятным объяснением такой динамики является то, что с возрастом, по мере усвоения грамматической системы, а затем и школьной грамоты, уве-

¹ Когда мы говорим об интерференции слогового и морфемного членения, то имеем в виду, конечно, не только конкретные случаи типа приведенного выше (*ночь* → *ноч-ной*), но и саму принципиальную возможность такого членения слов с так называемыми *амбисиллабическими* (т. е. такими, которые могут отходить к предшествующему или следующему слогу) согласными, когда эти согласные закрывают предшествующий слог (ср. *поч-та*, *мас-ка* и т. п.). Первые слоги таких слов могут восприниматься как закрытые в результате того, что для русского языка вообще характерно наличие массы корней, заканчивающихся на согласные.

личивается степень «морфологизации» слогоделения, когда наиболее продуктивная в русском языке структура корня (-CVC-) переносится на структуру слога¹.

Сложность установления слоговых границ и отсутствие ясных критериев членения речевого потока на слоги, особенно в таких языках, где слоговые границы никак не связаны со смысловыми, является главной причиной тех трудностей, которые возникают при определении того, что же такое слог. Если мы не знаем, какая цепочка фонем представляет собой слог, а какая — нет, т. е. не знаем, где проходят границы между слогами и каковы фонетические корреляты слоговых границ, то мы не можем выделить слоги как целостные структуры, а значит, не можем выяснить природу слога и дать ему определение. С другой стороны, не определив слог, мы не сможем однозначно разделить речевой поток на слоги. Несмотря на многочисленные исследования и на существование множества теорий слога и слогоделения, по большому счету, слоговые границы устанавливаются на основе интуитивных представлений носителей языка (в лучшем случае) или исследователей (в худшем).

С общefonетической точки зрения слог как некое единство является минимальной произносительной и перцептивной единицей речевого потока. Звуковой отрезок, меньший, чем слог, носитель языка просто не может произнести и воспринять. Соответственно любая фраза должна содержать как минимум один слог.

С фонологической точки зрения слог представляет собой структуру, состоящую из минимальных языковых единиц — фонем (разумеется, в тех языках, в которых выделяются фонемы), и может быть охарактеризован как минимальный отрезок речевого потока и *минимальный контекст, который необходим для реализации фонем*. Обе эти стороны слога — собственно фонетическая и фонологическая — тесно связаны между собой.

§ 3. Типы слогов в русском языке

Если слог рассматривают как последовательность фонем, то в зависимости от расположения образующих его фонем обычно выделяют несколько структурных типов слогов. При этом, чтобы избежать неоднозначности в установлении слоговых границ, опираются на словоформы, которые однозначно можно определить как односложные.

Открытым слогом считается такой слог, который заканчивается гласным: *и, а, да, вы, мну, сто, тьма, шли* и мн. др. Если открытый

¹ *Касевич В. Б.* Интерференция фонологии, морфонологии, орфографии в речевой деятельности // Звуковой строй языка. М., 1979. С. 141. См. также: *Винарская Е. Н., Лепская Н. И., Богомазов Г. М.* Правила слогоделения и слоговые модели (на материале детской речи) // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.

слог начинается с одной или нескольких согласных фонем (*но, что* и др.), он рассматривается как **прикрытый** (обозначается формулами СГ, ССГ, СССГ и т. п. или — с использованием латинских букв — CV, CCV, CCCV и т. п.¹). Открытые слоги могут быть и **неприкрытыми** (Г или V), если они состоят из одного гласного (*а, и, у*).

Закрытым является слог, в котором конечный элемент — согласная фонема или сочетание согласных фонем: *ад, иск, сад, вихрь* и др. Закрытые слоги тоже могут быть прикрытыми (СГС/CVC, ССГС/ССVC, СГСС/СVСС, ССГСС/ССVСС и т. д.), если начинаются с согласного (*сад, визз*), и неприкрытым (ГС/VC, ГСС/VCC и т. д.), если начинаются с гласного (*ад, ум, иск, альт*).

Таблица 8. Структурные типы слогов в русском языке

Типы слогов	Открытый	Закрытый
Прикрытый	(CCC)CV Примеры: <i>да</i> (CV), <i>два</i> (CCV), <i>мгла</i> (CCV), <i>встреча</i> (CCCCV)	(CCC)CVC(CCC) Примеры: <i>лес</i> (CVC), <i>парк</i> (CVCC), <i>мёртв</i> (CVCCC), <i>чёрств</i> (CVCCCC), <i>прут</i> (CCVC), <i>стерх</i> (CCVCC), <i>вдруг</i> (CCCVCC), <i>Брянск</i> (CCVCCC), <i>страсть</i> (CCCVCC), <i>всплеск</i> (CCCCVCC), <i>графств</i> (CCVCCCC)
Неприкрытый	V Примеры: <i>и, ы, у, э,</i> <i>о, а</i> (V)	VC(CCC) Примеры: <i>ус</i> (VC), <i>акт</i> (VCC), <i>Омск</i> (VCCC)

Обязательным компонентом слога является слогообразующий элемент — обычно это гласная фонема (иногда согласная), которая может быть окружена одним или несколькими неслогообразующими элементами — согласными фонемами. Гласный в русском языке не может быть неслоговым: ср. *а-у!*, *за-умь*, *со-ус*, *фе-и*, и т. п., поэтому нормальным для русского языка является следующий принцип: сколько в словоформе, синтагме, фразе гласных, столько в ней и слогов.

В быстрой речи, впрочем, когда безударный гласный вследствие очень сильной редукции выпадает, количество слогов может сохраняться, функции слогообразующего элемента могут брать на себя согласные, чаще всего сонанты, которые становятся слоговыми и берут на себя функцию слогообразующего элемента слога: ср. произношение [ˈbo-ɾ-du] вместо [ˈbo-rə-du] *бóроду*, [ˈpa-rə-ɾ-tɨˈnʲɪk] или даже [ˈpa-rɨ-tɨˈnʲɪk] вместо [ˈpa-rə-rə-tɨˈnʲɪk] *пáпоротник*, [pɨˈkɫ-ˈvoɨ] вместо [pə-ɫɫ-ˈvoɨ] *полковóй*, [pˈa-tɨˈcə] вместо [pˈa-tɨˈi-cə] *пýтница*. И наоборот, в тех случаях, когда сонант оказывается в положении между

¹ С — *согласный*, Г — *гласный*; С — лат. *consonans*, *-antis* ‘согласный звук’, V — лат. *vocalis* ‘гласный звук’.

двумя и более согласными (например, в таких словах, как *джентльмен*, *декабрьский* и под.) или после согласного на конце слова (*рубль*, *театр*, *монстр*, *тигр*, *вихрь* и т. п.), а гласный в соседстве с ним этимологически не предполагается, перед таким сонантом может появляться так называемый эпентетический (т. е. вставной) гласный: [dʒi-ntʰ-lʰmʰen] *джентльмен*, [л-lʰr-ʰksa-ndʰr] *Александр*, [ʰru-bʰlʰ] *рубль*, [л-ʰktʰa-bʰrʰ] *октябрь*, [ʰmo-nstʰr] *монстр*, [ʰtʰi-gʰr] *тигр*, [ʰvʰixʰrʰ] *вихрь*. Если такой вставной [ʰ] (или [i]) не осознается носителем языка как аллофон фонемы /a/ (или /i/), то сочетания [ʰr], [iʰ] и т. п. можно трактовать как слоговые [ʰr]=/r/, [iʰ]=/i/ и т. п. (ср. /alʰiksandr/, /dʰikabrʰ/). В быстрой речи, особенно перед словом, начинающимся с согласного, имеет место тенденция к упрощению конечного сочетания шумного согласного с сонантом¹: ср. [ʰrupʰ ('sorək)] *рубль* (*сорок*), [ʰʒisʰ (mʰlʰ)a] *жизнь* (*моя*) и т. п., [лʰlʰʰksan pʰtʰroʰvʰiʰʰ] *Александр Петрович*² и т. п.

Количество слогов в словоформе хорошо отражается в стихотворной речи. Ср. также трехсложное [кл-ʰra-bʰlʰ] в первом стихе и двухсложное [кл-ʰtablʰ] во втором стихе произнесение слова *корабль* в детской скороговорке (четырёхстопный хорей):

*Вез **корабль** карамель,
Налетел **корабль** на мель.
И матросы три недели
Карамель на мели ели.*

Ср. у А. Пушкина в «Анчаре» односложное *тигр* и двухсложное *вихорь*:

*К нему и птица не летит,
И **тигр** нейдет: лишь **вихорь** черный
На древо смерти набезит —
И мчится прочь, уже тлетворный.*

Если вставной гласный в таких формах осознается как аллофон какой-либо самостоятельной фонемы (/a/, /e/, /i/ или /i/), то фонематически звуковые оболочки этих словоформ выступают в виде /karabalʰ/ или /karabʰilʰ/, /alʰiksandar/, /rupalʰ/, /dʒintʰlʰmʰen/ и т. п., что иногда отражается и на письме в таких «малограмотных» написаниях, как *кораболь* или *корабель* (ср. *корабельный*), *джентельмен*, *рубель* или *руболь*, *театор*, *храбор* и т. п.

¹ То же и в середине слова: ср. [л-ʰktʰa-pskʰiʰ] *октябрьский* и под. (ср. мнение на форуме в ЖЖ: «Когда я пела в хоре в музыкалке, за этот „сентяпский денек“ нам пеняли на каждой репетиции. „Сентяпский, октяпский, вы хоть слышите, что поете? СентяБРьский! Проговаривайте!“»).

² В сочетании имени *Александр* с отчеством, начинающимся с согласного, «непроизносимость» /dʒ/ является нормативным в нейтральном стиле, а в беглой речи допускается и перед гласным: ср. [лʰlʰʰksan iʰvaniʰʰ] *Александр Иванович* (см. Гл. 7 «Орфоэпия»).

Иногда вставка гласного отражается в литературных текстах как средство приближения к разговорной речи. Ср. написания *бодор*, *Александр*, *театор* у А. К. Толстого, для которого вообще характерна передача на письме вставных гласных перед конечными сонантами: ср.

*За ним царить стал Федор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд.*

или

*Царь Александр первый
Настал ему взамен,
В нем слабы были нервы,
Но был он джентльмен*

или

*Он и к тому, и тем не пренебрег
Взял под руку его: «Ах, Антипатр
Васильевич! Что, как ваш кобелек?
Здоров ли он? Вы ездите ль в театор?»*

Четырехстопный ямб здесь требует произношения имени *Александр* в 4 слога, на что указывает и написание¹, а слова *джентльмен* — в 3 слога².

Слогообразующий элемент слога называют его *вершиной* или *ядром* (англ. *nucleus*), а неслогообразующие — *склонами*. Компонент слога, предшествующий вершине, называют *инициалью* (англ. *onset* ‘начало, приступ’), а вершину вместе с закрывающим слог согласным (согласными) — *рифмой* (англ. *rhyme*). Консонантную часть рифмы, следующую за ядром, называют *финалью* (англ. *coda* ‘кода’). Таким образом, структура слога может быть рассмотрена не только с точки зрения составляющих его фонем. Соответственно слог это не просто гласный или цепочка гласных и согласных фонем, а некое произносительное единство, которое характеризуется единой артикуляторной программой для составляющих его элементов.

§ 4. Открытый слог как минимальная произносительная единица

Перечисленные выше типы слогов в русском языке (см. табл. 8) не вполне равноправны. Из всех типов слогов простейшим по структуре и наиболее естественным является *прикрытый открытый слог*, представляющий собой сочетание консонантного элемента и вокали-

¹ Видимо, сейчас целесообразно читать [л-л'г-'ksa-nder]=/al'iksander/, или, учитывая юмористический характер стихов, и [л-л'г-'ksa-n'd'ir]=/al'iksan'd'ir/.

² Произношение, конечно, включая акцентуацию, возможно различное: [dže-ntl'-'m'en]=/džentl'm'en/ или [dži-nti-'l'm'en]=/džintil'm'en/.

ческого ядра (CV, «согласный + гласный»). С артикуляторной точки зрения это своего рода идеальный (прототипический) слог. Нет языков, где не было бы таких слогов. В том, что именно слог CV является элементарной слоговой структурой, можно легко убедиться в ходе простого опыта. Попробуйте быстро произносить цепочку закрытых слогов типа VC, например [ʔut-ʔut-ʔut-ʔut...], и вы через небольшое время обнаружите, что произносите последовательность открытых слогов типа CV [ʔu-ʔu-ʔu-ʔu...]. Все другие структурные типы слогов могут рассматриваться как усложнение слога типа CV. Например, открытый неприкрытый слог типа V с фонологической точки зрения представляет собой однофонемный слог, но с фонетической (артикуляторной) точки зрения, он фактически воспроизводит структуру слога CV, т. к. в начале слога, состоящего из одной гласной фонемы, развивается консонантный элемент, который реализуется в виде гортанного (точнее, глоттального) взрыва — [ʔa], [ʔu] и т. п. Этот начальный консонантный элемент (инициаль слога) не фонологизован, поэтому слог такого типа можно условно обозначить формулой ^{CV}. Похожая картина наблюдается, если проанализировать артикуляцию закрытых слогов типа VC. Разница заключается в том, что здесь, наоборот, финаль закрытого слога может быть представлена аллофоном с сильным придыхательным элементом, который зачастую воспринимается как нефонематический глухой (а иногда и звонкий) гласный призвук типа шва — [ʔat^h] или [ʔat^ʰ] *ад* и т. п., так что в сущности воспроизводится та же прототипическая модель слога CV. С артикуляторной стороны такой слог можно представить в виде двусложной структуры ^{CV}-^{CV}. Открытый слог типа ^{CV} образуется и в том случае, если попытаться произнести одиночный согласный, особенно если этот согласный — взрывной. При изолированном произнесении фонемы /p/, /t/, /k/ реализуются аллофонами со столь ярко выраженным придыханием, что он может восприниматься как глухой призвук — /p/, /t/, /k/ → [p^h], [t^h], [k^h].

Имеются языки, в которых вообще отсутствуют закрытые слоги. Таким был и предок русского языка — праславянский язык — на позднем этапе своего существования (накануне распада на отдельные славянские языки) и соответственно выделившийся из него древнерусский язык до XII в. Тенденция к открытости и прикрытости слога была главной фонетической закономерностью праславянского языка, которая определяла основные фонетические процессы позднепраславянского периода. Она проявлялась в утрате конечных согласных в слове и слоге (ср. псл. **sup-nos* > **sup-nu* > **su-nu* > др.-рус. *сънъ* ‘сон’, ср. др.-рус. *сънати* > рус. *спать*, псл. **pok-tos* > **pok-tu* > **po-tu* > др.-рус. *потъ* ‘пот’, ср. *пеку*, *печёшь*), а также в развитии протетических (вставных) согласных перед начальными гласными (ср. псл. **ūdrā* > **wūdrā* > др.-рус. *выдра*; **āgodā* > **jāgodā* > др.-рус. *ягода* > рус. *ягода*; псл. **esti* > *jestь* > др.-рус. *късть* > рус. (у меня) *есть*...). Тенденция к прикрытости слога проявляется в развитии так называемых протетических согласных перед начальным гласным слова: ср. *восемь*

(< др.-рус. *осьмь*), диал. *востёр*¹ (< др.-рус. *острѣ*). Обратите внимание, что в формах *восемь* и *востёр* имеется не только протетический согласный, но и *эпентетический* (вставной) гласный. Этот гласный отсутствовал в праформе, т. е. не был этимологическим. Возможно, вставка гласного здесь тоже связана с тенденцией к открытому слогу в древнерусском языке. Некоторые историки русского языка считают, что в условиях действия этой тенденции происходила вставка (эпентеза) неэтимологических редуцированных гласных *ъ и *ь во многих группах согласных, а потом эти вставные гласные изменялись как этимологические редуцированные (ср. также *земель*, *ветер*, *уголь*, *огонь* < др.-рус. *земль*, *вътрѣ*, *угль*, *огнь* и т. п.). Тенденция к открытости слогов завершилась в связи с падением редуцированных гласных, в результате чего в русском языке снова появились закрытые слоги (ср. др.-рус. *снь*, *потъ* > рус. *сон*, *пот*).

Несмотря на то, что тенденция к открытости слогов в русском языке завершилась еще в древнерусский период, тяготение к открытым слогам фактически сохраняется в современном русском языке, хотя и в несколько преобразованном виде. Современный «закон открытого слога» утратил тотальный характер. Теперь в потоке речи закрытый слог возможен, но только в конце синтагмы, когда перед паузой оказывается словоформа с последним закрытым слогом; внутри же синтагмы все слоги — открытые (ср. [t^ou-t^oni-x^ou-znaʃ i-'da-ʃi-m^o-l'i-'na-dr'is||] *Тут он их узнал и дал им Олин адрес*). В русском языке внутри синтагмы происходит *ресиллабация* (или *ресиллабификация*), т. е. конечный согласный или сочетание согласных словоформы с последним потенциально закрытым слогом отходит к следующему слогу (ср. [za-ftɛg-ku-'na-'sra-nə||] *Завтрак у нас рано*). Обратите внимание на то, что ресиллабация в русском языке начала действовать уже после того, как звонкие согласные фонемы были заменены на парные глухие в конце слова, т. е. после оглушения конечных согласных (ср. [ʌ-b'e-t^ou-'na-'sra-nə||] *Обед у нас рано*). Если русская фраза произносится слитно и без пауз, то членению речевого потока на открытые слоги не препятствуют ни межсловные, ни тем более морфемные границы. Вместе с тем возможно произнесение этих фраз и без ресиллабации — как бы пословно, с паузами после каждой словоформы (или фонетического слова) — но в этом случае нарушится естественная плавность речи: [t^out| on| 'ix| u-'znaʃ| i-'daʃ| 'im| 'ol'm| 'a-dr'is||] *Тут он их узнал и дал им Олин адрес*, [ʌ-b'et| u-'nas| 'ra-nə||] *Обед у нас рано* и т. п. Слоговая структура фразы, прежде всего, границы между слогами, полностью изменилась, а смысл остался тем же, как и количество слогов. Обратите внимание на то, что при произнесении без ресиллабации гласные, начинающие слог после паузы, получают слабый гортанный (глоттальный) взрыв [ʔ] ([t^out| ʔon| ʔix| ʔu-'znaʃ| ʔi-'daʃ| ʔim| ʔol'm| ʔa-dr'is||]), а в случае /i/||i/ происходит замена фонемы /i/

¹ Ср. «А то, бывало, я *востра...*» — говорит няня Татьяне Лариной.

на /i/ в соответствии с правилами сочетаемости фонем в речевой цепи, т. с правилами фонотактики (ср. /on ix u'znal/ → /on 'ix u'znal], /i 'dal im/ → /i 'dal 'im/).

Важное отличие современного русского языка от древнерусского в отношении «закона открытого слога» заключается в том, что теперь внутри слога может проходить и стык слов. В древнерусском языке такой возможности не было, т. к. после отпадения в праславянский период конечных согласных все словоформы заканчивались гласными фонемами (ср. псл. **sūnus*, **sūnun* > др.-рус. *сынъ* И.-В. ед. и т. п.). Наличие в языке ресиллабации является важным признаком языка фонемного строя. В подлинно слоговых языках ресиллабация невозможна: финаль как часть единого в функциональном отношении слога не может быть отделена от него подобно тому, как и в фонемных языках часть фонемы не может отойти к следующему слогу в результате ресиллабации. Например, конечная фонема /j/ в русском языке может отойти к следующему слогу. Фразы *Порою прям* и *Порой упрям* в нормальном русском произношении не различаются — [pɫ'gɔ-ju-'pɾ'am], что прямо указывает на бифонемность сочетания [oj]=/oj/ в русском языке. В английском аналогичный дифтонг [oj] является монофонемным, он не подвергается ресиллабации.

Таким образом, есть серьезные основания предполагать, что минимальной произносительной единицей русского языка является открытый/прикрытый слог типа CV, состоящий из инициала и ядра. Это простейшая и наиболее распространенная слоговая модель в русском языке. Являясь минимальной произносительной единицей, слог типа CV способствует максимальной аккомодации согласных и гласных фонем в потоке речи. Это, как показывают результаты экспериментально-фонетических исследований, относится и к другим разновидностям открытых/прикрытых слогов (CCV, CCCV). Носитель русского языка организует любое высказывание как последовательность открытых слогов. Для слогов такого типа характерна единая артикуляторная программа реализации составляющих слог фонем. Это проявляется в том, что в самом начале артикуляции слога, т. е. уже в момент произнесения начального согласного слога, происходит настройка произносительных органов для произнесения гласного. Так, во фразе ['vɔd'rɔu-'kɔo-nɔũ-'sɔo-'ʎvɔd'ɔm] *Вдруг он ушёл в дом* артикуляция лабиализованных гласных начинается уже на первом согласном открытом слоге, что выражается в лабиализации согласных. В открытом слоге [nɔũ] из этой же фразы отражено уже воздействие согласного на гласный. Начальный носовой согласный открытого слога назализует следующий за ним гласный, причем эта назализация значительно сильнее, чем влияние конечного носового согласного [m] на предшествующий гласный [o] в последнем закрытом слоге приведенной фразы. В закрытом слоге [dɔm] *дом* воздействие носового на предшествующий гласный примерно такое же, как и воздействие начального носового следующего открытого слога на предшествующий гласный открытого слога в последовательности слогов CVCV — ['dɔmũ] *дому*. Если взять

воздействие палатализованных согласных на ударные гласные, то обнаружится, что в открытом слоге C'V ([v'ot] *вёл*) i-образные переходы значительно более ярко выражены, чем в закрытом слоге типа CVC' ([bo'l'] *боль*). В [bo'l'] *боль* влияние палатализованного согласного на предшествующий гласный будет примерно таким же, как в последовательности двух открытых слогов CVCV ([bo'-l'i] *боли* или [bo'-l'ju] *болью*). В открытом слоге четко проявляются и переходные участки гласных, связанные с другими признаками согласных, в частности с признаком места образования. Можно утверждать, что некоторое взаимодействие соседних гласного и согласного, которые находятся в разных слогах, например в случае CVCV, или в закрытом слоге CVC, является результатом аккомодации соседних звуков, в то время как взаимовлияние гласных и согласных фонем, составляющих открытый слог типа CV, представляет собой следствие произносительной общности элементов открытого слога, т. е. результат выполнения общей артикуляторной программы реализации соответствующих фонем в открытом слоге как минимальной произносительной единицы речи.

Все эти факты свидетельствуют о том, что именно слог и прежде всего открытый слог типа CV выступает как минимальный контекст, который необходим для реализации фонем в речевом потоке. Кроме того, условия открытого слога можно охарактеризовать как наиболее благоприятные для реализации и выявления дифференциальных признаков гласных и согласных фонем, составляющих слог. Многие дифференциальные признаки проявляются на протяжении всего слога, а не только на его участках, соответствующих той или иной фонеме. Экспериментальные исследования показывают, что у согласных фонем только два дифференциальных признака — способ образования (противопоставление смычных и щелевых согласных) и двухфокусность/однофокусность (противопоставление «шипящих» и «свистящих» переднеязычных) — опираются на собственные фонетические характеристики согласных¹. Остальные признаки являются по своей фонетической сущности супraseгментными, т. е. реализуются на протяжении слога. Более того, сам контраст между гласной и согласной фонемами как элементами слога наиболее определенно выражен в слогах типа CV. Так, в открытом слоге CV с начальным глухим согласным ярко выражен слоговой контраст между согласным и гласным по частоте основного тона ($F_{осн.}$), поскольку в слогах [pa], [ta], [ka] и т. п. голосовые связки начинают колебаться после начала артикуляции гласного. В результате такой задержки в работе голосовых связок глухой согласный в слоге CV не подвергается даже частичному озвончению под влиянием следующего за ним гласного. Слоговой контраст по $F_{осн.}$ ослабляется в слоге типа (C)VC, т. к. после гласного начало глухого согласного подвергается некоторому озвончению.

¹ *Бондарко Л. В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. С. 124—126.

Л. В. Бондарко, подробно исследовавшая акустическую сторону слогового контраста, под которым она понимает различие двух единиц — согласного и гласного — следующих друг за другом в слоге CV, выделяет 5 видов или признаков слогового контраста: 1) контраст по $F_{\text{осн.}}$; 2) контраст по длительности (гласные характеризуются более длительным звучанием, чем более взрывные согласные); 3) контраст по F-структуре (по формантной структуре: гласный имеет четкую формантную структуру в отличие от шумных согласных); 4) контраст по интенсивности (по мере перехода от согласного к гласному интенсивность в слоге нарастает); 5) контраст по «локусу» (контраст по переходному участку между согласным и гласным, акустически представленный прежде всего изменением частоты FII)¹. Эти признаки слогового контраста трактуются как полезные признаки слога, которые помогают членению слога на составляющие его фонемы и выявлению дифференциальных признаков этих фонем.

§ 5. Разные подходы к слогу и слогоделению

Одним из главных вопросов, связанных со слогом в русском языке, является вопрос о слогоделении, т. е. о том, какие сочетания фонем в речевом потоке являются слогом, а какие — нет. В конечном счете это проблема определения границы между двумя слогами. Речь, конечно, не идет о правилах переноса слов на письме, которые определяются правилами орфографии и относятся к ее ведению. Установление критериев определения слоговых границ и определение на основе этих критериев границ между соседними слогами в конкретных случаях тесно связано с пониманием природы слога и его функций. Существуют разные подходы к слогу, каждый из которых предлагает свои критерии для установления слоговых границ, но единства взглядов на эти проблемы, в том числе на слог и слогоделение в русском языке, среди фонетистов пока нет.

В целом можно выделить три подхода к слогу и слогоделению, которые условно можно обозначить как «фонологический», акустический и артикуляторный. Внутри каждого из этих подходов представлены довольно сильно отличающиеся друг от друга и прямо противоречащие друг другу теории. Однако в том, что касается слогоделения в русском языке, есть во всех этих теориях слога и нечто их объединяющее. Все фонетисты согласны в том, что последовательность одиночных согласных и гласных CVCVCVCV... бесспорно членится на открытые слоги CV-CV-CV-CV... Соответственно нет разногласий в отношении слогоделения словоформ *го-ло-во-ре-зы*, *бе-ре-га-ми* и т. п. Серьезные

¹ Подробнее см.: Бондарко Л. В. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского языка). АДД. Л., 1969; Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. С. 106—126.

разногласия возникают главным образом в случаях стечения согласных между гласными: *по-чта* или *поч-та*, *зе-мля* или *зем-ля*, *за-втра*, *зав-тра* или *завт-ра* и т. п. Но и в этих словоформах никто не предполагает такое членение на слоги — ***почт-а*, ***земл-я* или ***з-автр-а*.

При «фонологическом» подходе¹ слог выступает прежде всего как последовательность фонем. Каждый слог может быть рассмотрен с точки зрения расположения и соотношения фонем в целом слоге и в его компонентах — инициали, рифме, ядре, финали. Однако такой подход продуктивен только в том случае, когда слоги уже выделены, т. е. когда известны слоговые границы. В качестве рабочей гипотезы для установления слоговых границ при фонологическом подходе принимается следующий принцип: 1) цепочка фонем CVCVCVCV... всегда (по крайней мере в пределах фонетического слова) членится на открытые слоги CV-CV-CV-CV...; 2) в начале слога может выступать только такое сочетание согласных, которое встречается в начале фонетического слова; 3) в конце слога может выступать только такое сочетание согласных, которое встречается в конце слова. Таким образом, если в интервокальном положении представлена группа согласных, то она отходит к следующему слогу только в том случае, если она возможна (встречается) в начале слова. Соответственно, словоформы *отрази* и *Москва* делятся на слоги *о-тра-зи* и *Мо-сква*, т. к. сочетания фонем /tr/ и /skv/ возможны в начале слов (ср. *трава*, *скважина* и т. п.), несмотря на то, что морфемная граница проходит внутри сочетания фонем /tr/ (*от-раз-и*). В слове *открытка* первый согласный /t/ не может отойти к следующему слогу, т. к. в русском языке отсутствуют слова, начинающиеся с /tkr/ есть *крыть*, поэтому невозможно членение *о-ткры-* и слово членится на слоги — *от-кры-тка*. Второе /t/ отходит к следующему открытому слогу, т. к. сочетание /tk/ возможно в начале слова (*ткать* и т. п.). Применительно к русскому языку эти правила в общем виде были сформулированы еще М. В. Ломоносовым, который, кроме того, учитывал и роль морфемных границ, поэтому предлагаемое им деление на слоги конкретных слов не вполне согласуется с этими правилами. В целом этот принцип называют *дистрибутивным*, т. к. он учитывает дистрибуцию (распределение) фонем внутри слога и на слоговых границах. Дистрибутивный принцип слога деления оставляет открытыми ряд вопросов. В частности, как поступать в тех случаях, когда допускается двоякое и тройное членение на слоги? Например, дистрибутивному принципу не противоречит ни одно из возможных членений на слоги слова *Москва*: *Мо-сква* (ср. *сква-жи-на*), *Мос-ква* (ср. *нос-* и *ква-кать*) и *Моск-ва* (ср. *воск-* и *ва-за*). Кроме того, почему мы должны так уж доверять отсутствию в языке слов с некоторыми сочетаниями согласных? Например, из отсутствия в русском языке слов с начальным /ld/ как буд-

¹ Или, скорее, «стихийнофонологическом», поскольку он возник задолго до появления фонологии в современном значении этого термина. В дофонологическую эпоху фонетисты, как и носители языка, фактически были стихийными фонологами.

то вытекает невозможность членения словоформы *бо-лда, со-лдат* и т. п. Но в то же время для русского языка совершенно обычны начальные /l'd/ (*льда*), /l'd'/ (*льдина*), /lb/ (*лбы*), /l'p'/ (*льняной*), и т. п. Понятно, что в современном русском литературном языке отсутствие сочетания /ld/ совершенно случайно и не связано с какими-либо фонетическими запретами. Сомнительно, чтобы чисто формальные, обусловленные историческими причинами, лакуны в лексике могли быть препятствием для членения словоформы на открытые слоги.

Другой подход к слогу — акустический — исходит из понимания слога как единицы акустической, которая способствует облегчению восприятия речевого потока носителем языка. Слог, объединяя звуки, относящиеся к разным акустическим классам, упорядочивает речевой поток в отношении сонорности (звучности, громкости). При этом слог понимается как волна (или дуга) сонорности, а поток речи — как чередование волн сонорности.

Сонорная теория слога исходит из того, что звуки при прочих равных условиях характеризуются своей собственной (природной) громкостью. Фонетистами давно было установлено, что по степени громкости все звуки подразделяются на несколько классов. Например, в русском языке по мере нарастания сонорности согласные и гласные выстраиваются в следующем порядке: *глухие взрывные* [p, t, k, p', t', k'] > *глухие аффрикаты* [č', c] > *глухие щелевые* [f, s, š, x, f', s', š':, x',] > *звонкие взрывные* [b, d, g, b', d', g'] > *звонкие аффрикаты* [dž', dž] > *звонкие щелевые* [v, z, ž, y, v', z', ž':, y'] > *носовые сонанты* [m, n, m', n'] > *неносовые сонанты* [t, r, j, l', r'] > *гласные верхнего подъема* [i, u, i] > *гласные среднего подъема* [e, o] > *гласные нижнего подъема* [a].

В соответствии с сонорной теорией, слог должен строиться таким образом, чтобы обеспечивать на протяжении слога сначала плавное нарастание сонорности [↗], а потом (при наличии финали) ее плавное убывание [↘].

Пик сонорности приходится на вершину слога, в качестве которой обычно выступает гласная фонема. При наличии в слоге склонных последовательность фонем, образующих эти склоны, строятся по восходящему или восходяще-нисходящему типу. Действительно, структуру слога, соответствующую этому принципу, имеют многие открытые ((C)CV [↗]) и закрытые ((C)CVC(C) [↗↘]) слоги: ср. *два*↗, *три*↗, *пять*↗↘, *крест*↗↘, *смерд*↗↘, *март*↗↘, *гвалт*↗↘, *займ*↗↘ и т. п. В принципе так же строится и начальный слог типа V (= ^CV) глоттальным взрывом: ср. [ʔa] *а*↗. Однако многие слоги, особенно начальные в слове, имеющие сонанты перед шумными согласными, и конечные, имеющие, наоборот, шумные перед сонантами, противоречат данному принципу: ср. односложные словоформы [tʂu] *лгу*↗, [mχ'i] *мхи*↗↘, [ms't'i] *мсти*↗↘, [bodr] *бодр*↗↘↗, [žizn'] *жизнь*↗↘↗, [r'itm] *ритм*↗↘↗ и т. п. Впрочем, в речи носителей языка такие слова иногда произносятся и как двусложные. Эта двусложность может достигаться двумя путями: во-первых, сонант становится слоговым, причем

слоговость сонанта может реализоваться как собственно слоговым сонантом, так и вставкой перед ним нефонематического гласного призвука (ср. [ɣ̥gu]~[ʔɣgu] *лгу*, [ˈbodɤ]~[ˈbodɤr] *бодр*, [ˈʒizˈn̩]~[ˈʒizˈn̩ʲ] *жизнь*, [rˈit̩m̩]~[rˈit̩m̩ʲ] *ритм* и т. п.); во-вторых, между шумным согласным и сонантом может развиваться полноценный гласный, являющийся аллофоном како-либо гласной фонемы (ср. [ˈbodɤr]=/ˈbodar/ *бодр*, [ˈʒizˈinʲ]=/ʒizˈinʲ/ *жизнь* и т. п.).

Двусложность таких словоформ (независимо от способа реализации двусложности) в ряде случаев хорошо проявляется в стихотворной речи, особенно в классических русских силлабо-тонических размерах. Ср. словоформу *жизнь* в стихотворении М. Лермонтова, написанном трехстопным анапестом (◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡), что предполагает ее двусложность:

*Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.*

*И слезами когда-то считал
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал,
А теперь никого не люблю!*

*И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унести бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!*

При этом не важно, как реализуется второй слог словоформы *жизнь* — [ˈʒizˈn̩ʲ], [ˈʒizˈn̩ʲʲ] (в обоих случаях /ʒizˈn̩ʲ/) или [ˈʒizˈinʲʲ] (= /ʒizˈinʲʲ/)¹, поскольку графически это не выражено.

Сонорная теория слога применительно к русскому материалу подробно разработана в трудах Р. И. Аванесова², который исходил из шкалы сонорности, предполагающей три класса (или ступени) звуков: шумные³ (коэффициент звучности — 1), сонанты (коэффициент — 2)

¹ Впрочем, строго говоря, эти стихи можно рассматривать как написанные не трехстопным анапестом, а дольником, и тогда их можно читать с односложной словоформой *жизнь* (ср. у А. Ахматовой: *И столетие мы лелеем / Еле слышный шелест шагов...*). На это намекает и 2-й стих 3-й строфы: *И я счет своих лет потерял* (◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡) / *И крылья забвенья ловлю* (◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡), где в начале стиха пропущен слог. Языковая природа русского стиха такова, что главную роль играет, конечно, не количество слогов, а чередование ударений.

² Аванесов Р. И. Фонетика современного русского языка. М., 1956. С. 41—59.

³ Понятно, что противопоставление глухих и звонких шумных в этом отношении не существенно, т. к. в русском языке действует запрет на их сочетание в речевой цепи.

и гласные (коэффициент — 3). Основное внимание Аванесов уделял принципу восходящей звучности в нена начальном слоге, где каждый следующий элемент инициали должен быть более звучным, чем предшествующий. В начальном же слоге слова принцип восходящей звучности мог нарушаться. Таким образом, в том, что касается критериев слога деления, сонорная теория кардинально отходит от дистрибутивного принципа (см. выше).

Формулируя критерии слога деления в русском языке, Р. И. Аванесов брал за основу отдельно взятую словоформу (фонетическое слово). Он исходил из того, что большинство слогов являются открытыми (*сто-лы, ска-зка, ве-сти, Мо-сква, ше-стью, у-тка, по-чта, зе-мля, па-льма, ко-рмлю, о-тра-слью, по-дро-стки, а-бстра-кция* и т. п.). Закрытыми могут быть только конечные слоги словоформы (*стол, весть, у-ток, почт, зе-мель, ба-ра-бан, ко-рмить, по-дро-стков, а-бстра-ктный* и т. п.), а также те из неконечных слогов, которые закрываются сонантом, если следующий слог начинается с шумного согласного (*борь-ба, Вол-га, тер-плю, тай-га* и т. п.), при этом [j] всегда отходит к предшествующему слогу, даже если после него идет сонант (ср. *вой-на, ко-фей-ник, пой-ло* и т. п.). Важно, чтобы нена начальный слог в русских словоформах строился по принципу восходящей звучности в соответствии с той шкалой, которая принята Аванесовым. Однако принятая им шкала носит очень общий характер и не учитывает многих различий между классами звуков. Например, согласно его сонорной теории, слово *ра-бство* членится не так, как *цар-ство*. С точки же зрения более дробной шкалы сонорности, приведенной нами выше, ни *ра-бство*, и *цар-ство*, строго говоря, не только не дают восходящей звучности на участке [st] инициали второго слога, а наоборот, происходит ее падение, т. к. шелевой [s] является более звучным, чем [t]. По этой же причине ослабление, а не восхождение звучности имеет место в инициали нена начального открытого слога в словоформах *ска-зка, ве-сти, ко-шка*, а также *по-лна, ко-рма* (т. к. [l] и [r] более сонорные, чем [m] и [n]). Эти неувязки, а также резкое противопоставление начальных и нена начальных слогов вызывают большие сомнения в адекватности сонорной теории¹. В то же время положительной стороной этой теории, ее рациональным зерном является то значение, которое придается принципу открытого слога

¹ Характерно, что во многих южнорусских говорах возможные в литературном языке начальные консонантные сочетания с первым сонантом подвергались преобразованиям посредством развития протетического гласного: ср. *льняной > ильняной, альняной, лбы > албы, илбы, ржаной > аржаной, иржаной, мхи > имхи* и т. п. В целом это связано с нетипичностью слоговых сонантов для русского языка, поскольку предполагаются промежуточные этапы (*лбы > [lʲbi] ≥ [lʲbi] > албы*). Само же преобразование именно начального сочетания указывает на его меньшее «удобство» по сравнению с аналогичным сочетанием в середине слова, что в общем-то не согласуется с духом сонорной теории, которая допускает консонантные группы с первым сонантом в анлауте, но не в инлауте.

в русском языке. Видимо, следует признать и обязательное примыкание [j̥] к предшествующему гласному в рамках одного слога, если за [j̥] следует согласный. Что же касается в целом роли других сонантов в образовании неконечных закрытых слогов, то экспериментального подтверждения на материале современного русского литературного языка этот тезис сонорной теории не получил. Тем не менее сонорная теория слога Р. И. Аванесова и выдвинутые им критерии слогоделения получили в русистике очень широкое распространение. Некоторые фонетисты считают, что в пользу теории восходящей звучности свидетельствует тенденция к ликвидации в финали закрытого слога сочетаний «шумный + сонант» в беглой речи: ср. произношение слов типа жизнь, рубль и подобных, с одной стороны, как ['žiz'ŋ'], ['žiz'nʲ], ['žiz'mʲ], ['rublʲ], ['rubʲlʲ], ['rubəlʲ], а с другой — как ['žis'], ['rupʲ].

В рамках артикуляторного подхода к слогу широкое распространение в свое время получили идеи выдающегося французского фонетиста М. Граммона, которые на материале русского языка развивал Л. В. Щерба. В своих работах Щерба разрабатывал теорию слога, основанную на понимании потока речи как чередования усилений и ослаблений мускульного напряжения органов речи. При таком подходе слог представляет собой неделимую единицу речи, произносимую одним импульсом мускульного напряжения, состоящим из трех фаз: нарастания напряженности, пика (вершины слога) и спада. Согласные, образующие склоны слога, различаются по силе мускульного напряжения, точнее, по ее динамике: у сильноконечных согласных мускульное напряжение к концу согласного нарастает, а у сильноначальных — падает. Таким образом, одна и та же же согласная фонема в зависимости от положения в слоге по отношению к его вершине может быть реализована и сильноконечным (если он предшествует вершине слога), и сильноначальным (если он идет после вершины) согласным. Так, в слове *том* первое /t/ является сильноконечным, а второе — сильноначальным. Наиболее существенным фактором, определяющим в русском языке¹ сильноконечность или сильноначальность согласного в слоге, является ударность/безударность соседних гласных. Ударный гласный как бы притягивает к слогу, вершиной которого он является, соседний согласный, делая его либо сильноконечным, если тот предшествует ударному гласному, либо сильноначальным, если он следует за гласным. Вся группа согласных после безударного гласного отходит к следующему слогу. Только /j/ в позиции

¹ В разных языках действуют различные факторы, влияющие на характер реализации согласного в слоге. Кроме того, наряду с сильноконечными и сильноначальными в некоторых языках могут существовать и так называемые *двухвершинные* согласные, у которых перепад напряженности происходит внутри самого согласного. Щерба считал, что в русском языке такие согласные тоже возможны, но только на стыках знаменательных слов (*вот так, вкус соли* и т. п.), а при тщательном произношении и на стыке предлога и следующего слова (*/бес сада/* и т. п.).

перед согласным, независимо от ударности/безударности гласного, всегда примыкает к предшествующему гласному, закрывая слог¹. Таким образом, от ударности или безударности гласного, согласно Щербе, зависит плотность примыкания согласного к гласному как вершине слога, что и определяет правила слогаделения в тех случаях, когда в интервокальной позиции оказывается группа согласных: *пóл-ка*, но *по-лká*, *ки-бѳт-ка*, но *ки-ня-ткá*, *мáс-са*, но *ма-ссóв-ка*, *нáс-та*, но *па-стѳх*, *кóф-та*, но *ка-фтáн*, *ку-нáт-ца*, но *о-тѳцá*, *сѳс-тры*, но *се-стрá* и т. п. Разумеется, что одиночный согласный отходит к следующему гласному независимо от его ударности или безударности (ср. *дро-вá*, *сѳ-ла*, *по-дбо-рó-док*, *ма-йóр* и т. п.), хотя и в этом отношении Щерба высказал парадоксальные идеи: «При нерасчлененном произношении разговорного стиля правила слогаделения будут сложнее <...> отдельный согласный и группа согласных (стоящие между гласными) целиком отходят к предыдущему слогу, если последующий слог содержит редуцированный гласный: *рóз-ѳ-ва-я*, *кáст-ѳ-ва-я*... в *мáсс-ѳх* (но *мáс-са*)...»².

Следует признать, что теория мускульного напряжения Л. В. Щербы и развивавшаяся им гипотеза о роли ударения в правилах слогаделения так никогда и не получили какого-либо подтверждения в экспериментально-фонетических исследованиях на материале русского языка. В настоящее время эти идеи представляют интерес только с точки зрения истории науки. При этом положительной стороной теории Щербы является рассмотрение слога как минимальной *произносительной* единицы речи и ясное понимание того, что колебания в отношении слоговых границ вызваны тем, что слогаделение внутри слова в русском языке не семантизовано. Семантизация слоговых границ в русском языке возможна, по Щербе, только для сигнализации стыков слов: ср. [ˈkraʲ-ˈuxə] *край уха* — [ˈkɫa-ˈjːuxə] *краюха*, [ˈtam-ˈarkə] *там арка* — [tɫ-ˈmãr-kə] *Тамарка* и т. п.

Анализ различных подходов к слогу и слогаделению в современном русском литературном языке, пожалуй, приводит к выводу, что наиболее убедительной в настоящее время представляется точка зрения (развивавшаяся Л. В. Бондарко), согласно которой слог является минимальной произносительной (артикуляторной) единицей, а сло-

¹ Л. В. Бондарко, характеризуя теорию мускульного напряжения, указывает, что по Щербе «сонанты примыкают к предшествующему гласному, даже если он безударный, — *бул-ка* и *бал-кóн*, *пóй-ма* и *пой-мáй* и т. д.» (Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998. С. 199—200). Однако в работах Л. В. Щербы (причем в поздних — в «Фонетике французского языка» 1937 г. и в посмертно изданной «Теории русского письма», которую автор писал в 1942—1943 гг.) говорится только об особой роли /j/, остальные сонанты приравняются к шумным согласным. Ср. примеры слогового членения, приведенные самим Щербой: *ко-лба-сá*, *ре-мнѳ*, *ко-ре-ннóй*, но *кóл-ба*, *вáнн-на*, *пáй-кóвóй* (Щерба Л. В. Теория русского письма. Л., 1983. С. 30).

² Щерба Л. В. Теория русского письма. Л., 1983. С. 31.

горазд не перед паузой в естественной речи, но при полном типе произнесения нормально проходит после гласного, т. е. практически все слоги являются открытыми. Это связано со слабым примыканием согласного к предшествующему гласному, что в частности выражается в одинаковом характере примыкания согласного к предшествующему гласному в слогах типа VC и VCV. Единственным исключением из этой закономерности следует, видимо, признать плотное примыкание неслогового [j] (= /j/) к предшествующему гласному, если после него следует согласный: *вы́й-ду*, *за́й-тí*. Даже закрытый слог перед паузой реализуется в русском языке таким образом, что закрывающий слог согласный реализуется с помощью размыкательного движения артикуляторов, в результате которого после согласного появляется легкий гласный призвук (ср. [ston^o] *тол*, [got^o] *год*). Таким образом, артикуляторная программа закрытого слога фактически включает в себя реализацию открытого слога ([sto-n^o] *тол*, [go-t^o] *год*). Видимо, на глубинном артикуляторном уровне все слоги русского языка являются открытыми — (CC)CV или C^V, но перед паузой слоги типа C^V фонологически реализуются как согласные, закрывающие слог.

Вывод о том, что минимальной произносительной единицей русского языка является открытый слог и что почти все слоги — открытые, в известной степени противоречит эксплицитно выраженной интуиции носителей языка. Само по себе это не удивительно, т. к. слоговые границы не связаны со значением, не «семантизованы», по выражению Л. В. Щербы, а слог в русском языке является не фонологической единицей языка, а произносительной единицей речи. Именно поэтому рефлексия носителей языка по поводу слоговых границ, если и когда такая рефлексия вообще имеет место, подвержена воздействию со стороны семантических языковых уровней, прежде всего морфологического. Неискушенному носителю языка очень трудно отделить проблему определения слоговых границ от проблемы морфемных границ, а также от ассоциаций, вызванных графикой и орфографией.

Следует подчеркнуть, что подход к слогоделению на основе критерия открытого слога представляется оправданным по отношению к современному русскому литературному языку. Но это не значит, что и в других языках ситуация аналогична. Даже для русского языка, если учесть его диалектное разнообразие, картина не будет столь однозначной. Во всяком случае есть серьезные основания предполагать, что в отношении слогоделения существуют важные различия между южнорусскими и среднерусскими говорами, с одной стороны, и севернорусскими — с другой. Современный русский литературный язык совпадает в этом отношении с южнорусским и среднерусским говорами. Экспериментально-фонетические исследования на материале севернорусского (вологодского), южнорусского (рязанского) и среднерусского (владимирско-поволжского) говоров показали, что вологодский говор резко отличается от владимирского и рязанского, а также русского литературного языка тем, что в нем согласные

интервокальных групп разделены слоговой границей. Это связано с особенностями артикуляционной базы говора, в частности с преобладанием сильного примыкания первого согласного интервокальной группы к предшествующему гласному. Если в рязанском говоре (как и русском литературном языке) цепочка (C)VCCV(C) членится так, что группа согласных отходит к следующему слогу, т. е. (C)V-CCV(C) (ср. *ла-пшá, ú-тка, па-стúх* и т. п.), то в вологодском с сильным примыканием слоговая граница проходит внутри группы согласных, т. е. (C)VC-CV(C) (ср. *ла-пшá, ú-тка, па-стúх* и т. п.)¹.

В заключение отметим, что поиски артикуляторных и акустических коррелятов слоговых границ, которые позволили бы выработать удовлетворительные фонетические критерии для установления слогового раздела, далеки от завершения. Многие фонетисты настроены весьма пессимистически в отношении возможности достичь этой цели.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. С. 41—59 (О слогоразделе и строении слога в русском языке).
2. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. М., 1998. С. 189—214 (Гл. 8. Слог и слогаделение).
3. *Буланин Л. Л.* Фонетика современного русского языка. М., 1970. С. 150—160 (Гл. VI. Слог и слогаделение).
4. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. § 257—263 (Гл. VI. Поток речи. Б. Слогаделение. Слог) [или: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика // *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007].
5. *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 61—95 (Гл. 2. Ударный вокализм), с. 121—163 (Гл. 4. Консонантизм), с. 178—189 (Гл. Модификации звуков в потоке речи).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. С. 41—59.
2. *Бондарко Л. В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. С. 106—143 (Фонетическая реализация различительных признаков).
3. *Бондарко Л. В., Павлова Л. П.* О фонетических критериях при определении места слоговой границы // *Русский язык за рубежом.* 1967. № 4. С. 11—20.
4. *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 49—63 (Слог. § 10—11).

¹ Подробнее см.: *Пауфошима Р. Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах // *Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии.* М., 1977. С. 185—230.

5. *Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983. С. 118—143.
6. *Князев С. В.* О критериях слогоделения в современном русском языке: теория сонорности и теория оптимальности // Вопросы языкознания. 1999. № 1.
7. *Князев С. В.* Ресиллабификация в современном русском языке // Вопросы фонетики. III. М., 1999. С. 132—142.
8. *Панов М. В.* О слогоделении в русском языке // Проблемы фонетики. II. М., 1995.
9. *Потапова Р. К.* Слог — базовая единица речепроизводства и речевосприятия // Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Потапов В. В., Трунин-Донской В. Н. Общая и прикладная фонетика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 178—255.
10. *Щерба Л. В.* Теория русского письма. Л., 1983. § 27—29. С. 29—33.

§ 1. Понятие чередования фонем

Обычно под чередованием в фонетике понимают мену фонем в пределах одной морфемы, или — другими словами — фонематическое различие между разными *алломорфами* одной морфемы. Чередоваться могут как отдельные фонемы (ср. /b//p/: *дубы* — *дуб*, /s//š/: *склеить* — *шить*), так и сочетания фонем (ср. /b'//b'l'/: *любить* — *люблю*), а также звук с нулем звука (/o//#: *сон* — *сна*; /o//# и /i//# *сорвать* — *срывать*; /t'//#: /v'es't'/ *весть* — /v'es'n'ik/ *вестник*). Чередующиеся в морфеме фонологические сегменты называются *альтернантами*. К чередованиям (альтернациям) фонем функционально примыкает и мена места словесного ударения. Одна и та же морфема в разных словоформах одной лексемы может быть ударной и безударной, а также может иметь ударение на разных слогах: ср. *ловл-ю* — *лов-ишь*, *лов-ит...*; *стен-á*, *стен-ы*, *стен-é...* — *стён-ы*, *стён-ø*, *стён-ам...*; *голов-á* — *голов-у* — *голов-ø* — *на голов-у* — *голов-к-а...* Развитая система разнообразных чередований является одной из ярких особенностей русского языка: например, в паре словоформ /la'vl'u/ *ловлю* — /'lov'iš/ *ловишь* представлено сразу три разных чередования: 1) /v'//vl'/, 2) /a//o/, 3) мена места ударения. Чередования буквально пронизывают систему склонения, спряжения и словообразования русского языка. Охватывая наиболее частотную лексику, они являются важным дополнительным грамматическим средством.

Итак, чередование — это прежде всего чередование фонем. Однако возможно и более широкое понимание этого явления. Иногда в понятие чередования включают не только чередования фонем, но и чередования аллофонов одной фонемы: например, чередование лабиализованного и нелабиализованного /t/ в зависимости от следующей гласной фонемы ([t]||[t°] в [kl'ta]=/kata/ *кота* — [klat°u]=/katu/ *коту*) или чередование различных аллофонов фонемы /a/ в зависимости от позиции по отношению к ударению ([a]||[ʌ]||[ə]([ɚ]) в [val]=/val/ *вал* — [vʌ'li]=/valy/ *вал* — [və'l'voj]=/valavoj/ *валовой*). Строго говоря, чередование аллофонов внутри морфемы не следовало бы считать чередованием, т. к. аллофоны не являются самостоятельными сущностями, первичными по отношению к фонемам. Аллофон — это научная абстракция, связанная с понятием фонемы как реальной фонологи-

ческой единицы языка. «Чередующиеся аллофоны» лучше трактовать не как альтернанты, а как модификации или реализации фонемы в разных фонетических позициях, т. к. они связаны не с морфемой, а с фонологическим контекстом, с фонологической позицией.

Чередования фонем обычно возникают в результате фонологических изменений, которые постоянно происходят в звуковом строе языка. Некоторые из звуковых изменений и развившихся на их базе чередований возникли еще до появления славянской письменности, например, еще в праславянский период. Таковы чередования заднеязычных согласных с шипящими: /k//č/ (*теку* — *течѣшь*), /g//ž/ (*берегу* — *бережѣт*), /x//š/ (*тих* — *тишина*) и т. п. Первая праславянская палатализация (VI в.), которая привела к изменению заднеязычных в шипящие перед гласными переднего ряда, уже завершилась ко времени деятельности создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия (IX в.), поэтому соответствующие чередования и оказались отраженными на письме. Другие чередования возникли сравнительно поздно, уже в условиях развитой и устойчивой письменной традиции, поэтому на письме обычно не отражаются. Так обстоит дело с отражением оглушения звонких согласных на согласных (/d//t/: *пруды* — *пруд*) или аканья (/o//a/: *вѣду* — *водѣ*), которое проникло в московское произношение в XVI в. в условиях существования уже развитой письменной традиции, и тем более иканья (XIX—XX вв.). Впрочем, сравнительно поздние изменения также могут и отражаться на письме, например падение редуцированных (XII в.), приведшее к появлению «беглых гласных» (/e//# *день* — *дня*, /o//# *сон* — *сна*). Примером трудностей, с которыми сталкивается отражение на письме звуковых изменений, произошедших в условиях развитой письменной традиции, может служить история буквы ѣ, созданной Н. М. Карамзиным в конце XVIII в. в том числе и для обслуживания чередования o//e/ (*бѣдра* — *набедренный*), но так и не прижившейся на письме.

Некоторые чередования не связаны с фонетическими изменениями. Таково, например, чередование /n//š/ и /n'//š/ (ср. *баран* — *барашек*, *камень* — *камешек* и т. п.), относительно происхождения которого существуют разные гипотезы, однако ни одна из них не связывает это чередование с изменением типа /n/ > /š/ или /š/ > /n/: таких фонетических изменений в истории русского языка не было.

§ 2. Типы чередований фонем

Перечисленные чередования не вполне однородны, хотя все они являются чередованиями фонем. Многие чередования — например, мена ударного гласного /o/ и безударного /a/ (*дѣм* — *домѣ*, *стѣл* — *стѣлы*) или замена глухого согласного парным звонким перед звонким согласным (*косить* — *косьба*) и звонкого согласного парным глухим перед глухим согласным в позиции перед глухими (*дубок* — *дубка*) — распространяются на столь большое число морфем и слов,

что это производит впечатление фонетической закономерности, не знающей исключений. Таким чередованиям удобно приписать фонетическую обусловленность, и их условия легко поддаются описанию в фонетических терминах. Чередования этого типа часто называют *живыми фонетическими чередованиями*. По отношению к ним употребляется и еще один термин — *позиционные чередования*, поскольку их альтернанты находятся как бы в разных фонетических позициях: один — в сильной, где возможно противопоставление чередующихся фонем (для гласных /o/ и /a/ это позиция под ударением, для звонких и глухих шумных согласных — перед гласным или сонантом), а другой — в слабой, где выступает только одна из противопоставленных фонем (для гласных /o/ и /a/ — это безударная позиция, в которой выступает альтернант /a/, а для звонких и глухих согласных — конец слова, где выступает глухой альтернант, или положение перед другим шумным согласным, где выступает либо глухой, либо звонкий в зависимости от глухости/звонкости следующего согласного).

Есть чередования другого типа. Они, как правило, не поддаются описанию в фонетических терминах. Такие чередования называются *историческими*, например, приведенные выше чередования заднеязычных согласных с *шипящими* (/k//č'/ теку — течёшь, /g//ž/ берегу — бережёт, /x//š/ страх — страшен, страшна и т. п.) или чередование ударных /o//a/ или согласных /d'//ž/, /v'//vl'/ и др.: ср. *заходит* — *захаживает*, *спросит* — *спрашивает*, *ловит* — *улавливает*, *спóрит* — *оспáривает* и т. п. Эти чередования хотя и являются регулярными и продуктивными (ср. нормативные новообразования типа *обусловит* — *обусла́вливает*, и даже пары со вторым просторечным образованием *распогóдится* — *распогáживается*, *растомóжит* — *растомáживает*, *просрóчит* — *просрáчивает*, *обезбóлит* — *обезбáливает*), но связаны не с фонологической позицией, а с морфологической. Фонемы, являющиеся альтернантами этих чередований, могут находиться в одинаковых фонологических позициях: ср. /t'i'ku/ *теку* — /l'i'č'u/ *лечу*, /kot/ *кот* — /t'i'č'ot/ *течёт*, /strax/ *страх* — /straš/ *страж*, /'strašin as/ *страшен ас* — /strax i 'nas/ *страх и нас (одоле)* и т. д. Выбор же того или другого альтернанта обусловлен грамматическими признаками словоформ: в спряжении глаголов *течь*, *беречь* и т. п. заднеязычный согласный представлен в формах 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. *теку*, *берегу*, *текут*, *берегут*, в остальных членах парадигмы представлены шипящие альтернанты — *течёшь*, *бережёшь*, *течёт*, *бережёт*, *течём*, *бережём* и т. д.; в существительном *страх* представлен заднеязычный, в прилагательном — шипящий: *стра́шен*, *страи́на*, *страи́ны*, *страи́нный*, *страи́ная* и т. п.

Однако разграничить *живые* и *исторические* чередования не всегда легко. Например, одни лингвисты полагают, что чередование непалатализованных и палатализованных парных согласных перед /e/ (*коса* — *о косе*, *дыра* — *дыре*, *окно* — *на окне*) — живое фонетическое чередование, другие же считают его историческим чередованием, по-

сколькx в современном литературном языке давно и широко распространилось произношение непалатализованных согласных перед /e/ (ср. с *этим, сэp, тире, энергия* и т. п.), а значит, нет запрета на сочетание непалатализованных согласных со следующим /e/. Вторая точка зрения представляется предпочтительной для современного этапа развития русского языка.

В ряде описаний русского языка даже чередования «беглых гласных» (гласных с нулем) рассматриваются как живые фонетические (автоматические), вызванные фонологической позицией (контекстом). Согласно этой точке зрения, в некоторых сочетаниях согласных (которые, по мнению сторонников такого подхода, невозможно произнести без гласного) происходит вставка гласного: ср. в склонении существительных <ок#н-о/ок#н-ø> → *окно/окон*, <ов#ц-а/ов#ц-ø> → *овца/овец*. То, что все-таки данное чередование не является автоматическим, и соответственно не может считаться живым фонетическим, следует из того факта, что вставка гласного в группе согласных происходит не только перед паузой (фонетический контекст), но также и не перед паузой, когда соответствующая «глубинная» группа согласных на стыке слов оказывается перед гласным следующего слова: /a'v'es/ *овец* и /a'v'è i 'kos/ *овец и коз*, но /òfci/ *овцы*. Если бы чередование было живым, <ов#ц-ø> должна была бы реализоваться на поверхностном уровне без вставки гласного: */òfci i 'kos/ 'овец и коз'. То же самое имеет место при склонении слов *ветер, посол*, когда вторая гласная корня вступает в чередование с нулем (ср. *вётра, вётру; посла, послом*). Закономерность здесь не фонетическая (безударность «беглого гласного» или наличие гласного в следующем слоге), а морфологическая: ср. *ветерок, ветерочек*. Приведшее когда-то к возникновению явления беглых гласных изменение — падение редуцированных гласных /ь/ и /ь/ — давно (в XII—XIII вв.) прекратило свое действие, поэтому «чередования с нулем» давно уже являются не *живыми фонетическими* и *позиционно обусловленными*, а *историческими*. Кроме того, следует быть осторожным с определением того, какие сочетания согласных разрешены, а какие запрещены в русском языке, который, будучи языком консонантного строя, разрешает очень многое (не каждый язык допускает такие сочетания согласных, как в словах /fspi'esk/ *всплеск* или /'bodrstvavət'/ *бодрствовать* и т. п.). Возможно, лишь случайность привела к тому, что в русском языке нет слов с сочетанием /fc/ или /kn/ в абсолютном конце слова (но, например, есть /nc/ *солнц*, /fsk/ *Ульяновск*, /l'ssk/ *Волжск* и др.). Чередование беглых гласных в *овца — овец* нельзя отделять от чередования в словах *доска — досок, маска — масок*, в которых очевидным образом оно не является живым фонетическим, т. к. конечное /sk/ в русском языке разрешено (ср. *воск, мозг* и мн. др.).

Итак, *живые фонетические* (они же *позиционные*) и *исторические* представляют основные фонологические типы чередований, традиционно признаваемые в фонологии. Выше они представлены в основном в русле ЩФШ.

Трактовка разных типов чередований в значительной степени зависит от фонологической концепции. Согласно теории МФШ чередования также могут быть «фонетическими» и «нефонетическими». Фонетические чередования обусловлены позицией, причем чередуются варианты или вариации одной и той же фонемы, без изменения состава фонем в морфемах: например, чередования ударных и безударных гласных в русском языке (*воды* [вóды] — *вода* [вдá] — *водовоз* [вэдáвос]) при сохранении фонемного состава корня <вод->) или чередования звонких и глухих согласных (*друг* [друк] — *друга* [другá]), фонемный состав корня — <друг->). Такие чередования имеют обязательный и автоматический характер. Нefonетические чередования не зависят от позиций, а альтернантами являются разные фонемы, соответственно алломорфы имеют разный фонемный состав (например, <друг-> — <друз’-> — <друж-> в русских словах *друга* — *друзей* — *дружеский*). Положения теории чередований МФШ с ее оригинальным понятием *варианта фонемы*, отличным от понятия *вариации фонемы*, легко трансформируются в положения ЩФШ простым перенесением границы внутри общего объема понятия чередования:

- 1) те фонетические чередования МФШ, в которых альтернантами являются «вариации», соответствуют «чередованиям аллофонов фонемы» или вообще будут рассматриваться не как чередования, а как модификации фонем в ЩФШ;
- 2) те фонетические чередования, в которых альтернантами являются «варианты», соответствуют «живым позиционным» чередованиям фонем ЩФШ;
- 3) «нефонетические» чередования (они же морфологические) соответствуют «историческим» чередованиям ЩФШ.

Такова в целом фонологическая типология чередований.

Итак, независимо от понимания фонемы, наиболее существенным является разграничение живых фонетических и исторических чередований. На этом настаивают даже те фонологи (например Л. Р. Зиндер), которые считают, что с точки зрения фонологической системы между живыми и историческими чередованиями принципиального различия нет: и те и другие являются чередованиями фонем, имеющими грамматическую функцию.

Для разграничения живых и исторических чередований обычно используются четыре критерия: 1) обусловленность (у живых) или необусловленность (у исторических) фонетическими закономерностями, действующими на данном синхронном срезе языка; 2) применимость (у живых) или неприменимость (у исторических) понятия сильной и слабой позиции; 3) опосредованная (у живых) или непосредованная (у исторических) обусловленность морфологической позицией; 4) отражаемость (у живых) или неотражаемость (у исторических) на письме¹. Из этих четырех только первые два могут иметь существенное

¹ Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970. С. 131—135.

значение, но главным, конечно, является первый критерий — отношение к действующим фонетическим закономерностям.

Для понимания природы чередований важнейшей является мысль Л. Р. Зиндера о том, что «механическая обусловленность живых чередований является скорее внешней, что в действительности в их основе лежит не действие производительного механизма, а языковая традиция». Из этого положения следует, в частности, что между живыми и историческими чередованиями по крайней мере нет резких границ. Так, чередование одних и тех же фонем может выступать в одном случае как живое позиционное, а в другом как историческое. Например, чередование /d/||/d'/ в одном и том же корне может быть живым позиционным (*вода* — *водица*, где действует живая фонетическая закономерность: перед /i/ не может быть твердого согласного) и историческим (*вода* — *водянка*, где замена /d/ на /d'/ не связана с действующими фонетическими закономерностями). Вывод, который можно сделать из этих рассуждений, таков: с точки зрения фонологической системы разграничение исторических и живых чередований не имеет большого смысла.

Рассмотрим некоторые типичные чередования фонем русского, которые традиционно интерпретируются как живые фонетические, и проверим, насколько оправданна такая их квалификация.

Чередование фонем /o/||/a/ в случаях типа *вол* — *вола*, *вода* — *воду*, *хожу* — *ходишь* и т. п. с большой натяжкой может рассматриваться как живое, позиционно обусловленное чередование в том смысле, в каком такое чередование традиционно понимается. С синхронической точки зрения оно не определяется фонетическим контекстом. Факты современного литературного произношения свидетельствуют о том, что ограничений на произношение безударного /o/ нет. Безударное /o/, являясь аллофоном фонемы /o/, весьма широко распространено и даже является обязательным в большом количестве довольно частотных слов: в междометии *огó*, в проклитиках¹ *но*, *то*, *что*, *хоть* (*но мы́*, *то мы́*, *что мы́*, *хоть мы́*); в освоенных заимствованиях *кака́о*, *ра́дио* и др.; в аббревиатурах *ООН*, *ГОЭЛРО*; в сложных и сложносокращенных словах *полдóма*, *госдóма* и др. От них следует отличать слова типа *в[ò]доснабжéние*, *[ò]стросюжéтный* и даже *[á]стросюжéтный* и т. п., которые факультативно могут иметь, кроме основного, и побочное ударение. Таким образом, в русском языке фонемы /a/ и /o/ противопоставлены как под

¹ *Клитики* — акцентно несамостоятельные словоформы, которые без объединения с другой словоформой не могут составить фонетическое слово и примыкают к предшествующей или последующей ударной словоформе, образуя вместе с ней одно фонетическое слово. В первом случае, когда клитики примыкают к предшествующему слову, они называются *энклитиками*, во втором — *проклитиками*. В русском языке энклитиками являются частицы *же*, *ли*, *бы*, *-ка*, проклитикой — союзы *и*, *но*, предлоги — *на*, *за*, *по*, которые иногда могут становиться ударными и составлять вместе с существительным одно фонетическое слово (*на́ год*, *за́ боро́ду*, *по́ полю* и т. п.).

ударением, так и в безударной позиции: ср. *ради/о/* — *áви/а/*. Можно даже подобрать минимальные пары: [л 'оn] = /а ón/ *А он (пришел)* или *АОН* 'автоматический опознаватель номера', но [о'оn] = /оóп/ *ООН* 'Организация объединенных наций'; [пл'vi] = /па'vi/ (*Он со мной*) на вы = *новы* ≠ [по 'vi] = /по 'vi/ *Но вы (же не пришли!)*.

Итак, для чередования /о//а/ важна не безударность как фонетическая обусловленность, а чередование само по себе как явление морфонологическое. Его неавтоматический характер подтверждает встречающееся в речи людей, в целом владеющих литературной нормой (в частности, тележурналистов), произношение *ави[о]билét, ави[о]компáния* и т. п. Такое произношение вызвано, видимо, влиянием продуктивных образований с безударным /о/ в позиции после гласного (особенно после /i/), представленной в формах типа *рад/ио/передáча, ауд/ио/касcéта, вид/ио/транслýция*, которые, кроме того, близки форме *авиа* в семантическом (современные заимствования в сфере техники) и акцентуационном отношении. Во всех приведенных примерах возможно побочное ударение на первом слоге (*áви[о]билét, ради[о]передáча*), что особенно подчеркивает безударность [о].

Прекрасно понимал природу чередования /о//а/ Л. В. Щерба, который отмечал, что фонема /о/ «замечательна тем, что нормально не встречается в русских словах в неударных слогах, чередуясь в этом положении с „а“... Обыкновенно это чередование считается чисто фонетическим. Однако это неверно: во фразе в безударных слогах, так называемых проклитиках и энклитиках, „о“ может сохраняться: *но я не верю в него...; я знаю, что он дома...; приехал он домой* (постпозитивное *он* является безударным и сохраняет свое „о“); *хотя он приехал домой* (здесь препозитивное *он* сохраняет свое ударение). Следовательно, безударность в настоящее время не превращает „о“ в „а“»¹.

Несколько сложнее обстоит дело с интерпретацией чередований, связанных с так называемым иканьем. Иканье в фонологическом смысле обычно понимается как неразличение в безударной позиции после мягких согласных фонем /а, о, е, i/ и употребление в этой позиции фонемы /i/, что отражается в чередованиях /е//i/ (*бéды — бедá*), /а//i/ (*пять — пятí*), /о//i/ (*вéл — велá*). Эти чередования всеми фонологами рассматриваются как живые и позиционно обусловленные. Однако если выйти за рамки изолированных слов, то ситуация не будет столь однозначной. В позиции после мягких согласных безударные гласные неверхнего подъема достаточно часто встречаются на стыках слов: /хот' а'd'in/ *хоть один*, /v'it' а'na/ *ведь она* и т. п. В принципе фонетическая система русского языка допускает в такой позиции и безударное /о/, хотя лексически наполняемость этой возможности крайне ограничена (/v'it' оóп/ *ведь ООН* и т. п.). Впрочем, есть примеры на безударное /о/ после мягких согласных и внутри слова: ср. *т[г'о]хcóт, четы[г'о]хcóт*. Наличие подобных

¹ Щерба Л. В. Теория русского письма. Л., 1983. С. 54.

форм означает, что в случае с /a//i/ и /o//i/ мы имеем дело уже с историческим чередованием. На это же указывает произношение с фонемой /e/ при наличии двух ударений в данных словах (ср. /sl'ez/ *оточивый*, /m'ed/ *оточивый*), а не с фонемой /o/ (* /sl'oz/ *оточивый*, * /m'od/ *оточивый*), хотя с точки зрения фонологической системы такие формы допустимы, причем под основным ударением имеем /sl'ozì/ *слёзы*, /m'ót/ *мёд*.

Иначе обстоит дело с чередованием /e//i/. В данном случае имеет место вариативность реализации этих фонем в зависимости от стиля речи, которая проявляется во взаимодействии икающей и екающей норм в длительном процессе изменения безударного /e/ в /i/. Эта вариативность затрагивает противопоставление фонем /e/ и /i/ в безударной позиции. Судя по всему, современное литературное произношение отражает один из заключительных этапов изменения /e/ > /i/. Варьирование /e//i/ напоминает живое фонетическое чередование именно потому, что оно отражает заключительный этап фонетического изменения. Так что Шерба был в известном смысле прав, когда трактовал современное ему литературное произношение как «екающее», потому что изменение /e/ > /i/ в языке еще не завершено. Современные же чередования /a//e > i/ и /o//e > i/ отражают давно завершившиеся фонемные изменения. Исторически сначала произошло изменение /o/ в /a/ после твердых согласных (/vo'da/ > /va'da/ *вода*, /n'ebo/ > /n'eba/ *небо*), а в абсолютном конце слова также и после мягких (/pol'o/ > /pol'a/ *поле*). Затем началось изменение /a/ в /e/ после мягких согласных (/t'a'nu/ > /t'e'nu/ *тяну*), т. е. развитие еканья (см. также Гл. 5, § 5 и Гл. 7, § 7).

Чередование шумных звонких и глухих на конце слова (словоформы в рамках одной лексемы) тоже можно интерпретировать не как живое фонетическое, а как историческое чередование. Аргументом в пользу такого решения является то, что с точки зрения современного русского языка контекст «оглушения» шумных согласных в **ауслaute** не фонетический, а морфологический: звонкий шумный согласный заменяется на парный глухой в позиции не перед паузой, точнее — не только перед паузой (что следовало бы трактовать как фонетический контекст), а перед нулевой флексией. Давно замечено, что в случаях типа *Помó/к/ ли он?* или *Ну, не га/т/ ли он?* оглушение конечного согласного происходит не перед паузой, а на конце лексико-грамматического слова¹ (ср. *помо/г/лú*, *га/д/лúвый*). Раньше других именно таким образом это правило сформулировал, видимо, Л. Л. Буланин: «...в именах существительных с основой на звонкий согласный перед нулевым окончанием звонкий согласный чередуется с глухим»². А это означает не что иное, как признание неавтоматического (с фонетической точки зрения) характера данного чередования. Если отсутствует нулевая флексия, нет и чередования звонкого и глухого. В окончаниях глаголов *идет*, *идеешь* или на конце наречий *вдруг*, *вспять* и т. п. конечный согласный всегда

¹ Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973.

² Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970. С. 135.

глухой, если оставить в стороне случаи «озвончения» перед начальным звонким шумным согласным следующего слова (*идеe/d/ домой, иде/ž/ь домой* и т. п.). Показательно замечание Л. В. Щербы о чередованиях по глухости/звонкости в одном восточнолужицком говоре, который он исследовал в начале XX в. и в котором ситуация принципиально не отличается от русской: «Чередования звонких с соответствующими глухими... в конце слова и перед глухими надо признать историческим у молодого поколения»¹.

Между чередованиями звонких и глухих согласных на конце слова и в зависимости от звонкости/глухости следующего согласного (как внутри слова, так и на его стыках) имеется существенное различие с морфонологической (см. ниже) точки зрения: первые — собственно морфонологические чередования, которые могут сопутствовать некоторому морфологическому значению, вторые — чередования, вызванные фонотактическими ограничениями и не связанные с морфологическими различиями. Именно основанные на фонотактике чередования, условия которых удобно описывать в фонологических терминах, можно трактовать как автоматические, но в рамках морфонологии, а не фонологии. С фонологической точки зрения даже эти чередования не могут быть признаны автоматическими.

Итак, две важнейших группы чередований фонем в звуковой системе русского литературного языка — чередования /o//a/ и чередования звонких и глухих шумных согласных — традиционно рассматриваемые как живые, обусловленные фонетическим контекстом, фактически являются чередованиями историческими. «Живыми» же их можно считать только в том смысле, что они продуктивны и занимают центральное место в морфонологической системе русского языка.

Более сложный случай представляют чередования, вызванные дистрибутивным ограничением мягких и твердых согласных перед /i/ и /i/. Если исходить из того, что /i/ и /i/ — самостоятельные фонемы, то чередование /d//d'/ в *вода — водица* будет живым фонетическим, в то время как в *вода — водянка* — историческим; соответственно, живым фонетическим будет чередование /i//i/ в *ива — под ивой*. Получается, что в русском языке в одних случаях — т. е. в одних морфемах — твердость согласного определяет наличие /ы/ (*подытожить*), в других — наоборот — наличие /i/ определяет мягкость предшествующего согласного (*водица*). Представляется, что такое распределение не является на самом деле фонетическим, оно сложилось в результате определенных и, в сущности, непосредственно не связанных между собой фонетических изменений, рефлексы которых, наложившись друг на друга, определили своеобразие русской морфонологической системы. Если вместо *вода — водица* взять *воды — водица*, то выходит, что /i/ в *воды* определяется твердостью /d/ (ср. /'f'ed'i/ *Феди*), причем чередование обусловлено фонетически, т. е. оно не историческое,

¹ Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Т. 1. Пг., 1915. С. 70.

а /i/ в *водица* определяется мягкостью /d'/, т. е. чередование опять же обусловлено фонетически и тоже не является «историческим». Каждое из этих чередований, которые вызваны фактически позиционными ограничениями в дистрибуции фонем, лишь похоже на живое фонетическое, но их наложение и как бы взаимная отмена фонетической обусловленности показывает, что и в том и в другом случае мы имеем дело уже с чередованием историческим.

Можно посмотреть на приведенный пример и с другой стороны. Дело в том, что словообразовательные примеры вообще не представляются удачными для демонстрации чередований, т. к. при словообразовании чередования носят несколько иной характер, чем при словообразовании — они наслаиваются на чередования, существующие в парадигме словоформ. С этой точки зрения чередование /d//d'/ в *вода* — *водица* — это не чередование в принятом выше понимании, а своего рода «чередование чередований», так как здесь чередуются не фонемы /d//d'/ как фонетические единицы, а «морфемы» {d||d'}||{d'} как единицы морфонологические (см. ниже). Историческое чередование фонем /d//d'/, т. е. «морфема» {d||d'}, в *вода* — *воде* чередуется с изолированной «морфемой» {d'} в *водица*. Словообразовательные отношения *водит* → *вождение* и *водит* → *вода* 'тот, кто водит (в игре)' обслуживаются следующими чередованиями морфем: *вода* — *водит* — *вождение* = {d||d'}||{d' ||ž}||{žd'}. Об этом писал еще И. А. Бодуэн де Куртенэ, классифицируя альтернации с точки зрения простоты и сложности на *простые альтернации* и *альтернации альтернаций*¹.

§ 3. Морфонология. Понятие морфемы

Как морфологическое (грамматическое) средство чередования изучаются в морфонологии. Под морфонологией понимается раздел лингвистики, изучающий функциональные связи между фонологическим и морфологическим уровнями языковой системы. Задачей морфонологии является исследование соотношения фонологических характеристик словоформ и их морфологических свойств. Несмотря на то, что морфонологическая проблематика широко затрагивалась в работах индоевропеистов еще в XIX в., обоснование предмета и задач морфонологии как сравнительно автономной области языкознания обычно связывается с деятельностью Пражского лингвистического кружка (ПЛК) и прежде всего с именем Н. С. Трубецкого, который ввел сам термин *морфонология* и дал довольно полное описание морфонологической системы русского языка. Многие положения, которые он развивал в своих работах, продолжают идеи А. И. Бодуэна де Куртенэ, который был первым, кто осознано стал говорить об «использовании

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт теории фонетических альтернаций (1895 г.) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 294.

фонетических различий в психических целях» (в «Опыте теории фонетических альтернатив» 1895 г.), т. е., если заменить его устаревшую терминологию на терминологию ПЛК, о «морфологическом использовании фонологических различий», что и является объектом морфологии в широком смысле.

Н. С. Трубецкой выделил в качестве объекта полной морфонологической теории: 1) фонологическую структуру морфем, 2) комбинаторные изменения звуков в составе морфемы, 3) чередования звуков, выполняющие морфологическую функцию. Кроме того, он выделил особую морфонологическую единицу — *морфону*, которая понималась им как находящая соответствие в языковом сознании говорящих «совокупность фонем, участвующих в данном чередовании»¹. Например, морфемы *k/č, g/ž, x/š* представлены в корнях *рук-, ног-, страх-* и соответствуют чередованиям фонем */k//č/, /g//ž/, /x//š/* в словообразовании (*рука — ручной, нога — ножной, страх — страшный*), морфемы *k/č, g/ž, b/b', d/d', s/s'...* представлены в корнях *греб-, вед-, нес-* и соответствуют чередованиям фонем */k//č/, /g//ž/, /b//b'/, /d//d'/, /s//s'/* в спряжении (*пеку, пекут — печёшь, печёт..., жгу, жгут — жжёшь, жжёт..., гребу, гребут — гребёшь, гребёт..., веду, ведут — ведёшь, ведёт..., несу, несут — несёшь, несёт*). Могут быть морфемы с нулевым альтернантом. Например, трехчленная морфонема *o/e/#* (ср. *лёд — лёдник — льдина*). Таким образом, говоря о морфоне, Трубецкой фактически имел в виду не столько особую языковую единицу, сколько класс чередующихся фонем. Имеются и другие, отличные от представленного в трудах Трубецкого, понимания морфемы. Например, одно из самых ранних истолкований *морфемы* как морфонологической единицы (оно принадлежит польскому лингвисту Г. Улашину), очень близко понятию *фонемы* в трактовке МФШ (или *фонемного ряда* в концепции Р. И. Аванесова). Некоторые исследователи придерживаются именно такой или близкой к ней трактовки морфемы.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. М., 1998. С. 171—188 (Гл. 7. Чередование фонем).
2. *Буладин Л. Л.* Фонетика современного русского языка. М., 1970. С. 128—149 (Гл. V. Чередование фонем).
3. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. § 52—56 (Границы фонемы и морфонема); § 237—240 (Чередование фонем) [или: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика // *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007].
4. *Маслов Ю. С.* О типологии чередований // *Звуковой строй языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1979. С. 195—201* [также в: *Маслов Ю. С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 757—764].

¹ *Трубецкой Н. С.* Морфонологическая система русского языка (1934 г.) // *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 88.

5. *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 190—121 (Гл. 7. Чередование фонем в русском языке).
6. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967. С. 276—287 (§ 48. Чередования и внутренняя флексия).
7. *Трубецкой Н. С.* Некоторые соображения относительно морфонологии (1931 г.) // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Опыт теории фонетических альтернатив (1895 г.) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 265—347.
2. *Булакин Л. Л.* О сильных и слабых позициях фонем в русском языке // Звуковой строй русского языка., М., 1979. С. 27—32.
3. *Винокур Г. О.* Чередование звуков и смежные явления в современном русском языке (отрывок из лекций по русскому словообразованию) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Исторический очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 355—359.
4. *Гвоздев А. Н.* К вопросу об отношении фонетики к морфологии // Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963. С. 264—279.
5. *Гвоздев А. Н.* Роль исторических чередований в современном русском языке // Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963. С. 251—263.
6. *Иткин И. Б.* Русская морфонология. М., 2007.
7. *Касевич В. Б.* Морфонология. Л., 1986.
8. *Попов М. Б.* Чередования фонем в синхронии и диахронии (Существуют ли живые фонетические чередования в русском языке?). Научный доклад. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
9. *Реформатский А. А.* Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах // Реформатский А. А. Фонологические этюды. М., 1975.
10. *Реформатский А. А.* О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) (1955 г.) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 398—421.
11. *Толстая С. М.* О некоторых трудностях морфонологического описания // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 42—43.
12. *Трубецкой Н. С.* Морфонологическая система русского языка (1934 г.) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 67—142.
13. *Чурганова В. Г.* Очерк русской морфонологии. М., 1973.

§ 1. Супraseгментная фонетика

В лингвистике традиционно принято делить звуковые явления и средства на сегментные и супraseгментные. К сегментным относятся фонемы, слоги, фонетические слова, синтагмы, фразы, а к супraseгментным — разные виды ударения, тоны, фразовая интонация. В основе такого деления звуковых средств лежит представление лингвистов о членимости речевого потока на следующие друг за другом сегменты — представление, основанное, в конечном счете, на интуиции носителей языка. Предельной единицей сегментного членения потока речи являются фонемы. Это, конечно, относится к языкам, где именно фонемы, а не слоги (силлабемы, слогоморфемы), выделяются в качестве основных единиц звукового строя.

Никакую последовательность фонем, будь то слово, синтагма, высказывание или целый текст, невозможно произнести без оформления этой последовательности как фонетического целого. Такое оформление осуществляется с помощью супraseгментных, или просодических, средств. На сегменты бóльшие, чем фонемы, начиная со слога, как бы накладывается просодический (другими словами — ритмико-интонационный) контур. Конечно, на самом деле артикуляционно-акустические корреляты супraseгментных средств находятся не *над*, а *внутри* речевого потока, и только восприятие остова этого речевого потока в виде последовательности фонем приводит к пониманию ритмико-интонационных свойств речи как надстроенных над цепочкой фонем. С этим связано и то, что обычно в качестве супraseгментных рассматриваются такие свойства, которые не используются для противопоставления фонем. Так, например, признак палатализованности/непалатализованности, который, как мы видели, фактически реализуется в слоге и мог бы потенциально рассматриваться как супraseгментный, выступает как дифференциальный признак в подсистеме согласных фонем. С другой стороны, долгота гласных и согласных в русском языке не рассматривается как дифференциальный признак фонем, а долгие гласные и согласные трактуются как бифонемные сочетания: ср. [za:'knom] = /zaaknom/ *за окном*, ['z:a'd'i] = /zzad'i/ *сзади*. Поэтому в принципе длительность гласного и согласного мо-

жет использоваться как супraseгментное средство. Так, удлинение начального согласного слова является просодическим (супraseгментным) средством *эмфатического произношения* в эмоциональной речи (ср. [z:l'gazə] *зараза!*, [g:at] *гад!*, [s:ukə] экспр. *сука!* и т. п.). В отношении длительности начального согласного [ʃukəj] экспр. жарг. *сукой буду!* и [s:ukəj] *с сукой буду (гулять)* отличаются не сильно, но в фонетической транскрипции супraseгментное удлинение и долгий согласный, реализующий бифонемное сочетание, целесообразно различать. Удлинение гласного тоже используется как супraseгментное средство (его можно рассматривать и как эмфатическое ударение), например, удлинение ударного гласного для выражения крайнего удивления в общем вопросе: ср. *Это ты-ы был?* (наряду с плавным повышением тона на слог *ты-ы* [— — / —]).

Совокупность супraseгментных свойств речи рассматривают в рамках *просодики* (или *просодии*), которая изучает ритмико-интонационное оформление слогов, словоформ, синтагм и высказываний, часто в отвлечении от функций супraseгментных средств в языке.

Различные супraseгментные свойства соотносятся с разными сегментными единицами. Так, основной просодической характеристикой *слога* является *тон*, его повышение и понижение, что связано со скоростью колебания голосовых связок. В слоговых языках, где морфема не может быть короче слога и минимальная фонетическая единица, выполняющая конститутивную функцию, — не фонема, а слог (точнее, *слогоморфема*), тоны (например, во вьетнамском насчитывается 6 различающихся тонов), носителями которых являются слогоморфемы, будучи частью их плана выражения, используются для противопоставления лексических и грамматических значений. В русском языке, относящемся к фонемному типу, тон не используется в подобной функции. В русском языке движение тона (мелодика) используется как один из компонентов фразовой интонации.

В качестве основной просодической характеристики *словоформы* выступает *ударение* (или *словесное ударение*). В некоторых языках (литовском, латышский, сербохорватском и др.) тоновые различия используются для противопоставления разных типов словесного ударения. Традиционно такая система реконструируется для позднего праславянского и раннего древнерусского языка, где противопоставлялись два ударения — акутовое (восходящее) и циркумфлексовое (нисходящее). Различия этих двух ударений издавна в славистике рассматривались как различия в «слоговых интонациях», а объединение акутового и циркумфлексового ударений в едином словесном ударении традиционно обозначается как «утрата интонационных различий».

Основной просодической характеристикой *синтагмы* и *высказывания* является *фразовая интонация*, представляющая собой целый комплекс компонентов (мелодики, интенсивности, темпа, тембра, пауз), используемых для оформления синтагм и высказываний как фонетических единств.

§ 2. Словесное ударение

Словесным ударением называют выделение какого-либо слога в словоформе. Чаще всего для такого выделения используются различные фонетические средства: интенсивность, длительность или высота, причем обычно в выделении ударного слога участвует не один, а иногда и все три параметра. Каждый из них вносит свой вклад в выделение ударного слога в русских словоформах, но в противопоставлении ударных и безударных слогов участвуют и другие средства, в частности степень коартикуляции фонем (бóльшая в безударных, меньшая — в ударных слогах) и характер реализации прежде всего гласных фонем в ударных и безударных слогах, что позволяет опознавать ударность в односложных словах. Ср. известный пример Л. В. Щербы *Тут брáт взял нóж.* (вариант: *Брат вдруг взял нож.*), где отсутствуют безударные слоги, что не мешает ни носителю языка, ни лингвисту обнаружить четыре словесных ударения в четырех односложных словоформах, из которых состоит эта фраза¹).

Словесное ударение не только **выделяет один из слогов словоформы, но и объединяет фонемы, составляющие ее звуковую оболочку, в единое целое**, что наиболее наглядно проявляется в многосложных словах. В некоторых языках эта функция (ее иногда называют *кульминативной*) словесного ударения отходит на второй план. Таков французский язык, где словоформы, которые в изолированном произнесении имеют ударение на последнем слоге, в связной речи теряют ударение, которое сохраняется только в последней словоформе ритмической группы, что дает основание некоторым лингвистам вслед за Л. В. Щербой считать, что французский язык вообще имеет не словесное ударение, а «фразовое», или ритмическое ударение, которое объединяет в единое целое ритмические группы слов, «выражающие в процессе речи единое смысловое целое»².

В русском языке, где словесное ударение ярко выражено, оно является обязательным компонентом звуковой оболочки словоформы. Словесное ударение, как и фонема, выполняет *конститутивную/словоопознавательную функцию*. Так, звуковые оболочки словоформ /'muka/ *му́ка* и /tu'ka/ *мука́*, /'palk'i/ *па́лки* и /pa'lk'i/ *полки́*, /'stala/ *ста́ла* и /sta'la/ *столá*, /'ža'ra/ *жа́ра* и /'žara/ *жа́ра* и мн. др. при одном и том же фонемном составе характеризуются разным местом словесного ударения и соответственно разными ритмическими контурами; словоформы /ab'r'ezal/ *обрéзал* и /abr'i'zal/ *обреза́л* различаются не только фонемным составом (вторая гласная фонема в первой словоформе — /e/, во второй — /i/), но и местом ударения (ср. также /'gorada/ *го́рода* и /gara'da/ *города́*, /'potam/ *по́том* и /pa'tom/ *потóм*

¹ Щерба Л. В. Об ударении // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 176—177.

² Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 7-е изд. М., 1963. С. 83—85.

и т. п.). Словесное ударение в русском языке является **свободным**, т. е. оно может находиться на любом слоге словоформы, если считать от ее начала или конца. Этой особенностью русское словесное ударение отличается от ударения в языках с так называемым **связанным** (фиксированным) ударением, которое падает на определенный по порядку слог словоформы (фонетического слова), например, от чешского, в котором ударение находится на первом слоге (ср. чеш. *'u našeho domu* 'у нашего дóма'), или от польского со словесным ударением, фиксированным на предпоследнем слоге (*pod 'oknem* 'под окнóм', *nie 'czytaj* 'не читáй'; *'fonem* 'фонема, м. р. И. п. ед. ч.', *fo'netu* 'фонемы, Р. п. ед. ч.', *fone'towi* 'фонеме, Д. п. ед. ч.'). Свобода, нефиксированность русского словесного ударения и позволяет ему играть смысло-различительную роль, т. е. являться средством различения звуковых оболочек слов. С другой стороны, свободное ударение дает широкий простор для вариантов ударения в одних и тех же словоформах, не имеющих различий ни в лексической, ни в грамматической семантике: ср. *творóг* — *твóрог*, *и́наче* — *и́на́че*, *созво́нимся* — *созво́нимся*, *начался́* — *нача́лся* — *нача́лся*, *облегчи́ть* — *обле́гчить*, *вы пра́вы* — *вы пра́вы*, *не́ дало* — *не да́ло* — *не да́ло*, *на́ руку* — *на́ ру́ку* и т. д. По данным К. С. Горбачевича, «[в] современном русском языке имеется более 5000 общеупотребительных слов, имеющих колебания в ударении»¹, причем вероятность колебаний тем выше, чем более частотны то или иное слово. Обилие вариантов ударения, причем в узусе носителей литературного языка, является серьезной проблемой для специалистов по культуре речи и поводом посудачить для любителей осудить ближнего за неправильно поставленное ударение.

Итак, в русском языке словесное ударение может падать на любой по счету слог фонетического слова, т. е. русское ударение является **свободным**, или **разноместным**; при этом в словах, состоящих из 3—5 слогов ударение тяготеет к середине слова, а в многочисленных двусложных словах распределяется практически поровну между первым и вторым слогами. Будучи свободным, русское ударение может находиться как на корнях слов, так и на приставках, суффиксах и окончаниях. В связи с этим в значительной части частотной лексики ударение является **подвижным**, т. е. может менять место при словоизменении (например, *женá*, *жены́*, *женé*, *жену́*, *женóй*, *о женé*, но *жéны*, *жéн*, *жéнам*, *жéн*, *жéнами*, *о жéнах*; *бéрег*, *бéрега*, *бéрегу*, *бéрег*, *берегом*, *о бéреге*, но *берега́*, *берего́в*, *берега́м*, *берега́*, *берега́ми*, *о берега́х*; *се́ло*, *селá*, *селу́*, *се́ло*, *се́лом*, *о селе́* — *се́ла*, *се́л*, *се́лам*, *се́ла*, *се́лами*, *о се́лах*) и словообразовании (например, *сто́л*, *стола́*, *столу́*... и *сто́лы*, *столо́в*, *столáм*... с постоянным за исключением односложной формы И. п. ед. ч. ударением на флексии, но *сто́лик*, *сто́лика*, *сто́лику*... и *сто́лики*, *сто́ликов*, *сто́ликам*...). Многие другие слова имеют постоянное уда-

¹ Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978. С. 88.

рение на основе — *баба, бабы, бабе, бабу, бабой, о бабе — бабы, баб, бабам, баб, бабами, о бабах; кружка, кружки, кружке... — кружки, кружек, кружкам...* т. п. Схему распределения ударений в слове, отражающую изменение места ударения его словоформ, называют его **акцентной кривой**. Акцентные кривые, свойственные грамматическим классам слов, в отвлечении от конкретных лексем рассматриваются как **акцентные парадигмы**. В русском языке имеются разные типы акцентных парадигм: с постоянным ударением на основе (ср. *вижу, видишь, видит, видим, видите, видят*), с постоянным ударением на флексии (ср. *сижу, сидишь, сидят, сидим, сидите, сидят*), с подвижным ударением (которое падает то на основу, то на флексию: ср. *хожу, ходишь, ходит, ходим, ходите, ходят*).

Подвижность ударения используется в русском языке в качестве дополнительного (наряду с главным — флексией) средства выражения грамматических значений, как в приведенном противопоставлении форм единственного и множественного числа слова *жена*. В каждом падеже оппозиция единственного и множественного числа выражена различием флексий, но общее противопоставление полупарадигм единственного и множественного чисел выражено именно чередованием ударения. Еще один пример — противопоставление при помощи ударения формы 1-го лица единственного числа всем остальным формам в парадигме спряжения некоторых глаголов: *дарю — даришь, дарит, дарим, дарите, дарят; пилю, пилишь, пилит, пилим, пилите, пилят* и т. п. Мена ударения часто используется в комплексе с другим фонетическим средством — чередованием фонем. Так, в парадигме настоящего времени глаголов *носить, светить* (*ношу — носишь, носит, носим, носите, носят; свечу — светишь, светит, светим, светите, светят*) подвижность ударения параллельна чередованиям /а/:/о/ и /š/:/s'/ в одном случае, и /i/:/e/ и /č':/t'/ — в другом. Этой модели на протяжении XIX—XX вв. подчинились многие глаголы 2-го спряжения (*варю — варишь, солю — солишь, тащу — тащишь* и мн. др. вместо старых *варю — варишь, солю — солишь, тащу — тащишь*).

В русском языке есть такие морфемы, на которые не может падать ударение (например, суффикс существительных мужского рода *-тель* всегда безударный — *водител^ь, хранител^ь, читател^ь* и др.), но есть и такие, которые всегда находятся под ударением (например, приставка *вы-* в глаголах совершенного вида — *вынести, вынес, вынесу, вынесешь...*, но *нести, нес, нес^у, несешь...*). Ударение может быть тесно связано с флексией. Так, флексия И. п. мн. ч. *-а/-я* существительных мужского рода, в отличие от флексии *-ы/-и*, всегда находится под ударением (ср. *лес^а, мастер^а, топол^я, учител^я, но стол^ы и ст^оны, дикар^и и токар^и*), что отражается и в конкурирующих вариантах, причем независимо от их соответствия литературной норме: *профессор^а — проф^ессоры, договор^ы — догов^ора, кабел^и — кабел^я, тор^ты — тор^ты — тор^та* и многие другие. Такая связь была давно замечена учеными, и ее

в качестве одного из аргументов использовал еще М. В. Ломоносов в полемическом стихотворении «Искусные певцы всегда в напевах тшатся» (1753 г.):

*В музыке что распев, то над словами сила;
Природа нас блюсти закон сей научила.
Без силы бѣреги, но с силой берега́,
И снѣги без нея мы говорим снега́;
Довольно кажут нам толь ясные доводы,
Что ищет наш язык везде от И свободы <...>*

Также замечено, что новые формы И. п. мн. ч. *-á/-я́* не появляются у существительных, которые в единственном числе имеют ударение на последнем слоге неодносложной основы. Так, не образуются, а если образуются, то не приживаются в языке формы на *-á/-я́* у таких существительных, как *дирижѣр, пирог, кобель, артель* и т. п. Поэтому есть *кабеля́* при *кабѣль*, но нет **кобеля́* при *кобѣль*. Формы *шофера́* и *договора́* появились при формах *шо́фер* и *до́говор*, а не при *шофѣр* и *догово́р*.

Как мы видим, морфология очень сильно вторгается в сферу русского словесного ударения, что вытекает из его подвижности. Словесное ударение в русском языке тесно связано со смыслом, с планом содержания морфем, с морфологическими категориями. Таким образом, важнейшим аспектом современного русского словесного ударения является морфологический, т. к. современное русское словесное ударение, оставаясь фонетическим средством, активно используется в интересах морфологии. Функции ударения как морфологического (точнее — морфонологического) средства изучаются в особом разделе языкознания — *морфоноло́гии*. Фонологические и морфонологические аспекты ударения изучаются в особом разделе языкознания — *акцентоло́гии*.

В фонологическом плане основными для словесного ударения являются конститутивная (опознавательная) и различительная функции. С конститутивной функцией тесно связана и роль словесного ударения в оформлении фонетической целостности словоформы. Некоторые лингвисты приписывают словесному ударению также и разграничительную (делимитативную) функцию. Так, в языках с фиксированным ударением, если оно всегда падает, например, на первый слог словоформы (как в чешском), казалось бы, можно определить, какой слог является начальным, но точно указать, где проходит граница между словоформами (даже знаменательными) все-таки невозможно, т. к. на стыках слов могут быть сочетания согласных и многое зависит от правил слогоделения в конкретном языке, которые зачастую имеют очень спорный характер. На этом основании Л. Р. Зиндер признавал разграничительную функцию ударения мнимой¹. Л. В. Бондарко,

¹ Зиндер Л. Р. Общая фонетика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979. С. 248—250, 261.

впрочем, считает, что даже применительно к русскому языку, который является языком со свободным ударением, иногда можно говорить об участии словесного ударения в разграничении словоформ в речевом потоке. Это происходит «в тех редких случаях, когда во фразе слово кончается ударным слогом, а следующее за ним начинается с ударного, например: *сестра завтракает, позови Веру* и т. п.»¹. Не удивительно, что в обеих приведенных фразах второе слово начинается со одиночного звонкого согласного. Граница между словами определяется здесь однозначно не только благодаря фактору краевого ударения, но с помощью отрицательного пограничного сигнала: конечный шумный согласный словоформы перед начальным гласным следующей словоформы не может быть звонким, т. е. проведение межсловной границы перед /z/ и /v'/ в сочетаниях /-'stra'za-/ и /-'v'i'v'e-/ исключается. Таким образом, однозначное определение границы достигается совместными усилиями словесного ударения и правилами сочетаемости фонем на межсловных стыках.

Словесное ударение, будучи признаком плана выражения словоформы как единицы языка, реализуется в речи, поэтому оно не может не подвергаться воздействию со стороны фразовой интонации. С этим связано то, что в речи словесное ударение становится фразовым. Это вполне естественно, поскольку и сама словоформа вместе с присущим ей словесным ударением становится частью фразы-высказывания. Даже изолированно произнесенная словоформа не может быть произнесена вне условий фразовой интонации. Ср., например, диалог: — *Пьешь?* — *Пью.* — *Пиво?* — *Нет.* — *Водку?* — *Да.* — *Помногу?* — *Нет.* — *Бутылку?* — *Нет.* — *Больше?* — *Да.* — *Две?* — *Да.* — *Ежедневно?* — *Да...*². Но и в случаях, когда мы произносим слово без очевидного контекста, например, просто называем именительный падеж какого-либо существительного, оно составляет мини-фразу с присущими ей интонационными особенностями.

Фразовый характер словесного ударения заключается прежде всего в том, что все другие виды ударения, связанные с ритмико-интонационным оформлением высказываний (синтагматическое, логическое, эмфатическое), реализуются в том слоге словоформы, где должно находиться словесное ударение. Например, высказывание *Подáренная мно́ю кни́га,| валя́лась на полу́* может состоять из двух синтагм: *подáренная мно́ю кни́га* и *валя́лась на полу́*, каждая из которых характеризуется усилением ударения последней словоформы. Такое усиление ударения последнего слова синтагмы называется *синтагматическим* (или *синтагменным*) *ударением*, и оно всегда сов-

¹ Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998. С. 215—216.

² Этот диалог приводит Е. Д. Поливанов в своем «Толковом терминологическом словаре по лингвистике» для иллюстрации свойства слова «изолироваться в качестве единственного состава произносительной фразы» (Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991. С. 424—427).

падает со словесным ударением этого слова, как бы усиливая его ударный слог.

Ту же связь со словесным ударением мы наблюдаем у так называемых *логического* и *эмфатического* ударений, которые не существуют отдельно от словесного. Логическое ударение (или *акцентное выделение*) не является обязательным и появляется тогда, когда это требует смысл фразы: ср. *Волга впадает в Каспийское море* (усиление ударения слова *Волга*, например, в ответ на нейтральное утверждение с синтагматическим ударением на последнем слове: *Днепр впадает в Каспийское море*) или *Волга впадает в Каспийское море* (усиление ударения на слове *Каспийское* в ответ на утверждение *Волга впадает в Черное море*) при ожидаемом нейтральном высказывании-утверждении *Волга впадает в Каспийское море* (с синтагматическим ударением на последнем слове). Так же необязательно и эмфатическое ударение, которое может использоваться для выделения слова в эмоциональной речи: ср. *Ну и дурак ты, Вася!* (эмфаза на слове *дурак*).

Итак, словесное ударение слова, будучи вплетенным в ткань фразовой интонации, может получать усиление и стать синтагматическим, логическим или эмфатическим. С другой стороны, словоформы, подчиняясь фразовой интонации, могут утрачивать свое словесное ударение, примыкая к предшествующей или следующей словоформе: ср. *На берегу пустынных волн Стоял Он, дум великих полн, И вдаль глядел.* Эту фразу можно произнести так, что в ней будет три безударных словоформы: предлог *на*, местоимение *он*, союз *и*. В принципе звуковые оболочки всех трех словоформ в лексиконе русского языка представлены с потенциальными словесными ударениями (даже союз *и*; ср. диалог: — *Я победил за ним...* — *И?* — *И не догнал...*). Однако обычно союз *и* выступает как *проклитика*, которая примыкает к ближайшей следующей ударной словоформе, образуя вместе с ней фонетическое слово, как это происходит в последней реплике приведенного диалога (*И не догнал*), где, впрочем, следующая словоформа *не* тоже проклитика. И предлог *на*, как правило, теряет ударение во фразе, но в некоторых случаях может перетянуть на себя ударение (*на берег*, *на руку* и др.), хотя в современном языке такие оттяжки ударения на предлог встречаются все реже. А вот местоимение *он* в принципе должно сохранять словесное ударение, но в данной фразе в силу ряда причин оно может терять ударение и превращаться в *энклитику*, примыкая к предшествующей словоформе. Для русских личных местоимений, находящихся в постпозиции к глаголу, это обычно, ср. безударное *ты* в стихотворении А. Фета:

*Свеча нагорела. Портреты в тени.
Сидишь прилежно и скромно ты.
Старушке зевнулось. По окнам огни
Прошли в те дальние комнаты.*

*Никак комара не прогонишь ты прочь, —
Поет и к свету все просится.
Взглянуть ты не смеешь на лунную ночь,
Куда душа переносится.*

§ 3. Фонетические признаки словесного ударения

Фразовый характер словесного ударения составляет главную трудность при решении сакраментального вопроса о его фонетических коррелятах, т. е. о том, какими свойствами ударные слоги отличаются от безударных. Это связано с тем, что в «чистом» виде мы словесное ударение наблюдать не можем — к нему, как уже было сказано, всегда примешиваются фразовые условия реализации. Впрочем, это последнее обстоятельство стало привлекать внимание исследователей сравнительно недавно. В XVIII—XIX вв. в русском языкознании считалось, что ударные слоги в двусложных и многосложных словах отличались от безударных более высоким тоном (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Н. И. Греч) и большей интенсивностью (А. А. Потебня, Н. В. Крушевский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и др.). Пожалуй, только А. А. Барсов в своей написанной в конце XVIII в. и опубликованной лишь в 1981 г. «Российской грамматике» отметил такое свойство ударных слогов, как длительность, а именно, указал, что ударный слог «произносится всегда нѣсколько выше, сильняе и протяжнѣ прочихъ». Подчеркивая связь между ударением и длительностью, Барсов особо отмечает, что применительно к чтению стихов «склады ударяемая почитаются долгими а прочіе короткими... *рѹкѹ, рѹкѹ, рѹкѹ...*»¹. После того, как А. А. Потебня предложил свою знаменитую формулу распределения «тонической силы» между ударными и безударными слогами словоформы для русского языка, на долгое время утвердилось представление о русском словесном ударении как об ударении динамическом: «Если тоническую силу ударяемого слога обозначить через 3, то отношение других слогов к ударяемому в четырехсложном слове можно будет изобразить так: 1, 2, 3, 1». С некоторыми уточнениями, касающимися абсолютного начала и конца словоформы (2, 1, 2, 3, 1, 1 или 2), «формула Потебни» продолжает использоваться фонетистами для характеристики редукции гласного /а/ в русском слове, что отражается в фонетической транскрипции: ср. [аbrɛкл'дabrɛç'кə] или [аbrɛкл'дabrɛç'кə] *абракадабровка*. Однако в настоящее время фонетисты пришли к выводу о том, что эта формула довольно точно соответствует не столько распределению интенсивности, сколько длительности гласного. Так, фонема /а/ под ударением имеет среднюю длительность около 200 мс, в первом предударном слоге — 100 мс, во втором предударном и неконечном заударном — 50 мс, в конечном заударном — 80—90 мс.

На рубеже XIX—XX вв. начало формироваться представление о том, что из трех основных признаков русского словесного ударения

¹ «Российская грамматика» А. А. Барсова. М., 1981. С. 78—81.

ведущим является длительность гласного. К такому выводу на основе инструментального исследования русских гласных пришел Л. В. Щерба¹. Вместе с тем Щерба, исходя из того, что в идеале «ударяемый слог является и самым сильным, и самым высоким, и самым долгим», предположил, что «в русском языке „ударение“ — чисто качественное явление», причем «ни усиление, ни удлинение сами по себе не могут субститутами „ударности“ гласного»². Дальнейшие экспериментальные исследования, проведенные во 2-й половине XX в., в целом подтвердили эти соображения Щербы.

В настоящее время среди исследователей русской фонетики утвердилось мнение, что длительность гласного является более важной характеристикой ударения, чем интенсивность гласного. Эксперименты с синтезированными гласными показали, что увеличение длительности гласного в двусложных словах с одинаковыми гласными ([zapax] *zápax/zanáx* или [muku] *múku/mukú*) помогает опознавать его носителю русского языка как ударный. Это, однако, не означает, что любой безударный гласный обязательно будет короче любого ударного даже в одной словоформе. Во-первых, с общefonетической точки зрения, гласные разных подъёмов обладают разной «природной» длительностью. По мере понижения подъема собственная длительность гласного увеличивается. Таким образом, в русском языке аллофоны фонемы /a/ по своей природе имеют бóльшую длительность, чем аллофоны /e/ и /o/, а последние — более долгие, чем /i/, /i/ и /u/. Так, длительность русского ударного аллофона фонемы /a/ составляет в среднем 200 мс, в то время как ударный аллофон этой фонемы /u/ вдвое короче. Если сравнить длительность аллофонов /a/ и /u/ в первом предударном слоге — для /a/ это 100 мс, а для /u/ 40—60 мс — то аллофон фонемы /a/ в первом предударном слоге может оказаться короче, чем ударный /u/ следующего слога (например, в слове [z'a'gu] *загýл*). Во-вторых, длительность гласных в словоформе зависит от количества фонем и слогов в ее звуковой оболочке, т. е. от длительности самой словоформы: чем длиннее словоформа, тем короче составляющие ее звуки. В слове ['mãtmã] *мама* абсолютная длительность аллофонов фонемы /a/ при прочих равных условиях в среднем значительно выше, чем в слове ['mãtmãçkã] *мамочка*. В-третьих, как уже было сказано, реализация словесного ударения в связной речи сильно зависит от темпа произнесения тех или иных отрезков высказывания и от фразовой интонации. Это относится как к собственно ударению, так и к связанной с ним редукции безударных гласных.

Несмотря на то, что длительность в целом рассматривается как наиболее существенный фактор русского ударения, она не является

¹ Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

² Щерба Л. В. Об ударении // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 176.

его единственным фонетическим коррелятом. Ударный гласный часто бывает не только самым длительным, но и самым сильным в словоформе. Однако интенсивность (сила) гласного, которую человеческий слух воспринимает как громкость, не совпадает с «интенсивностью», вызванной напряжением мышц произносительного аппарата. В последнем случае речь может идти не об интенсивности, а о напряженности гласного. Именно с сильной напряженностью ударных гласных по сравнению с безударными Л. В. Щерба связывал качественное различие между ударными и безударными слогами: «И действительно, сущность русского ударения, по-видимому, состоит в особом напоре на начало ударенного гласного, сопровождающемся сильной напряженностью всей артикуляции. <...> При продлении, поскольку особый напор характеризует лишь начало ударенного гласного, всякий ударенный гласный кончается, как неударенный. С изменением напряженности артикуляции связаны и определенные качественные различия между ударенными и неударенными гласными»¹.

Что же касается интенсивности (громкости) гласных, то, как и в отношении длительности, они образуют шкалу, которая зависит от степени подъема: чем ниже подъем гласного, тем выше его интенсивность (громкость). Таким образом, получается, что «собственная» («природная») интенсивность гласных прямо пропорциональна их «собственной» длительности. С другой стороны, на материале разных языков исследованиями установлено, что в словоформе интенсивность (громкость) гласных снижается от начала словоформы к ее концу, т. е. каждый следующий гласный в словоформе менее громкий, чем предыдущий. Гласный первого слога является наиболее интенсивным в слове, причем сохраняет свою интенсивность, даже если он находится в безударном положении. В результате собственные («природные») длительность и интенсивность гласного, зависящие от его качества (степени подъема), находятся в сложном взаимодействии со схемой падения интенсивности от начала к концу словоформы. Эта и без того запутанная картина осложняется еще и тем, что имеется тенденция к некоторому удлинению гласного конечного слога, не зависящему от ударения. Т. М. Николаева выдвинула гипотезу о существовании особой просодической схемы словоформы, согласно которой сильной точкой интенсивности является начало слова (его первый слог), а сильной точкой длительности является конец слова. Эта просодическая схема прямо не связана с местом ударения: «например, в трехсложном слове типа — $\acute{\quad}$ — первый слог может быть самым интенсивным, а последний самым длительным, однако все будет „правильно“ слышать ударение в середине»². Это возвращает нас к идее качественного ударения Л. В. Щербы.

¹ Щерба Л. В. Теория русского письма. Л., 1983. С. 33—34.

² Николаева Т. М. Просодия Балкан: Слово — высказывание — текст. М., 1996. С. 31.

Словесное ударение воспринимается носителем языка как некий самодовлеющий признак словоформы. Носитель языка всегда знает, куда падает ударение. Знание о месте ударения хранится в его внутреннем лексиконе, а в качестве ударного часто опознается тот слог слова, который с точки зрения носителя языка и должен быть ударным в данной словоформе. Поэтому, несмотря на то, что длительность является главным фонетическим признаком русского ударения, удлинение гласного, например, в первом предударном слоге может использоваться как интонационное средство и не восприниматься как ударение: ср. несколько манерное произношение [xəra:'šo gəva:'r'it' rəma:'skofsk'i pəga:'sp'ef] *Хорошо говорить по-московски нараспев!*

§ 4. Побочное ударение

Русские словоформы (за исключением *клитик* — см. сноску на с. 147) как языковые единицы и шире — фонетические слова — характеризуются только одним словесным ударением. Вместе с тем, как мы видели, акцентно самостоятельные словоформы (т. е. такие, которые самостоятельно могут составлять фонетическое слово) в потоке речи могут утрачивать словесное ударение в силу разных фразовых условий: ср. *Говорил он долго и нудно*. Однако в потоке речи некоторые словоформы могут получать дополнительное ритмическое ударение, которое называют *побочным*, или *второстепенным*. Утрата словесного ударения акцентно самостоятельными словоформами и получение ими побочного ударения — явления одного порядка: и то и другое связаны с влиянием фразовой просодии на звуковую оболочку словоформы.

Считается, что, в отличие от основного (словесного) ударения, побочное ударение менее ярко выражено. Однако исследования показывают, что побочное ударение может в некоторых случаях характеризоваться большей длительностью и интенсивностью, чем основное словесное ударение в той же словоформе.

В фонетической транскрипции второстепенное ударение (англ. *secondary stress*) обозначается символом «₁»: [ɪrad'ɪəɫ'katər] *радиолокатор*, [ɛɫ'ɪktɹəsɲɫ'bʒe'n'ɪə] *электроснабжение*. В орфографической записи оно может обозначаться знаком «₁» (штрих слева и вверху над гласным): *радиолока́тор, электроснабже́ние, ультрапра́вый*.

В русском языке побочное ударение, как правило, возникает в многосложных словах и становится обязательным при наличии четырех безударных слогов подряд (*ко́раблекруше́ние, вы́сококульту́рный, машиностро́ение, же́лезобетóн*), но может появляться и при меньшем их количестве (*га́зоснабже́ние, во́допрово́д, иконобо́рческий, за́мечáтельно, ультрапра́вый*). Природа побочного ударения чисто ритмическая, поэтому его иногда и называют ритмическим ударением. Таким образом, с точки зрения языковой функции оно, относясь к уровню фразы, принципиально отличается от словесного ударения, являющегося признаком словоформы. Если в потоке речи словоформа получает

побочное ударение, то оно всегда падает на первый слог словоформы, а значит, всегда предшествует словесному ударению. При этом нарушается даже принцип четырех безударных слогов: например, в слове *во́здухонепроница́емый* между побочным и основным ударениями уместилось пять безударных слогов. В результате побочное ударение может появляться на таких гласных словоформы, на которых в соответствующей морфеме никогда не появляется словесное ударение. Например, в слове *молоко* ударение постоянно падает на окончание (*молоко́, молока́, молоку́, молоко́м, о молоко́е*) и в производных словах никогда не попадает на первый слог корня (ср. *моло́чный, моло́чник, молочко́*), но сложное слово *молокозаво́д* будет произнесено с побочным ударением, которое обязательно окажется на первом слоге: ср. *мо́локозаво́д*. При этом характерно, что на месте первого гласного под побочным ударением и в слове *во́здухоплава́тель* (где словесное ударение возможно на первом слоге морфемы *во́здух-*), и в словах *мо́локозаво́д* и *со́баководство* (где первый слог морфем *молок-* и *со́бак-* никогда не бывает ударным) произносится не [о] и даже обычно не [а], хотя последнее возможно, а редуцированный гласный [ə], который предполагается схемой редукции безударных гласных в первом предударном слоге: [ɫmələkəzɫ'vot] *мо́локозаво́д*, [ɫsəbəkɫ'voctvə] *со́баководство*, [ɫvəzduxɫ'plavət'ɪl'] *во́здухоплава́тель*. Таким образом, побочное — ритмическое — ударение не нарушает схемы редукции безударных гласных, зависящей от места словесного ударения, а как бы накладывается на схему редукции словоформы. Если второе ударение оказывается не на первом слоге словоформы, то это не побочное, а именно второе ударение: *кафе́-автома́т, килова́тт-ча́с, ковёр-самолёт, один-одене́шенек, нежда́нно-негада́нно, ваго́нстройте́льный, автомоби́льно-тра́кторный, газо́нокоси́лка* и т. п. В этих случаях ударение не является ритмическим, а отражает смысловые отношения между частями сложного слова. Некоторые слова могут произноситься как с одним ударением, так и с побочным ударением и даже с двумя ударениями: ср. [ʒɪl'izəb'ɪ'ton] *железобето́н* — [ɫʒil'izəb'ɪ'ton] ~ [ɫʒel'izəb'ɪ'ton] *же́лезобето́н* — [ʒi'l'ezəb'ɪ'ton] *же́лезобето́н*, [stərəslɫ'v'ansk'ɪj] *старославя́нский* — [ɫstərəslɫ'v'ansk'ɪj] *ста́рославя́нский* — ['stərəslɫ'v'ansk'ɪj] *ста́рославя́нский*. Следует признать, что этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

В русском языке побочное ударение имеет тенденцию появляться:

- в сложных словах, включающих как русские, так и заимствованные морфемы: *це́нообразова́ние, те́плоизоля́ция, авиабиле́ты, автомагистра́ль, ультрафиоле́товый, антифашистский, этнопсихоло́гия, де́национализа́ция, ре́интегра́ция* и т. п.;
- в сочетаниях с предлогами *перед, около, через, сверх, сквозь* и др.: *пе́ред до́мом, че́рез доро́гу, о́коло магази́на, скво́зь пу́рчу* и т. п.; иногда в сочетаниях с предлогами *без, под* и др.: *бе́з разгово́ров, по́д потоло́м* и т. п.; к ним примыкают образования с приставками: *све́рхъесте́ственный, пре́днаме́ренный, бе́спринци́пный* и т. п.;

- довольно часто побочное ударение встречается в многосложных словах, начинающихся с «э»: *экосистема, электростанция, этнографический, эстетический, эквилибристика* и т. п.
- в сложносокращенных словах, включая аббревиатуры: *гёнпрокурёр, техинструктор, заводделом, ВДНХ* [ˈvedeɪˈnxa] или [ˈvedɨiˈnxa], *МВД* [ˈemveˈde] или [ˈemviˈde] и др.;
- в словах с оценочным значением в экспрессивной речи: *замечательно, потрясающий, головокружительно, великолёпный, умопомрачительный* и др.

§ 5. Редукция безударных гласных

Выше было отмечено, что одной из функций словесного ударения является обеспечение фонетической целостности словоформы. Объединение звуковой оболочки словоформы в единое целое достигается благодаря тому, что один из слогов слова — ударный — выделяется, а остальные — безударные — слоги организуются вокруг ударного в определенной иерархии. Безударные слоги отличаются от ударных ослаблением контраста между согласным и следующим за ним гласным, что является следствием ослабления напряженности произносительного аппарата при произнесении безударного слога. Для безударных слогов характерно в целом более слитное, менее расчлененное произношение. Однако наиболее ярко различие между ударными и безударными слогами и их иерархия проявляется в так называемой редукции гласных безударных слогов.

В общей фонетике под редукцией гласных понимают изменение артикуляторно-акустических свойств гласных, связанное с их *централизацией*, т. е. движением в направлении центра артикуляционного пространства. Прототипическим редуцированным гласным является наиболее нейтральный, неопределенный гласный типа *шва*, обозначаемый в транскрипции МФА символом [ə] (см. табл. 7 на с. 101).

Это ненапряженный, нейтральный гласный, при произнесении которого язык занимает приблизительно то положение, какое он получает в состоянии покоя. В некоторых языках гласный типа шва является самостоятельной фонемой. Такое положение имеет место, например, в болгарском языке, где фонема /ə/ возможна и под ударением: ср. /ˈmæka/ *мъка* ‘мука’, /ˈægəl/ *ъгъл* ‘угол’, /pət/ *път* ‘путь’ и т. п. В русском языке, где [ə] представляет собой аллофон фонемы /a/, он тоже может оказываться под ударением, правда, побочным, которое факультативно появляется на первом слоге многосложных словоформ и всегда предшествует главному ударению словоформы. При этом редукция гласного, попавшего под побочное ударение, сохраняется: ср. [ˌmɐləkəzəlˈvot] *мðлокозавðд*, [zɐmˈiˈtʃˈatˈiˈnɐ] *зðмечðтельно* и т. п. Это говорит о различии природы главного — словесного ударения, которое является фонологическим, и побочного — ритмического, которое представляет собой просодическое явление, не отменяющее правил

аллофонного варьирования, заданных ритмической схемой русской словоформы в зависимости от места словесного ударения.

В современном русском языке редукция гласных связана с их позицией по отношению к словесному ударению. Чем дальше безударный гласный находится от ударного слога, тем в принципе он сильнее редуцируется. Однако редукция безударного гласного ослабляется в абсолютном начале, а иногда и в абсолютном конце словоформы (вспомним, что это сильные точки интенсивности и длительности в просодической схеме словоформы). Выше это было проиллюстрировано на примере реализации безударных аллофонов /a/.

С фонологической точки зрения, редукция безударных гласных в русском языке — это проявление аллофонного варьирования гласных фонем. Результатом редукции являются такие аллофоны гласных фонем, которые характеризуются меньшей длительностью и напряженностью (соответственно, с акустической точки зрения, большей размытостью формантных контуров), чем ударные аллофоны соответствующих фонем. В артикуляционном отношении редуцированные гласные являются менее напряженными, чем нередуцированные, и они более централизованные — при их артикуляции речевой тракт принимает положение ближе к нейтральному, чем при артикуляции ударных гласных. Соответственно безударные аллофоны фонемы /a/ становятся более закрытыми, а безударные аллофоны фонем /i/, /i/, /u/ — более открытыми.

Для обозначения аллофонов русской фонемы /a/ в позиции 1-го предударного слога подходят знаки МФА [ʌ], [ɐ] и [ɜ]. В русской фонетике существует устойчивая традиция использовать первый из этих трех символов. Видимо, это связано не только с некоторой вычурностью перевернутого [ɐ] и неудобством [ɜ] для обозначения именно русского гласного (сходство с русской буквой «з»), но и с распространенностью английского языка, где знаком [ʌ] обозначается самостоятельная гласная фонема. Впрочем, следует иметь в виду, что в английское [ʌ] встречается только под ударением ([sʌn] *son*, ['bʌtə] *butter* и т. п.), в то время как русское [ʌ], наоборот, возможно только в безударной позиции ([sʌ'ndaʃ] *санда́л*, [bʌ'tan'ikl] *ботаника*) и является аллофоном фонемы /a/. Некоторые фонетисты считают неоправданным использование знака [ʌ] во всех случаях 1-го предударного слога, т. к. это противоречит значению [ʌ] в МФА как звука заднего ряда, и предлагают различать знаки [ʌ] (более задний аллофон, как в слове [dʌ'lʌ] *дала́* перед сильно веляризованным согласным [l]) и [a^ɰ] (более передний аллофон — на полпути от [a] к [ɐ]), как в слове [da^ɰma] *дома́* перед губным [m])¹. В сущности предлагаемый знак [a^ɰ] представляет собой русифицированную замену знакам [ɐ] и [ɜ] МФА.

Безударным аллофонам русских гласных фонем /i/ и /u/ соответствуют знаки МФА [i] и [u]. Что касается безударного /i/, то для него

¹ Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 34–36.

в МФА подходящего символа нет, поэтому можно пользоваться знаком [i]. Обычно в фонетической транскрипции можно пользоваться знаками [i] и [u] для обозначения безударных аллофонов /i/ и /u/. Это соответствует тому, что безударные аллофоны фонем /i/, /i/, /u/ значительно меньше подвергаются качественной и количественной редукции, чем аллофоны фонемы /a/. Такое различие в отношении редукции гласных фонем верхнего и нижнего подъема подтверждается и опытами по восприятию: носители русского языка хорошо различают на слух выделенные из речевого потока слоги с гласными 1-го и 2-го предударного слога, только если это аллофоны фонемы /a/; разграничить аллофоны 1-го и 2-го предударного слога фонем верхнего подъема испытуемым не удается¹. Отметим, что фонетисты, пользующиеся знаком [a^o], аналогичным способом обозначают и безударные аллофоны /i/ и /i/ (в кириллической транскрипции /и/ и /ы/) — соответственно [и^o] (гласный верхне-среднего подъема между [и] и [э], как в словах [в'и^oсна], [р'и^oды]) и [ы^o] (гласный верхне-среднего подъема между [ы] и [э], как в словах [ды^oшы], [пы^oлат'])².

Все эти спорные вопросы фонетической интерпретации безударных гласных вызваны одним общим свойством безударных слогов, о котором уже было сказано, а именно: безударные слоги характеризуются слабым контрастом между входящими в его состав согласным и гласным, что обусловлено ослаблением напряженности произносительного аппарата при произнесении безударного слога. В связи с этим в безударных слогах увеличивается коартикуляция между элементами слога, причем качество гласного в очень большой степени зависит от качества окружающих его согласных. Безударные гласные, обозначаемые в русской фонетической транскрипции символами [л] и особенно [э], на самом деле и артикуляторно, и по своей формантной структуре очень сильно отличаются друг от друга в зависимости от соседних согласных. Фактически эти символы безударных гласных передают только самые общие фонетические свойства соответствующих аллофонов, отражая в то же время главное — ритмическую схему русской словоформы с ее акцентным ядром, включающим ударный и 1-й предударный слог.

Еще одной особенностью безударных аллофонов, отличающих их от ударных, является резкое сокращение так называемых характерных участков, т. е. собственных участков гласного (своего рода выдержки гласного), окруженных переходными к соседним согласным участками. В акустическом портрете гласного эти характерные участки отражены стационарными участками. Если, например, аллофон фонемы /a/ под ударением между твердыми согласными имеет стационарный участок 110 мс при переходных участках около 60 мс и 40 мс, то у безударного гласного стационарный участок часто вовсе отсутствует, так что

¹ Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998. С. 139.

² Там же.

гласный просто не успеваеt развернуть свое качество, превращаясь в сплошной переходный участок от одного согласного к другому, а иногда редуцируясь и до нуля звука.

В русском языке *качественная редукция* безударных гласных, несомненно, связана с их *количественной редукцией*. Многие фонетисты рассматривают качественную редукцию как прямое следствие количественной, т. е. фактически как «результат невыполнения артикуляторной программы в связи с дефицитом времени»¹. В принципе связь длительности гласного с его централизацией проявляется и в языках без сильной качественной редукции. Например, в таком типологически далеком от русского чешском языке, где ударение связанное (всегда падает на первый слог), а гласные фонемы противопоставлены по признаку долготы/краткости, все краткие гласные централизованы по отношению к долгим. Это хорошо видно на рис. 6, который показывает приблизительные частоты двух первых формант чешских кратких (соединены сплошной линией) и долгих (соединены пунктирной линией) гласных фонем, реализуемых в первом слоге двусложной словоформы:

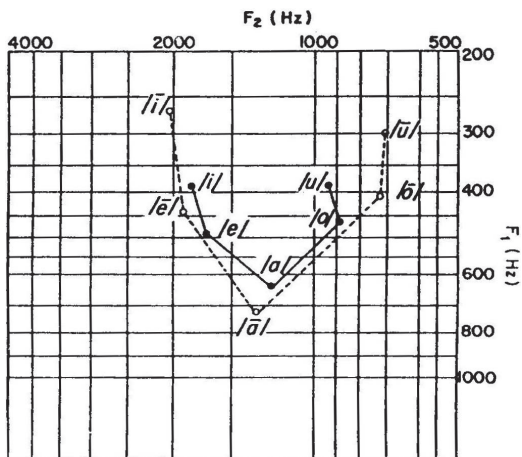

Рис. 6. Приблизительные частоты двух первых формант чешских кратких и долгих гласных фонем (из кн.: *Lehiste I. Suprasegmentals*. Cambridge, MA, 1970. P. 31)

При описании звукового строя современного русского языка термин *редуцированные гласные* обычно используется применительно к гласным только с ярко выраженной качественной редукцией. Так, редуцированным гласным считается [ə] (= [ъ]) — аллофон фонемы /a/ во втором предударном или заударном слоге (ср. [gəɾɫ'da] *городá*,

¹ Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998. С. 223.

['za-gərədəm] *zá gorodom*), а аллофон фонемы /a/ в первом предупредном слове — [ʌ] — не считается редуцированным, поскольку его качественная и количественная редукция не столь выразительна, как во втором предупредном или заударном слове.

Некоторое неудобство термина «редуцированные гласные» в русской фонетике связано еще и с тем, что оно широко используется в исторической фонетике русского и других славянских языков для обозначения самостоятельных фонем позднего праславянского языка.

Следует признать, что фонетическая и фонологическая интерпретация безударных гласных представляет собой предмет дискуссий, которые в значительной степени объясняются сложностью самого материала. Одним из дискуссионных является трактовка безударных гласных в абсолютном конце слова. Некоторые фонетисты считают, что в литературном произношении в абсолютном конце слова после твердых согласных фонема /a/ реализуется аллофоном [ʌ], другие полагают, что в этой позиции выступает аллофон [ə] (= [ъ]), и соответственно транскрибируют: ['zɔləʌ] или ['zɔləʔə] (= [зólътъ]) *золото*. Первое решение предпочитают фонетисты ЩФШ¹, второе — фонетисты МФШ². В пользу первой трактовки как будто свидетельствует то, что абсолютный конец словоформы является сильной точкой длительности, а символом [ʌ] в русской фонетике принято обозначать, кроме прочего, звук более длительный, чем [ə]. Так, Л. В. Бондарко отмечает, что «заударный гласный в абсолютном конце слова не подвергается сильной количественной редукции и его длительность может быть очень значительной, хотя артикулируется он с ослабленной напряженностью и имеет малую громкость»³. Видимо, падение громкости в конце слова компенсируется увеличением длительности. В то же время Л. В. Бондарко подчеркивает, что «в русском слове есть противопоставление **любого** предупредного **любому** (выделено мною. — М. П.) заударному»⁴, имея в виду особый тип заударной редукции гласного, а это в некоторой степени противоречит использованию одного фонетического символа для /a/ в первом предупредном и для /a/ в заударном конечном слове.

М. И. Матусевич считала, что реализация фонемы /a/ в абсолютном конце слова «колеблется между [ʌ] и [ъ], что зависит в основном от тщательности нашей речи (т. е. от стиля произношения: в полном стиле здесь произносится [ʌ], но при быстром, а тем более небрежном — более краткий и неясный звук [ъ])»⁵.

¹ *Шерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983. С. 150; *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.

² *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1972. С. 61; *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. М., 2006.

³ Там же. С. 223.

⁴ *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. СПб., 1998. С. 225.

⁵ *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 102.

Проблема интерпретации конечных редуцированных гласных теряет свою остроту, если рассматривать словоформу в потоке речи. В связной речи конечные заударные по отношению к словесному ударению своей словоформы аллофоны часто оказываются первыми предупредительными по отношению к словесному ударению следующей словоформы: ср. [ˈrʌrɐ] *нана* и [ˈdomə] *дóма*, но [ˈrʌrɐˈdomə] *нана дóма* и [ˈrʌrɐˈdomɫpˈebɨ] *нана дóма нé был*. Поскольку собственно фонетические границы между словоформами в потоке русской речи (по крайней мере внутри синтагмы) отсутствуют, то правила аллофонной реализации фонемы /a/ в зависимости от словесного ударения усложняются.

Если вопрос о реализациях фонемы /a/ после твердых согласных в абсолютном конце слова не затрагивает фонематический интерпретации этих реализаций, то вопрос о том, что произносится в безударной позиции после мягких согласных на конце таких словоформ, как *тётя*, *дядя*, *пóле* и *пóля*, *веселье* и *весéлья*, *злая*, *злое* и т. п., более сложен. Если исходить из стандартного описания литературного произношения 2-й половины XX в., данного Р. И. Аванесовым, то на конце этих словоформ произносится звук [ɤ]: [tʰótʲɤ] *тётя*, [dʰádʲɤ] *дядя*, [pólʲɤ] *пóле* (И.-В. п. ед. ч.) и *пóля* (Р. п. ед. ч.), [vʲisʲelʲjɤ] *веселье* (И.-В. п. ед. ч.) и *весéлья* (Р. п. ед. ч.), [zlájɤ] *злая*, [zlójɤ] *злое*¹. Если учесть формы [y-tʰótʲɤ] у *тёти*, [ɣ-dʰádʲɤ] к *дяде*, [ɫ-pólʲɤ] о *поле*, [ɫ-vʲisʲelʲjɤ] о *веселье*, [zlyjɤ] *злые* и фонологическим интерпретировать с позиций ЩФШ, то получится фонематическая транскрипция /tʰotʲa/ *тётя*, /dʰadʲa/ *дядя*, /polʲa/ *пóле* (И.-В. п. ед. ч.), /vʲisʲelʲja/ *веселье* (И.-В. п. ед. ч.), /złaja/ *злая*, /złoja/ *злое* и /u-tʰotʲi/ у *тёти*, /g-dʰadʲi/ к *дяде*, /a-polʲi/ о *пóле*, /a-vʲisʲelʲji/ о *веселье*, /zljiji/ *злые*. Из этого вытекает, что в абсолютном конце в безударной позиции утрачено — как результат распространения **иканья** — противопоставление фонем /e/ и /i/ (конечные гласные в словоформах у *тети* и к *дяде*, о *поле* представляют фонему /i/), но сохраняется противопоставление фонем /a/ и /i/ (/dʰadʲa/ *дядя*, но /g-dʰadʲi/ к *дяде*; /polʲa/ *пóле* (И.-В. п. ед. ч.), но /a-polʲi/ о *пóле*). В принципе так же ситуация представлена и у М. И. Матусевич, хотя она использует другие транскрипционные символы: ср. [dʰádʲæ] *дядя*, [vasʲæ] *Вася* (в разговорном стиле [vasʲbʲ]), а в небрежной речи даже с редукцией до нуля [vasʲ]), но [ɫ-pólʲɨ] о *поле* (в менее тщательной речи [ɫ-pólʲbʲ])².

Однако эта интерпретация подверглась некоторому пересмотру в работах фонетистов ЩФШ, которые полагают, что в абсолютном конце слова после мягких согласных фонема /a/, представленная аллофонами [æ] или [ɐ] (в другой транскрипции [ɤ]), уже заменена фонемой /i/, представленной аллофоном [ɨ] или [ɪ]. Таким образом,

¹ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1972. С. 69—70.

² Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 103—104, 110.

произношение, прежде свойственное «разговорному стилю», «небрежной речи», утвердилось в нейтральном и даже, видимо, в торжественно-официальном стиле. Так, Л. А. Вербицкая в словаре-справочнике (с орфоэпическими пометами) дает фонематическую транскрипцию и рекомендует такое произношение: **армия** /árm'ii/; **жаркое** /žarkói/; **имя** /ím'i/; **тётя** /t'ót'i/, *возм.* /t'ót'a/; **эпопея** /ырар'éi/ и т. п.¹ Л. В. Бондарко также предпочитает фонологически транскрибировать /n'an'i/ *няня*, /gusín'i/ *гусыня*, /samai/ *самое* и т. п.² Сторонники такой точки зрения, исходя из того, что «для системы русских гласных обязателен закон чередования ударной /a/ после мягкого согласного с безударной /i/. Тогда в словах *дыня*, *няня*, *пуля*, *буря* должна появляться фонема /i/, которая является экспонентом окончания другого падежа — *дыни*, *няни* и т. д.»³. Однако это соображение не может быть использовано в качестве аргумента, т. к. сначала нам надо определить, различаются или нет фонемы /a/ и /i/ в конце слова после мягких, а потом уже решать, распространяется ли закономерность, характерная для конечных позиций, на абсолютный конец слова. Не имеет решающего значения и следующий аргумент: «Если из записанных в нормативном произношении слов в именительном падеже при помощи специального прибора вычленим последний гласный и переписать его вне того контекста, в котором он был реализован, то практически каждый, кто прослушает этот гласный, определит его как гласный переднего ряда и верхнего или среднего подъема»⁴, т. е., видимо, как аллофон фонемы /i/. Определить фонемную принадлежность звука, вырванного из фонетического контекста, носитель языка не может, поэтому фонологические решения, опирающиеся на прямолинейную интерпретацию таких перцептивных экспериментов, не могут быть признаны корректными.

Определение фонемного состава слова возможно только для полного типа произнесения, причем для безударных гласных предпочтительным является торжественно-официальный стиль произношения, в котором безударные гласные максимально «высветляются». Если исходить из этого принципа, то, видимо, следует признать, что в русском литературном языке в настоящее время в заударных флексиях

¹ *Вербицкая Л. А.* Давайте говорить правильно. Пособие по русскому языку. 3-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 145, 160, 168, 223, 236.

² *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. СПб., 1998. С. 177. Впрочем, автору не удается на протяжении всего пособия выдержать собственную транскрипцию. В тех разделах, которые касаются других вопросов, Л. В. Бондарко возвращается к общепринятой транскрипции: ср. /k'uxl'a/ *Кюхля* (с. 34), а не /k'uxl'i/, /galan'd'ija/ *Голландия* (с. 258), а не /galan'd'ii/, /l'is't'ja/ *листья* (с. 258), а не /l'is't'ji/, как бы подтверждая справедливость своих собственных слов: «ни один специалист-русист не согласится с тем, что в этих словах последняя фонема /i/» (с. 261).

³ *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. СПб., 1998. С. 260.

⁴ Там же. С. 261.

отсутствует противопоставление фонем /а/ и /о/ после твердых (/d'ela/ *дѣло* и *дѣла*), /а/ и /и/ после твердых (/sonca/ *солнце* (И.-В. п. ед. ч.)¹ и /na-'sonci/ *на солнце* П. п. ед. ч.), /е/ и /и/ после мягких (/u-'pol'i/ у *Поли* и /'k-pol'i/ к *Поле*), но продолжает сохраняться противопоставление фонем /а/ и /и/ после мягких согласных (/arm'ija/ *имя*, /im'a/ *имя*, /pol'a/ *поле* (И.-В. п. ед. ч.) и *поля* (Р. п. ед. ч.), /dobraja/ *добрая* и *доброе*, но /a-'pol'i/ о *поле*, /dobrii/ *добрые*). Вместе с тем невозможно отрицать тот факт, что в быстрой речи, в разговорном стиле существует вполне определенная тенденция к стиранию этих различий.

Выше было сказано, что в фонологическом отношении безударные гласные русского языка являются позиционными аллофонами соответствующих гласных фонем. Экспериментально-фонетические исследования восприятия безударных гласных подтверждают такой вывод. Носители русского языка отождествляют ударные и безударные аллофоны гласных. Однако если отвлечься от языкового сознания носителей языка и подходить к проблеме строго с позиций дистрибутивного анализа, то окажется, что ударность гласного можно фонологически рассматривать как сегментную характеристику (каковой она и является в физическом плане), т. е. фактически как дифференциальный признак фонем. Тогда получается, что подсистема русских гласных насчитывает не 6, а 12 фонем: 6 ударных и 6 безударных (или 10 фонем — 5 ударных и 5 безударных, если не признавать в качестве самостоятельной фонемы /i/). При этом признак словесного ударения входит как бы внутрь фонемы. Н. С. Трубецкой и практически предпочитал рассматривать противопоставление ударных и безударных гласных как корреляцию «нередуцированности : редуцированности» (u/ũ, a/ã, i/ĩ)²: ср. его транскрипцию /nadã/ *на́до*, /d'ad'ã/ *дядя*, /golãj/ *го́лый*, /n'ist'is'/ *нестьсь*, /d'ir'oms'ã/ *дерёмя*, /ũdar'/ *уда́рь* и т. п. Кроме того, что такой подход противоречит данным языкового сознания носителей русского языка, наличие оппозиций /u/—/ũ/, /a/—/ã/, /i/—/ĩ/ трудно обосновать и с точки зрения дистрибуции, т. к. минимальные пары отсутствуют: в односложных словоформах представлены только ударные гласные ([muk] *мук*), а в двусложных различаются и ударный, и безударный ([mukũ] *му́ку* — [mũ'ku] *муку́*). Таким образом, подход, развивавшийся Н. С. Трубецким, Р. О. Якобсоном, М. Халле и другими, не имеет особых преимуществ перед альтернативным подходом, но имеет существенный недостаток, который заключается в том, что признание ударных и безударных гласных разными фонемами противоречит интуиции носителей языка и их речевому поведению.

¹ Исторические это закономерный результат изменения безударного /о/ в /а/: др.-рус. *сѣльнице* > /soln'c'e/ (после падения редуцированных гласных) > /son'c'e/ (после выпадения /l/) > /son'c'o/ (после перехода /е/ в /о/) > /son'c'a/ (после возникновения аканья) > /sonca/ (после отвердения /с/); также др.-рус. *поле* И.-В. п. ед. ч. > /pol'e/ > /pol'o/ > /pol'a/. Формы /a-'sonci/ о *солнце* и /a-'pol'i/ о *поле* представляют собой закономерный результат развития икающей нормы.

² Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М., 2004. С. 182.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И.* Ударение в современном русском литературном языке // Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 79—118.
2. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. М., 1998. С. 215—229 (Гл. 9. Словесное ударение).
3. *Буланин Л. Л.* Фонетика современного русского языка. М., 1970. С. 161—166 (Гл. VII. Словесное ударение).
4. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. § 266—274 (Словесное ударение) [или: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика // *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007].
5. *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 222—240 (Гл. 8. Ударение).
6. *Щерба Л. В.* Об ударении // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 176—177.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А.* О фонетических характеристиках заударных флексий в современном русском языке // Вопросы языкознания. — 1973. № 1. С. 37—49.
2. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р.* Акустические характеристики безударности (на материале русского языка) // Структурная типология языков. — М., 1966. — С. 56—64.
3. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Щербакова Л. П.* Об определении места ударения в слове // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т. 32, вып. 2. С. 141—153.
4. *Златоустова Л. В.* Фонетическая природа русского словесного ударения // Уч. зап. Казанского гос. ун-та. 1956. Т. 116. Кн. 11. С. 3—38.
5. *Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф.* Побочное ударение и ритмическая структура слова на словесном и фразовом уровнях // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 99—106.
6. *Касаткин Л. Л.* Фонетика Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 49—63 (Ударение. § 12—17).
7. *Касаткина Р. Ф.* Некоторые наблюдения над особенностями словесного ударения в современном русском языке. Новые энклиномены? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996. С. 400—408.
8. *Касаткина Р. Ф.* О фразовых условиях фонетической вариативности гласных // Язык: система и подсистемы. М., 1990. С. 31—43.
9. *Кузнецов П. С.* К вопросу о фонологии ударения // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Исторический очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 360—367.
10. *Лефельдт В.* Акцент и ударение в русском языке. М., 2006.
11. *Логинова И. М.* Акустическая природа второстепенного словесного ударения. М., 1977.
12. *Федянина Н. А.* Ударение в современном русском языке. 2-е изд. М., 1982.
13. *Щерба Л. В.* Теория русского письма. Л., 1983. § 30—31 (Словесное ударение). С. 33—35.

§ 1. Интонация

Какие бы отдельные словоформы или сочетания словоформ мы ни произнесли, они всегда будут высказываниями или частями высказывания, а значит, должны быть оформлены интонационно. Это относится и к сложным предложениям (ср. разг. *Принеси мне книгу, я вчера купил, там на полке лежит, зеленая такая.*), и к состоящим из одной-двух словоформ (ср. *Воды? Приехали! Это стол.*), и даже к таким, звуковая оболочка которых состоит из одной фонемы (ср. — *Произнеси звук «а»!* — «А». или реплика, прерывающая рассказ: — *И?* ‘И что дальше?’).

Сущность интонации и заключается в том, что она превращает предложение как синтаксически организованную последовательность словоформ в высказывание (фразу¹). Интонационное оформление придает предложению смысловую законченность даже в том случае, если предложение не завершено (относительно закончено), т. е. когда его незавершенность в какой-то мере входит в коммуникативное намерение говорящего (ср. *Я хотел вам сказать, что... Впрочем, прощайте.*) или просто прервано собеседником (ср. — *Твоя кухня... — хотел сказать Долохов; но Николай перебил его. — Моя кухня тут ни при чем, о ней говорить нечего! — крикнул он с бешенством.*). И в том и в другом случае относительно законченная фраза интонационно оформляется.

Фонетические супрасегментные средства, оформляющие высказывание, автономны по отношению к лексическим и грамматическим значениям словоформ, из которых состоит предложение: *Воды! Копченой колбасы!* (ответ на вопрос: Вам чего принести?) — *Воды? Копченой колбасы?* (= Вам принести воды / копченой колбасы?) — *Воды-ы! Копченой колбасы-ы!* (= Как много воды / копченой колбасы тут!) — *Ваша фамилия? Имя? Отчество?* (= Назовите вашу фамилию. Назовите ваше имя. Назовите ваше отчество.). Из приведенных примеров ясно, что одинаково в интонационном отношении могут оформляться высказывания, состоящие из разных лексем, и наоборот, высказывания,

¹ Под *фразой* часто понимают «предложение в смысле синтаксического целого, рассматриваемое с произносительно-слуховой, акцентно-интонационной стороны» (С. И. Бернштейн). Таким образом, термины *высказывание* и *фраза* в супрасегментной фонетике выступают как синонимы, но термин *фраза* делает акцент на плане выражения интонации, а термин *высказывание* — на плане содержания.

состоящие из одних и тех же словоформ, могут получать разное интонационное оформление. Это говорит об автономности интонационных средств по отношению к значимым единицам языка. Иногда даже можно наблюдать, по выражению С. И. Карцевского, «чистую интонацию, освобожденную от семантических пут»¹ (точнее не столько от семантики, сколько от цепочки фонем, на которую обычно интонационный контур накладывается). Это имеет место, например, при интонационном оформлении звуковых жестов типа *гм*, *угу* и др., как в диалоге из к/ф «Бриллиантовая рука», приведенном в § 1 Введения: — *Сеня, а ты Софи Лорен видел?* — *А-а!* — *А кока-колу пил?* — *Угу!* Впрочем, независимость интонации от лексической и грамматической семантики словоформ весьма относительна, т. к. интонация тесно связана со смысловой стороной высказываний.

Один и тот же текст может быть произнесен (прочитан) носителя языка с разной интонацией. Это связано с тем, что как будто один и тот же в лексическом и грамматическом отношении текст может быть осмыслен по-разному, и это различное его осмысление отражается в интонационном оформлении. Таким образом, благодаря различной интонации одно и то же предложение, будучи произнесенным с двумя разными интонациями, превращается в два разных высказывания. При этом интонация с помощью довольно ограниченных средств передает важные оттенки смысла. Эти средства определенным образом комбинируются, что дает возможность выражать при помощи интонации довольно большое количество весьма абстрактных и зачастую очень тонких значений, которые не всегда поддаются четкому определению. Интонация обязательно включает в себя содержательный компонент. Таким образом, интонационная система языка представляет собой сложную систему просодических средств организации высказываний, которая позволяет носителям языка связывать с тем или иным интонационным оформлением вполне определенное содержание.

§ 2. Компоненты интонации

В качестве просодических средств, конституирующих план выражения интонационных конструкций (ИК), выступают мелодический контур, интенсивность, длительность (темп), тембр, гортанная смычка и пауза. Эти компоненты интонации являются своего рода дифференциальными признаками интонационных конструкций.

Мелодический контур, или просто *мелодика*, представляет собой повышение или понижение основного тона голоса. Высота тона зависит от скорости колебания голосовых связок. Движение тона в речевом потоке носит в целом восходяще-нисходящий характер, однако для противопоставления интонационных контуров важен характер дви-

¹ Карцевский С. И. О фонологии фразы // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. [Т.] П. М., 2004. С. 262.

жения тона на интонационном центре, где происходит основное изменение мелодического рисунка. Основные изменения мелодического контура происходят на ударных гласных, хотя характер движения тона на безударных гласных тоже имеет значение при характеристике ИК. Ударный слог главной по смыслу словоформы, на котором и происходит наиболее значительное изменение тона, является центром ИК. Мелодика является не только важнейшей характеристикой ИК, но и одним из средств членения речевого потока на синтагмы и связывания синтагм в рамках высказывания.

Следующим важнейшим компонентом интонации является *интенсивность*. В целом интенсивность более или менее плавно падает от начала синтагмы к ее концу. Но для характеристики ИК важно увеличение интенсивности на интонационном центре, т. е. усиление ударения словоформы, обладающей наибольшим семантическим весом в высказывании. Такое усиление одного из словесных ударений в синтагме (фразе) иногда называют *акцентным выделением* (или просто *акцентом*). В принципе это то же самое, что синтагматическое, логическое и эмфатическое ударение. Иногда синтагматическое ударение противопоставляют логическому и эмфатическому, но природа их одинакова: они выделяют наиболее важную часть высказывания. Соответственно все эти ударения по своей сути являются фразовыми. Синтагматическое ударение в нейтральных высказываниях (*Волга впадает в Каспийское море*) падает на последнее слово синтагмы постольку, поскольку при обычном порядке слов последнее слово (в приведенном примере это словосочетание *Каспийское море*) синтагмы является ремой высказывания (характерно, что в данном случае даже при инверсии акцентно выделяется именно существительное *море*, хотя никакой смысловой нагрузки этот компонент словосочетания нести не будет: ср. *Волга впадает в море Каспийское*). Основная функция фразового ударения — выделение какой-либо части высказывания.

Темп, т. е. относительная скорость произнесения различных отрезков высказывания, также играет роль в его ритмико-интонационном оформлении. Изменение темпа речи тесно связано с мелодикой и может использоваться для передачи различной информации. Так, замедление или убыстрение темпа часто сигнализирует о семантическом весе тех или иных элементов высказывания. То, что представляется говорящему более важным, имеет тенденцию произноситься в замедленном темпе. С другой стороны, замедление темпа может характеризовать завершение высказывания, а убыстрение темпа может маркировать незавершенность высказывания. Разные типы речевых актов также характеризуются разным относительным темпом произнесения. Наиболее медленно произносятся, например, восклицательные высказывания, а наименьшая длительность звуков характерна для вопросов.

Тембр в качестве просодического средства служит главным образом для выражения общей эмоциональной окраски речи. Как уже говорилось, в фонетике под тембром понимаются два совершенно разные по

своей природе явления. Во-первых, тембром называют качество звука, которое определяется формантной структурой, т. е. числом формант (главным образом F1 и F2) и их соотношением (спектром). Во-вторых, тем же термином «тембр» обозначают особую специфическую окраску звука, которая не зависит от соотношения F1 и F2. Именно в этом — втором — случае можно говорить о просодическом тембре, который как бы накладывается на последовательность сегментных единиц. Особенности просодического тембра тоже связаны со спектральными характеристиками звуков, но они зависят от значений более высоких формант (F3, F4, F5 и т. п.), как бы подчеркивая супrasegmentный характер просодического тембра. Акустическим коррелятам просодического тембра соответствуют и определенные артикуляционные установки. Так, выделяют тембры, ориентированные на акустические портреты (соотношение F1 и F2) того или иного «звука». Например, артикуляция гласных речевого потока как бы настраивается на максимально лабиализованный звук [u], реализации всех фонем становятся лабиализованными, но различия между гласными фонемами сохраняются. Та или иная тембральная окраска речи (своего рода тембральные просодемы), которая воспринимается как «жесткая», «мягкая» и т. п., может использоваться для передачи различных эмоциональных оттенков (сочувствие, нежность, суровость, непреклонность, презрение, ненависть и т. п.), а иногда характеризовать речь говорящего как жеманную, напыщенную, покровительственную и т. п.

Пауза представляет собой довольно сложное явление не только в функциональном, но и в перцептивном, а также артикуляторно-акустическом отношении. Пауза — это не обязательно перерыв в звучании и в работе произносительного аппарата. Пауза может заполняться звучанием, например, нейтральным звуком типа шва (парафонетическое «эканье»). Такие паузы называются *паузами хезитации* (от англ. *hesitation* ‘колебание’) и характерны для спонтанной речи, когда говорящий как бы размышляет, что сказать дальше, подбирает подходящее слово: *Вернулся / сейчас работает э-э хирургом...; Ну а потом с фабрики дали / вот у нас было распределение / э-э называлось / фонд улучшения быта рабочих...; И вот пришел / щас вот учасковые / а раньше были / э-э / как оне / околдочные //*¹ (здесь паузы хезитации в виде «эканья» обозначены э-э).

В качестве просодического средства выступают интонационные паузы, которые иногда непросто отличить от хезитационных. Интонационные паузы часто связаны не с прекращением звучания и артикуляции, а с резкой сменой мелодического контура на соседних синтагмах. Именно поэтому пауза рассматривается как главное средство, выполняющее функцию членения речи на высказывания и для отделения одной синтагмы от другой внутри высказывания. Но этим функции

¹ Примеры из расшифровок записей, сделанных в 1980 г. в Москве и Ленинграде (из кн.: Городское просторечие. Проблемы изучения / Отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. М., 1984. С. 179—185.

пауз не ограничиваются. Пауза может не только отделять синтагмы друг от друга, но и наоборот, связывать их. Длительность пауз между синтагмами может отражать степень их связанности, а в сочетании с другими языковыми средствами (лексическими и грамматическими) также и характер связи между синтагмами.

Перечисленные компоненты интонации, как правило, тесно связаны друг с другом и используются в комплексе. Во фразе *Так это сделал — он?* для выражения крайнего удивления или недоумения в вопросе одновременно используются и мелодический контур (плавное повышение основного тона на *он*), и пауза между *сделал* и *он*, которая противопоставляет и связывает подлежащее и сказуемое, и удлинение гласного на акцентно выделенном слове — *он*.

§ 3. Функции интонации

В комплексе значений, которые выражаются интонационными средствами, традиционно выделяют два аспекта: коммуникативный и эмоциональный. К коммуникативному аспекту интонации относится передача коммуникативных намерений говорящего, маркирование типа речевого акта (сообщение, вопрос, приказ, совет, разрешение, восклицание, обращение и др.). Так, в русском языке при помощи только интонационных средств противопоставляются сообщение и общий вопрос (т. е. *да/нет*-вопрос): *Он живет с мамой*↘. (сообщение) — *Он живет с мамой*↗? (*да/нет*-вопрос). При сообщении понижение тона, а при вопросе — резкое повышение и понижение на ударном слоге последней словоформы. Интонация маркирует и контраст: ср. *Он живет с мамой*↘. (сообщение) — *Он живет с мамой*↘. <а не с бабушкой / именно с мамой> (опровержение/подтверждение). При сообщении имеет место понижение тона, а при контрасте (противопоставлении) — при понижении тона происходит увеличение интенсивности ударного слога последней словоформы. Во многих случаях, как уже было сказано, интонация позволяет передать довольно тонкие смысловые различия в высказываниях. Так, если при обращении употребляется имя и отчество, то при помощи интонации отражается обращение к адресату, находящемуся далеко от говорящего, и к адресату, находящемуся близко. В первом случае усиливается словесное ударение второго компонента, т. е. отчество, с удлинением ударного и заударных слогов (*Миха(и)л Бори́-исы-ыч! Ма́рь(я) Ива́-ан(ов)на-а!*), во втором — первого, т. е. имени (*Миха(и)л Бори́с(ов)ич, <вам не холодно?>; Ма́рь(я) Ива́н(ов)на, <угощайтесь, пожалуйста!>*)¹.

Что касается эмоциональных оттенков значений (недоумение, сомнение, возмущение, ирония и т. п.) и общей эмоциональной окраски

¹ Подробнее об интонации обращений см.: Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 98—107.

речи, передаваемых интонационными средствами, то они во многом зависят от лексического состава и синтаксической структуры предложения, но главным образом от ситуации общения. Ср. — *Ты сдал работу?* — *Сда-ал —'.* (= 'Конечно! А ты думал, что не сдам?'). Интонация ответной реплики передает удивление, настороженность посредством плавного повышения тона и удлинения ударного гласного. Ср. *Зачем ты это сделал?* (вопрос с вопросительным словом) — *Зачем ты это сделал\?* (= 'Зря ты это сделал!' — выражение досады или возмущения). При вопросе использована примерно такая же интонация, как и при контрасте (см. выше), т. е. понижение тона в сочетании с усилением интенсивности словесного ударения на вопросительном слове, а при выражении досады восходящий тон на вопросительном слове и нисходящий на последней словоформе. Ср. также *Как ты плаваешь?* (вопрос) — *Как ты плаваешь\!* (удивление + восхищение) — *Как ты плаваешь\!* (удивление + осуждение). В двух последних высказываниях восхищение и осуждение переданы при помощи тембра (окраски) голоса.

Таким образом, мы видим, что в качестве интонационных средств используются повышения и понижения тона, разные типы усиления ударения, акцентные выделения тех или иных словоформ высказывания, просодического тембра, удлинение гласного и др., а также различные типы комбинаций этих средств.

Кроме своей основной функции — превращать предложения в высказывания, интонация выполняет в языке разнообразные конкретные функции.

Во-первых, посредством интонации речевой поток членится на смысловые отрезки — высказывания и синтагмы. Минимальной речевой единицей, обнаруживаемой в результате как смыслового, так и собственно фонетического (интонационного) членения, является *синтагма* (в понимании Л. В. Щербы). Синтагма является одним из центральных понятий интонации¹. Это единица одновременно и синтаксическая и фонетическая, которая «делается в процессе речи и не входит в репертуар языка как системы»². Щерба определял син-

¹ Сам термин *синтагма* был заимствован Щербой у Бодуэна, который использовал его в смысле «слово». В ранних работах для обозначения соответствующего понятия Щерба использовал термин *фраза*. *Синтагма* Щербы отличается от *синтагмы* Ф. де Соссюра, понимавшего ее как словосочетание (*внешняя синтагма*), в котором соединяется определяемое и определяющее (при этом *внутренняя синтагма* — это сочетание морфем в слове). Таким образом, у Соссюра *синтагма* — понятие только синтаксическое.

² *Щерба Л. В. Очередные задачи языковедения // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 63.* Поскольку пределом свертывания синтагмы является слово, в концепции Щербы «слово — это синтагма, включенная в систему языка» (*Виноградов В. В. Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. 1880—1944. Л., 1951. С. 58*).

тагму как «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их»¹. В конкретном речевом контексте синтагмы не делятся на меньшие интонационно-смысловые единицы. В смысловом отношении синтагмы выражают «в данном контексте одно, хотя бы и сложное понятие», а фонетически — это «отрезки, характеризующиеся усилением ударения последнего слова». Так, в высказывании *Зная, что дома нет еды, | я зашел в магазин* || две синтагмы, причем первая — *Зная, что дома нет еды* — представляет собой единое смысловое целое, несмотря на его сложную синтаксическую структуру с союзом *что*. Синтагмы, составляющие высказывание, могут состоять из одного или нескольких слов и отделяться друг от друга паузами, но последнее не обязательно. Само же высказывание может состоять из одной или нескольких синтагм, причем членение на синтагмы отражает смысловое членение высказывания. Классическим примером «минимальной пары» высказываний, смысл которых определяется синтагматическим членением, стали высказывания *Казнить нельзя | помиловать.* и *Казнить, нельзя помиловать.* Более тонкие различия представлены в следующих примерах. Так, высказывание с нейтральным сообщением *Он зайдет ко мне завтра утром* \ || состоит из одной синтагмы. При необходимости уточнить время визита это высказывание может быть расчленено на две синтагмы: *Он зайдёт ко мне завтра* \, | *утром* \ ||. Если же надо подчеркнуть сам факт визита, то возможно и другое членение: *Он зайдёт* \ ко мне, | *завтра утром* \ ||. Как мы видим, наличие разных возможностей синтагматического членения фразы не означает, что членение на синтагмы произвольно. Оно не может нарушать синтаксических правил русского языка. Например, невозможно такое членение приведенного высказывания: *Он | зайдет | ко мне завтра | утром* ||.

Членение на синтагмы диктуется общим смыслом высказывания и соответственно грамматическими особенностями входящих в него словоформ. Например, если во фразе *Он замучил его стихами брата*, членение на синтагмы зависит от структуры предложения. Если *его* является притяжательным местоимением, а *брата* — прямым дополнением в В. п., то фраза может члениваться так: *Он замучил его стихами | брата* ||. Если же *его* — прямое дополнение, выраженное личным местоимением в В. п., а *брата* — Р. п. принадлежности, то фраза может быть расчленена на синтагмы следующим образом: *Он замучил его | стихами брата* ||. Некоторая «двусмысленность» этого предложения вызвана омонимичностью словоформ *его* и *брата*. Если в нем заметить *брата на сестру* или *сестры*, то двусмысленность пропадет, что отразится количестве вариантов членения на синтагмы: *Он замучил его стихами | сестру* || — *Он замучил его стихами | сестру* || — *Он замучил его | стихами сестры* ||. Другой пример. В стихотворении А. Фета

¹ Шерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1963. С. 86.

вводные конструкции входят в разные синтагмы в зависимости от грамматических свойств соседних словоформ. Вводная конструкция *быть может* входит в одну синтагму с предшествующим глаголом *подкрался*, а вводное слово *верно* отделяется синтагматической границей от слова-предложения *нет* и отходит к следующей синтагме:

Подкрался, быть может, | и смотрит в окно? ||
Увидит мать | — догадается;
Нет, | верно, у старого клена давно |
Стоит в тени, | дожидается. ||

Итак, членение высказывания на синтагмы обусловлено отнюдь не физиологическими особенностями речи, а различными более или менее тонкими смысловыми (иногда стилистическими) оттенками, отражающими коммуникативные намерения говорящего. Каждая синтагма высказывания, состоящего из нескольких синтагм, оформляется собственной интонацией, впрочем, такая точка зрения не является общепринятой. Вопрос о том, что является полем приложения интонации — синтагма или высказывание в целом — не получил еще окончательного решения в лингвистике. Но минимальной единицей, подлежащей интонационному оформлению, является именно синтагма.

Во-вторых, интонационно выражается степень связанности синтагм, на которые членится высказывание. Например, интонация показывает, конечной или неконечной является та или иная синтагма. Ср. членение на синтагмы в уже приводившемся отрывке из басни И. Крылова «Квартет»:

Прокáзница-Марты́шка,↗ |
Осе́л,↗ |
Козе́л ↗|
Да косола́ный Ми́шка ↗|
Зате́яли сыгра́ть Кварте́т.↘ ||
Доста́ли но́т, —↗ | басá, —↗ | альта́, —↗ | две скрýпки —↗ |
И се́ли на лужо́к под ли́пки↗ |
Пленя́ть своим иску́ством све́т. ↘||
Уда́рили в смычки́,↗ | дере́т,↗ | а то́лку не́т.↘ ||

Все неконечные синтагмы в этом тексте характеризуются разными типами повышения тона на ударном слоге последней словоформы синтагмы, а все конечные — понижением. То же самое мы можем наблюдать и в следующих фразах:

- (1а) *Он замучил↗ его | стихами брата.↘ ||*
 (1б) *Стихами брата↗ | он его замучил.↘ ||*
 (2а) *Мы пойдем гулять.↘ ||*
 (2б) *Когда мы пойдем гулять?↘ ||*
 (2в) *Когда закончится дождь.↘ ||*
 (2г) *Когда закончится дождь,↗ | мы пойдем гулять.↘ ||*
 (2д) *Мы пойдем гулять,↗ | когда закончится дождь.↘ ||*

В двух последних примерах (2г) и (2д) интонация не показывает, какое предложение — главное, а какое придаточное (и тем более не указывает на тип придаточного предложения), но маркирует лишь незаконченность первой синтагмы. Итак, интонация является одним из средств, обеспечивающих связность текста.

В-третьих, и об этом уже много было сказано выше, интонация участвует в оформлении и противопоставлении коммуникативных типов высказываний (типов речевых актов). Например, в русском языке интонация может быть единственным средством, которое позволяет различать сообщение и общий вопрос: *Это стол.* \ — *Это стол?* \. Впрочем, противопоставление этих коммуникативных типов, видимо, является в русском языке с его свободным порядком слов и единственным, которое осуществляется только интонационными средствами¹.

В-четвертых, интонация участвует не только в членении речи на синтагмы, но в реализации так называемого *актуального членения предложения*, т. е. в выделении той части высказывания, которая содержит новую информацию (рему), и той части, которая содержит уже известную (из ранее сказанного или из общего контекста) информацию (тему). Главную роль в этом играет так называемое *логическое ударение*, или точнее — *акцентное выделение*. Усиление словесного ударения должно быть на реме. Например, если ситуация такова, что ждали только прихода Саши и он наконец пришел, то во фразе *Саша пришёл* темой будет *Саша*, а ремой — *пришёл*, тогда акцентно выделяется рема пришел: *Саша пришёл* \ или — при другом порядке слов — *Пришёл* \ *Саша*. Если же ждали прихода разных людей, в том числе и Сашу, и вот он пришел, то темой будет *пришел*, а ремой — *Саша*, и тогда акцентно выделяется *Саша*: *Саша* \ *пришёл* или *Пришел Саша* \. В вопросительном высказывании ремой является вопросительное слово: ср. *Где* \ *ты купила эту юбку?* или — при другом порядке слов — *Ты эту юбку купила где* \? Если же вопрос носит риторический характер и спрашивающего интересует не столько магазин, в котором была куплена юбка, а то, что на подруге новая юбка и нужно выразить свое отношение к обнове, то *юбка* и становится ремой: *Где ты купила эту юбку* \? Ср. также следующие примеры: *Саша идет домой* \ (не в театр и не на работу, а домой; ответ на вопрос *Куда идет Саша?*), *Саша* \ *идет домой* (не Петя и не Вася, а Саша; ответ на вопрос *Кто из них идет домой?*), *Саша идет* \ *домой* (в принципе собирается уходить или не едет на машине, а идет пешком; ответ на вопросы *Саша идет или остается?* или *Саша едет или идет?*). Во фразе *А Саша* \ *пришёл?*, если ее рассматривать как односинтагменную, имеется две акцентно выделенных словоформы (два «логических ударения»). Если эту фразу рассматривать как состоящую из двух синтагм (*А Саша* \ | *пришёл?*), то каждая из них имеет одно синтагматическое ударение.

¹ Ср., впрочем, общий вопрос, который оформляется не интонационно, а с помощью порядка слов и частицы *ли*: *Стол ли это?*

В-пятых, интонационные средства, как отмечено выше, участвуют в передаче эмоциональных значений, отражают эмоциональное состояние говорящего (общую эмоциональную окраску его речи) и его отношение к содержанию высказываний, своих и других участников диалога. Не все лингвисты включают эмоциональный аспект интонации в фонетику как раздел лингвистики, мотивируя это в частности тем, что эмоции не являются лингвистическими категориями.

Обзор основных функций интонации показывает, что интонационные средства очень тесно связаны с выражением значений, во всяком случае, более тесно, чем фонемы. Фонемы лишь потенциально связаны со значением, но сами не обладают значением. Их значимость чисто отрицательная: фонема /a/ — это не /o/, не /e/, не /u/, не /i/, не /i/ и т. п. Замена в словоформе одной фонемы на другую меняет не значение слова, а фонемный состав его звуковой оболочки. Что касается вопроса о том, имеют ли собственное значение интонационные единицы, то он носит дискуссионный характер. Решение его затрудняется не только очень сложными, как мы видели, отношениями между планом выражения и планом содержания интонационных единиц, но и отсутствием единства лингвистов по вопросу о том, что представляют собой единицы интонации и даже обладает ли вообще интонация своими собственными единицами.

§ 4. Единицы интонации

Если признается автономность интонации, самостоятельность интонационного уровня по отношению к другим уровням языковой структуры, то из этого, видимо, вытекает, что в языке должен существовать определенный набор интонационных моделей (типов), которые служат для выражения определенных значений. Такие модели и могут рассматриваться в качестве интонационных единиц. Для обозначения таких интонационных единиц используются разные термины: интонационная конструкция, интонационный контур, акцент, интонаема, интонационная фонема и т. п.

В настоящее время наиболее полным и теоретически разработанным является описание интонационных моделей русского языка, созданное в 1960—1970 гг. Е. А. Брызгуновой. Эта система интонационных конструкций положена в основу академического описания русской интонации¹. Кроме того, классификация Е. А. Брызгуновой безраздельно господствует в преподавании русского языка как иностранного. Даже исследователи, критикующие эту концепцию описания русской интонации и предлагающие новые классификации интонационных типов, вынуждены так или иначе соотносить их с классификацией Брызгуновой.

Основными интонационными единицами в системе Е. А. Брызгуновой выступают интонационные конструкции (ИК). Под ИК она

¹ Русская грамматика. Т. I. М., 1982. С. 96—122.

понимает «тип соотношения основного тона, тембра, интенсивности, длительности, способный выразить различия по цели высказывания в предложениях с одинаковым синтаксическим строем и лексическим составом». Таким образом, в основе выделения и классификации интонационных конструкций (ИК) у Е. А. Брызгуновой лежит следующий критерий: комплекс просодических средств может рассматриваться как план выражения ИК только в том случае, если в русском языке этот комплекс хотя бы в одной паре высказываний, совпадающих по фонемному составу, используется для противопоставления по смыслу. Эмоциональный аспект семантики при этом не противопоставляется коммуникативному. Например, в соответствии с этими принципами можно сразу выделить четыре основные интонационные конструкции русского языка (во всех примерах центром ИК является последняя словоформа): *Это университет.* \ (ИК-1; нейтральное сообщение) — *Это университет!* \ (ИК-2; контраст: это университет, а не школа) — *Это университет?* / (ИК-3; общий вопрос) — *Это университет?* — / (ИК-3; вопрос, выражающий удивление и недоверие). На том же основании выделяются еще три интонационные конструкции: *Какáя она певúца?* \ (ИК-2; частный вопрос) — *Какáя она певúца!* / \ (ИК-5; восторженное восклицание) — *Какáя она певúца!* / \ (ИК-6; восторженное восклицание) — *Какáя она певúца!* / \ (ИК-7; экспрессивное несогласие). При этом ИК-5 и ИК-6 различаются фонетически, но близки по смыслу, поэтому приведенные примеры не очень показательны для противопоставления друг другу, однако в целом набор выражаемых ими значений не совпадает, что и позволяет их противопоставить.

Итак, интонационные конструкции в системе Брызгуновой могут быть охарактеризованы с двух сторон: со стороны плана выражения (комплекса просодических средств — компонентов интонации) и со стороны плана содержания (значения и употребления в тех или иных в тех или иных типах речевых актов и синтаксических конструкциях).

Потенциально в каждой ИК выделяется три части. Во-первых, *интонационный центр*. Это ударный слог главного по смыслу слова в высказывании. На нем происходит перелом мелодического рисунка, т. е. изменение основного тона. *Предцентровая часть* — это то, что находится перед интонационным центром. Она произносится в среднем для данного говорящего тоне, причем если эта часть достаточно длинная, на ней происходят небольшие повышения и понижения тона, которые в принципе могут выражать эмоциональное состояние говорящего. *Постцентровая часть* — то, что идет после интонационного центра. Интонационный центр — обязательный элемент ИК. В системе Брызгуновой, как показано выше, у одной интонационной конструкции — ИК-5 — два центра. Предцентровая и постцентровая части могут отсутствовать в конкретных фразах, но в полной модели ИК они присутствуют.

План выражения ИК может быть передан с помощью особой интонационной транскрипции. В системе Е. А. Брызгуновой используются

черточки, которые передают движение основного тона, они ставятся над символами гласных в орфографической записи. Стрелки внизу отмечают предцентровую и постцентровую части. Если фраза состоит из нескольких синтагм, каждая из которых имеет свою ИК, показывается ее членение. Если известен план выражения ИК, то возможно обозначение номера интонационной конструкции над центром:

$\overline{\text{Моя}} \overline{\text{бабушка}} \mid \overline{\text{живет}} \overline{\text{за}} \overline{\text{городом}}$. или $\overline{\text{Моя}} \overline{\text{бабушка}} \mid \overline{\text{живет}} \overline{\text{за}} \overline{\text{городом}}$.
 $\longleftarrow \quad \longrightarrow \quad \longleftarrow \quad \longrightarrow$

Дадим краткую характеристику ИК русского языка, выделенным Е. А. Брызгуновой.

ИК-1. Предцентровая часть произносится слитно и с обычным для говорящего средним уровнем основного тона. На центре происходит заметное понижение тона, которое продолжается на постцентральной части, если она есть, даже ниже предцентральной части, что особенно заметно на конечных слогах. Центр находится на реме высказывания.

$\overline{\text{Вот}} \overline{\text{твоя}} \overline{\text{комната}}$. = $\overline{\text{Вот}} \overline{\text{твоя}} \overline{\text{комната}}$.
 $\longleftarrow \quad \longrightarrow$

$\overline{\text{Вот}} \overline{\text{твоя}} \overline{\text{комната}}$. = $\overline{\text{Вот}} \overline{\text{твоя}} \overline{\text{комната}}$.
 $\longleftarrow \quad \longrightarrow$

ИК-1 употребляется прежде всего в нейтральных сообщениях и в конечных синтагмах, а также иногда при противопоставлениях, при перечислении и в других случаях.

ИК-2. Предцентровая часть произносится на несколько более высоком уровне основного тона и в более быстром темпе, чем при ИК-1. На центре тон довольно резко понижается, причем понижение тона начинается с более высокой точки по сравнению с предцентральной частью и продолжается на постцентральной части. ИК-2 отличается значительным усилением ударения на интонационном центре. Имеются разные реализации интонационного центра ИК-2 с широким варьированием уровня тона, длительности и интенсивности гласного.

$\overline{\text{Это}} \overline{\text{твоя}} \overline{\text{комната}}$! = $\overline{\text{Это}} \overline{\text{твоя}} \overline{\text{комната}}$!
 $\longleftarrow \quad \longrightarrow$

$\overline{\text{Марина}}$, $\overline{\text{ты}} \overline{\text{куда}} \overline{\text{идешь}}$? = $\overline{\text{Марина}}$, $\overline{\text{ты}} \overline{\text{куда}} \overline{\text{идешь}}$?
 $\longleftarrow \quad \longrightarrow \quad \longleftarrow \quad \longrightarrow$

$\overline{\text{Не}} \overline{\text{ходи}} \overline{\text{туда}}$! = $\overline{\text{Не}} \overline{\text{ходи}} \overline{\text{туда}}$!
 $\longleftarrow \quad \longrightarrow$

ИК-2 употребляется в частных вопросах с вопросительными словами, в сообщениях при противопоставлении (*Это твоя комната!* [а не моя]), в обращениях (*Саша!*), восклицаниях (*Это ужасно!*), приказах (*Остановись!*) и в других случаях.

ИК-3. Предцентровая часть произносится на среднем уровне основного тона. На центре происходит резкое повышение тона, которое начинается с несколько более высокого уровня, чем в предцентровой части, и продолжается в постцентровой части. Достигнув максимума, тон резко понижается уже в пределах центра, и падение тона продолжается на постцентровой части (примерно как в ИК-1 и ИК-2).

$\bar{\text{Э}} \bar{\text{т}} \bar{\text{о}} \text{ } ^\wedge \bar{\text{т}} \bar{\text{в}} \bar{\text{о}} \bar{\text{я}} \bar{\text{к}} \bar{\text{о}} \bar{\text{м}} \bar{\text{н}} \bar{\text{а}} \bar{\text{т}} \bar{\text{а}} \bar{\text{?}} = \text{Эт} \text{о} \text{ тв} \text{оя} \text{ к} \text{омн} \text{ата} \text{?}^3$
 $\longleftarrow \quad \quad \quad \longrightarrow$

$^\wedge \bar{\text{Э}} \bar{\text{т}} \bar{\text{о}} \bar{\text{т}} \bar{\text{в}} \bar{\text{о}} \bar{\text{я}} \bar{\text{к}} \bar{\text{о}} \bar{\text{м}} \bar{\text{н}} \bar{\text{а}} \bar{\text{т}} \bar{\text{а}} \bar{\text{?}} = \text{Эт} \text{о} \text{ тв} \text{оя} \text{ к} \text{омн} \text{ата} \text{?}$ (предцентровая часть отсутствует)
 $\longleftarrow \quad \quad \quad \longrightarrow$

$\bar{\text{М}} \bar{\text{о}} \bar{\text{я}} \bar{\text{б}} \bar{\text{а}} \bar{\text{б}} \bar{\text{у}} \bar{\text{ш}} \bar{\text{к}} \bar{\text{а}} \bar{\text{?}} \bar{\text{ж}} \bar{\text{и}} \bar{\text{в}} \bar{\text{е}} \bar{\text{т}} \bar{\text{з}} \bar{\text{а}} \bar{\text{г}} \bar{\text{о}} \bar{\text{р}} \bar{\text{о}} \bar{\text{д}} \bar{\text{о}} \bar{\text{м}} \bar{\text{.}} \text{ или } \text{М} \text{о} \text{я} \text{ б} \text{а} \text{б} \text{у} \text{ш} \text{к} \text{а} \text{?} \bar{\text{ж}} \bar{\text{и}} \bar{\text{в}} \bar{\text{е}} \bar{\text{т}} \bar{\text{з}} \bar{\text{а}} \bar{\text{г}} \bar{\text{о}} \bar{\text{р}} \bar{\text{о}} \bar{\text{д}} \bar{\text{о}} \bar{\text{м}} \bar{\text{.}}$
 $\longleftarrow \quad \quad \quad \longleftarrow \quad \quad \quad \longrightarrow$

$\bar{\text{П}} \bar{\text{о}} \bar{\text{д}} \bar{\text{о}} \bar{\text{й}} \bar{\text{д}} \bar{\text{и}} \bar{\text{,}} \bar{\text{п}} \bar{\text{о}} \bar{\text{ж}} \bar{\text{а}} \bar{\text{л}} \bar{\text{у}} \bar{\text{й}} \bar{\text{с}} \bar{\text{т}} \bar{\text{а}} \bar{\text{?}} = \text{П} \text{о} \text{д} \text{о} \text{й} \text{д} \text{и} \text{,} \text{п} \text{о} \text{ж} \text{а} \text{л} \text{у} \text{й} \text{с} \text{т} \text{а} \text{!}^3$
 $\longleftarrow \quad \quad \quad \longrightarrow$

ИК-3 употребляется в общих вопросах (*да/нет-вопросах*), в неконечных синтагмах повествовательных предложений, вежливых просьбах (*Передайте соль!* [пожалуйста]), при выражении несогласия в споре (*Я ведь говорил вам!*), при повторении вопроса с вопросительным словом (*Когда он придет? — Когда он придет? Не знаю.*) и в других случаях.

ИК-4. Предцентровая часть так же, как и в предыдущих ИК, произносится на среднем тоне. На центре тон сначала несколько понижается, а потом с этой низкой точки происходит плавное повышение тона в пределах слога, причем достигнутый высокий уровень тона сохраняется в постцентровой части.

$\bar{\text{А}} \bar{\text{Н}} \bar{\text{а}} \bar{\text{т}} \bar{\text{а}} \bar{\text{ш}} \bar{\text{а}} \bar{\text{г}} \bar{\text{д}} \bar{\text{е}} \bar{\text{у}} \bar{\text{ч}} \bar{\text{и}} \bar{\text{т}} \bar{\text{с}} \bar{\text{я}} \bar{\text{?}} = \text{А} \text{Н} \text{а} \text{т} \text{а} \text{ш} \text{а} \text{г} \text{д} \text{е} \text{у} \text{ч} \text{и} \text{т} \text{с} \text{я} \text{?}^4$
 $\longleftarrow \quad \quad \quad \longrightarrow$

$\bar{\text{П}} \bar{\text{о}} \bar{\text{с}} \bar{\text{л}} \bar{\text{е}} \bar{\text{з}} \bar{\text{а}} \bar{\text{в}} \bar{\text{т}} \bar{\text{р}} \bar{\text{а}} \bar{\text{?}} \bar{\text{м}} \bar{\text{ы}} \bar{\text{и}} \bar{\text{д}} \bar{\text{е}} \bar{\text{м}} \bar{\text{в}} \bar{\text{т}} \bar{\text{е}} \bar{\text{а}} \bar{\text{т}} \bar{\text{р}} \bar{\text{.}} = \text{П} \text{о} \text{с} \text{л} \text{е} \text{з} \text{а} \text{в} \text{т} \text{р} \text{а} \text{?} \bar{\text{м}} \bar{\text{ы}} \bar{\text{и}} \bar{\text{д}} \bar{\text{е}} \bar{\text{м}} \bar{\text{в}} \bar{\text{т}} \bar{\text{е}} \bar{\text{а}} \bar{\text{т}} \bar{\text{р}} \bar{\text{.}}$
 $\longleftarrow \quad \quad \quad \longleftarrow \quad \quad \quad \longrightarrow$

ИК-4 часто употребляется в неконечных синтагмах повествовательных предложений, в которых она конкурирует с ИК-3, а также в вопросах с сопоставительным *а* (*А Саша когда придет?*) и анкетного

характера (*Ваше место работы?*), вежливых просьбах (*Передийте соль!* [пожалуйста]), при выражении несогласия в споре (*Я ведь говорил вам!*) и в других случаях.

ИК-5. Эта интонационная конструкция отличается от других ИК тем, что имеет два центра. На гласном первого центра происходит повышение тона, а на втором центре тон понижается. Это понижение продолжается и на постцентральной части.

Какая она умница! = *Какая она умница!*

Мы не виделись двадцать пять лет! = *Мы не виделись двадцать пять лет!*

Кто это сказал? = *Кто это сказал?*

ИК-5 часто употребляется в высказываниях с качественной и количественной оценкой (часто с местоименными словами: *Какая гадость!* *Сколько у него ошибок!*), а также может передавать досаду или возмущение (*Когда же он придет!* *Поправь прическу!*) и в некоторых других случаях.

ИК-6. Предцентровая часть произносится с обычным тоном. На центре тон резко поднимается и его высокий уровень сохраняется на постцентральной части.

Сколько народу здесь! = *Сколько народу здесь!*

День какой теплый! = *День какой теплый!*

Мелодический контур ИК-6 (*Сколько книг у вас!*) похож на ИК-4 (*Сколько книг у вас?*), но у ИК-6 повышение тона резче и его уровень на центре и постцентральной части выше. При отсутствии постцентральной части ИК-6 (*Сколько книг!*) сближается с ИК-3 (*Сколько книг?* [переспрос]), но для ИК-6 характерна большая длительность гласного центра.

ИК-6 встречается в высказываниях с качественной и количественной оценкой (*Воды!* 'Как много воды!', Устал я! 'Я очень устал'). При наличии местоименных слов (*Сколько народу!* *Как я устал!*) конкурирует с ИК-5. ИК-6 используется также в незавершенных синтагмах, где конкурирует с ИК-3 и ИК-4. Кроме того, ИК-6 употребляется при полном переспросе с вопросительным словом и с возможным оттенком недоумения (*Он придет через час. — Когда он придет?;* *Саша не сдал экзамен. — Кто не сдал экзамен?*).

ИК-7. Предцентровая часть произносится с обычным тоном. На центре тон резко поднимается, как в ИК-3, и понижается на постцентровой части. Таким образом, мелодический контур ИК-7 похож на ИК-3, но у ИК-7 гласный интонационного центра завершается смычкой голосовых связок (гортанной, или глоттальной, смычкой).

— /² — — — — —⁷
Какой он художник! = *Какой он художник!* [никудашный]
 ← | ————— →

/² — — — — —⁷
Где там отдохнул! = *Где там отдохнул!* [совсем не отдохнул]
 ————— →

— — — /² — — —⁷
Не говори! = *Не говори!* [согласен]
 ← ————— |

ИК-7 встречается в высказываниях, выражающих экспрессивное согласие или несогласие в высказываниях разной синтаксической структуры. Ср. противопоставления:

Какой² он художник? ≠ Какой⁵ он художник! ≠ Какой⁷ он художник!

Концепция Е. А. Брызгуновой описывает лишь наиболее ярко выраженные интонационные модели, не охватывая всех особенностей русской интонации, многие из которых слабо поддаются систематизации. Система Е. А. Брызгуновой ориентируется на полный тип произнесения и оказалась очень удобной для преподавания русского языка как иностранного. Дальнейшее исследование русской интонации, в том числе попытки усовершенствовать систему Брызгуновой, направлено на расширение выделяемых интонационных моделей и их признаков. Так, предлагается рассматривать русскую интонацию на двух уровнях: уровне акцентов, формирующих коммуникативные компоненты речевых актов, и на уровне интонационных контуров, формирующих речевой акт в целом. Под акцентом понимается движение тона, которое служит для выражения коммуникативных значений. Некоторые ученые трактуют ИК-1, ИК-2¹, ИК-3, ИК-4, ИК-6 и ИК-7 Брызгуновой как *акценты*, а ИК-5 (единственная у Брызгуновой ИК с двумя центрами) и последовательности *акцентов* «ИК-3 ИК-1» (*А Вася² пришел*), «ИК-1 ИК-3» (*А Вася\ пришел²?*), «ИК-6 ИК-1» (*Давно² не приходил Вася*), — как интонационные *контуры*². Соответственно интонация высказывания описывается как последовательность *акцентов*.

¹ ИК-2 Брызгуновой при этом распадается на два акцента: ИК-2, выражающий контраст (*Саша скоро придет!*), и ИК-2 с другими функциями (*Что это такое? Иди сюда!*).

² Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001. С. 87—89.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. СПб., 1998. С. 230—246 (Гл. 10. Интонация).
2. *Брызгунова Е. А.* Интонация // Русская грамматика. Т. I. Москва, 1980. § 150—171.
3. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. § 275—289 (Интонация) [или: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика // Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007].
4. *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001. С. 380—403 (Гл. 8. Интонация).
5. *Пешковский А. М.* Интонация и грамматика // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Л., 1928. Т. 1. Кн. 2. С. 458—476.
6. *Светозарова Н. Д.* Интонационная система русского языка. Л., 1982. С. 13—15 (Гл. 1. § 1), с. 56—65 (Гл. 1. § 5), с. 83—98 (Гл. 2. § 1).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Болинджер Д.* Интонация как универсалия // Принципы типологического описания языков различного строя. М., 1972. С. 214—230.
2. *Брызгунова Е. А.* О смысловозначительных возможностях русской интонации // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 42—52.
3. *Брызгунова Е. А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1964.
4. *Касаткина Р. Ф.* Об изменениях в просодической системе русского литературного языка в последние десятилетия // Слово в тексте и словаре. Сборник статей к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. Л. Л. Йомдин, Л. П. Крысин. М., 2000. С. 102—108.
5. *Кодзасов С. В.* Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи. М., 1996. С. 85—123.
6. *Кодзасов С. В.* Уровни, единицы и процессы в интонации // Проблемы фонетики. Вып. 3. М., 1999. С. 197—215.
7. *Логинова И. М.* Концепция Е. А. Брызгуновой. Традиции и новаторство // Аспекты изучения звучащей речи. Сборник научных статей к юбилею Елены Андреевны Брызгуновой. М., 2004. С. 12—26.
8. *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.
9. *Николаева Т. М.* Типология интонации и акцентное выделение // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Вып. 2. Межвузовский сборник. Отв. ред. Л. В. Бондарко. Л., Изд-во ЛГУ, 1989. С. 113—122.
10. *Светозарова Н. Д.* Интонация в художественном тексте. СПб., 2000.
11. *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

§ 1. Фонетическая система и произносительная норма

Звуковую систему русского языка можно рассматривать в разных аспектах и с разных сторон. Если для простоты ограничиться только сегментными единицами — фонемами, вынеся за скобки супraseгментный уровень — ударение и интонацию, то систему фонем русского языка можно представить в виде нескольких связанных между собой планов (подсистем), а каждый элемент фонологической системы, т. е. каждую отдельную фонему, можно рассматривать: 1) в плане противопоставлений фонем и их различительных признаков (парадигматическая подсистема); 2) в плане дистрибуции фонем на синтагматической оси (синтагматическая подсистема); 3) в плане аллофонного варьирования (аллофонная подсистема); 4) в плане соотношения фонем с единицами более высоких уровней языковой структуры, например в плане функционирования фонем в составе морфем, прежде всего в аспекте чередований фонем (морфонологическая подсистема).

Как было показано в предыдущих главах, все эти подсистемы тесно связаны друг с другом. Например, аллофонное варьирование прямо соотносится с парадигматическими отношениями и с дифференциальными признаками фонем (ср. связь *i*-образных переходов ударных гласных с дифференциальными признаками (ДП) палатализованности согласных, связь лабиализации согласных с ДП лабиализованности гласных и назализации гласных с носовыми согласными и т. п.). В свою очередь дифференциальные (различительные) признаки фонем проявляются в морфонологических чередованиях, в которые вступают фонемы, и в значительной степени выявляются на основе чередований фонем (ср. ДП палатализованности, который рассматривается как единый для разных согласных только на основании чередований по ДП твердости/мягкости, несмотря на то, что этот ДП в артикуляторно-акустическом отношении по-разному реализуется у различных согласных). Синтагматическая подсистема, определяющая правила сочетаемости фонем на синтагматической оси, т. е. позиционные ограничения в дистрибуции фонем, прямо связана с другими подсистемами. Во-первых, она оперирует единицами парадигматической системы — фонемами и дифференциальными признаками фонем: ср. например, запрет на сочетание глухих и звонких шумных фонем, запрет на сочетание непа-

латализованных согласных с фонемой /i/ и палатализованных с фонемой /i̥/, запрет на мягкие заднеязычные фонемы в конце словоформы. Во-вторых, многие правила сочетаемости фонем носят морфонологический, а не чисто фонетический характер. Так, запрет на употребление звонких шумных согласных в конце словоформы, в том числе перед гласным и сонантом следующей словоформы (*они помо/г/ли мне*, но *он помо/к/*, *помо/к/ он*, *помо/к/ ли он*), приводит к чередованию звонких и глухих шумных согласных. Чередование фонем /i/||/i̥/ в начале корня (/i̥/зрать || с/i̥/зрать, /i̥/ра || от /i̥/ры, /i̥/ра || вот /i̥/ра) также вызваны ограничением в дистрибуции фонем /i/ и /i̥/, т. е. запретом сочетаний непалатализованных согласных с /i/ и палатализованных с /i̥/.

Все четыре плана — парадигматический, синтагматический, аллофонный и морфонологический — составляют разные стороны звукового строя (звуковой системы) языка. Однако, с другой стороны, в связи с возникновением теории фонемы и развитием фонологии как функциональной фонетики в звуковом строе языка (и на других уровнях языковой структуры) принято различать то, что является *функциональным* и наиболее очевидным образом проявляется в *противопоставлениях* языковых единиц — фонем, т. е. то, что в традициях структурализма называется собственно *системой*, и то, что является исторически сложившимся, общепринятым в данном языковом коллективе способом реализации этих фонем и состоящих из них звуковых оболочек значимых языковых единиц, т. е. то, что называется *нормой*. Норма в этом смысле трактуется как реализация системы и в живом, функционирующем языке или диалекте неотделима от системы.

Отношения между системой и нормой в описанном выше смысле можно проиллюстрировать следующими примерами. Фонема /e/ в слове [ʲetət] *этот* реализуется сравнительно открытым гласным [e̞], а в слове [dʲi̥etə] *дело* — несколько более закрытым [i̥e] с i-образным призвук в начале звучания. Таковы реализации фонемы /e/ в аллофонной подсистеме, принятые носителями современного русского литературного языка в качестве обычных, нормальных. Сами же различия между реализациями одной фонемы носителями языка без специальной тренировки обычно не замечаются, не осознаются, но только до тех пор, пока отклонения от нормы не слишком значительны. Поскольку в фонологической *системе* русского языка отсутствует противопоставление фонем /e/ и /e̞/, произношение [ʲi̥etət] вместо [ʲetət] не нарушает *системы*, но будет противоречить *норме*, а многие носители русского языка воспримут такую реализацию фонемы /e/ как не совсем обычную, возможно, как акцент. В середине XX в. в русском литературном произношении, видимо, еще сосуществовали варианты нормы [i̥e] и [e̞] в позиции начала слова, причём произношение [i̥e] (ср. [i̥etə] *эта*, [i̥etnə] *Этна*) оценивалось как «все более устаревающее, но все же встречающееся у пожилых людей»¹. Аффрикаты глухая [çʲ]

¹ Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. С. 71.

и звонкая [dʒ'], находящиеся в дополнительной дистрибуции и регулярно чередующиеся в морфеме (ср. [doč'] *дочь*, ['doč'kə] *дочка*, но ['dodž' bl'ɪ'na] *дочь больна*), с точки зрения системы являются в русском языке аллофонами одной фонемы /č'/ . Звуки [č'] и [dʒ'], не будучи функционально противопоставленными друг другу, тем не менее, принадлежат звуковой системе русского языка, отражая *норму* реализации фонемы /č'/ . К норме относится и реализация фонемы /č'/ как палатализованного согласного, хотя для данной фонемы как элемента системы в ее узком (структуралистском) смысле признак палатализованности не является дифференциальным, т. е. функционально нагруженным, т. к. в системе отсутствует фонема /č/, которая была бы противопоставлена /č'/ только признаком непалатализованности/палатализованности. Произнесение твердой аффрикаты [č] вместо мягкой [č'], например [doč] *дочь*, ['dočkə] *дочка* не приводит к двусмысленности, т. к. не затрагивает системы, но легко замечается носителями русского языка и воспринимается ими как нарушение нормы, скорее всего, как отражение диалектного или белорусского произношения. Таким образом, в целом норма сужает, ограничивает возможности, предоставляемые системой. Вместе с тем, если взять конкретную фонему и ее реализации, то норма оказывается шире системы, поскольку в плане нормы фонема характеризуется бóльшим числом признаков, чем в плане системы. В норме фонема /č'/ обязательно реализуется как палатализованная аффриката¹, тогда как в системе, т. е. с функциональной точки зрения, признак непалатализованности/палатализованности для фонемы /č'/ не является релевантным.

Понятие нормы не ограничивается только лишь аллофонным варьированием, но затрагивает и другие аспекты фонологической системы. Вопросы, связанные с нормой, всегда выходят на передний план в тех случаях, когда имеет место варьирование в звуковых оболочках словоформ, а варьирование, т. е. возможность сказать одно и то же по-разному, внутренне присуще языковой системе в широком смысле, а значит и норме. Так, «одна и та же» словоформа или фраза носителями русского литературного языка может быть произнесена по-разному в зависимости от возраста и социального положения говорящего, от ситуации общения, темы разговора, стиля и темпа речи, степени слухового контроля над своей речью и т. д. Говорящий по-русски при приветствии может выбрать разные фразы: *Здравствуйте!*, *Здравствуй!*, *Здорово!*, *Привет!* и т. п. Выбор фразы осуществляется в зависимости от ситуации и условий общения, но, даже используя

¹ Некоторые фонетисты (Р. И. Аванесов и др.) полагают, что звуковые оболочки словоформ типа *лучше*, *приведший* могут произноситься с твердой аффрикатой в позиции перед /š/, т. е. *лу[čš]e*, *приве[čš]уй*, *но[č-š]убой*. С позиций ЩФШ, видимо, такие формы и фонетически, и фонологически целесообразно трактовать /lutši/ = ['lutši] *лучше* и т. п. Конечная /č'/ в позиции перед начальной /š/ следующего слова не подвергается отвердению: ср. [l'ec' 'šir'ɪ] *лечь шире*, [p'lač' šu'ta] *плачь шута* и т. п. (ср. [vo'tšut] *вот шут*).

одну из приведенных выше словоформ, например *Здравствуйте!*, говорящий реализует ее звуковую оболочку по-разному, с разным составом фонем: ср. ['zdrastvujt'i] (= /zdrastvujt'i/) ~ ['zdra'st'i] (= /zdras't'i/) ~ ['dra'st'i] (= /dras't'i/) ~ ['zdra'st'] (= /zdras't'/) ~ ['dras'] (= /dras'/) и даже ['drəs'] ~ [dɾs']. Фонетическая транскрипция ['drəs'] и [dɾs'] носит весьма условный характер в связи с тем, что это неполный тип произнесения (о разграничении полного и неполного типов произнесения см. Гл. 1, § 6), их фонемный состав практически невозможно установить по акустическим характеристикам, а сами эти словоформы узнаются в основном благодаря общему контексту фразы и ситуации. Говорящие далеко не всегда замечают и осознают различия между существующими произносительными вариантами одних и тех же словоформ, даже когда они различаются составом фонем, однако некоторые из вариантов попадают в светлое поле сознания носителей языка и становятся объектом описания специалистов по культуре речи: /dv'er'/ и /d'v'er'/ *дверь*, /d'efk'i/ и /d'ef'k'i/ *девки*, /ba'jus'/ и /ba'jus/ *боюсь*, /pa'et/ и /po'et/ *поэт*, /'skušna/ и /'skuč'na/ *скучно*, /t'ix'ij/ и /t'ixaj/ *тихий* и т. п. Оба варианта звуковой оболочки каждой приведенной формы допускаются фонологической системой, но с точки зрения нормы говорящими они оцениваются по-разному: один как более, другой — как менее предпочтительный, причем некоторые носители языка могут употреблять оба варианта.

Таким образом, произносительная норма соотносится с различными планами фонетической системы (парадигматическим, синтагматическим, аллофонным и морфонологическим) и соответственно учитывает разноплановые фонетические явления. Например, одни носители современного русского литературного языка ориентируются на систему, включающую фонему /ž':/ (они говорят /drož':i/ → ['drož':i] *дрожжи*, /jež':u/ → ['j'ež':u] *езжу* и т. п.), другие — на систему, в которой эта фонема отсутствует, а в соответствующих словах на ее месте находится сочетание фонем /ž/ + /ž/ (они говорят /drožži/ → ['drož:i] *дрожжи*, /ježžu/ → ['j'ež:u] *езжу* и т. п.). Это вариантность, отражающая парадигматический план системы. Но она, конечно, имеет отношение к норме, особенно если учесть тот факт, что в зависимости от разных факторов многие носители языка могут употреблять в своей речи оба ряда форм ([j'ež':u] и [j'ež:u] *езжу*, ['drož':i] и ['drož:i] *дрожжи* и т. п.), отражая промежуточный этап изменения системы фонем.

Другой тип вариантности связан с реализациями фонем в речевом потоке. Каждая фонема в определенной фонетической позиции — в зависимости от соседних фонем или от позиции в слове и по отношению к ударению — реализуется более или менее единообразно в соответствии с правилами аллофонного варьирования. «Более или менее», т. е. в определенных пределах, налагаемых нормой. В рамках аллофонной системы возможна вариантность. Так, в русском литературном произношении /a/ в первом предударном слоге обычно реализуется гласным типа [a], а во втором предударном и заударном — гласным типа [ə]:

[vɫ'da] *водá*, [vədɫ'pat] *водопáд*, [ˈrɐvədək] *нáводок* и т. п. Иногда в речи носителей русского языка встречается реализация первого предударного /a/ как [ə]: ср. [vəda] *водá*, [vədə'pat] *водопáд* и т. п. Такое произношение, если оно замечается, может осуждаться многими носителями русского литературного языка как «неправильное». Такая вариантность не затрагивает системы противопоставлений, т. к. [ɫ] и [ə] являются аллофонами одной фонемы и не противопоставлены парадигматически, но, затрагивая аллофонную подсистему, представляет собой проблему с точки зрения нормы реализации фонемы /a/ в первом предударном слоге. Произношение типа [vɫ'da] *водá* бывает свойственным говорящим, которые переходят от диалектной системы с оканьем к литературному акающему произношению, но еще не вполне овладели правилами аллофонного варьирования. А в каких-то случаях такое произношение может быть результатом влияния системы с так называемым *диссимилятивным аканьем*, когда фонема /a/ в первом предударном слоге перед ударным /a/ реализуется аллофоном [ə] (ср. [vɫ'da] = /vada/ *вода*), в перед всеми другими ударными — аллофоном [ɫ] (ср. [vɫ'di] = /vadi/ *воды́*, [vɫ'doj] = /vadoj/ *водóй* и т. п.). Конечно, теоретически такое произношение может возникнуть и в результате внутренних процессов, происходящих в фонетической системе. Правила аллофонного варьирования подвержены влиянию стилистического фактора. При этом, говоря о правилах аллофонного варьирования и о принятой в данном языковом коллективе норме реализации аллофонов, чаще всего имеют в виду *полный тип произнесения* и *нейтральный стиль произношения* (см. ниже), особенно когда речь идет о литературном языке.

Еще один тип явлений связан с вариантностью в фонемном составе конкретных словоформ. К этому типу прежде всего относятся приведенные выше примеры типа /dv'er'/ и /d'v'er'/ *дверь*, /ba'jus'/, /ba'jus/ и /ba'jus'a/ *боюсь*, /'skušna/ и /'skuč'na/ *скучно*, /'strog'ij/ и /'strogaj/ *строгий*, /pa'et/ и /po'et/ *поэт*, /'temp/ и /t'emp/ *темн* и т. п., отражающие конкуренцию «нового» и «старого» вариантов произношения. Это, как правило, отголоски когда-то произошедших или еще не завершившихся фонетических изменений. В некоторых случаях не всегда легко разобраться, какой из вариантов является архаизмом, а какой — инновацией. Так, например, в словах типа *скучно*, *молочный*, *горничная* в общем виде более старым («этимологическим») следует признать произносительный вариант, соответствующий современной орфографии, т. е. вариант с /č'/. Затем в говорах, легших в основу русского литературного языка, прежде всего в московском, после того, как между /č'/ и /n/ произошло изменение /č'n/ > /šn/ (по говорам с конца XIV в.). Однако позднее в результате действия разных факторов — морфонологических, стилистических (влияние книжного произношения), орфографических — /č'n/ постепенно стало вытеснять /šn/ и к концу XX в. практически его вытеснило (ср. др.-рус. *молочьнии* > *молоч/č'n/нии* > ст.-моск. *молоч/šn/ый* > совр. *моло/č'n/ый*). Получается, что как архаизм и инновация на протяжении истории конкурирующие

варианты /č'n/ и /šn/ менялись местами. Похожая ситуация имела место и в случае с вариантами типа /ba'jus'/ и /ba'jus/ *боюсь*. Возвратный постфикс восходит к др.-рус. возвратному местоимению *са*, в котором палатализованное /s'/ появлялось фонетически закономерно: псл. *-sę > др.-рус. *-sā > *-s'ā > -s'a > -s'a||-s'. Затем московский говор пережил отвердение согласного в постфиксе /s'(a)/ > /s(a)/, что стало характерным для литературного произношения, развивавшегося на основе московского просторечия. Позднее на протяжении XIX—XX вв. мягкий согласный вернул свои права в возвратном постфиксе. В настоящее время формы типа /'mojus/ *моюсь* и /'mʲsa/ *мылся* полностью вытеснены на периферию литературного произношения. Что касается наиболее архаичного варианта типа /ba'jus'a/, то он находится за пределами нормы литературного языка. Если обратиться к произношению заимствованных слов, то исходным придется признать варианты, в большей степени соответствующие произношению языка-донора: ср. /po'et/ *поэт* из франц. *poète* или нем. *Poet*, /'temp/ *темп* из нем. *Tempo* или из итал. *tempo*. И безударное /o/, и непалатализованное /t/ перед /e/ были допустимы в русском языке (ср. /no'etat/ *но этот*, /a'tetava/ *от этого*, /vo'tetat/ *вот этот*), в противном случае заимствованные формы вообще не смогли бы преодолеть фонологическое сито русского языка. Но постепенно они подчинились более общим и продуктивным моделям сочетаний фонем в русских словах, для которых внутри словоформы безударное /o/ и парные непалатализованные согласные не характерны.

Итак, *система* (в узком — структуралистском — смысле) и *норма* — это как бы два аспекта языковой *системы* (в широком смысле). Как и понятие системы (см. выше), понятие нормы в лингвистике неоднозначно. Норма в том смысле, в каком она была определена выше, т. е. как принятая в данном языковом коллективе и в данной культуре «система обязательных реализаций»¹, т. е. все-таки «система», свойственна любому живому языку или диалекту. «Обязательность» нормы не навязана каким-либо законом сверху, а в некотором смысле «добровольно» принята на себя носителями языка и отражает их внутреннее устремление, направленное на поддержание и облегчение взаимопонимания внутри данного языкового коллектива или его части. В сущности норма определяется узусом. Некоторые лингвисты *норму* в таком понимании (*норма*₁) и называют *узусом* (от лат. *usus* 'употребление, обычай, привычка'). Иногда *норму* понимают в более узком смысле — как норму литературного языка, т. е. как кодифицированную норму (*норма*₂), противопоставленную узусу некодифицированных форм речевого общения, прежде всего узусу так называемого *просторечия*. Носители языка социально неоднородны, они образуют различные группы — речевые общности, для каждой из них харак-

¹ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 175.

терна своя система ценностей по отношению к языку. Собственно, такие речевые общности, которым свойственны одинаковые социальные установки относительно языка, и могут рассматриваться как однородные языковые (речевые) коллективы. Социолингвистические исследования показывают, что лучше всего наличие таких социальных групп, объединяемых общим речевым поведением, проявляется в процессе языковых изменений. Особенно поразительно то, что речевое поведение говорящего коррелирует с его социальным статусом в фонетических изменениях, ход которых на аллофонном уровне носитель языка в принципе не может контролировать¹.

В связи с разграничением двух типов нормы — *нормы*₁ и *нормы*₂ — следует иметь в виду, что есть некоторые явно выраженные представления носителей языка (и лингвистов, которые одновременно являются и носителями языка) о том, как нужно говорить, однако эти представления часто не совпадают с тем, как носители языка на самом деле говорят. При этом говорящие в принципе считают, что они на своем языке говорят «правильно», т. е. говорят в соответствии с некоторыми общественно признаваемыми нормами правильности речи. Однако подлинные речевые установки носителей языка, т. е. то, на какие образцы произношения они в своей речевой практике ориентируются, не совпадают с тем, что они декларируют. Люди говорят не совсем так, а иногда и совсем не так, как считают правильным. Это относится не только к наивным носителям языка, но и к лингвистам. Известно, например, что один из крупнейший отечественных специалистов по русскому литературному произношению Д. Н. Ушаков в лекции о московском произношении, прочитанной в 1941 г.², категорически отвергал произношение постфикса *-ся/-сь* с непалатализованным согласным, т. е. *мыл/s'a/*, *мою/s'/* и т. п. как ненормативное, однако «твердое» произношение возвратных глаголов представлено у него только в приводимых примерах и в чтении рассказа А. П. Чехова «Дачники» (*прогуливала/s/*, *поженивших/sa/*). В самом же тексте лекции возвратные глаголы произносятся с */s'a/* и */s'/* (*обращаю/s'/ к ним, приближающий/s'a/* и т. п.)³.

Итак, лингвист, изучающий речь входящего в ту или иную социальную группу наивного носителя языка, должен учитывать, что настоящие речевые установки носителя языка проявляются в том, как он говорит, а не в том, как он думает, что говорит, т. е. не в его представлениях о собственной речи.

¹ См. работы «Исследование языка в его социальном контексте», «О механизме языковых изменений» и «Отражение языковых процессов в языковых структурах» выдающегося американского лингвиста Уильяма Лабова, опубликованные, например, в сб.: Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975.

² Ее запись хранится в фонотеке Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

³ Антонова А. В. Рефлексы старомосковского произношения в современной звучащей речи // Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. М., 2013. С. 214–216.

§ 2. Понятие «современный русский литературный язык»

Любой живой язык существует во времени и пространстве, а многие из языков обслуживают общества с довольно сложной социальной структурой. Кроме того, родственные и неродственные языки, особенно соседние, контактируют друг с другом. Русский язык является одним из таких живых, функционирующих на обширных пространствах языков, который делится на территориальные диалекты и обслуживает различные социальные и возрастные группы говорящих по-русски, а также имеет наддиалектную — литературную — форму, используемую в разных ситуациях общения на всей территории распространения русского языка образованными носителями русского языка. Различные формы национального языка могут обладать своими собственными системами и нормами, в частности фонологическими системами и связанными с ними произносительными нормами. Нас интересует главным образом фонетическая система и произносительная норма современного русского литературного языка, которая выступает в качестве социально наиболее важной, престижной формы национального русского языка.

Что такое *современный русский литературный язык*? Для ответа на этот вопрос необходимо прояснить все определения слова *язык* в этом термине, т. е. выявить, что такое *русский язык*, что такое *русский литературный язык* и с какого времени русский литературный язык следует считать *современным*.

Начнем с базового и наиболее сложного понятия *язык*. Сущность языка выявляется через его функции и особенности внутреннего устройства. Во-первых, язык — это форма существования мысли, т. е. язык — это, прежде всего, значение, смысл, но он является не только средством выражения, но и средством совершенствования мысли. Эту языковую функцию можно назвать *функцией обобщения и отражения действительности*. Во-вторых, язык является важнейшим средством человеческого общения. Эту функцию языка обычно называют *коммуникативной*. Обе эти функции языка находятся в неразрывном единстве, а другие функции (эмотивная, эстетическая, фатическая и др.), в конечном счете, являются производными от них. В-третьих, с точки зрения своей внутренней организации, язык представляет собой *систему знаков*. Таким образом, язык в самом общем виде можно определить как систему знаков, которая служит в качестве важнейшего средства человеческого общения и выражения мысли.

Язык, определенный таким образом, это язык, «на котором можно говорить», т. е. *функциональный язык*. По Э. Косериу¹, функциональный язык — это, прежде всего «система функциональных противопоставлений», но фактически это *система* и *норма*₁ (см. выше). Полезно различать понятия *функциональный язык* (т. е. языковая система, ре-

¹ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 175—176.

ализуемая носителями языка в текстах) и *исторический язык* (например, *русский язык* как язык русского этноса), который существует во времени, пространстве и в определенном социуме. Русский язык как исторический язык («национальный» язык) может включать в себя несколько функциональных систем (языков = диалектов), например, *диалектных*, каждая из которых в равной мере считается *русской*. Так, например, и звуковые оболочки [no'ga] (= /noga/), [nɫ'ɣa] (= /naɣa/) и [nɫ'ga] (= /naga/) словоформы *нога* являются в одинаковой степени *русскими*, но соответствуют трем разным системам: первая является реализацией системы окающего севернорусского говора, вторая — акающего южнорусского, третья — акающего русского литературного языка. В одной системе — севернорусской — словоформы /nagoj/ *нагой* и /nogoj/ *ногой* различаются, в других — южнорусской и литературной — различие между /naɣoj/ *нагой* и /paɣoj/ *ногой* или /nagoj/ *нагой* и /nagoj/ *ногой* отсутствует.

Теперь попробуем определить понятие *русский язык*. Как мы только что установили, язык — это средство общения людей. Соответственно конкретный язык является средством общения определенных исторически сложившихся общностей людей — этносов (наций, народностей, племен). С этой точки зрения русский язык — это прежде всего средство общения русской нации (русского народа). Поскольку язык является важнейшей характеристикой этноса, то можно сказать, что русский язык — это язык всех людей, осознающих свою принадлежность к русскому этносу, считающих себя русскими. Разумеется, у русского языка как исторического есть и вторичная функция — языка межнационального общения в России и на так называемом постсоветском пространстве, поэтому им пользуются и люди, не считающие себя русскими.

Этнос и язык — явления исторические: они возникают, развиваются и изменяются, исчезают. Когда же возник русский язык и народ, который на нем говорит? Отвечая на этот вопрос, нам придется определить место русского языка среди родственных языков, в первую очередь, славянских: русский язык относится к восточнославянской группе славянской ветви индоевропейской семьи языков.

Все современные славянские языки развились из *праславянского* языка, который предположительно существовал как более или менее единая языковая общность до VI—VII вв. н. э. На этом языке, в свою очередь возникшем на базе диалектов *праиндоевропейского* языка, говорило племя (или союз племен), которое было предком современных славянских народов. Приблизительно в VII в. из праславянского начинает выделяться, сначала как диалект праславянского, а затем как самостоятельное языковое единство, общевосточнославянский язык — предок современных восточнославянских языков: *русского, украинского и белорусского*. В отечественной традиции этот язык обычно называют *древнерусским*. Предполагается, что на нем говорил народ («древнерусская народность»), который возник в результате

консолидации восточнославянских племен. На территории расселения восточнославянских племен появилось государственное объединение *Русь*, *Русская земля* (Киевская Русь, или Древняя Русь; от последнего названия и образован термин *древнерусский*). Древнерусская летопись («Повесть временных лет») начинает хронологию Руси с середины IX в. В XV—XVI вв. древнерусское единство окончательно распадается и формируются три отдельных восточнославянских этноса: русский (великорусский), украинский (малорусский) и белорусский, и, соответственно, три языка. Таким образом, история русского языка как отличного от украинского и белорусского языков начинается приблизительно в XV—XVI вв. (хотя существует значительный разброс мнений ученых по этому вопросу). Существовавший до XV в. древнерусский язык — общий предок русского, украинского и белорусского — в этническом отношении был, строго говоря, другим языком.

Перейдем к понятию *современный русский язык*. Ясно, что современный русский язык — это язык, которым пользуются в настоящее время. Но период какой протяженности включает в себя «настоящее время»? Один год? Десятилетие? Столетие? Видимо, все сойдутся в том, что современный русский язык — это язык целой эпохи. Но каковы ее хронологические рамки?

«Современность» можно понимать по-разному, в зависимости от избранных критериев. В этническом отношении русский язык начиная с XV в. — это один и тот же язык, но вряд ли кто-либо из лингвистов и носителей языка согласится с тем, что русский язык XVI—XVII вв., например, язык писем Ивана Грозного (сер. XVI в.) или Жития протопопа Аввакума (2-я половина XVII в.), — это современный русский язык.

В историко-культурном плане важной хронологической вехой является граница между эпохами Средневековья и Нового времени, т. е. конец XVII — начало XVIII в. Переход от культуры Средневековья к культуре Нового времени в русской истории совпадает с петровскими реформами. Соответственно современный русский язык можно начинать с петровских реформ, т. е. с конца XVII в. (историки русской литературы считают XVII в. последним веком древнерусской литературы). К этому времени уже в общих чертах сложились современные фонетическая и грамматическая системы столичного московского говора, который превратился в *койне*¹, стал выступать в качестве престижной формы русского языка и позднее лег в основу современного литературного языка. В фонетическом отношении московское койне характеризовалось в области вокализма последовательным отражением

¹ Этим термином (от греч. κοινή 'общий') обозначают общий для населения какой-либо территории язык/диалект, возникший на базе одного говора или в результате смешения нескольких говоров. Городское койне, которое начинает рассматриваться населением данной территории как лишенное диалектных черт, часто становится основой литературного языка.

перехода /e/ в /o/ перед твердыми согласными, аканьем и еканьем (но не яканьем!), в области консонантизма — наличием губно-зубных фонем /v, v'/ и /f, f'/, долгих мягких шипящих /š':/ и /ž':/, а также смычными /g/ и /g'/.

Позднейшие изменения касались уже частных, а некоторые не завершились и до сих пор (например, замена еканья иканьем). Тем не менее, язык петровских «Ведомостей» и язык произведений русских писателей XVIII в. — А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова — в настоящее время интуитивно не воспринимается носителями языка как современный: в целом он понимается с трудом (особенно в некоторых жанрах), хотя обычно в переводе и не нуждается. Русский язык XVIII в. — это язык переходного периода.

Большинство исследователей русского языка считает (и это не противоречит ожиданиям носителей языка), что хронологически современный русский язык охватывает период «от Пушкина до наших дней», т. е. начинается с 1-й трети XIX в. Таким образом, начало современного русского языка связывается с творчеством Пушкина. Почему? Видимо, потому, что именно в это время, с точки зрения говорящих и читающих по-русски (как живших в пушкинскую эпоху, так и их потомков), решительно преодолевается резкое различие между письменным и разговорным языком. Однако с пушкинских времен русский язык довольно сильно изменился, поэтому лингвисты пытаются найти более адекватную хронологическую границу, с которой можно начать отсчет современного русского языка. Так, В. В. Виноградов (1895—1969) такой границей считал конец XIX — начало XX в., а М. В. Панов (1920—2001) — 2-ю четверть XX в. Характерно, что оба ученых, несмотря на разные аргументы, приводят в пользу своей точки зрения, относили начало современного русского языка ко времени формирования их собственной языковой компетенции. В целом тенденция ясна: нижняя граница современного русского языка постепенно сдвигается по мере изменения языка. При этом необходимо сделать важное уточнение: когда мы говорим о современном русском языке как о языке XIX—XX вв., что имеет под собой серьезные основания, речь идет, прежде всего, о русском *литературном* языке.

Хотя литературный язык во многом справедливо рассматривают как высшую форму русского языка, это далеко не весь язык, а только его часть. Так что же такое *русский литературный язык*? Литературный язык, имеющий как письменную, так и разговорную разновидности, противопоставлен нелитературным формам национального языка, которые имеют только разговорную разновидность. К ним относятся территориальные *диалекты* (народные говоры), городское *просторечие*, социальные и профессиональные *жаргоны* (*арго*). Эти формы русского языка можно охарактеризовать как *некодифицированные формы речевого общения*. Важнейшим отличием современного литературного языка от некодифицированных форм речевого общения является наличие у него *кодифицированной нормы*.

Необходимость кодификации нормы литературного языка связана с его особым предназначением, т. к. литературный язык (в отличие от говоров) является орудием духовной культуры *par excellence* и предназначен для формирования и развития литературной, научной, философской, религиозной и политической мысли. Поэтому первостепенное значение для литературного языка имеет создание специфического словаря и синтаксиса, отличие от говора, на основе которого он возникает. Литературный язык в момент своего возникновения обычно ориентируется на какой-либо говор или городское койне и в процессе своего становления преобразует этот говор, сильно деформируя его лексическую и синтаксическую системы. В каком-то смысле происходит насилие над говором, его «порча», «коверканье». Интересно, что наивные носители литературного языка, наоборот, воспринимают диалектную речь, народный говор как испорченный литературный язык. Вообще людям, прежде всего неискушенным в лингвистике¹, свойственно рассматривать всякие изменения в литературном языке, которые они сами же и осуществляют, как его порчу. В отношении же устройства фонетической системы литературный язык и говор (или койне), на основе которого литературный язык возникает, по сути не отличаются друг от друга, хотя со временем более или менее существенные различия могут накапливаться в связи с тем, что в силу своего особого социального статуса литературный язык, в отличие от диалекта, во-первых, более консервативен (распространение фонетических изменений происходит медленнее), во-вторых, ориентирован на письменную форму, в-третьих, в большей степени подвержен иноязычным влияниям. В процессе своего становления и развития современный литературный язык стремится, с одной стороны, держать дистанцию по отношению к диалектам, т. е. сохранять наддиалектный статус, но с другой — не должен слишком удаляться от своей народно-разговорной основы, прежде всего от городского просторечия и говоров.

Перечислим главные признаки современного русского литературного языка, отличающие его от некодифицированных форм речевого общения:

- 1) **закрепленность на письме**, наличие письменности и сформировавшейся письменной традиции; с этим связана такая особенность литературного языка, как консерватизм, относительная стабильность норм;
- 2) **наддиалектность**, общенациональный характер, отсутствие региональных и социальных ограничений;
- 3) **полифункциональность**, т. е. наличие развитой стилистической дифференциации, в принципе позволяющей пользоваться литературным языком во всех сферах речевого общения (в государственном управлении и законодательстве, науке и образовании, художественной литературе и прессе); при русском литературном языке и на

¹ Но иногда даже и лингвистам пуристического склада.

его основе возникла и развивается особая форма разговорной речи, которой носители литературного языка пользуются в бытовом повседневном общении;

- 4) **кодифицированная нормативность**, наличие имплицитных и эксплицитных стилистически дифференцированных общеобязательных норм словоупотребления, использования грамматических форм и синтаксических конструкций, произношения и правописания; эти кодифицированные нормы (*норма*₂) описываются и фиксируются в специальной лингвистической и учебной литературе.

Широко распространенный в отечественной лингвистике термин *литературный язык* (ср. англ. *standard language* ‘стандартный язык’, хотя термин *literary language* тоже используется, в частности в англоязычной русистике) по своей внутренней форме оказывается связанным с понятием *литература*, а этимологически — с лат. *littera* ‘буква’. Таким образом, в своей основе литературный язык — это язык прежде всего письменный, «основанный на букве». Разумеется, при письменной форме литературного языка существует и его устная форма, которая, как и письменная, подвержена стилистической дифференциации. Устная форма литературного языка в некоторой своей части может считаться кодифицированной. Однако носители языка, владеющие литературным языком, в повседневном, бытовом общении, как правило, пользуются особой разновидностью *кодифицированного литературного языка* (КЛЯ), особым его регистром — так называемой *разговорной речью* (РР). Разговорная речь носителей русского литературного языка не кодифицирована, а отклонения РР от КЛЯ не регламентированы, однако существуют имплицитные нормы РР, характерной для носителей КЛЯ. По характеру отклонений можно понять, выходят они за пределы нормы, допустимые для носителей КЛЯ, или нет. Таким образом, устная речь носителей литературного языка является наддиалектной, полифункциональной (для нее, как и для письменной речи, характерно стилистическое расслоение) и нормированной, т. е. в целом соответствует признакам литературного языка. Однако в некоторой своей части, прежде всего той, которая охватывает сферу повседневного бытового общения и иногда обозначается условным термином РР, она фактически является некодифицированной. Имплицитные нормы, свойственные РР, невозможно кодифицировать, т. к. они практически не поддаются сознательному контролю носителями языка. Это справедливо по отношению ко всем уровням языковой системы, но по отношению к произносительной норме справедливо вдвойне. Исторически РР развивалась при письменной форме литературного языка и на ее основе, хотя и под влиянием московского и петербургского просторечия, поэтому русскую РР целесообразно рассматривать как некодифицированную форму общения, противопоставленную КЛЯ.

Особое место в системе литературного языка занимает язык художественной литературы. Понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы» не следует смешивать. По мысли В. В. Вино-

градова, язык художественной литературы является «концентрированным выражением литературного языка», т. к. в нем актуализируется творческий потенциал национального языка. С одной стороны, язык художественной литературы представляет собой составную часть литературного языка, а с другой — использует языковые средства нехудожественных функциональных стилей литературного языка (официально-делового, научного и т. п.) и некодифицированных форм речевого общения (просторечия, говоры, жаргонов), однако в художественных текстах эти средства выполняют не свои, а не свойственные им в рамках своего стиля художественные функции (см. рис. 7; стрелками отмечено воздействие кодифицированных и некодифицированных форм речи на язык художественной литературы). Язык художественной литературы играет, таким образом, важнейшую роль в развитии литературного языка, т. к. именно в текстах художественной литературы преодолевается автоматизм старой нормы, а под пером писателей осуществляется отбор языковых средств и формируется будущая норма литературного языка.

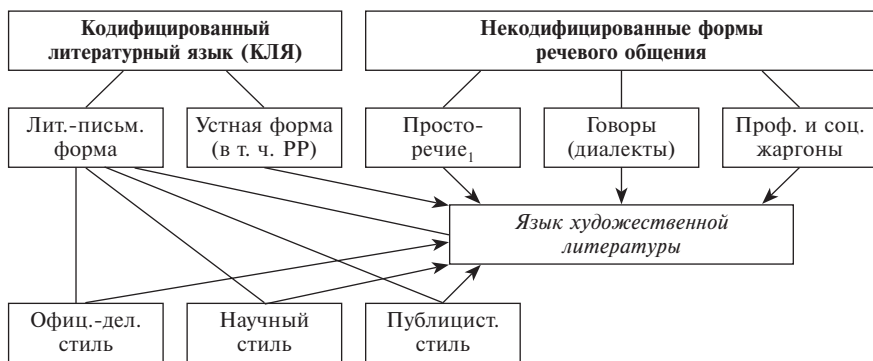

Рис. 7. Разновидности современного русского языка

Термин *диалект* может пониматься двояко. С одной стороны, диалекты — это территориальные разновидности языка, противопоставленные литературной (наддиалектной) его разновидности (в этом смысле «литературный язык» — это своего рода «наддиалектный диалект»). С другой стороны, территориальный диалект — это местная речь, которая характеризуется некоторыми языковыми особенностями, отличающими ее от других территориальных диалектов, но не противопоставленная литературному языку, поскольку последний еще не сформировался. Для современного состояния русского языка актуально первое понимание диалекта, а для периода, предшествующего появлению литературного языка, — второе.

В русистике широкое распространение получил термин «диалектный язык», обозначающий совокупность всех диалектов русского

языка и противопоставленный литературному языку. Однако следует учитывать, что так называемый *диалектный язык* не является реально функционирующей языковой системой (= функциональным языком), а представляет собой конструкт, созданный лингвистами для удобства описания русских диалектов. Функциональными языками, т. е. идиомами, на которых говорят, являются отдельные диалекты (говоры), причем каждый из них обладает собственной языковой системой.

Литературный язык также противопоставлен социальным и профессиональным *жаргонам*. *Жаргоном* называют узко специальную разновидность речи, которая характерна для некоторой социальной ограниченной группы носителей языка, объединенных профессией и какой-либо деятельностью: ср. жаргоны компьютерщиков, медиков, «челноков», спортсменов, солдатский и т. п. Обычно особо выделяют воровской, или уголовный, жаргон (другие названия — «феня», «блатная музыка»), а также молодежный (школьный, студенческий, солдатский и т. п.). Последний часто называют *сленгом*. Иногда делают различие между *жаргоном* и *арго*: для жаргона главной характерной чертой считается выражение принадлежности к определенной группе, а для арг — маскировка содержания речи, т. е. арг — это тайный, условный язык, который должен быть непонятен для непосвященных¹. Как правило, обе функции сосуществуют. Если говор представляет собой самостоятельную языковую систему на всех уровнях, то жаргон отличается от наддиалектного литературного языка или от диалекта (если жаргоном пользуется носитель диалекта) лишь некоторыми частными, прежде всего лексическими, особенностями.

Особого комментария требует понятие «просторечие», поскольку оно может не только противопоставляться понятию «литературный язык», но и включаться в него. Соответственно и термин *просторечие* в современной русистике используется по-разному. В одних работах просторечие (*просторечие*₁) понимается «как речь людей, не вполне овладевших литературным языком» (Л. В. Щерба). Соответственно к просторечным относятся языковые явления, которые находятся за пределами литературного языка, т. е. не соответствуют *норме*₂, например такие формы, как *колидёр, транва́й, инженерá, звóнит, торта́/*

¹ В России XIX в. насчитывалось несколько десятков арг (беспризорников, портных, овчинников и т. п.). Наиболее известен условный офенский язык, т. е. язык *офеней*, бродячих торговцев (коробейников), который существовал в Московской Руси, видимо, с XVI в. Первоначально это был секретный язык, использовавшийся как средство защиты от разбойников. В лингвистическом отношении он представлял собой соединение русской диалектной фонетики и грамматики со специфической лексикой, которая состояла частично из зашифрованных русских слов (ср. *болтать* > *ботать*, *золото* > *кулото*, *сестра* > *кустра*, *сам* > *мас*, *товар* > *швар*), частично из заимствований (ср. греч. *κρέας* ‘мясо’ > *кresco*, польск. *trawić* ‘переваривать (пищу)’ > *травить* ‘обедать’), и которая пополнялась из разных, не связанных друг с другом диалектов. Некоторые современные жаргонные слова, видимо, восходят к офенскому языку, например, *клевый, манатки* и др.

торты́, местóв, ложить, краси́вше/красивее, едь/эхай, текёт, ёйный, с Ростова, он женифши и т. п. вместо нормативных *коридор, трамвай, инженеры, звонит, торты, мест, класть, красивее, (по)езжай, течёт, её, у сестре, он женился* и т. п. Такой подход представлен в схеме: просторечие находится за пределами литературного языка, противопоставлено ему. В отличие от диалекта просторечие не является особой языковой системой, но представляет собой, с одной стороны, набор отклонений (по отдельным параметрам) от системы литературного языка в сторону диалектной речи (ср. *был у сестре, он женифши, приехал с Ростова, обратно мне наврал* и т. п. вместо *был у сестры, он женился, приехал из Ростова, опять/снова мне наврал* и т. п.), а с другой — реализацию возможностей системы литературного языка, не допускаемых его нормой: ср. *текёт, пекёт, звонит, включит* и т. п. в отличие от литературных *течёт, печёт, звонит, включит* и т. п. Чередование /k/||/k'/ (*неку || пекёшь, пекёт...*) возникает по аналогии с продуктивной моделью чередования непалатализованных и палатализованных согласных (/s/||/s'/, /d/||/d'/, /r/||/r'/ и т. п.) в тех же морфологических позициях: *несу||несёт, веду||ведёт, беру||берёт* и т. п. Сходными причинами объясняется и перенос ударения с окончания на основу в глаголах 2-го спряжения на *-ить*. Он отражает морфонологический переход этих глаголов в подвижную акцентную парадигму типа *хожу́ — ходи́шь — ходи́т...* (ср. *звон-ю́ — звон-и́шь — звон-и́т...* > *звон-ю́ — звон-ишь — звон-ит...* по модели глагола *ходить*, который истинно входил в подвижный тип).

Другие ученые называют просторечием одну из разновидностей литературного языка, своего рода стиль литературного языка, прежде всего в рамках его устно-разговорной формы (*просторечие*₂). Языковые явления и формы, присущие *просторечию*₂, выступают на фоне других стилей литературно-письменной формы литературного языка — официально-делового, научного, публицистического. Понимаемое таким образом просторечие, входя в сложную систему литературного языка, представляет собой один из его сниженных стилей, характерный, прежде всего, для разговорной речи и необходимый для создания атмосферы непринужденного общения: ср. *осоловёт, лоботряс, забудыга, окочу́риться* 'умереть', *дубасить, облапошить, пожрать* 'поесть', *стрелять* (сигареты), *зашиваться* (о нехватке времени) и т. п. Это нормированная речь, т. е. своего рода «литературное просторечие». Граница между *просторечием*₁ и *просторечием*₂ подвижна. Так, формы *редакторá, бухгалтерá* признаются в настоящее время литературными (наряду с более старыми и тоже нормативными *реда́кторы, бухгалте́ры*), хотя и несколько сниженными в стилистическом отношении, а формы *шоферá, инженерá* находятся за пределами литературного языка (ср. нормативные *шофе́ры, инжене́ры*). Если когда-то (в XIX в.) кодифицированной была форма *профе́ссоры*, то в настоящее время она трактуется как устаревающая, а в качестве нейтральной в речи носителей литературного языка выступает форма *профессора́*. В литературном

языке различают *императивные* (строго обязательные, не допускающие вариантов внутри нормы) и *диспозитивные* («мягкие», допускающие вариантность) нормы.

§ 3. Произносительные особенности просторечия₁ и просторечия₂

Просторечие, независимо от его понимания, активно воздействует на нормы литературного языка. При этом современный литературный язык взаимодействует с диалектами в значительной степени через посредство городского просторечия, что особенно характерно для взаимодействия фонетических систем.

Что касается произношения, то *просторечие*₁ и *просторечие*₂ включают в себя явления разного характера и происхождения. Примером «внелитературного» *просторечия*₁ может служить такое произношение, как /inci'n'd'ent/ вм. /inci'd'ent/ *инцидент*, /kampram'i'n't'iravat'/ вм. /kampram'i't'iravat'/ *компрометировать* (носового /n/ перед неносовыми согласными /t/ и /d¹/), /kal'i'dor/ вм. /kar'i'dor/ *коридор*, /s'ikl'i'tar'/ вм. /s'ikr'i'tar'/ *секретарь* (межслоговая диссимилиация плавных), /tra'nvaj/ вм. /tra'mvaj/ *трамвай* (диссимилиация губно-губных согласных), /a'sval't/ вм. /a'sfal't/ *асфальт* (диссимилиация по глухости/звонкости?), /s'em/ вм. /s'em'/ *семь*, /l'u'bof/ вм. /l'u'bof'/ *любовь* (отверждение конечных мягких губных согласных), /na'ʒa/, /noh/ вм. /na'ga/, /nok/ *нога*, *ног* (звонкий щелевой /ʒ/, чередующийся по глухости/звонкости с /x/), /'mnoʒa da'mov/ вм. /mnoga damof/, /'drov nala'mal/ вм. /'drof nala'mal/ *дров наломал* (отсутствие оглушения /v/ на конце слов), /k' i'vanu v' inst'i'tut/ вм. /k i'vanu v inst'i'tut / *к Ивану*, /'druk' i 'vrak/ вм. /'druk i 'vrak/ *друг и враг* (смягчение твердых согласных, особенно часто заднеязычных, перед начальными /i/ вместо замены /i/ на /i/ после твердого согласного) и т. д. Приведенные примеры отражают различия в фонемном составе словоформы в *просторечии*₁ и литературном языке. Возможны и различия в реализациях фонем. Так, при просторечном иканье фонема /i/ в первом предупредительном слоге у некоторых носителей русского языка реализуется не гласным типа [i] ([ɨ]), по степени подъема промежуточным между [i] и [e], а гласным [i]: ср. [l'i'sa] вм. [l'i'sa] ([l'ɨ'sa]) *лиса*, *леса* и т. п. Это результат

¹ Вставка (эпентеза) носового обусловлена наличием в соседних слогах одного или даже нескольких носовых согласных. Иногда обращают внимание еще и на то, что вставка /n/ происходит после безударного, гласного. Несмотря на явно фонетический характер вставного /n/, можно отметить лексическую (вставка происходит в словах, которые воспринимаются как заимствованная, а в заимствованной лексике весьма частотны сочетания носовых согласных с гомоорганными чистыми: ср. *тенденция*, *константа*, *компьютер*, *компетенция* и др.) и морфонологическую (во всех случаях мы имеем дело с морфологически изолированной позицией, т. е. с *нечередующимся* контекстом) обусловленность данного изменения.

воздействия диалектного (южнорусского) иканья, по своей реализации не совпадающего с иканьем литературного языка. Для русского языка характерно произношение палатализованных переднеязычных фонем /tʰ/, /dʰ/ с легким щелевым элементом в последней фазе артикуляции, т. е. как [tʰ^s], [dʰ^z]. В некоторых говорах щелевой элемент значительно сильнее, а соответствующие звуки артикуляторно приближаются к аффрикатам [tsʰ], [dʒʰ] (так называемое *цеканье* и *дзеканье*). Под влиянием цеканящих и дзеканящих говоров такое произношение проникает и в городское просторечие. Большинство приведенных отклонений от принятого в литературном языке произношения, как тех, что касаются фонемного состава словоформы, так и тех, что затрагивают реализации фонем, связано с влиянием диалектов. Носитель русского языка, ориентирующийся на нормы литературного языка, стремится избегать особенностей *просторечия*₂, даже если они свойственны его речи в силу разных обстоятельств (это может быть влияние родного диалекта, социальное положение и т. п.). В процессе изживания (преодоления) просторечных особенностей произношения речь такого носителя языка может содержать как нормативные, так и ненормативные варианты. Иногда отдельные черты просторечного произношения сохраняются в речи людей, в целом владеющих нормами литературного языка. Так, выдающийся литературовед Ю. М. Лотман, судя по телевизионным записям его «Лекций о русской культуре», регулярно употреблял просторечные формы возвратного постфикса -ся с конечным гласным¹ (типа *хотелось*, *образовалась* и т. п. с /-sʰa/ вместо *хотелось*, *образовалась* и т. п. с нормативными вариантами /-sʰ/ или /-s/).

Произносительные особенности, характерные для «литературного» *просторечия*₂, имеют иную природу. Статус «литературного» просторечия может быть приписан произносительным вариантам, появляющимся в стилистически сниженной непринужденной, небрежной речи и выступающим на фоне произносительных вариантов, свойственных официальной, публичной речи, которая представляет литературный язык в его устной форме и служит своего рода точкой отсчета при описании фонетической системы и нормы. Носителей языка, которые всегда — во всех ситуациях и на все темы — говорили бы одинаково, не существует. Исследования показывают, что речь любого говорящего существует во множестве стилистических разновидностей, которые существенно связаны с ситуацией общения и темы разговора. С точки зрения фонетических и стилистических характеристик речи, диктовка текста учителем на уроке или декламация классических стихов артистом на творческом вечере сильно отличаются от трепа в дружеской компании или перебранки между мужем и женой (даже если треплются

¹ Во многих говорах русского языка, в частности в тех, что легли в основу современного литературного языка, на протяжении XIII—XVI вв. происходило отпадение конечных безударных гласных, если они находились после одиночного согласного и не были единственной фонемой в звуковой оболочке морфемы (ср. *бою-ся* > *бою-сь*, *не бой-ся* > *не бойсь*, но *бойл-ся*, *бой-ся*, *вёс-я* деепр., *воля-я* суш.).

и бранятся те же самые лица, что диктуют и декламируют). Некоторые лингвисты считают, что «стили можно расположить по значениям одного-единственного параметра — по степени внимания, с которым говорящий относится к речи»¹. Минимальное внимание говорящего к собственной речи и соответственно минимальный контроль за ней характерны прежде всего для спонтанной (неподготовленной) речи, которая является наиболее подходящим объектом для исследования системных явлений и продуктивных моделей в языке.

Уменьшение внимания говорящего к процессу речепроизводства способствует убыстрению темпа речи и ослаблению артикуляционных усилий говорящего, что выражается в *артикуляционной редукации*. Одним из следствий артикуляционной редукации является редукация звуковой оболочки словоформы, в результате чего появляются *редуцированные формы*: ср. уже приведенные выше формы *здравствуйте*, а также ['skokə] *сколько*, ['tokə] *только*, [tɫ'da] *тогда*, [kl'da] *когда*, [č'ɾ'o] ~ [č'o] ~ [č'e] *чего*, ['buim] ~ ['buim] ~ ['bum] *будем*, [gə'r'it] ~ [gr'it] ~ [gr̩] ~ [gət] *говорит*, [č'ɫv'ek] ~ [č'ɫek] ~ [č'vek] *человек*, ['ta'kskat'] ~ ['takskat'] ~ ['taskat']² ~ ['təskət'] ~ ['ckət'] ~ ['skət'] *так сказать*, [nɫ'ernə] ~ ['nern] *наверное*, [pr'eš'č'im] ~ [pr'eš':im] ~ [pr'eš'ɲ] *прежде чем*, [šid'i's'at] ~ [ši'i's'at] ~ [ši's'at] ~ [šs'at] ~ [šs'a] *шестьдесят* и т. п. Каждое слово может иметь множество (до 10 и более) редуцированных вариантов. Говорящий обычно не замечает различий между ними, поскольку они находятся в дополнительном распределении относительно социального контекста речи. Редуцированные формы иногда называют *аллегривыми*, а темп речи, при котором слова могут выступать в редуцированных формах — *аллегривой* (или *быстрой*) *речью*. Если просторечные редуцированные формы переносятся из аллегривой в обычную (стилистически нейтральную) речь (ср. ['skokə] *сколько*, ['bum] *будем* и т. п.), да еще и в сильную фразовую позицию, это может производить комический эффект, что иногда используется стилистически (ср. фразу продавца в юмористическом рекламном ролике — ['skokə 'v'ešət'] *Сколько вешать?* 'сколько взвесить?'; или реплику персонажа А. Райкина, утрированно имитирующую просторечие, — ['bum m'i'n'acə] *Будем меняться?*). В рамках своего стиля (в аллегривой речи) редуцированные варианты имеют статус нормативных форм литературного языка, пусть и просторечных (в смысле *просторечия*₂), но, будучи перенесенными в более официальный стиль, они утрачивают нормативность и выходят за пределы литературного языка, становятся просторечными (в смысле *просторечия*₁). Время от времени те или иные редуцированные формы утрачивают свой просторечный статус и перемещаются в нейтральный стиль литературного

¹ Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975. С. 120.

² Редуцированная форма ['taskat'] *так сказать*, встречающаяся в сниженном стиле речи некоторых говорящих, будучи перенесенной в их же официальную речь, будет отличаться от формы [taskat'] *taskatъ* фактически только местом ударения.

языка. Так происходит в настоящее время с редуцированными формами [s'ɪ'č'as]=/s'ɪ'č'as/ и даже [š'·as]=/š'·as/¹*сейчас*, [tiš'·æ]=/tiš'·a/*тысяча*, [i'vo]=/ivo/*его* и др. (ср. исходные нередуцированные формы [s'ɪ'č'as]=/s'ɪ'č'as/*сейчас*, [tiš'ɪ'č'æ]=/tiš'ɪ'č'a/*тысяча*, [i'vo]=/jivo/²). Некоторые из этих форм могут отражаться на письме средствами русской графики и даже фиксироваться в словарях (ср. *щас*, *тыща*, *здрасьте* и т. п.). В русском литературном языке есть формы, которые когда-то были редуцированными вариантами полных словоформ или даже словосочетаний, а затем, вытеснив исконные полные варианты, кодифицировались, и в настоящее время только этимологический анализ позволяет обнаружить их происхождение из форм аллегорической речи: *спасибо* < др.-рус. *сънаси богъ* 'пусть (тебя) спасет бог'; *мол* < др.-рус. *мъливль*; *дэскасть*³ < др.-рус. *дъе(ть) съказати* (ср. приведенные выше современные редуцированные формы ['taskat'], ['təskət'] и ['skət'] *так сказать*, а также диал. *скасть*, *ску...* 'сказать, скажу'); *c*⁴ < *су* < *осу/сударь* < *осударь* < *государь* < др.-рус. *господарь*; [č'ɪ'tɪrnəcət'] = /č'ɪ'tɪrnacat' / < *четыринадцать* < *четыренадсять* < *четыренадесать* < *четыре на десате* и т. п.

Хорошие шансы на кодификацию в литературном языке, по крайней мере в нейтральном стиле речи и литературном просторечии, имеют некоторые редуцированные варианты, которые возникают в тех случаях, когда словесная формула сопровождается жестом приветствия или обращения, делающими как бы ненужной саму эту словесную формулу, как приведенные выше *спасибо*, *сударь* (*с*, *су*), *здрасте*⁵. В русском литературном произношении были кодифицированы некоторые редуцированные формы имен и отчества, как мужских, так и женских, когда они произносятся вместе с именами. Так, мужские отчества на безударное *-ович* и *-евич* согласно нормам середины XX в. в официальном стиле следует произносить *Ива[ni]ч*, *Макси[mi]ч*, *Давы[di]ч*, *Оси[ri]ч*, *Оле[gi]ч*, *Бори[sɪ]ч* (а в сниженном стиле допускалось даже *Бори[š']ч*), *Алексе[i]ч*, *Никола[i]ч*, *Васи[i'i]ч*, *Игнат[t'i]ч*, *Георг[gi]ч* и т. п. Более сложными были

¹ Но не [š'·a]=/š'·a/. Однако и эта редуцированная форма в какой-то степени легализована в сниженных стилях литературного языка и превращается в своего рода междометие *ща!* 'не дожدهшься!; с какой стати?', означающее грубый отказ. Ср. — *Дайте войту!* — *Ща!*

² То, что в разговорном стиле произношения используются формы [i'vo], [i'š'·o], [i'zik], подтверждается широким распространением форм с начальным [i] после согласных в этих словах: ср. [k i'vo 'domu] *к его дому*, [vot i'š'·o] *вот еще*, [pəd i'zik] *под язык* и т. п.

³ И *мол*, и *дэскасть* — частицы, указывающие на то, что говорящий передает чужую речь или свою, сказанную в другое время.

⁴ Так называемый *словоерс* — знак почтения к собеседнику (ср. *извольте-с*, *да-с*, *нет-с* и т. п.). В дореформенной орфографии писался *-св*, откуда и название.

⁵ Ср. аналогичные примеры из других языков: англ. *good-bye* < *God be with you*, исп. *Usted* < *Vuestra merced* 'Ваша милость', итал. *mon(n)a* (ср. *Mona Lisa*) < *madonna* и т. п.

правила произношения женских отчеств¹: ср. *Анд*[r'evn]a, *Сер*[g'evn]a, *Николá*[vn]a, *Святослá*[vn]a, *Ивá*[nn]a, *Максú*[mn]a, *Мих*[aln]a, *Алекса́*[nn]a, *Васú*[l'n]a, *Осу*[pəvn]a, *Ю*[r'n]a, *Олэ́*[gəvn]a, *Филí*[pəvn]a, *Викто*[rəvn]a и *Викто*[rn]a, *Федó*[tn]a и *Федó*[təvn]a и т. п. В именах, если они сопровождалась отчествами, тоже использовались редуцированные формы: ср. *Мих*[л'í]л, *Па*[v'í]л, *Алекса*[ndr], *Пе*[tr], но [m'ix'a'figər'ic'] *Михаил Игоревич*, [paf'rafic'] *Павел Палыч*, [al'iksan n'ik'it'ic'] *Александр Никитич*. Все эти редуцированные формы имен-отчеств были характерны для московского просторечия XVII—XVIII вв., которого легло в основу литературного языка, поэтому они и были кодифицированы в качестве норм литературного языка. Однако привязанность имен-отчеств, прежде всего использовавшихся в функции обращений, к разговорному стилю речи привела к тому, что постепенно их редуцированные формы стали восприниматься на фоне полных форм, которые продолжали функционировать изолированно и к тому же больше соответствовали принятому написанию, как стилистически сниженные. В современном литературном языке происходит вытеснение полными формами традиционных редуцированных форм из официального и нейтрального стиля в *просторечие*₂.

В ряде случаев артикуляционная редукция сопровождается и закрепляет на уровне плана выражения грамматические изменения. Например, редуцированные формы могут возникать в процессе грамматикализации, т. е. превращении лексических единиц в грамматические. При этом артикуляционная редукция выступает как средство сокращения звуковой морфемы, для того чтобы подчеркнуть семантическое различие между материнской лексической единицей, которая сохраняет полную форму, и все более отделяющейся от нее грамматикализующейся единицей, за которой закрепляется редуцированная форма. Подобный процесс грамматикализации, сопровождавшийся артикуляционной редукцией, имел место в числительных типа *одинадцать*, *двенадцать*, *тринадцать* и т. п., где словоформа *на десять* превратилась в аффикс *-надцать*; в частицах *мол* и *дескать*, которые превратились в грамматические средства передачи чужой речи из словоформ *молвил* и *дъеть сказать*². Артикуляционная редукция как бы символизирует утрату языковой единицей лексической самостоятельности.

§ 4. Произносительная норма литературного языка

Когда говорят о норме литературного языка, обычно отмечают, во-первых, что норма литературного языка представляет собой явление объективно существующее; во-вторых, что она исторически

¹ Подробнее см.: *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1972. С. 177—179.

² Возможно, частицы *вишь* и *бишь* тоже восходят к редуцированным формам, если они возникли из форм соответственно *видишь* и *баешь*.

изменчива; в-третьих, что норма складывается в процессе *отбора* языковых средств из числа сосуществующих в узусе данного национального языка; в-четвертых, что эта норма признается *обязательной* и поддерживается обществом и государством на официальном уровне, т. е. кодифицируется. Произносительная норма русского литературного языка кодифицируется в фонетических разделах академических грамматик¹, специальных пособиях² и в орфоэпических словарях³ (см. § 9).

Если *норма*₂ — явление объективно существующее и исторически изменчивое, а не выдуманное лингвистами-кодификаторами, то задача лингвистов заключается в том, чтобы выявить и описать эту норму в тот или иной период существования языка. Не соглашаясь с лингвистами, которые считали, что нормативный словарь не может быть научным, Л. В. Щерба утверждал: «Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю. Может быть, норму трудно иногда подметить; но это уже несчастье исследователя и не имеет никакого отношения к принципиальной стороне дела»⁴. Таким образом, адекватность описания нормы литературного языка, а значит, удачной или неудачной будет кодификация этой нормы, зависит не от нормы, а от ее исследователя и кодификатора. Важнейшими вопросами, которые встают перед лингвистами, занимающимися описанием, а значит и кодификацией, норм литературного языка, являются следующие: 1) На основании каких критериев устанавливается нормативность того или иного варианта? 2) Кто является носителем (субъектом) нормы литературного языка? На чей узус следует ориентироваться при выявлении нормы? 3) Возможно ли сознательное вмешательство в языковые процессы и тем самым регулирование нормы литературного языка?

При решении вопроса о том, какой из сосуществующих вариантов признать нормативным, кодификаторы обычно опираются на три

¹ Грамматика русского языка. В 2-х т. / Под ред. В. В. Виноградова и Л. В. Щербы. М., 1952—1954; Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970; Русская грамматика. В 2-х т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

² Одним из наиболее авторитетных пособий, содержащих полное описание русского литературного произношения середины XX в. является кн.: *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. 5-е, перераб. и доп. М., 1972. Это последнее издание, вышедшее при жизни автора.

³ Наиболее авторитетные орфоэпические словари русского языка, отражающие произносительную норму 2-й половины XX в.: 1) Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959; 2) *Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А.* Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд. М., 1989.

⁴ *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 276.

критерия. Во-первых, это *критерий языковой традиции* («как говорили/ писали раньше, так надо говорить/писать и впредь»). В основе данного критерия лежит не только представление людей о некоем «золотом веке» своего языка, когда все говорили одинаково, правильно и красиво, но и уважение к культурно-исторической традиции, осознание причастности к ней. Во-вторых, это *критерий современного узуса* («как говорит/пишет большинство, так и надо говорить/писать»), в соответствии с которым нужно отдавать предпочтение наиболее распространенному варианту. В-третьих, *критерий соответствия языковой системе*, точнее, тенденциям развития языковой системы.

Первый и второй критерии зачастую противоречат друг другу. Так, большинство носителей русского литературного языка говорят *обеспечение*, *исчерпáть* а языковая традиция, отраженная орфоэпическими словарями (даже самыми «прогрессивными») предписывает говорить *обеспéчение*, *исчёрпáть*. С другой стороны, ударение *нужда*, *на хólмах*, *музы́ка* и т. п. несмотря на поддержку литературных текстов («нужда, голод настает», «не искушай меня без нújды», «Молчит музы́ка боевая. / На хólмах пушки, присмирив, / Прервали свой голодный рев» и т. п.), всеми словарями признается устаревшим, не соответствующим нормам современного русского литературного языка на основании того, что так никто уже не говорит. Третий критерий выступает на передний план в тех случаях, когда не очень ясно, какой из конкурирующих вариантов в настоящее время более распространен и более жизнеспособен, а также какие из них следует рекомендовать говорящим в качестве нормативного. Так, формы с ударением на суффиксе *обеспéчение*, *сосредотóчение*, *намерéние* отражают тенденцию русского языка к закреплённости ударения на словообразовательном средстве (суффиксе *-éние*) вопреки прежней обусловленности ударением в производящем слове (ср. *обеспéчение* — *обеспéчить*, *обеспéчу...*, *сосредотóчение* — *сосредотóчить*, *сосредотóчу...*). Этот путь уже прошли такие слова, как *обнаружéние*, *назначéние*, *мышлéние* и многие другие (хотя до сих пор существует вариант *мышление*¹). Стоит ли «бороться» против распространенного варианта, отстаивая традицию, если новый вариант отражает тенденции развития языка и, скорее всего, вытеснит старый? Рациональна ли такая позиция? Видимо, нет. Лингвист при оценке вариантов не может не учитывать тенденций языковых изменений. Однако развитие литературного языка редко бывает прямолинейным, а конкретные изменения происходят на протяжении продолжительных периодов времени и обычно обусловлены множеством тонких грамматических, стилистических и прагматических факторов. Во всяком случае способствовать ускорению языковых изменений, забегая вперед, ломать устоявшуюся норму — явно не задача лингвистов, занимающихся изучением и кодификацией нормы литературного языка.

¹ Существует легенда, что Бодуэн де Куртэнэ объяснял студентам: *мышление* у тех, у кого *мозги*, а *мышлéние* — у кого *мóззи*.

Особенно актуальным *критерий соответствия языковой системе* становится в периоды резких общественных изменений, когда резко расширяется круг носителей, приобщающихся к литературному языку (ср. эпоха преодоления неграмотности в СССР, эпоха «перестройки» и т. п.), а граница между *просторечием*₁ и *просторечием*₂ размывается. Так, в 1930-е гг. широко распространилось ненормативное ударение в таких словах, как *áлкоголь, дóцент, докúмент, мага́зин, кило́метр, по́ртфель, про́цент, рево́львер, шо́фер, сто́ляр* и т. п. Некоторые лингвисты считают, что такое ударение отражает тенденцию к переносу ударения ближе к началу слова (ср. также *жалюзи́* > *жа́люзи, апо́строф* > *апо́строф, йо́гурт* > *йогурт, ворожея́* > *ворожея́* и т. п.). Однако в настоящее время такое ударение у многих из приведенных слов сошло на нет (даже в городском просторечии почти не услышишь *дóцент, мага́зин, по́ртфель, про́цент*), в других остается достаточно частотным (*áлкоголь, кило́метр, шо́фер, сто́ляр*), а ударение *жа́люзи, апо́строф, ворожея́* получило очень широкое распространение, почти вытеснив старое ударение в речи большинства носителей литературного языка (ударение *йогурт* признается уже единственно нормативным).

Система языка не порождает реализаций (вариантов), которые противоречили бы «литературности», «нормативности» как таковой. С точки зрения системы все они «правильные». Носитель языка в принципе не может говорить неправильно. Поэтому если какой-то вариант, появившийся в речи носителей языка, оценивается другими носителями как «неправильный», «неприемлемый», это значит, что для них не достаточно авторитетен тот источник, из которого распространяется данный вариант. Какую же группу носителей языка следует считать авторитетным носителем современного русского литературного языка, на чей узуз следует ориентироваться при выявлении нормы? Изнутри языковой системы определить круг этих людей невозможно, поэтому обычно используются нелингвистические, социальные критерии. На заре формирования современного русского литературного языка, а именно в 1735 г., В. К. Тредиаковский в качестве субъекта нормы указывал «двор ея величества», «благороднейших ея министров», «наипремудрейших священноначальников», «знатнейшее и искуснейшее дворянство»¹. С тех пор многое изменилось, по крайней мере в том, что касается социальной базы литературного языка. Круг лиц, которые владеют литературным языком, значительно расширился на протяжении XIX и особенно XX в. Видимо, правы ученые, считающие, что прототипический носитель русского литературного языка это человек: 1) для которого русский язык является родным; 2) который родился

¹ Речь в Санктпетербургской имп. Академии наук к членам Российского собрания. СПб., 1735. С. 8 (цит. по: Алексеев А. А. О социальной дифференциации русского языка в XVIII в. // Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 154—155).

или длительное время живет в городе; 3) который получил высшее или среднее образование в учебных заведениях, где преподавание велось на русском языке¹. Люди, удовлетворяющие этим требованиям, могут владеть нормами литературного языка в разной степени, но именно этот круг носителей русского языка обычно является объектом исследования при описании нормы. Возраст носителей языка, по-видимому, не играет существенной роли при выявлении нормы литературного языка определенного периода, хотя очевидно, что речь старшего поколения более консервативна, чем речь молодых носителей языка. При общей ориентации на среднее поколение, исследователи часто выделяют старшую и младшую норму в рамках литературного языка. Социальные и возрастные характеристики речи находятся в довольно сложных отношениях.

§ 5. Произносительные стили литературного языка

Как уже было неоднократно отмечено выше, даже носители литературного языка и орфоэпического (нормированного, нормативного) произношения не говорят одинаково во всех случаях общения. Небрежное произношение, допустимое в непринужденном общении, оказывается неприемлемым в официальной речи, которая предъявляет более высокие требования к четкости, тщательности артикуляции. И наоборот, слишком отчетливое, замедленное произношение, характерное для публичной речи, в спонтанном бытовом диалоге может производить комический эффект или восприниматься как менторское и даже издевательское по отношению к собеседнику. Таким образом, в зависимости от речевой ситуации, от отношений между собеседниками, от их социального статуса и возраста, от жанра, темы и содержания речи и т. д. нормативное произношение носителей литературного языка подвержено сильному стилистическому (стилевому) расслоению. Стилистическое расслоение в области произношения редко попадает в светлое поле сознания носителей языка. Это, однако, не означает, что носители литературного языка не учитывают вариативности произношения в своей речевой деятельности. Тонкая стилистическая настройка в области произношения обычно позволяет понять, даже если не вслушиваться в содержание речи, каков социальный статус говорящего, жанр речи (подготовленное официальное сообщение, чтение выпуска новостей или спонтанный рассказ свидетеля террористического акта, публичная лекция или непринужденный разговор преподавателя со студентами в университетской столовой).

В самом общем виде стили можно определить как разные манеры пользоваться языком. Соответственно, произносительные стили литературного языка — это разные манеры пользоваться орфоэпиче-

¹ Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003. С. 35—36.

ским произношением, прежде всего, в зависимости от социального контекста речи. Стилей произношения много, они плавно перетекают один в другой, и установить четкие границы между ними практически невозможно. Л. В. Щерба подчеркивал, что «тут возможно бесконечное число переходных ступеней, начиная от абсолютной ясности и четкости (например, при произношении по слогам) до небрежной скороговорки, когда все неударенные слоги наполовину съедаются»¹. Чтобы как-то структурировать этот непрерывный стилистический континуум хотя бы с внешней стороны, можно воспользоваться следующими дифференциальными признаками, характеризующими речевые ситуации устной речи. Устная речь может быть *подготовленной* или *неподготовленной* (спонтанной), *формальной* (официальной) или *неформальной* (непринужденной, фамильярной), *монологической* или *диалогической*. Эти дифференциальные признаки могут пересекаться. На крайних точках стилового континуума находятся, с одной стороны, подготовленная, официальная, монологическая речь (например, выступление с докладом на торжественном заседании, декламация стихов со сцены), а с другой — спонтанная, непринужденная, диалогическая речь (например, обсуждение результатов только что закончившегося футбольного матча в кругу близких друзей). Между ними располагаются разновидности речи, которые характеризуются другими сочетаниями дифференциальных признаков (например, спонтанная, непринужденная, монологическая речь). Вклад каждого из этих дифференциальных признаков в произносительную специфику того или иного типа речи изучен еще не достаточно. Поэтому из общих соображений (вспомним теорию «трех стилей» М. В. Ломоносова!) в рамках русского литературного языка обычно выделяют три произносительных стиля: *торжественно-официальный* (высокий), *нейтральный* (средний) и *разговорный* (разговорно-фамильярный). За пределами литературного языка лежит *просторечно-вульгарный стиль* произношения, для которого характерно в частности выделение, подчеркивание, «высветление» редуцированных форм, свойственных разговорному стилю в беглой речи (ср. тщательное произношение [ˈskokə] вм. [ˈskolˈkə] *сколько*, [ˈgrˈit] вм. [gɐvˈlʲit] *говорит*, [ˈkosʲ] вм. [ˈkosʲtʲ] *кость*, [ˈkurəʂˈkə] вм. [ˈkurəʂˈkə] *курочка* и т. п.). Торжественно-официальный стиль на фоне нейтрального стиля характеризуется большей тщательностью артикуляции звуков и громкостью, но меньшим темпом речи, а также максимально четким членением речевого потока на синтагмы. И наоборот, для разговорного стиля характерны меньшая тщательность произношения, чем в нейтральном стиле, пониженная громкость, значительно больший темп речи и нечеткость синтагматического членения. Нейтральный стиль лишен специфической стилистической окраски и в целом приемлем для любой ситуации общения. Так, нейтральный стиль обычно используется университетским преподавателем при чтении лекций или

¹ Щерба Л. В. Теория русского письма. Л., 1983. С. 21.

учителем во время проведения урока в школе, при передаче новостей по радио и на телевидении.

Какой стиль речи должен быть положен в основу описания фонетики русского литературного языка? Большинство современных лингвистов в качестве точки отсчета выбирает нейтральный стиль (Л. В. Бондарко, Л. Л. Касаткин и др.). Р. И. Аванесов выделяет внутри нейтрального стиля две разновидности — *строгую* (сценическое произношение) и *свободную* (менее нормированную) — и основной при описании и изучении литературного произношения считает строгую разновидность нейтрального стиля¹. Однако это еще не все. Независимо от того, какой стиль выбирается для описания литературного произношения, в основу описания должен быть положен полный тип произнесения.

Таким образом, необходимо различать *стили произношения* и *типы произнесения*, хотя эти явления связаны между собой. Если стили произношения характеризуют фонетические (прежде всего артикуляционные) особенности фраз, синтагм и звуковых оболочек словоформ в зависимости от условий речевой коммуникации (типа речевой деятельности, социального контекста речи и т. п.) и в конечном счете от степени внимания, которое носитель языка уделяет своей речи в процессе говорения, то тип произнесения соотносится с особенностями реализации фонем в потоке речи. Если произносительных стилей, строго говоря, бесконечное множество, и мы условно выделяем, например, три стиля произношения и проводим границы между ними, не опираясь на строгие фонетические критерии, то типов достаточно различать только два: полный и неполный.

Полный тип произнесения — это такой способ реализации фонем в потоке речи, который позволяет носителю языка на уровне восприятия однозначно определить, какие фонемы образуют данный отрезок речевого потока, опираясь только на акустические ключи и не прибегая к дополнительным источникам лингвистической информации, например к морфологии, и широкому смысловому контексту. Таким образом, понятие *тип произнесения* относится не столько к звуковой оболочке словоформы как таковой, сколько к фонеме как элементу звуковой оболочки. В полном типе может произноситься не только цепочка фонем, составляющая звуковую оболочку целой фразы и целой словоформы, но и часть этой цепочки, часть звуковой оболочки словоформы, например слог. При этом только полный тип произнесения отражает фонемную модель словоформы.

Неполный тип произнесения — это такой способ реализации фонем в потоке речи, который не позволяет однозначно воспринять и опознать ее только с помощью акустической информации, а значит идентифицировать ее фонемный состав. Если какая-то часть слово-

¹ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е, перераб. и доп. М., 1972. С. 21—22.

формы реализуется в *неполном типе произнесения*, то фонемный состав словоформы реконструируется слушающим с использованием дополнительной (морфологической, семантической и т. п.) информации. Для неполного типа произнесения характерно ослабление артикуляционных усилий. У смычных согласных это, прежде всего, ослабление смычки, т. е. спондантизация, которая может приводить у взрывных согласных к их превращению в аффрикаты: ср. /'tʲip/ > ['tʲsʲip] *тип*, /'dʲela/ > ['dʲzʲelə] *дело*; а у аффрикат к утрате взрыва и превращению их в шелевые согласные: ср. /'kurač'ka/ > ['kuraš'kə] *курочка*, /'ošč'in'/ > ['ošč'ɲ'] *очень* и т. п. У шелевых согласных /s, s', z, z'/ ослабление артикуляции выражается в появлении шепелявости. Шелевой /j/ утрачивает фриктивный шум и может превращаться в аппроксимант [j̥] и даже в гласный [i] или призвук [ʲ]¹. Ослабление артикуляции может приводить к звуковому эллипсису, выражающемуся в выпадении фонем (ср. /'to jes't'/ > ['tois'] > ['tojs'] *то есть*, /'vopš:'imta/ > ['ošč'mt] *в общем-то* и т. п., см. также примеры выше), что иногда сопровождается другими фонетическими явлениями — уменьшением количества слогов, появлением слоговых согласных, разного рода ассимиляциями и т. п.

Звуковые оболочки словоформ хранятся в лексиконе носителя языка в виде последовательностей фонем. Соответственно, морфологическая система языка и вся грамматика в целом базируется на звуковых оболочках словоформ, представленных в виде цепочек фонем. Поэтому описание грамматики (например, представление парадигм склонения и спряжения, морфемной структуры словоформы и т. п.) с необходимостью опирается на полный тип произнесения. Разумеется, полный тип произнесения лежит в основе описания и звукового строя языка, т. к. неполный тип произнесения характеризуется фонологической неопределенностью и тем самым оказывается непригодным для фонологического анализа. Установление правил перехода от полного типа произнесения к неполному в принципе является одной из задач фонетического описания конкретного языка. Фонологической неопределенностью неполного типа произнесения вызвано то, что словоформы, даже частично произнесенные в неполном типе, с трудом поддаются фонетической транскрипции, т. к. фонетическая транскрипция представляет собой не что иное, как некоторое преобразование фонологической транскрипции (см. Введение, § 6). Трудности, связанные с фонетическим транскрибированием отрезков неполного типа, затрудняют описание особенностей неполного типа произнесения.

Некоторые фонетисты наряду с полным и неполным выделяют также *сверхполный тип произнесения*. К сверхполному типу можно отнести скандирующее произношение (ср. ['šaj-'b'u] *Шай-бу!*, ['ra-'s'i-'j'a] *Ро-сси-я!*, ['ma-'fa-'tci] *Мо-ло-дцы!* и т. п.), некоторые виды декламации стихов, классическое (оперное и камерное) пение. В разговорном

¹ Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н. Д. Светозаровой. Л., 1988. С. 29, 34.

стиле в сверхполном типе часто произносятся какие-то участки речи, которые необходимо выделить в смысловом отношении (малоупотребительные, незнакомые собеседнику слова, разного рода уточнения, оценочные слова и т. п.), в частности тогда, когда говорящий обращается к удаленному собеседнику. Ср. отрывок из рассказа И. С. Тургенева «Певцы», где растягивание гласных, характерное для сверхполного типа произнесения, передано графически:

«Антропка! Антропка-а-а!..» — кричал он с упорным и слезливым отчаянием, долго, долго вытягивая последний слог.

Он умолкал на несколько мгновений и снова принимался кричать. Голос его звонко разносился в неподвижном, чутко дремлющем воздухе. Тридцать раз, по крайней мере, прокричал он имя Антропки, как вдруг с противоположного конца поляны, словно с другого света, принесся едва слышный ответ:

— Чего-о-о-о-о?

Голос мальчика тотчас с радостным озлоблением закричал:

— Иди сюда, черт леши-и-и-ий!

— Зачем-е-е-ем? — ответил тот спустя долгое время.

*— А затем, что тебя тятя высечь **хочи-и-и-т**¹, — поспешно прокричал первый голос.*

Реальный речевой поток представляет собой постоянное чередование отрезков, произнесенных в полном, неполном и сверхполном типах произнесения. Ср., например, фразы /'ja t'i'b'e ska'zal || n'ikagda||/ → [j'a t's¹i'e skl'zaʔ || n'i-'ka-'gda||] *Я тебе сказал: ни-ко-гда!* или /u t'i'b'a 'jes't' kl'k'ii n'i'bud' d'en'g'i||/ → [t'is' k'm' d'e'n'g'i ||] *У тебя есть какие-нибудь деньги?* В фонетической транскрипции одной чертой подчеркнуты отрезки, произнесенные в неполном типе произнесения (транскрипция, конечно, очень условная), а двумя чертами — отрезок, произнесенный в сверхполном типе. В разговорном стиле литературного языка далеко не все, а лишь некоторые участки речевого потока произносятся в полном типе произнесения. Существует гипотеза, что стили произношения различаются соотношением отрезков полного и неполного типов произнесения. Если в конкретной речи носителя языка удельный вес участков неполного типа превышает некоторый допустимый для разговорного стиля уровень, то такая речь выходит за пределы литературного языка и становится ненормативной. С другой стороны, если в речи носителя литературного языка в нейтральном (очень редкие случаи) и даже официальном стиле совершенно отсутствуют участки, произнесенные в неполном типе, то такая речь производит впечатление неестественной, хотя с точки зрения норма-

¹ Обратите внимание, что в слове *хочи-и-и-т*, которое мальчик произносит в сверхполном типе, отражено диалектное, характерное для курско-орловской группы говоров южнорусского наречия, иканье, которое автор подчеркнул отклонением от орфографической нормы.

тивности «придаться» к ней, видимо, нельзя: такое произношение скорее будет характеризовать не стиль речи, а самого носителя, его индивидуальные особенности.

Произносительные стили русского литературного языка не являются какими-то подсистемами внутри литературного произношения, а отражают характерную для устной формы очень широкую вариативность реализации фонологической системы языка в речи. Границы внутри этого непрерывного стиливого континуума, т. е. разграничение стилей произношения, производятся лингвистами условно и диктуются практическими соображениями в зависимости от целей, которые ставятся (экспериментально-фонетическое исследование вариативности речи, кодификация русского литературного произношения, повышение произносительной культуры носителей языка, обучение сценическому произношению, обучение иностранцев русскому языку и т. д. и т. п.). Так, в исследованиях фонетической вариативности в зависимости от социальных факторов широко применяется методика с использованием четырех или пяти стилистических уровней: 1) непринужденная, спонтанная речь в условиях собеседования с информантом с глазу на глаз; 2) публичная спонтанная речь на заданную тему (например, ток-шоу на радио и телевидении); 3) чтение письменного текста; 4) чтение списков изолированных слов; 5) чтение минимальных пар. В основе этой шкалы от максимально непринужденной до максимально официальной лежит гипотеза о том, что стили речи выстраиваются в зависимости от значения одного параметра — от степени внимания, с которым говорящий относится к речи в данный момент¹. Эта методика, которая учитывает также социальный статус говорящих, дает очень неплохие результаты при исследовании живых изменений, которые происходят в языке, но остаются незаметными для его носителей. Кроме того, она показывает, что полностью равноправных вариантов в речи не существует. Вероятность появления того или иного варианта произношения обусловлена пересечением стилистических и социальных параметров речи, а впечатление о равноправности вариантов может возникать вследствие того, что поверхностное внешнее наблюдение за речью не учитывает иерархии этих параметров, поскольку, например, произносительные варианты, которые встречаются в непринужденной бытовой речи университетского преподавателя, с фонетической точки зрения в принципе те же, что отмечаются в речи неквалифицированного рабочего при чтении списка слов.

Варианты произношения, их стилеобразующие возможности, а также произносительные стили литературного языка изучаются в особом отделе лингвистики, находящемся в ведении как фонетики, так и стилистики, — *фоностиликтике*.

¹ Лавов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975. С. 120.

§ 6. Становление произносительной нормы современного русского литературного языка

История каждого литературного языка отличается своеобразием. Происхождение и история русского литературного языка является предметом острых дискуссий на протяжении последних 100 лет. Современный русский литературный язык восходит к литературно-письменному языку Древней Руси, который формировался в процессе тесного взаимодействия церковнославянского языка, прямо восходящего к старославянскому, и древнерусского (общевосточнославянского) языка и его диалектов, на которых говорили восточные славяне. Письменность у восточных славян появляется в конце X в. под прямым влиянием старославянских текстов, пришедших на Русь прежде всего из Болгарии после принятия христианства. В эпоху Средневековья литературные языки часто заимствовались, а различия между литературно-письменным языком и разговорным языком социума могли быть очень большими (ср. использование латинского языка в Европе). Поэтому неудивительно, что многие историки русского языка считают, что древнерусским литературным языком стал старославянский (древнецерковнославянский) в том виде, который он приобрел в Болгарии (некоторые ученые даже называют его древнеболгарским). Этот письменный язык, который, в отличие от латыни в Европе, был очень близок древнерусскому языку и сразу стал впитывать в себя языковые особенности последнего, постепенно сближаясь с ним. Постепенно русифицируясь, этот заимствованный литературный язык, который часто называют *церковнославянским языком* русской редакции (или русского извода), превратился в конце концов в современный русский литературный язык. Наиболее полно такой взгляд на историю русского литературного языка представлен в трудах А. А. Шахматова¹. Существует и множество других точек зрения на происхождение и историю русского литературного языка. Так, необходимо учитывать наличие по крайней мере еще одного нормированного письменного языка Древней Руси, а именно того, который использовался в делопроизводстве, обслуживал государственные, экономические и т. п. нужды. На нем писались различные деловые документы. Этот деловой язык тоже внес свой вклад в создание русского литературного языка. Впрочем, вне зависимости от того, как решается вопрос о вкладе церковнославянского или древнерусского компонента в литературно-письменный язык Древней Руси, значение церковнославянского языка в истории русского литературного языка очень велико. В целом историки русского языка согласны в том, что современный русский литературный язык является органическим соединением прежде всего двух языковых

¹ Сжато его концепция истории русского литературного языка представлена, например, в работе: *Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка*. 4-е изд. М., 1941. С. 60—70.

стихий — церковнославянской (по происхождению — старославянской, древнеболгарской) и собственно русской (народно-разговорной).

Устная форма церковнославянского языка сводилось в основном к воспроизведению письменных текстов, например, во время богослужения или проповеди¹, поэтому древнеболгарское влияние на русское церковнославянское произношение было минимальным: состав фонем и их аллофонное варьирование были вполне оригинальными и зависели от особенностей звуковых систем русских диалектов, фонетические особенности которых отражались на церковном (его еще называют литургическим или книжным) произношении. Отличие церковного произношения от разговорного, если отвлечься от присутствия ему диалектных особенностей, заключалось, видимо, в особой тщательности, отчетливости артикуляции, и, возможно, в побуквенном произнесении текста, а также в фонемном составе звуковых оболочек тех или иных словоформ (ср. др.-рус. /gorod/ *городъ* — /grad/ ц.-сл. *градъ*, др.-рус. /svěč'a/ *свѣча* — ц.-сл. /svěš'č'a/ *свѣща* и т. п.). Конечно, древнерусские книжники XI в., читая тексты, написанные на церковнославянском языке, не произносили носовых гласных, которых в это время уже не было в восточнославянских диалектах (в древнеболгарском они еще существовали), и, наоборот, произносили редуцированные гласные /ъ/ и /ь/, которые к этому времени уже пали в древнеболгарском. Фонема *ять* реализовывалась в древнеболгарском как передний гласный нижнего подъема [æ], а в древнерусском как закрытый передний гласный средне-верхнего подъема [ê]. Так, в конце XI в. древнеболгарские книжники, видимо, читали ст.-сл. **вѣзати**, **вѣзьмѣ** 'взять, возьму', **хлѣбъ** 'хлеб' — [vzěti], [vzɛmɔ], [xləb], а древнерусские — [vzĕti], [vzĕmu], [xlĕbъ]. Вслед за А. А. Шахматовым, некоторые исследователи полагают, что уже в XI в. в Древней Руси сформировалось особое книжное произношение, согласно которому буквы *ер ѣ* и *ерь ѣ*, обозначавшие в древнерусском языке фонемы /ъ/ и /ь/, должны были произноситься как /о/ и /е/, а буква *ять ѣ* — как /е/. В соответствии с этими правилами приведенные выше слова в книжном произношении должны были звучать как [vozĕti], [vozemu], [xlĕbo]. Не все ученые поддержали гипотезу Шахматова. Некоторые из них относят формирование особого церковного произношения (именно как произношения, а не фонемного оформления слов) к более позднему периоду — XIV—XVI вв., когда вследствие таких важных фонетических изменений, как падение редуцированных, оглушение и озвончение согласных, утрата фонемы *ять*, переход /е/ в /о/, возникновение аканья и др., обозначился значительный разрыв между живым (разговорным) и церковным произношением. Этот разрыв был вызван консервацией архаических норм в церковном произношении

¹ А. А. Шахматов, впрочем, считал, что духовенство пользовалось церковнославянским языком как разговорным, но никаких оснований для такого предположения как будто нет.

(ср. ц.-сл. /brat'ija i s'estri/ и разг. /brat'ja i s'ostri/ *братья и сестры* < др.-рус. **братиа и сестры**, ц.-сл. /s'erdce/ и разг. /s'erca/ *сердце* < др.-рус. **сърдьце**, ц.-сл. /gr'eč'esk'ij/ и разг. /gr'eskaĭ/ *греческий* (монах) / *грецкий* (орех) < **гръчьскыи** и т. п.). В XVII—XVIII вв. наиболее яркими приметами церковного (книжного) произношения были: 1) оканье, отсутствие отпадения конечных безударных гласных; 2) «неотражение» перехода /e/ в /o/ перед твердыми согласными; 3) произношение шелевого заднеязычного [ɣ] в соответствии с аканьем, отражением перехода /e/ в /o/ и смычным (и взрывным) заднеязычным [g], характерными для московского просторечия, которое превратилось в койне и приобрело все больший престиж среди говорящих по-русски. Ср. церк. /no's'it'i/ — моск. /na's'it'/ *носить*, церк. /so'ɣn'eši/ — моск. /sa'gn'oš/ *согнешь*, церк. /p'erst/ *перст* — моск. /na'p'orstak/ *напёрсток* и т. п. Постепенно к середине XIX в. черты, свойственные церковному произношению, были вытеснены, по крайней мере из нейтрального стиля речи носителей литературного языка, хотя могли сохраняться как стилистическое средство в поэтической речи. Например, у А. Пушкина:

*Так, своеволием пылая,
Роптала юность удалая,
Опасных алча **перемен**,
Забыв отчизны давний **плен**,
Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских **времен**.
<...>
На холмах пушки, **присмирив**,
Прервали свой голодный **рев**.*
(«Полтава», 1928—1929 гг.)

Использование в стилистических целях маркированных форм «без перехода» /e/ в /o/ на фоне немаркированных форм с переходом /e/ в /o/ представлено в стихотворении А. Пушкина «Анчар» (1828 г.). Ср.

*В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем **раска**[l'e]нной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей **все**[l'e]нной.
<...>
Но человека **чело**[v'e]к
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь **по**[t'e]к
И к утру возвратился с ядом.*

НО:

*К нему и птица не летит,
И тигр **нейдет**: лишь вихорь [č'o]рный*

*На древо смерти набежит —
И мчится прочь, уже тлетворный.
<...>
Принес — и ослабел и лег [Г'ок]¹
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.*

Поскольку литературный язык — это язык с кодифицированной нормой, важной вехой в истории всякого литературного языка является начало его кодификации. *Кодификация* — это выявление норм литературного языка и их фиксация в специальных лингвистических трудах — академических словарях и грамматиках, пособиях по культуре речи. Кодификация начинается тогда, когда в речевом коллективе возникает потребность отделить овец от козлиц, т. е. «правильное», одобряемое, престижное употребление языка от «неправильного», осуждаемого.

Начало кодификации русского языка, в том числе в области произношения, относится к первой половине XVIII в. В 1708 г. Петр I вводит гражданский шрифт, что отражает расширение сферы применения русского языка за счет церковнославянского. Большую роль в процессе становления русского литературного языка нового типа сыграла деятельность Василия Евдокимовича Адогурова (1709—1780) и особенно Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1769). Первой грамматикой русского (не церковнославянского!) языка, созданной для носителей языка и на русском языке, был грамматический трактат В. Е. Адогурова. Этот труд возник на основе лекций по русскому языку, прочитанных им в 1738—1740 гг. для студентов академического университета в Санкт-Петербурге. Этой, так и не изданной, грамматике предшествовало более краткое пособие В. Е. Адогурова — «Начальные основы русского языка», изданное на немецком языке в 1731 г. Таким образом, можно утверждать, что к 30-м годам XVIII в. в русском обществе стала ощущаться потребность в описании и кодификации русского литературного языка нового типа. Это был своего рода поворотный пункт в отношении русского общества к своему языку, который обрел новый социально-культурный статус: русский язык стал рассматриваться не только как объект изучения и описания, противопоставленный церковнославянскому языку, но и как метаязык, т. е. как язык, на котором осуществляется само это описание.

Этапным трудом в области кодификации русского языка стал трактат В. К. Тредиаковского «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи» 1748 г. В нем утверждается мысль о том,

¹ А, может быть, и [Г'ох], рифмующееся с [нох] *ног*, с нормальным результатом оглушения на конце слова щелевого [y]; ср. у Пушкина рифму [dux] *дух* — [druх] *друг*: *О сколько нам открытий чудных / Готовит просвещенья дух, / И опыт, сын ошибок трудных, / И гений, парадоксов друг* (1829 г.).

что между литературным языком и разговорным не должно быть пропасти (в качестве образца берется французская модель языковой ситуации), и провозглашается установка на сближение кодифицированного книжного языка, которым в то время был церковнославянский, и разговорного употребления. Однако к середине XVIII в. нормативный разговорный язык светского общества, который мог бы служить ориентиром для кодификации, еще не выработался. Высшие круги светского общества, в том числе «двор ея величества» и столичное дворянство, говорили в быту на московском просторечии и в этом отношении мало отличались от низов общества. Поэтому в качестве исходных для литературного языка пришлось принять нормы церковнославянского языка, а сближение с разговорным языком в перспективе должно было осуществляться в процессе постепенного отступления от этих норм в пользу разговорного употребления. Эта стратегия касалась всех уровней языковой системы, в том числе произношения. На фонетическом уровне в тех случаях, в которых церковное (книжное) и московское произношение были противопоставлены (см. выше), в качестве литературной нормы выступало церковное произношение. Позднее произносительные особенности, которые восходили к церковному произношению, должны были постепенно уступать место особенностям московского произношения.

Таким образом, московское произношение, которое в тех позициях, где оно отличалось от церковного, в середине XVIII в. не имело статуса литературного и оценивалось как просторечное. Вместе с тем фонетическая система московского городского койне выступала в качестве престижной и наддиалектной по отношению к фонетическим системам территориальных диалектов русского языка. В течение 2-й половины XVIII — 1-й трети XIX в. произносительные особенности сильно потеснили или полностью вытеснили те черты литературного произношения, которые восходили к церковному произношению. Можно полагать, что к середине XIX в. русское литературное произношение в общих чертах сформировалось. Его носителями были, прежде всего, дворянство обеих столиц и разночинная интеллигенция.

§ 7. Московский и петербургский варианты литературного произношения

Выше мы говорили о произносительных вариантах прежде всего отдельных словоформ, звуковые оболочки которых могли отличаться фонемным составом (например, /'strog'ij/ ~ /'strogaj/ *строгий*, /pa'et/ ~ /po'et/ *поэт*, /'temp/ ~ /'t'emp/ *тепл* и т. п.) или реализацией фонем (ср. /'etat/ → ['tət] ~ ['etət] *этот*, /vopl'/ → ['vopl'] ~ ['vopl'] *вопл*, /'d'ela/ → ['d'etə] ~ ['d'etɐ] *дело* и т. п.), а также о стилистических вариантах, связанных с речевой ситуацией и социальным статусом говорящих. Однако в речи людей, в целом владеющих нормами русского литературного языка, могут встречаться и такие варианты произношения, которые,

различаясь своим фонемным составом (/ʼtvʼordij/ и /ʼtʼvʼordaj/ *твёрдый*, /ʼdʼefkʼi/ и /ʼdʼefʼkʼi/ *девки*) или реализацией в определенных позициях каких-то фонем (/galaʼva/ → [gəɫʼva] ~ [gəɫa:ʼva] или [gəɫʼva] ~ [ɣɫɫʼva] *голова*), вместе с тем характеризуются определенной территориальной принадлежностью. При некоторых условиях такие различия, накапливаясь, могут стать основой для формирования территориальных разновидностей (вариантов) произносительной нормы. Вопрос о допустимости региональных вариантов современного русского литературного языка является дискуссионным. При этом большинство исследователей не признает региональные разновидности речи образованных жителей российских городов, возникшие под влиянием окружающих эти города говоров, вариантами русского литературного языка. Вместе с тем в современном русском литературном произношении до сих пор существуют варианты, которые являются потомками двух разновидностей литературного произношения, в своих истоках связанных с произносительными особенностями двух российских столиц.

Кроме московского и петербургского вариантов литературного произношения, на территории распространения русского языка существуют и другие разновидности произношения, используемые образованными носителями литературного языка, проживающими в крупных культурных центрах России. Так, в речи жителей Воронежа, Орла, Рязани, Курска и других городов, находящихся в окружении южнорусских говоров, на конце слов вместо /к/ часто бывает представлена фонема /x/: /vdɫux/ *вдруг*, /nox/ *ног*, /paʼmox/ *помог*. Такое произношение отражает одну из ярких особенностей южнорусских говоров, а именно наличие щелевой заднеязычной фонемы /ɣ/ в соответствии с взрывной фонемой /g/ литературного языка. Когда-то в южнорусском наречии /ɣ/ на конце слова при оглушении изменялся в /x/, давая чередование /ɣ//x/ (ср. /paʼɣa/ *нога* — /nox/ *ног*). В речи носителей литературного произношения, живущих в окружении южнорусских говоров, диалектное щелевое /ɣ/ заменяется на литературное /g/, но на конце слов может сохраняться /x/: ср. /naga/ *нога* — /nox/ *ног*. Такое произношение отражает, например, рифма *смех* — *снег* в стихах С. Есенина, уроженца села Константинова Рязанской губернии:

*И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.*

В современном литературном произношении такое чтение буквы «г» на конце слова считается нормативным только в слове /box/ *бог* (ср. /boga/ *бога*). Это связано с тем, что для литературного языка XVIII в. было характерно произношение [ɣ] в соответствии с разгворным (московским просторечным) [g] и соответственно чередование /ɣ//x/: ср. [boɣa] *бога* — [box] *бог*, /dɫɣa/ *друга* — /dɫux/ *друг* и т. п. Если в стихах Есенина рифма *смех* — *снег* свидетельствует о южнорус-

ском (рязанском) субстрате его произношения, то у Державина рифма *Бог — мог* (ср. выше у Пушкина рифма *дух — друг*) отражает влияние литературной традиции XVIII в.:

*Я царь — я раб — я червь — я Бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе проишёл? — безвестен:
А сам собой я быть не мог.*

(Г. Державин, «Бог», 1784)

Региональные особенности произношения, даже если они характеризуют речь людей, в других отношениях владеющих нормами литературного языка, обычно рассматриваются как воздействие диалектной речи на литературное произношение, а возникающие в условиях диалектного окружения разновидности русской городской речи образованных жителей крупных культурных центров (такие разновидности иногда называются *региолектами*) не признаются равноправными вариантами литературного языка. Такова языковая ситуация в настоящее время, но теоретически нельзя исключать, что ситуация изменится и такие варианты получат со временем статус литературных. Как мы видели, многие особенности, в частности произносительные, московского говора (просторечия) тоже не сразу получили доступ в литературный язык.

К середине XIX в., когда в общих чертах стабилизировались нормы современного русского литературного¹, т. е. «правильного», «нормативного» произношения, в нем наметилась кристаллизация двух более или менее противопоставленных вариантов: один был представлен в речи образованных жителей Москвы (так называемое *московское произношение*), другой — Санкт-Петербурга (*петербургское произношение*, в 20—80-е гг. XX в. в связи с изменением названия города — «ленинградское»). Оба варианта литературного произношения были равноправны с точки зрения престижности и литературности. Обычно считается, что исторически петербургское произношение представляло собой некоторое видоизменение московского под влиянием, с одной стороны, говоров, окружавших Петербург, а с другой — орфографии и вообще письма, что связывают с большим количеством чиновничества, проживавшего в северной столице Российской империи. Некоторые ученые добавляют к этим двум еще один фактор — наличие в Петербурге значительного числа иностранцев, особенно немцев, которые приносили свои особенности в речевой портрет города. Однако если учесть, что русское литературное произношение в том виде, в каком оно сформировалось к середине XIX в., является результатом довольно сложного процесса взаимодействия церковного произношения, которое и воспринималось первоначально как литературное, с разговорным языком обеих столиц,

¹ Его называют также орфоэпическим (от *орфоэпия*; греч. *ὀρθοέπεια* 'правильная речь').

в основе которого действительно лежало московское городское койне, а процесс этого взаимодействия происходил и в Москве и в Санкт-Петербурге, то можно предположить, что это «обмирщение» литературного произношения сразу порождало оба варианта литературного произношения. При этом, поскольку Санкт-Петербург как столица, возможно, задавал тон в этом процессе, некоторые особенности петербургского произношения, которые обычно приписываются влиянию письма, на самом деле являются консервацией исходного церковного произношения. Эти вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании.

Традиционно считается, что в истории русского литературного языка 2-я половина XIX в. «характеризуется борьбой Петербурга и Москвы за нормы общерусского литературного произношения», причем «вопрос о нормальном литературном произношении остался окончательно не разрешенным, хотя явный перевес был на стороне московского произношения, которое культивировалось и поддерживалось театральной традицией»¹. Что касается театральной традиции, то в середине и 2-й половине XIX в. ориентиром была речь артистов Малого театра в Москве и Александринского театра в Петербурге, причем оба театра ориентировались на московский вариант литературного произношения.

Основное различие между московским и петербургским произношением обычно видят в большей «книжности» последнего. Книжность петербургского произношения «выражалась в отсутствии смягчения твердых согласных при соприкосновении их с следующими мягкими в определенных группах (например, *ест'еств'енный* — при московском: *ес'т'ес'т'в'енный*; у *лафк'и* при московском: у *лаф'к'и* и т. п.), в реставрации произношения целого ряда традиционных написаний, не совпадавших с живым звучанием (например, более частое *чи* на месте московского *ши*; *кий*, *хий*, вместо *кѣй*, *хѣй*, напр., *великий*, *тихий* и т. п.), в некоторых отклонениях от московских «правил» аканья (например, в характере произношения безударного *е*; быть может, в более заднем произношении редуцированного неударяемого гласного не в предударном и не в заударном слоге), в более однообразных формах интонирования»².

Источники наших сведений о различиях между московским и петербургским произношением в XIX в. довольно скудны и требуют к себе критического отношения. Несколько лучше обстоит дело с тем, какими были эти различия в XX в. Это связано не только с прогрессом в области экспериментально-фонетических исследований и появлением в начале XX в. фонологии, но и с общим интересом лингвистики к различиям между устной и письменной речью и с возникновением теории литературного языка.

¹ *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1934. С. 278.

² Там же.

В целом различия между московским и петербургским произношением, или тем, что обычно приписывается «старомосковскому» и «старопетербургскому» произношению, были не очень значительными. Характеризуя различия между двумя вариантами литературного произношения — московским и петербургским — следует иметь в виду следующие моменты.

Во-первых, одни различия касаются расхождения в фонемном составе словоформ (многие специалисты по орфоэпии называют такие различия *орфоэпическими*), другие затрагивают реализации фонем, т. е. артикуляционно-акустические свойства аллофонов, которые представляют фонемы (такие различия называют *орфофоническими*). Так, различие в составе фонем, образующих звуковые оболочки, например, слов *дверь*, *тихий*, *дождь* (ср. моск. /d'v'er'/ — петерб. /dv'er'/, моск. /t'ixaj/ — петерб. /t'ix'ij/, моск. /doš':/ — петерб. /došt'/ является *орфоэпическим*. Произношение же в речи петербуржцев более закрытого /e/ под ударением, или менее палатализованной аффрикаты /č'/, чем в речи москвичей, является различием *орфофоническим*, которое не затрагивает фонологических противопоставлений в системе (подробнее см. ниже: Гл. 7, § 7).

Во-вторых, не все особенности, характерные для московского и петербургского произношения, являются орфоэпическими или орфофоническими, т. е. характеризуют литературное (нормативное) произношение. Соответственно нужно разграничивать особенности московского и петербургского вариантов литературного произношения и особенности, свойственные московскому и петербургскому просторечию. Так, например, икающее произношение, свойственное в настоящее время литературной норме, до начала XX в. было признаком московского просторечия, а не орфоэпического произношения. Произношение конечных твердых губных на месте мягких ([s'em] *семь*, ['golup] *голубь*, [l'u'bof] *любовь* и т. п.), характерное для петербургского просторечия и проникшее в городскую речь под влиянием окружающих Петербург севернорусских говоров, также не следует рассматривать в качестве особенности петербургского варианта литературного произношения.

В-третьих, таким образом, необходимо учитывать, что оба варианта произношения — и московский, и петербургский — исторически изменчивы, а те особенности, которые им приписываются, могут относиться к разным временным пластам.

Рассмотрим чуть более подробно некоторые противопоставленные друг другу произносительные особенности, которые часто приписываются московскому и петербургскому вариантам литературного произношения на разных этапах его эволюции.

1. Московское иканье — петербургское еканье. Иканье — это такая система вокализма, когда в безударных слогах (в ряде случаев за исключением конечного открытого слога, где в полном типе произнесения возможно противопоставление /i/ и /a/ — см. Гл. 4, § 2), после мягких

согласных отсутствует противопоставление фонем /e/, /o/, /a/ и /i/, причем в соответствующих словоформах на месте прежних фонем неверхнего подъема /e/, /o/, /a/ после мягких согласных представлена фонема верхнего подъема /i/: /l'isa/ *леса* (ср. /l'es/ *лес*), /v'ila/ *вела* (ср. /v'ol/ *вёл*), /s'n'ila/ *сняла* (ср. /s'n'al/ *снял*), /na 'pr'iv'iz'i/ *на привязи* (ср. /na pr'iv'azan/ *привязан*), /'proprav'id'i/ *проповеди* (ср. /prapa'v'edn'ik/ *проповедник*) и /l'isa/ *лиса* (ср. /l'is/ *лис*), /'zapis'/ *запись* (ср. /za'p'isan/ *записан*). Еканье представляет собой систему безударного вокализма, в которой после мягких согласных отсутствует противопоставление фонем неверхнего подъема /e/, /o/, /a/, а на месте прежних фонем /a/ и /o/ (если это /o/ появлялось из /e/ перед твердым согласным, т. е. в результате так называемого перехода /e/ в /o/¹) выступает фонема /e/: /l'e'sa/ *леса* (ср. /l'es/ *лес*), /v'e'la/ *вела* (ср. /v'ol/ *вёл*), /s'n'e'la/ *сняла* (ср. /s'n'al/ *снял*), /na 'pr'iv'ez'i/ *на привязи* (ср. /na pr'iv'azan/ *привязан*), /'proprav'ed'i/ *проповеди* (ср. /prapa'v'edn'ik/ *проповедник*), но /l'isa/ *лиса* (ср. /l'is/ *лис*). Для еканья характерно различие в безударной позиции фонем /e/ и /i/ (ср. /l'e'sa/ *леса*, но /l'isa/ *лиса*, /pr'e'du/ *пряду*, но /pr'i'du/ *приду*, /'pr'im'es'/ *примесь*, но /'zapis'/ *запись*). Таким образом, еканье возникало в результате изменения безударного /a/ в /e/ (ср. /pr'a'du/ > /pr'e'du/ *пряду*, /'ram'at'/ > /'ram'et'/ *память*) в системе, где до этого после мягких согласных в безударной позиции различались фонемы /e/ и /a/. Иканье развивается из еканья в процессе изменения безударного /e/ в /i/: /l'e'sa/ > /l'isa/ *леса*, /v'e'la/ > /v'ila/ *вела*, /s'n'e'la/ > /s'n'ila/ *сняла*, /na 'pr'iv'ez'i/ > /na 'pr'iv'ez'i/ *на привязи*, /'proprav'ed'i/ > /'proprav'ed'i/ *проповеди*.

Иканье (на месте всех безударных гласных, кроме /u/, после мягких выступает фонема /i/) характерно прежде всего для среднерусских говоров, в то время как еканье встречается также в севернорусских и даже в некоторых южнорусских говорах. Еще один тип безударного вокализма — яканье — свойственно южнорусскому наречию. Яканье — это сугубо диалектное явление. Все типы яканья, которых в русских говорах насчитывается довольно много², резко противопоставлены литературному произношению. Еканью параллельно так называемое сильное яканье, которое сформировалось в результате изменения безударного /e/ после мягких согласных в /a/ (ср. /n'e'su/ > /n'a'su/ *несу́*, /s'e'stra/ > /s'a'stra/ *сестра́* и т. п., причем /l'e'sa/ > /l'a'sa/ *лесá*, но /l'isa/ *лиса*).

Еканье было нормой русского литературного произношения в XIX в. и сохраняло свои позиции в официально-торжественном стиле произношения вплоть до середины XX в., постепенно уступая место

¹ Произношение безударного /o/ после мягких согласных перед твердыми, характерное для севернорусских говоров, называется *ёканьем* (ср. /n'o'su/ *несу*, /s'o'stra/ *сестра* и т. п.).

² См. подробнее: Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова. М., 1990. С. 63—67.

иканью, которое проникало в литературное произношение из московского просторечия. Р. И. Аванесов отмечает, что /e/ и /i/ в русском литературном произношении различаются в безударной позиции, о чем говорит его транскрипция: ср. [м'и^е]снѣк, [ѣи^е]дрѡ, но[в'и^е]дѹ, [ч'и^е]сѣ, но [з'имá] зима, [п'ил'ѣтъ] пилить и т. п.¹ Он прямо указывает, что «иканье (т. е. произношение гласного [и] на месте (букв. — М. П.) е, я в безударных слогах, в особенности в 1-м предударном слоге), свойственное разговорному стилю, не свойственно высокому стилю, где произносится гласный более или менее близкий к [е]. Ср. [з'и^емл'á] или [з'имл'á]... (в разговорном стиле) и [з'и^емл'á] или [з'емл'á]... (в высоком стиле)»². По мнению Р. И. Аванесова, произношение [и] вместо [и^е] или [е] «характерно для разговорного стиля во многих районах распространения среднерусских и южнорусских говоров, а также для московского просторечия»³. Судя по всему, некоторое запаздывание петербургского варианта литературного произношения в принятии иканья связано с влиянием окружающих Санкт-Петербург екающих говоров. Исследования показывают, что в настоящее время икающая норма возобладала как в московском, так и в петербургском варианте, оттеснив еканье на периферию литературного произношения.

В вопросе о литературном иканье есть и орфофонический аспект. Не всякая реализация фонемы /i/ в безударной позиции будет нормативной: в 1-м предударном слоге, например, на месте /i/ должен произноситься достаточно краткий гласный переднего ряда, а по подъему промежуточный между [i] и [e], близкий тому, который в МФА обозначается символом [ɪ]. Если вместо такого гласного произносится [i] более высокого подъема и недостаточно краткий, то такое произношение может восприниматься как проявление не литературного, а диалектного иканья или яканья⁴.

С еканьем и иканьем связана еще одна деталь произношения, которая противопоставляла в XIX — 1-й половине XX в. московский и петербургский варианты литературного произношения. Для московского произношения того времени (а в речи старшего поколения и на театральной сцене данное явление встречается до сих пор) было свойственно произношение *жарá*, *сожалѣть*, *шагá*, *шалún*, *лошадѣй* и т. п. с фонемой /i/ на месте орфографического *а*: ср. [ʒi'ra], [səʒi'l'et'], [ʃi'g'ɪ], [ʃi'ʃun], [təʃi'd'ej] и т. п. Исторически такое произношение объясняется тем, что шипящие были исконно мягкими согласными, поэтому после них предударное /a/ изменялось в /e/ в процессе формирования

¹ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972. С. 49, 66.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 66.

⁴ Такое предударное [i] произносится в некоторых южнорусских говорах с *диссимилятивным* (/n'i'sla/ перед ударным /a/, но /n'asú/ перед ударным не-/a/) или *умеренным* (/n'aslá/, /n'asú/ перед твердым согласным, но /n'e's'í/ > /n'i's'í/ перед мягким) яканьем.

системы еканья, характерной для говоров, на основе которых образовывалось московское городское койне. Так из /ž'a'ra/ и /laš'a'd'ej/ получилось /ž'e'ra/ и /laš'e'd'ej/, а после отвердения шипящих — /že'ra/ и /laše'd'ej/. Затем при переходе к иканию после твердых шипящих безударное /e/ закономерно изменялось в /i/, в результате возникли формы /ži'ra/, /k saži'l'en'iju/, /ši'gat'/, /ši'tun/, /laši'd'ej/ и т. п. Соответственно появилось чередование /a/||/i/: /zar/ || /ži'ra/, /šak/ || /ši'žok/, /laša'tka/ || /'lošit'/ и т. п. Для современной литературной нормы произношение с /i/ нехарактерно, хотя и допустимо (в частности, в сценической речи для стилизации произношения XIX — начала XX в. при постановках пьес русских авторов того времени). Такое произношение и сопутствующее ему чередование утратилось в результате действия морфологической аналогии (ср. /ži'ra/ > /ža'ra/, /ši'žok/ > /ša'žok/ по аналогии с /žar/, /šak/) и, возможно, под влиянием орфографии (ср. *жара, шажок*).

2. Московское [a] — петербургское [л] на месте /а/ в 1-м предупредном слоге. Эта особенность орфофоническая. Она касается реализации фонемы /а/ в позиции 1-го предупредного слога и затрагивает ритмическую организацию словоформы при акающей норме литературного произношения. Для русского литературного языка и многих южно-русских говоров характерна такая ритмическая модель организации ударных и безударных гласных в словоформе, которую некоторые исследователи интерпретируют как «сильный центр и слабая периферия». Эта модель представлена двумя разновидностями. Одна из них характерна для «московского» варианта литературного произношения, ее формула — 1-3-3-1-1: 1-й предупредный слог может быть равен или даже несколько превышает по длительности ударный (ср. [xəgə'šo gəvə'r'it' rətm'askof's'k'i nərə's'p'ef] *Хорошо говорить по-московски нарраспев!*). Другая представлена в «петербургском» варианте произношения, ее формула — 1-2-3-1-1 — отражает большую количественную и качественную редукцию гласного /а/ в 1-м предупредном слоге. В фонетической транскрипции такое произношение можно условно передать так: [xəgł'šo gəvə'l'it' rətmł'skofsk'i nəgł'sp'ef] *Хорошо говорить по-московски нарраспев!*

3. Московское [š':] (= /š':/) — петербургское [šč'] (= /šč''). Нормой литературного произношения в XVIII в. на месте *щ, сч, зч* (*ищу, священный, исчез, счастье, возчик* и т. п.) было [šč'], которое фонологически представляло собой бифонемное сочетание /šč'/. Именно по этой причине и М. В. Ломоносов, и В. К. Тредиаковский отрицали необходимость существования в русском алфавите буквы *щ*. Сочетание фонем /šč'/ реализовывалось как [šč'] (точнее [šč''] с невеличезованным, т. е. «полумягким», [š'] или даже [šč''] с палатализованным [š']) независимо от того, где оно находилось, — внутри морфемы (*ищу, священный, исчез, счастье*) или на стыке морфем (*извозчик, разносчик*).

Исторически такое произношение продолжало традицию церковного (книжного) произношения и не соответствовало тому произношению, которое к этому времени установилось в московском говоре (просторечии), где в соответствующих словах произносился долгий мягкий шипящий [š':]. В связи с процессами демократизации русского литературного языка на протяжении XIX в. в литературном произношении происходило распространение [š':] за счет [š'č'], что особенно было характерно для московского варианта литературного произношения. Сначала изменение [š'č'] > [š':] охватывало позицию внутри морфемы ([š':]ука, ве[š':]ь, тѣ[š':]а, но *изво[š'č']ик, зано[š'č']ивый, ра[š'č']ёска*), а потом переносилось и на межморфемные стыки (*изво[š':]ик, ра[š':]ёска, зано[š':]ивый*). В петербургском варианте этот процесс происходил с некоторым запаздыванием. В значительной степени оно было вызвано влиянием окружающих Петербург севернорусских и среднерусских говоров, в которых сохранялось бифонемное сочетание и соответственно произношение [š'č'], [š'č'], [šč], [š't'] и др. В настоящее время для литературного произношения — как в его московском, так и в петербургском варианте — характерно произношение [š':]. Это относится к положению как внутри морфемы, так и на морфемных границах, прежде всего на стыке корня и суффикса. Произношение [š'č'] сохраняется на стыках слов (*расска[š'č']ехова*), в том числе на стыке предлога и корня следующего слова (*у[š'č']емодана, бе[š'č']еснока*), а также во многих случаях на стыке приставки и корня, если этот стык ощущается носителем языка (ср. *ра[š':]ёска*, но *ра[š'č']ёсывать* и *ра[š':]ёсывать*). В быстрой спонтанной речи, разумеется, возможно произношение [š':] (= [š' + š']) даже [š'] на стыках слов: ср. *бе[š' š']его, [pr'eš'im] прежде чем, расска[š' š']ехова* и т. п.

4. **Московское [ž':] (= /ž':/)** — **петербургское [ž:] (= /žž/)**. Это различие касается небольшого числа слов: *дрожжи, возжи, езжу, позже, визжать, брюзжать, дребезжать, размозжить* и некоторых других. Если в случае с парой [š':] ~ [š'č'] петербургское произношение отражало архаичный вариант произношения, то в паре [ž':] ~ [ž:] более старый вариант был представлен в московском произношении. Этот парадокс объясняется тем, что функциональная нагрузка глухого и звонкого коррелятов совершенно различна: [š'č'] ~ [š':] весьма частотны и представлены как внутри морфемы, так и на морфемных стыках, а [ž':] ~ [ž:] встречаются в очень ограниченном круге слов и всегда внутри морфемы.

Долгий мягкий звонкий шипящий [ž':] находится на периферии современного русского литературного произношения, сохраняясь лишь в речи старшего поколения носителей литературного языка. В речи младшего поколения этот согласный практически отсутствует, а на его месте произносится долгий твердый шипящий [ž:] (фонологически /žž/): в соответствии со старым [vo'ž':i] (= /vož':i/) *возжи*, [j'ež'u] (= /jež'u/) *езжу* и под. произносится [vož:i] (= /vožži/), [j'ež'u]

(= /ježžu/) и под. Такое произношение являются в настоящее время нормативным, хотя варианты с [ž':] также признаются допустимыми.

Исторически [š':] и [ž':] восходят к древнерусским сочетаниям /š'č'/ (= š'īš') и /ž'ž'/ (= ž'dž') и возникли в результате их монофонемизации. Вторые фонемы этих бифонемных консонантных сочетаний — /č'/ и /ž'/ — являются рефлексамии 1-й палатализации и сочетаний *tj и *dj. Согласные *s и *z, если они оказывались перед *č' и *ž', подвергались ассимиляции. Соответственно, *sč' > *š'č', *zž' > *ž'ž': *tbstja > *tbs'č'a > *тыща* (ср. *тысть*), *jbskjŋ > *jbs'č'u > *ищу* (ср. *искати*), *čzdjŋ > *čžž'u > *ѣзжу* (ср. *ѣздити*), *džzjŋ > *džž'ž'ь > *дождь* (ср. лит. *duzgti* 'шуметь'). Аффриката *ž' была аллофоном фонемы /ž'/ в позиции после *z'. Затем в московском говоре эти сложные звуковые комплексы утрачивали взрывной элемент и изменялись в долгие мягкие шипящие — *š'č' > /š':/, *ž'ž' > /ž':/. Так появилось произношение [t'о'š':æ] *тѣща*, [i'š':u] *ищу*, [j'e'ž':u] *ѣзжу*, [do's':] *дождь* — [dл'ž':a] *дождя*, характерное для московского просторечия, а потом и для московского варианта литературного произношения. Последним этапом изменения было отверждение в литературном произношении [ž':] > [ž:] (фонологически /ž':/ > /žž/): ср. [j'ež:u]=/ježžu/ *ѣзжу*. По диалектам отвердевал и мягкий долгий глухой шипящий: [š':] > [š:] (фонологически /š':/ > /šš/): ср. [i'š:u] = /iššu/ *ищу*, [i'zvoš:ik] = /izvoššik/ *извозчик*. Произношение [š:] вместо [š':] в таких словах является диалектным и не признается допустимым в литературном языке. В литературном языке (это соответствует и московскому произношению) есть два слова, в которых вместо ожидаемого в соответствии с написанием [š':] произносится [š]: /ра'mošn'ik/ *помощник* и /'fs'enašnaja/ *всенощная* (ср. *помощь* и *нощь*, слова пришедшие в литературный язык из церковнославянского в книжной огласовке /ро'mošč'/ и /ноšč'/¹, откуда /ро'moščn'ik/ и /'fs'enoščnaja/). Видимо, такое произношение является результатом упрощения группы согласных /šč'/ > /š/. Впрочем, для петербургского варианта произношения было характерно произношение [š] вместо [š':] перед /n/ в словах *изящный*, *хищный* (*хищник*), *насущный*, *в сущности*, которые тоже связаны с церковнославянским². В настоящее время [š] вместо [š':] в этих словах можно считать устаревшим и для петербургского произношения³.

5. Московское /С'С'/ — петербургское /СС'/. В качестве еще одной особенности, которая могла различать московское и петербургское произношение, часто рассматривается произношение твердого или мягкого согласного перед следующим мягким согласным. В конце XIX — начале XX в. для старомосковского произношения внут-

¹ Соответствующая разговорная огласовка — /ро'moš'/ (ср. *пóмочи*) и /ноš'/.

² Во всех трех корнях шипящий восходит к ц.-сл. рефлексу *tj.

³ В новейшем «Большом орфоэпическом словаре русского языка» (под ред. Л. Л. Касаткина; М., 2012) такое произношение квалифицируется как «неправильное».

ри слова и на стыках предлога и следующего слова было характерно (а в настоящее время возможно в старшей норме литературного произношения) смягчение согласного перед следующим мягким практически во всех типах сочетаний согласных: ср. губные перед губными, переднеязычными, среднеязычным /j/ и заднеязычными — /a'b'm'ep/ обмен, /p'l'et'/ плеть, /f' t'el'i'/ в теле, /a'b'jom/ объём, /p'jom/ пьём, /d'ef'k'i'/ девки и т. п.; переднеязычные перед губными, переднеязычными и /j/ — /d'v'er'/ дверь, /z'd'es'/ здесь, /p'es'n'a/ песня, /ar'mija/ армия, /s'm'er't'/ смерть, /pe't'l'a/ петля, /mos't'ik/ мостик, /koz'l'ik/ козлик, /'praz'n'ik/ праздник, /'zon't'ik/ зонтик, /'pon'č'ik/ пончик, /s'jexal/ съехал, /ad'ju'tant/ адъютант и т. п., но перед заднеязычными произносились твердые переднеязычные — /'v'etk'i'/ ветки, /'tozgi'/ розги, /mark'i'/ марки. Исторически отсутствие смягчения перед мягкими заднеязычными может объясняться тем, что в то время, когда происходила ассимиляция по мягкости как фонетическое изменение, заднеязычные не были **фонологически** мягкими и поэтому не могли оказывать ассимилирующее воздействие на предшествующий согласный, т. к. мягкие заднеязычные стали самостоятельными фонемами и включились в корреляцию по твердости/мягкости после завершения фонетического изменения. Отсутствие самостоятельных заднеязычных фонем /k'/, /g'/, /x'/ на момент смягчения, видимо, препятствовало и палатализации заднеязычных перед следующим мягким согласным, поэтому в старомосковском произношении они обычно оставались твердыми, хотя и утрачивали веляризацию: ср. /kl'ukv'i'/ клюкве, /xm'el'/ хмель, /gn'ef/ гнев, /k s'ev'iru/ к северу и т. п. Не исключено, впрочем, что заднеязычные смягчались, но потом отвердевали раньше других мягких согласных. Об этом, возможно, свидетельствует то, что заднеязычные могли быть мягкими перед /j/ (ср. /k' jugu/ к югу и под.), а также перед гомоорганными согласными (ср. /nal'i'x'k'e/ налегке, /na 'tr'ox' k'i'tax/ на трех китах; ср. также не старомосковские формы /m'ax'kij/ мяхкий, /l'ox'kij/ лѣхкий при старомосковских /m'axkaj/, /l'oxkaj/¹).

Во всех случаях произношения мягкого согласного перед следующим мягким имеется в виду прежде всего результат ассимилятивного смягчения когда-то твердого согласного в московском говоре: ср. /son/ сон — /va s'n'e/ во сне (ср. др.-рус. /съпъ/ сънь — /въ съп'ѣ/ въ сънь). Таким образом, падение редуцированных гласных приводило к тому, что твердое /s/ оказывалось перед мягким /n'/ и подвергалось ассимилятивному смягчению /sn'/ > /s'n'/. Если мягкий согласный оказывался перед твердым, то он должен был подвергаться ассимилятивному отвердению: ср. /p'os/ пѣс — /psa/ пса — /psina/ псина (ср. др.-рус. /p'bsъ/ пьсь — /p'ьса/ пьса — /p'ьs'ina/ пьсина). После падения редуцированных

¹ Обратите внимание, что в этих случаях представлены чередования фонем, различающихся сразу тремя ДП: непалатализованности/палатализованности, глухости/звонкости и смычности/фрикативности (/g//x'/).

др.-рус. /p'ɣsa/ изменялось в /p'sa/ с последующим отвердением — /psa/, но если следующий согласный был мягким, как в /p's'ina/ (из /p'ɣs'ina/), то отвердения в московском говоре не было.

Позднее, однако, начался процесс отвердения мягких согласных и перед мягкими: /p's'ina/ > /ps'ina/ *пцина*, /a'b'm'en/ > /a'bm'en/ *обмен*, /p'let'/ > /p'let'/ *плеть*, /f' t'el'i/ > /f' t'el'i/ *в теле*, /a'b'jom/ > /a'bjom/ *объём*, /p'jom > /pjom/ *пъём*, /d'ef'k'i/ > /d'efk'i/ *девки*, /d'v'er'/ > /dv'er'/ *дверь*, /s'n'ek/ > /sn'ek/ *снег*, /ar'm'ija/ > /arm'ija/ *армия*, /s'm'er't'/ > /sm'ert'/ *смерть*, /pet'l'i/ > /petl'i/ *петли*, /mos't'ik/ > /mos't'ik/ *мостик*, /koz'l'ik/ > /koz'l'ik/ *козлик*, /praz'n'ik/ > /prazn'ik/ *праздник*, /p'es'n'a/ > /p'esn'a/ *песня*, /zon't'ik/ > /zont'ik/ *зонтик*, /ponč'ik/ > /ponč'ik/ *пончик*, /s'jexal/ > /sjexal/ *съехал*. Он происходит неравномерно в разных группах согласных, причем на него оказывают воздействие не только фонетические, но также морфологические, лексические, стилистические факторы. Отверждение мягких согласных охватывает позицию внутри словоформы¹, но на стыках слов мягкий согласный сохраняется: /pet'l'i/ > /petl'i/ *петли* даже при наличии чередования /t'/||/t/ (ср. /pet'il'/ *петель*), но /pet' l'i/ *петь ли*. Но и внутри слова отверждение обычно не происходит в тех случаях, когда мягкость согласного не обусловлена мягкостью следующего согласного: ср. /z'm'ej/ > /zm'ej/ *змея*, /va'z'm'ez'd'ija/ > /va'zm'ez'd'ija/ *возмездие*, /ar'm'ija/ > /arm'ija/ *армия*, /č'er't'i/ > /č'ert'i/ *черти* (ср. /č'ort/ *чёрт*), но /ku'z'm'ič'/ *Кузьмич* (ср. /ku'z'ma/ *Кузьма*), /va'z'm'i/ > /va'z'm'i/ *возьми* (ср. /va'z'mu/ *возму*), /f t'u'r'm'e/ *в тюрьме* (ср. /t'u'r'ma/ *тюрьма*), /v ba'r'b'e/ *в борьбе* (ср. /ba'r'ba/ *борьба*), /u'dar'ti/ *ударьте* (ср. /u'dar'/ *ударь*, /u'dar' ka/ *ударь-ка*). В сущности так называемое отверждение мягких согласных является процессом не фонетическим, а фонологическим, т. е. это не «отверждение» мягкого согласного каким-либо фонетическим контекстом, а постепенная замена палатализованных согласных фонем их непалатализованными коррелятами. Результатом этого процесса является укрепление противопоставления непалатализованных и палатализованных согласных, т. к. увеличивается количество контекстов, в которых перед мягкими согласными возможно противопоставление: ср. /va'zm'ez'd'ija/ *возмездие* — /ku'z'm'e/ *Кузьме*, /č'ert'i/ *черти* — /u'dar'ti/ *ударьте* и т. п.

Процесс этот начался, видимо, в XIX в. и до сих пор еще не завершился. В петербургском произношении он шел, видимо, быстрее, чем в московском. Можно полагать, что в 1-й половине XX в. ассимилятивное смягчение для московского произношения было более характерно. Считается, что в петербургском же варианте литературного произношения внутри слова ассимилятивное смягчение было более или менее обязательным только в группах гомоорганных согласных,

¹ Как показали исследования, существенных различий в ходе отвердения мягких согласных внутри морфемы и на стыках морфем не обнаруживается. См. подробнее: *Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия*. Л., 1976. С. 62—67.

прежде всего переднеязычных (ср. /z'd'es'/ *здесь*, /s' n'an'ij/ *с няней*, /'kos't'i/ *кости*, /'koz'l'ik/ *козлик*, /'praz'n'ik/ *праздник*, /'p'en's'ija/ *пенсия*, /'p'ran'z'it'/ *пронзить*, /'zon't'ik/ *зонтик*, /'ran'n'ij/ *ранний*, /'ot't'isk/ *оттиск*). Однако описания и оценки произношения столь субъективны и противоречивы, что можно предполагать очень высокую степень вариантность произношения на данном участке фонетической системы литературного языка уже на рубеже XIX—XX вв. Лингвисты начала XX в., руководствовавшиеся больше своим собственным произношением, чем результатами экспериментально-фонетических исследований, часто указывали на «неполное смягчение», «небольшое смягчение», «полумягкость» согласных в позиции перед следующим мягким. Так, В. И. Чернышев в работе 1915 г. «Законы и правила русского произношения» отмечал:

«§ 52. Губные звуки *б, п, в, ф* перед мягкими сонорными и перед мягкими *т, д, з, с* имеют обыкновенно неполное смягчение: *лечебница, плен, избрёл, лóннит, врёш, дешёвли, вземлѣ, фсіле (в силе), аптени (обтяни), абдёрни, апсѣил (обсеял), фсе (все)* и т. п., где слышится согласная не вполне твёрдая, но и не мягкая. Но перед мягкими губными и мягкими *г, к, х* губные смягчаются: *абъвернй, ввѣл, любѣви, вбѣить, рифьми (рифме), фьпечи (в печи), дефьки (девки), вхитрысти (в хитрости), аькинул* и т. п.

§ 53. Мало способными к умягчению оказываются заднеязычные *г, к, х*: *гни, книга, хмель* мы произносим лишь с очень небольшим смягчением начальных согласных»¹.

Видимо, характеристику «не вполне твёрдая, но и не мягкая» следует интерпретировать как указание на произношение фонологически твердого, но при этом невеличаризованного согласного. В целом же руководства по литературному произношению 1-й половины XX в., особенно культивировавшие старомосковские нормы, как правило, рекомендовали произносить мягкие согласные (за исключением заднеязычных) в позиции перед мягким.

Экспериментально-фонетическое исследование произношения москвичей и ленинградцев, носителей литературного языка, показало, что в середине XX в. в группах согласных «переднеязычный + переднеязычный» (100 %), «губной + заднеязычный» (100 %), «переднеязычный + губной» (92 %), «губной + переднеязычный» (88 %), «любой согласный + ж» (78 %) в подавляющем большинстве случаев первый согласный группы со вторым мягким — твердый. Значительно чаще произносится твердый согласный перед гомоорганном губным (59 % против 41 %). Лишь в сочетаниях /s't'/, /z'd'/, /n'č'/, /n't'/, /n'd'/, /n's'/, /n'z'/ все дикторы (и москвичи и ленинградцы) произносили в большинстве случаев первый мягкий согласный².

¹ Чернышев В. И. Избранные труды. Т. 1. М., 1970. С. 80.

² Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л., 1976. С. 64—65.

В московском произношении сохранялась мягкость /г'/ перед губными и заднеязычными твердыми согласными (но в принципе независимо от их твердости или мягкости), если это /г'/ восходило к древнерусскому сочетанию редуцированного гласного /ь/ с /г/ между согласными (так называемые сочетания типа *ТЬРТ; ср. др.-рус. *вьрхъ, пьрвыи, сьрпѣ, цьркѣвь, четвьрѣъ* и т. п.). В таких сочетаниях после /г/ перед следующим согласным когда-то развивался вставной редуцированный /ь/¹, который потом исчезал, оставляя след в виде мягкости предшествующего согласного, что и отразилось в старомосковском произношении: ср. /v'eg'x/ *верх*, /p'eg'vaj/ *первый*, /s'eg'p/ *сери*, /seɣ'kaɣ'/ *церковь*, /č'it'v'eg'k/ *четверг* и т. п. В XVIII в. такое произношение могло отражаться и на письме: ср. *верьхніе* в издании 1755 г. «Российской грамматики» М. Ломоносова (§ 48) или надпись на постаменте памятника Петру Первому «ПЕТРУ перьвому ЕКАТЕРИНА вторая лѣта 1782». Мягкий /г'/ в этих случаях на протяжении 2-й половины XIX в. и особенно в XX в. заменялся твердым /г/, и в настоящее время практически полностью исчез из литературного произношения, хотя для некоторых слов (*це/г'/ковь, четве/г'/г, четве/г'/ть*²) рассматривается в современных орфоэпических словарях как устарелое, хотя и допустимое произношение.

6. Московское /šn/ — петербургское /č'n/. Во многих русских говорах, в том числе в московском, происходило изменение /č'/ > /š/ перед /n/ и /n'/, которое обычно интерпретируется как упрощение консонантной группы [t'š'n] > [šn] т. е. утрата начального смычного элемента аффрикаты: *ску/č'/но* > *ску/š/но, наро/č'/но* > *наро/š/но, моло/č'/ный* > *моло/š/ный, сердце/č'/ный* > *серде/š/ный, кори/č'/невый* > *кори/š/невый, праче/č'/ная* > *праче/š/ная, було/č'/ная* > *було/š/ная, яи/č'/ница* > *яи/š/ница* и т. п. Видимо, на определенном этапе в московском говоре (и московском просторечии) произношение /šn/ отражало строгую фонетическую закономерность, однако в XVIII в. уже было возможно произношение как /č'n/, так и /šn/, что создавало условия для вариантности. В церковном и книжном произношении сохранялось старое чтение /č'n/, которое на начальном этапе формирования литературного произношения и считалось литературным. Постепенно, в процессе демократизации литературного языка старомосковское произношение все больше проникало в литературную норму, и к началу XX в. во многих случаях возобладало /šn/, хотя для многих слов в литературном произношении было /č'n/ (*тѣ/č'/ный, истѣ/č'/ник, ре/č'/ной, сѣ/č'/ный, млѣ/č'/ный, мрѣ/č'/ный, втрѣ/č'/ный, на/č'/ну* и др.). Распределение форм /č'n/~ /šn/, видимо, с самого начала имело в литературном произношении лексикализованный характер. Для современного литературного произношения в целом действует

¹ Т. е. исторически это была прогрессивная, а не регрессивная ассимиляция.

² В двух последних словах фактически только перед следующим мягким: *четве[r'ɪ']ь, четве[r'g']е, четве[r'g']и* и т. п.

тенденция к маргинализации старомосковских вариантов с /šn/, которые вытесняются, а во многих случаях уже вытеснены формами с /č'n/. Р. И. Аванесов расценивал произношение /šn/ во многих словах как просторечное (ср. *убыто/š/ный, верёво/š/ный, цвето/š/ница* и т. п.), а в ряде случаев даже как диалектное¹, однако процесс этот идет не прямолинейно, и во многих случаях сохраняются формы с /šn/ (особенно в словах *коне/šn/o* и *наро/šn/o*, а также *яи/šn'/ица* и *подсве/šn'/ик*, которые, как показывают исследования, произносятся «по-московски» даже информантами-москвичами младшей возрастной группы²).

К вариантам произношения с /č'n/~šn/ примыкают варианты /č'to/~što/ в местоимении *что* и производных (*что-нибудь, что-либо, кое-что, что-то, чтобы, ни за что, не за что, ничто, нечто*). Для петербургского произношения наряду с /-što-/ , совпадавшим с московским вариантом, был характерен вариант /-č'to-/ , который соответствовал написанию, но также имел поддержку в формах косвенных падежей (*чего, чему, ни за чем, кое к чему* и т. п.). Р. И. Аванесов рекомендовал произношение /-što-/ , за исключением /'n'eč'to/ *нечто*, слова книжного происхождения, а также допускал варианты /n'i'sto/ и /n'i'č'to/ *ничто*³.

7. **Московское /sk/, /sl'/, /sn/, /zn/ и др. — петербургское /stk/, /stl'/, /stn/, /zdn/ и др.** К различиям, которые характеризуют петербургское произношение как более «книжное», «буквенное», «педантичное», чем московское, следует добавить свойственное старопетербургскому варианту произнесение так называемых «непроизносимых согласных»: ср. ст.-петерб. /ka'stl'avij/ — ст.-моск. /ka's'l'avaj/ *костлявый*, ст.-петерб. /'vlastnij/ — ст.-моск. /'vlasnaj/ *властный*, ст.-петерб. /'strastnij/ — ст.-моск. /'strasnaj/ *страстный*, ст.-петерб. /'žostk'ij/ — ст.-моск. /'žoskaj/ *жесткий*, ст.-петерб. /na'jezd'n'ik/ — ст.-моск. /na'jez'n'ik/ *наездник*, ст.-петерб. /pa'jestka/ — ст.-моск. /pa'jeska/ *поездка* и т. п.

8. **Московское /-kaj/, /-gaj/, /-haj/ — петербургское /-k'ij/, /-g'ij/, /-x'ij/.** Различие между московским и петербургским вариантами произношения затрагивало и некоторые грамматические формы. Так, безударные формы именительного падежа единственного числа мужского рода прилагательных на заднеязычный согласный в московском варианте предпочтительно произносились /-kaj/, /-gaj/, /-haj/ (в фонетической транскрипции [-kəj], [-gəj], [-xəj]), а в петербургском — /-k'ij/,

¹ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Изд. 5-е. М., 1972. С. 143, 145.

² Антонова О. В. Рефлексы старомосковского произношения в современной звучащей речи // Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века /отв. ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. М., 2013. С. 179.

³ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Изд. 5-е. М., 1972. С. 145. БОСРЯ сопровождает произношение /č'to/ *что* и /'n'ešto/ *нечто* пометой *неправ[ильно]*., а /n'i'č'to/ — пометой *не рек[омендуется]*.

/-g'ij/, /-x'ij/ (в фонетической транскрипции [-k'ij̄], [-g'ij̄], [-x'ij̄]): ср. моск. /'gromkaj/ — петерб. /'gromk'ij/ *громкий*, моск. /'strogaj/ — петерб. /'strog'ij/ *строгий*, моск. /'t'ixaj/ — петерб. /'t'ix'ij/ *тихий*.

Московское произношение прилагательных было закономерным продолжением древнерусских форм *gromъkjъ > /gromkoj/, *strogъjъ > /strogoj/, *tixъjъ > /t'ixoj/, которые после оформления акающей нормы в московском говоре дали /'gromkaj/, /'strogaj/, /'t'ixaj/. Соответствующее произношение могло отражаться и на письме. Таким образом, в московском произношении совпали формы И. п. ед. ч. м. р. и Тв. п. ед. ч. ж. р. Ср. у И. А. Крылова:

*И стал осел скотиной превеликой,
А сверх того ему такой дан голос дикой.*

Петербургское произношение прилагательных восходит к книжному произношению, которое соответствовало традиционному церковнославянскому написанию -кьи, -гыи, -хьи, а после перехода /ki/, /gi/, /xi/ в /k'i/, /g'i/, /x'i/ — написанию *-кии, -гии, -хии* (современное *-кий, -гий, -хий*): *gromъkjъ > /gromkij/ > /gromk'ij/, *strogъjъ > /strog'ij/, *tixъjъ > /t'ix'ij/. В прилагательных не на заднеязычный также конкурировали формы, восходящие к московскому и книжному (петербургскому) произношению: /dobraj/, /s'il'naj/ и /dobrij/, /s'il'nij/, но здесь не происходило смягчения согласного, т. к. в древнерусском языке /i/ переходило в /i/ только после заднеязычных. В современном литературном произношении побеждают «петербургские» формы /gromk'ij/, /strog'ij/, /t'ix'ij/, /dobrij/, /s'il'nij/ и т. п. Впрочем, сильная редукция заударных гласных приводит к неразличению вариантов окончаний /-aj/ и /-ij/ в разговорном стиле произношения. В настоящее время старомосковский вариант нормы полностью уступил место петербургскому. Уже Р. И. Аванесов отмечал, что произношение [-k'ij̄], [-g'ij̄], [-x'ij̄] (в его транскрипции [-к'иј̄], [-г'иј̄], [-х'иј̄]) свойственно нейтральному стилю и должно считаться нормативным, а вариант [-кѣј̄], [-гѣј̄], [-хѣј̄] получил стилистически сниженную, даже просторечную окраску¹. В то же время положение старомосковского варианта произношения прилагательных было противоречиво во 2-й половине XX века: с одной стороны он приобрел просторечную окраску, а с другой — продолжал культивироваться в сценической речи артистов академических театров как элемент строгого стиля произношения.

9. **Московское /-sa/||[-s] — петербургское /-s'a/||/-s'/**. Ко времени осознания различий между московским и петербургским вариантами литературного произношения, т. е. к рубежу XIX и XX вв., возникло еще одно противопоставление, касающееся произношения форм с возвратным постфиксом *-ся/-сь*. Для Москвы было более характерно произношение твердого /s/ в этой морфеме (ср. /'mojus/ *моюсь*,

¹ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972. С. 155.

/'moišsa/ моешься, /'milsa/ мылся, /'milas/ мылась, /'mojes/ моясь¹), в Петербурге — чаще произносили мягкое /s'/ . Здесь снова проявилась склонность петербургского произношения к «книжности», т. к. мягкость /s'/ соответствовала написанию. Конкуренция твердого и мягкого вариантов возвратного постфикса привела в современном литературном произношении к почти полному вытеснению твердого произносительного варианта и соответственно к победе и на этом участке системы «петербургской» нормы. Положение здесь похоже на то, которое имеет место в произношении безударных форм прилагательных на заднеязычный согласный.

10. Московское /-ut/ — петербургское /-at/ в 3 лице мн. ч. глаголов 2-го спряжения. Для московского произношения в безударной позиции было характерно окончание /-ut/ (ср. */'xod'ut/ ходят, /'l'ub'ut/ любят, /'uč'ut/ учат, /'dišut/ дышат* и т. п.). Такое произношение возникло в московском говоре морфологическим путем, в результате влияния глаголов 1-го спряжения (ср. */n'i'sut/ несут, /da'jut/ дают* и т. п.). Ему противостоит исконное произношение с флексией /-at/, сохранившееся в петербургском варианте и адекватное написанию, а также, разумеется, имеющее поддержку в форме, выступающей под ударением (ср. */vɣ'i'd'at/ вредят, /gava'ɣ'at/ говорят* и т. п.). В принципе московский вариант, по мнению авторитетных исследователей литературного произношения Р. И. Аванесова и М. В. Панова, на протяжении XX в. практически был вытеснен за пределы литературной нормы, однако современные исследователи отмечают некоторый ренессанс флексии /-ut/ в московском произношении, который пока не находит убедительного объяснения².

Таким образом, произносительная норма современного русского литературного языка включает черты как старомосковского, так и старопетербургского произношения. Московский вариант возобладал в той части нормы, которая касается наиболее общих тенденций развития общерусской фонетической системы (*иканье* вместо *еканья*, /š':/ вместо /šč'/), петербургский — в той части, которая затрагивает произношение грамматических форм (/ -k'ij/, /-g'ij/, /-x'ij/ вместо /-kaj/, /-gaj/, /-xaj/ в И. п. ед. ч. прилагательных муж. р., /-s'a/||/-s'/ вместо /-sa/||/-s'/ в возвратном постфиксе -ся, /-at/ вместо /-ut/ в 3 лице мн. ч. глаголов 2-го спряжения). Такое общесистемное изменение, как отверждение мягких согласных перед мягкими (C'C' > CC') происходило в обоих вариантах литературного произношения, но в петербургском с большей скоростью и интенсивностью, чем в московском. В начале

¹ Единственным исключением из правила произношения твердого /s/ были формы деепричастия с ударением на последнем слоге. Так, деепричастия *смеясь, возвратясь, наклонясь* произносились в московском произношении с твердым /s/.

² Антонова О. В. Рефлексы старомосковского произношения в современной звучащей речи // Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. М., 2013. С. 163—171.

XXI в. вряд ли можно говорить о московском и петербургском вариантах как о более или менее четко противопоставленных подсистемах литературного произношения.

Итак, «борьба Петербурга и Москвы за нормы общерусского литературного произношения», которая происходила на протяжении 2-й половины XIX — 1-й половины XX в., завершилась, а вопрос о нормативном литературном произношении (если иметь в виду конкуренцию между московским и петербургским вариантами) в настоящее время можно считать окончательно разрешенным.

§ 8. Орфоэпия и орфофония

Проблемами вариантности звуковых оболочек значимых единиц языка занимается специальная лингвистическая дисциплина — *орфоэпия* (греч. *ὀρθοέπεια* ‘правильная речь’¹). В отечественной традиции изучения литературного произношения под орфоэпией понимают совокупность норм устной речи, которые недостаточно отражаются на письме. Например, пишется *дверь*, а произносят [dv'er'] и [d'v'er']; пишется *дождь*, а произносят [došt'] и [doš':]; пишется *скудно*, а произносят ['skušna] и ['skuč'na]; пишется *бассейн*, а произносят [bl's'ejn] и [bl'sejn]; пишется *скабрзный*, а произносят *скаб[г'е]зный* и *скаб[г'о]зный* и т. д. Словесное ударение на письме обычно и вовсе не отражается: ср. *звонит, на руку, творог* и т. п., а произносят *звони́т* и *звони́т, на́ руку* и *на́ руку, творо́г* и *творо́г, обеспéчение* и *обеспечéние* и т. п. Как же правильно с точки зрения приемлемого в данное время литературного произношения? Или правильны оба произносительных варианта? А может быть, они различаются стилистически? На эти вопросы и отвечает орфоэпия, которая занимается не только описанием и обоснованием произносительных норм, но также дает носителям языка конкретные рекомендации относительно правильности или неправильности, уместности или неуместности того или иного из сосуществующих в речи вариантов произношения.

Однако орфоэпия как лингвистическая дисциплина (и область лингвистических исследований) занимается не только вариантами произношения, хотя они и находятся в фокусе внимания специалистов по орфоэпии. В широком смысле объектом орфоэпического описания является совокупность норм, обеспечивающих звуковое оформление значимых единиц литературного языка — прежде всего словоформ, но также и состоящих из них предложений. Одна из основных задач орфоэпии — выявление и описание норм литературного произношения, а значит и проведение водораздела между литературным (орфоэпическим) и нелитературным произношением, поэтому специалисты по орфоэпии не могут ограничиваться только литературным произношением, изучают значительно более широкий круг фонетических

¹ От греч. *ὀρθός* ‘правильный’ и греч. *ἔπος* ‘речь’.

явлений, в том числе просторечных и диалектных, выходящих за пределы литературной нормы.

С одной стороны, орфоэпия может рассматриваться как составная часть фонетики конкретного языка и как таковая исследует произносительные варианты с точки зрения того, как они различаются фонетически, с другой стороны, орфоэпия тесно связана со стилистикой и культурой речи, поэтому в сферу ее интересов входит не только описание произносительных вариантов и обоснование норм литературного произношения, но также установление стилистических различий между сосуществующими вариантами. Важнейшей задачей орфоэпии является изучение стилистического расслоения звучащей речи и произносительных стилей.

Дискуссионным остается и вопрос об объеме понятия «орфоэпия». Здесь можно выделить несколько проблем. Некоторые лингвисты считают, что в отличие от собственно *фонетики*, изучающей общие закономерности фонетической системы, которые носят массовый характер и не знают исключений, *орфоэпия* занимается отклонениями от этих общих закономерностей и исключениями из правил, внесистемными случаями, единичными явлениями¹. При таком подходе правила реализации фонемы /а/ в позиции под ударением, в 1-м ([л]) и 2-м ([ə]) предударных слогах (ср. /gala'va/ → [gəɫ'va] *голова́*) и правила чередования ударного /о/ с безударным /а/ (ср. /gala'va~/~'golavu~/~galof/ *голова́ — го́лову — гóлов*) будут находиться в ведении фонетики, а произношение безударного /о/ в словах /po'et/ *поэт*, /bo'mont/ *бомонд* и т. п. войдет в сферу орфоэпии².

Большинство фонетистов, впрочем, придерживаются традиционной точки зрения, согласно которой в орфоэпию включается вся фонетическая система литературного произношения: состав фонем, правила реализации фонем в определенных фонетических позициях и оформление звуковых оболочек конкретных словоформ в соответствии с этими правилами. Такой подход не в последнюю очередь обусловлен тем, что вариантность пронизывает всю фонетическую систему и довольно трудно отделить «системные» явления от «несистемных». Кроме того, учет в орфоэпическом описании всей фонетической системы языка диктуется и некоторыми практическими задачами орфоэпии. Так, при обучении литературному произношению людей, в речи которых имеется диалектный субстрат, необходимо именно системное сопоставление диалектной фонетики и произносительной

¹ Ганиев Ж. В. Русский язык: Фонетика и орфоэпия. М., 1990. С. 108.

² При этом орфоэпические явления сопровождаются комментариями о допустимости или недопустимости соответствующего произносительного варианта в литературном произношении. Так, для слова *поэт* произношение /po'et/ в настоящее время признается допустимым, но необязательным (возможно и /pa'et/), в то время как для слова *бомонд* нормативным считается вариант /bo'mont/, а вариант /ba'mont/ признается лишь допустимым.

нормы литературного языка, различие между которыми часто затрагивает и состав фонем, и правила их реализации по позициям, т. е. именно системные явления.

При этом нужно иметь в виду, что фонетика в первую очередь занимается изучением состава и системы фонем, их различительными признаками, а также правилами реализации фонем в определенных фонетических позициях. Конечно, фонетика извлекает информацию о составе фонем и о правилах их реализации из звуковых оболочек значимых единиц языка, но в принципе она рассматривает звуковой строй как бы в отвлечении от конкретных единиц языка. Так, фонетист исходит из того, что звуковые оболочки словоформ состоят из фонем (если в словоформе имеется гласная фонема, то это либо /i/, либо /i/, либо /u/, либо /e/, либо /o/, либо /a/), что эти фонемы в конкретных словах реализуются определенными аллофонами в зависимости от фонетической позиции (если фонема /a/ находится в позиции 1-го предударного слога, то она реализуется аллофоном [ʌ], независимо от того, какая это словоформа — /va'da/→[vʌ'di] *вада*, /da'ma/→[dʌ'mä] *дома*, /sa'di/→[sʌ'di] *сады* и т. п.), что в звуковых оболочках русских словоформ не сочетаются звонкие и глухие шумные фонемы и т. д., но для фонетики эти правила реализации и сочетаемости фонем не зависят от конкретных словоформ. В орфоэпии же на первом плане находится фонетическое оформление звуковых оболочек конкретных словоформ, из каких фонем состоят конкретные словоформы, особенно в тех случаях, когда в языке возможны варианты: одни носителя литературного языка говорят /po'et/→[pɔ'et] *поэт*, /bo'mont/→[bɔ'mɔnt] *бомонд*, другие — /pa'et/→[pʌ'et], /ba'mont/→[bʌ'mɔnt]. Фонетическая система русского литературного языка разрешает существование фонемы /o/ как под ударением, так и в безударной позиции (ср. /no 'vas/→[nɔ 'vas] *но вас* — /na 'vas/→[nʌ 'vas] *на вас*).

Таким образом, если для *фонетики* главное — система фонетических единиц и средств (фонемы и их признаки, разные типы акцентного выделения и их фонетические корреляты и т. п.), то для *орфоэпии* важно, соответствует ли состав фонем и место словесного ударения в конкретных словоформах, а также ритмико-интонационное оформление конкретных фраз нормам литературного произношения¹.

Впрочем, правила аллофонного варьирования фонем тоже учитываются при изучении произносительной нормы литературного языка и входят в круг интересов орфоэпии (в широком смысле слова, т. е. если рассматривать орфоэпию как дисциплину, изучающую совокупность норм литературного произношения). Вопросами аллофонного варьирования занимается особый аспект изучения произносительной

¹ Различие между фонетикой и орфоэпией можно в какой-то степени уподобить различию между графикой и орфографией в буквенно-звуковом письме (см. Гл. 9, § 3): графика определяет общие правила обозначения фонем буквами алфавита безотносительно к конкретным словам, а орфография — правила обозначения фонем буквами в конкретных словоформах (морфемах).

нормы — *орфофония*. Если *орфоэпические* правила определяют состав фонем и место ударения в конкретной словоформе, а также выбор нужной интонационной конструкции в конкретной фразе, то *орфофония* отвечает за правильность (с точки зрения нормативного литературного произношения) реализации фонем и ритмико-интонационного контура слова и фразы. Впрочем, реализация ритмико-интонационного контура фактически тоже связана с аллофонным варьированием, т. к. супrasegmentные средства реализуются в сегментах речевого потока.

И орфоэпия, и орфофония оценивают сосуществующие в речи производительные варианты прежде всего с точки зрения их соответствия принятому в данном речевом коллективе нормативному произношению, то есть в плане их *орфоэпической* и *орфофонической* правильности. Соответственно и отклонения от правильного (нормативного) литературного произношения, т. е. «произносительные ошибки», можно подразделить на *орфоэпические* и *орфофонические*. Типичными орфоэпическими ошибками являются такие, когда нарушен фонемный состав словоформы или ударение поставлено не на тот слог: например, /mu'zej/ вместо /mu'z'ej/ *музей*, /kal'i'dor/ вместо /kar'i'dor/ *коридор*, /inci'nd'ent/ вместо /inci'd'ent/ *инцидент*, /'golup/ вместо /'golup'/ *голубь*, *шофер* вместо *шофёр*, *приняла* вместо *принял* и т. п. Вариантность в ударении часто сопровождается и различиями в фонемном составе (ср. /'šof'ir/ *шофер* и /ša'f'or/ *шофёр*). Если носитель литературного языка стремится избегать грубых орфоэпических ошибок в своем произношении, ему следует обращаться к соответствующим справочникам и пособиям по орфоэпии, в частности к орфоэпическим словарям, в которых существующие варианты произношения сопровождаются соответствующими пометами. Орфоэпические варианты (и ошибки), которые чаще касаются конкретных слов и форм, носителями языка замечаются и осознаются легче, чем орфофонические. Орфофонические ошибки не затрагивают смысловозначительных противопоставлений, но характеризуют всю речь говорящего целиком, все реализации той или иной фонемы, т. к. связаны с реализацией фонемы не в словах, а в фонетических позициях. Так, орфофонической ошибкой будет недостаточное смягчение аффрикаты /č'/ или наоборот палатализация фонем /š/ и /ž/ в соседстве с мягкими согласными (ср. ['pr'ež'd'i] *прежде*, ['ra'n's'i] *раньше*, ['bo'l's'i] *больше*), реализация фонемы /l/ невелиризованным согласным типа «среднеевропейского» [l] вместо русского [л] ([l'oškə] вместо [l'oškə] *ложка*), реализация фонемы /a/ в первом предударном слогом звуком [ɔ] (ср. [xɔg'šo] вм. [xɔg'l'šo] *хорошо*) или во втором предударном — звуком [л] (ср. [xɔg'l'šo] вм. [xɔg'šo] *хорошо*). Совокупность орфофонических отклонений от нормативного произношения ощущаются носителями языка как *акцент*, диалектный или иностранный. В принципе речь без орфоэпических отклонений может допускать отклонения орфофонические, и наоборот: носитель языка может правильно реализовать фонемы, но допускает орфоэпические отклонения в отдельных конкретных словах. Конечно, последний случай является более обычным. В целом можно

понимать различие между орфоэпией и орфофонией так, что орфоэпия занимается фонологическими правилами оформления словоформ и местом словесного ударения, а орфофония — фонетическими правилами реализации фонем в речи.

Другая проблема, связанная с объемом понятия «орфоэпия», состоит в том, стоит ли включать в орфоэпию супрасегментные явления. Словесное ударение обычно включают в орфоэпию, более того, вопросы ударения часто выступают на первый план, так как вариантность в области русского ударения очень велика. При этом словесное ударение, которое является в русском языке морфонологическим средством (см. Гл. 5, § 2), тянет за собой в орфоэпию и различные морфонологические явления, т. к. варианты ударения часто сопровождают варианты флексий (ср. *о лесе* — *в лесу*, *о ветре* — *на ветру*, *на доме* — *на дому* и т. п., *профессоры* — *профессора*, *слесари* — *слесаря* и т. п.). Если орфоэпия занимается вариантами *в лесе* и *в лесу* в связи с ударением, то почему не включить в ее ведение и варианты *сыра* и *сыру*, *чая* и *чаю* и т. п., где ударение уже не играет роли? В результате так и получается: в словари, которые называются орфоэпическими (см. § 9), как правило, включается большое количество морфологической информации, не имеющей прямого отношения к собственно «произношению». Что касается правил интонационного оформления речи, то необходимость их включения в орфоэпию обычно признается, однако на практике современные орфоэпические описания ограничиваются произношением отдельных словоформ и словесным ударением, обычно оставляя в стороне произношение связного текста и его интонационное оформление.

Не следует смешивать нормативность произношения и качества дикции. Прекрасная дикция может сопровождать ненормативное произношение и наоборот. Четкость и ясность артикуляции особенно важны в публичной речи, поэтому вопросы техники речи, которые, разумеется, не ограничиваются дикцией, также примыкают к орфоэпической проблематике¹.

§ 9. Кодификация произносительной нормы. Орфоэпические словари

Нормы литературного произношения в целом едины (с учетом вариантности внутри нормы) и обязательны для всех носителей русского языка, пользующихся устной формой литературного языка, независимо от места их проживания и социального статуса. Нормы произношения не носят столь обязательного характера, как, например, орфографические нормы. Как мы видели, произносительных вариантов для одной словоформы может быть очень много, а кодификация произноситель-

¹ Подробнее об этом см.: *Ганиев Ж. В.* Русский язык: Фонетика и орфоэпия. М., 1990. С. 112—122 (Гл. 10. Культура звучания коммуникативных единиц языка), с. 145—151 (§ 55. Особенности русского профессионального произношения в публичной речи).

ной нормы заключается не только в том, чтобы забраковать какие-то варианты как неприемлемые для литературного языка, но и в том, чтобы ранжировать для литературной речи варианты в зависимости от стиля речи. Норма литературного произношения усваивается в процессе общения с носителями нормативного произношения, в семье, во время обучения в школе и университете, в академическом театре. Поскольку произносительная норма, как и вообще языковая норма, формируется стихийно в процессе речевой деятельности носителей языка, лингвисты должны не столько определить или предписать нормы произношения, сколько зафиксировать эту норму, описать ее и предупредить носителей языка, что отклонения от принятого в настоящее время произношения могут привести к некоторым нежелательным для говорящего последствиям. Нарушение произносительных норм литературного языка, отвлекая от содержательной стороны речи, может приводить к затруднениям в общении, а в каких-то случаях даже к негативному восприятию собеседника, уровня его образованности, социального статуса.

Общенациональный характер литературного языка и обязательность его норм приводит к необходимости их кодификации, т. е. фиксации их в общих кодексах — академических грамматиках и словарях, а также в более мобильных специальных справочниках и пособиях. Кодифицированы и нормы русского литературного произношения. Кодификация устной формы литературного языка — дело более сложное, чем кодификация письменной формы, хотя бы потому, что нормы произношения приходится кодифицировать в письменной форме. Кроме того, само произношение в очень слабой степени сознательно контролируется говорящими, причем по-разному в разных стилях речи. Кодификация литературного произношения отражена в специальных пособиях по русской орфоэпии и орфоэпическим словарям. В случае сомнений относительно нормативности того или иного варианта произношения желающему избегать отклонений от норм орфоэпического произношения следует обращаться к этим источникам.

Сведения, касающиеся произношения, находили отражение в грамматиках и словарях русского языка, начиная с XVIII в. Так, «Словарь Академии Российской» (1789—1794) указывал место ударения и приводил сведения о произношении некоторых слов. Однако научные описания, прямо направленные на кодификацию русского литературного произношения, и руководства, содержащие орфоэпические рекомендации для говорящих, стали появляться в начале XX в. Одним из первых описаний русского литературного произношения конца XIX — начала XX в., оказавших заметное влияние на развитие русской орфоэпии, была работа В. И. Чернышева «Законы и правила русского произношения. Звуки. Формы. Сочетания слов: Опыт руководства для учителей, тещев и артистов» (3-е изд., пересмотренное. Пг., 1915)¹.

¹ Первое издание вышло в 1908 г. 3-е издание 1915 г. значительно расширено, оно переиздано в кн.: *Чернышев В. И. Избранные труды. Т. 1. М., 1970.*

В это же время начинают выходить словари ударений (Чернышев В. И. Русское ударение. Пособие к его изучению и употреблению. СПб., 1912; Огиенко И. И. Русское литературное ударение. Киев, 1915). Большое значение для изучения русского литературного произношения имели работы Л. В. Щербы и Д. Н. Ушакова. «Толковый словарь русского языка» (1935—1940) под редакцией Д. Н. Ушакова отразил нормы русского литературного языка, в том числе произносительные, как они сложились к 30-м годам XX в.

Вторая половина XX в. в области орфоэпии прошла под знаком научной и кодификаторской деятельности Р. И. Аванесова и его сотрудников. Наиболее полное и систематическое описание русского литературного произношения середины и 3-й четверти XX в. представлено в его книге «Русское литературное произношение», 1-е издание которой вышло в 1950 г., а последнее прижизненное — 5-е, переработанное и дополненное, — в 1972 г. В 1955 г. появляется словарь «Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова». Это был первый опыт составления собственно орфоэпического словаря на основе описания литературного произношения, представленного в 1-м издании «Русского литературного произношения» Р. И. Аванесова. Через несколько лет под редакцией тех же лингвистов вышел уже не «опыт», а нормативный словарь орфоэпического типа «Русское литературное ударение и произношение. Словарь-справочник» (М., 1959). Этот словарь отличался от предшествующего ему «опыта» тем, что включал значительно больше грамматической информации, прямо не связанной с произношением. Эти изменения отражают движение словаря от орфоэпического (в узком смысле, т. е. ориентирующегося на произношение) словаря к словарю трудностей. Однако словари трудностей включают в основном слова и формы, которые имеют варианты и при употреблении которых носители языка часто допускают отклонения от норм, в то время как орфоэпический словарь является значительно более представительным. Из практических соображений орфоэпический словарь всегда включает избыточную грамматическую информацию, прежде всего потому, что место словесного ударения, которое всегда отражается в таком словаре, в русском языке является частью грамматического описания. Окончательный вид задуманный Р. И. Аванесовым орфоэпический словарь получил в вышедшем в 1983 г. «Орфоэпическом словаре русского языка»¹. В этом словаре не сопровождается фонетической транскрипцией каждая словоформа слова, специально указываются только произносительные особенности, которые не учитываются правилами чтения: ср. **весна́**, -ы́ ... **весне́** [**с^бн^б**], **пéнсия**, -и [**н^бс^б**] и т. п. Отмечаются варианты произношения,

¹ *Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А.* Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Около 65 000 слов / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983. 704 с.; 5-е изд., испр. и доп. М., 1985. Изд. 6-е и др., стереотипные, 1997, 1999, 2000, 2001 и т. п.

которые сопровождаются пометами, указывающими на равноправие вариантов, их предпочтительность и допустимость или недопустимость: ср. «**дѣйствие**, -я [с^бт^бв^б и доп. ст^вб]; **бассейн**, -а [сѣ и сѣ́]; **музѣй**, -я !*неправ.* му[зэ]й; **магазин**, -а !*грубо неправ.* мага́зин; **жю́ри** *нескл. с. !не рек.* [жу]ри́; **ѣздить**, ѣзжу, ѣздит, *нов.* ѣзди Δ ездить <...> [з^бд^б], ѣзжу [ж^бж^б и доп. жж] !*неправ.* ѣздию, ѣздиет, ѣздий; **поѣт**, -а [факульт. по]» и т. п. В этом словаре посредством знака «» указывается и побочное ударение: **бѣмбоубѣжище**, **вѣдораспределительный** и т. п.

В конце XX — начале XXI в. последнее время вышло сразу несколько новых нормативных словарей-справочников орфоэпического типа.

- *Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф.* Словарь трудностей русского произношения. М., 1997; 2002. Словарь включает около 15 000 слов, представляющих какую-либо трудность при произношении или постановке ударения. В нем даются варианты произношения, нормативные рекомендации, а также толкования заимствованных, специальных и редких слов.
- *Горбачевич К. С.* Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. СПб., 2000. В словаре насчитывается 12 000 слов, не считая вариантов и отсылочных слов. Главное внимание уделяется вариантам произношения, связанным с твердостью/мягкостью согласных в заимствованных словах (ср. модѣрн. Произносится [модѣрн]; тѣрмин. Произношение [тѣрмин] устарело; тѣрмос. Произносится [тѣрмос] и допустимо [тѣрмос] и т. п.), вариантам с огласовкой [е] и [о] (ср. желчѣ и жѣлчѣ; манѣвр и *допустимо манѣвр*. Произношение ма не в р (вместо ма н ѣ в р в соответствии с французским) нередко встречается в современной поэзии; мешѣчек (*неправильно мешѣчек*) и т. п.), фонетико-орфографическим вариантам (галѣши и устаревающее калѣши) и т. п. В то же время варианты, обычно трактуемые как различия между московским и петербургским произношением ([хѣдют] и [хѣдят] и т. п.), не рассматриваются. Как видим, приводимые в данном словаре в квадратных скобках формы весьма условно могут считаться фонетической транскрипцией.
- *Резниченко И. Л.* Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение: Ок. 25 000 единиц. М., 2003. В словаре около 25 000 слов.
- *Богданова Н. В., Вербицкая Л. А., Скляревская Г. Н.* Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения. Краткий словарь-справочник. СПб., 2002. Это небольшой словарик (всего около 850 слов), ориентированный на лексику русского языка как государственного. Он сопровождается простой системой запретительных помет и рассчитан на представителей современной политической элиты, желающих повысить уровень своей речевой культуры.
- Некоторые пособия, посвященные проблемам произносительной нормы современного русского языка, содержат небольшие орфоэпические словари. Так, к пособию Л. А. Вербицкой «Давайте

говорить правильно!» в качестве приложения дается «Словарь-справочник. Лексическое ядро русского языка (с орфоэпическими и орфофоническими пометами)»¹. В отличие от других орфоэпических словарей, грамматическая информация в данном справочнике сведена к минимуму. Каждое слово сопровождается фонематической транскрипцией (по Щербовской фонологической школе), причем только словарная форма слова: ср. **ездить** /jéz'd'it'/, **маневр** /mánevŕ/, **модерн** /madérn/, **молочник** /malóč'n'ik/, **яйцо** /jijcó/ и т. п. В отдельных случаях указываются варианты произношения: **еще** /jíš':o/, *возм.* /iš':o/; **желчный** /žélč'nyj/, *возм.* žólč'nyj/; **первое** /p'ervai/, *возм.* /p'ervae/; **термин** /térn'in/, *возм.* /t'érn'in/ и т. п. Однако запретительные пометы отсутствуют. Необходимо обратить внимание на то, что этот словарь-справочник, в отличие от всех остальных орфоэпических словарей и пособий, стремится провести орфоэпическую норму произношения [i] ([ы]) на месте орфографического «э» в начале слова не под ударением: ср. **экономика** /ykanóm'ika/, **экран** /ykrán/, **элита** /yl'íta/, **энтузиаст** /yntuz'íast/ и т. п.² Несмотря на то, что такое произношение как результат еканья в заимствованных словах на букву «э» встречается в речи носителей литературного языка (по крайней мере в позиции перед следующим твердым согласным), данную орфоэпическую рекомендацию в настоящее время невозможно поддержать. Большинство орфоэпических словарей рекомендуют произношение **экономика** /ika'nom'ika/, **экран** /ik'ran/, **элита** /il'íta/, **энтузиаст** /intuz'i'ast/ и т. п. Также не представляется удачной фонологическая трактовка безударного гласного после мягкого согласного в абсолютном конце слова как /i/ (обычно на месте орфографического -я или -е в формах именительного падежа женского и среднего рода) и вытекающая из этого орфоэпическая рекомендация: ср. **армия** /árm'ii/, **внимание** /vp'imán'ii/, *возм.* /vp'imán'ie/ и мн. др.³

- Большим событием в сфере кодификации русской произносительной нормы стал выход в 2012 г. «Большого орфоэпического словаря русского языка» (БОС) под редакцией Л. Л. Касаткина⁴. В БОС включались слова, которые имеют варианты произношения в одинаковых фонетических позициях и на письме сочетания букв, которые могут читаться по-разному в разных словах (**було**[ч']

¹ *Вербицкая Л. А.* Давайте говорить правильно. 3-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 145–237.

² Такое же произношение рекомендуется и в словаре: *Богданова Н. В., Вербицкая Л. А., Скляревская Г. Н.* Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения. Краткий словарь-справочник. СПб., 2002.

³ *Вербицкая Л. А.* Давайте говорить правильно. 3-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 145, 148 и др. Впрочем, проводится эта рекомендация непоследовательно: ср. **вакансия** /vakan's'ija/, **пенсия** /p'én's'ija/ и др.

⁴ *Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2012.

ная и **було**[ш]ная, **отлі**[ч']ник и **двѐ**[ш]ник, [д'и^е]кán и [ды^е]кán, **квар**[т'ѐ]т и **кор**[тэ]ж и т. п.), а также имеют варианты ударения в одной словоформе (**бáржа** и **баржá**) или в разных словоформах парадигмы (**мост**, **мостá**, **на мосту́**, но **о мѐсте**, *мн.* **мосты́**, **мостáм**). В словаре представлен максимально широкий набор произносительных вариантов для каждого из более чем 80 000 включенных в него слов. БОС отличается от других орфоэпических словарей тем, что это уже не только орфоэпический словарь трудностей, но в известной степени и фонетический словарь русского литературного языка, в котором отмечаются варианты, принадлежащие к старшей и младшей норме (ср. **и́наче** и *допуст.* *старш.* **и́наче**; **дѐ**[фст]венник, *допуст.* *старш.* дѐ[фст']венник и *допуст.* *устарелое* дѐ[фс'т']венник), а также варианты произношения, встречающиеся в разных фонетических позициях и в беглой речи (ср. **вооружáть** \ \ **в[эа]ружáть**, в беглой речи возможно в[э]ружáть; **явѝть**... — [и^е]вѝть и *допуст.* [йи^е]вѝть, а пред твердым согласным в слове **явлѝние**... \ \ [йи^е]влѝние и [и^е]влѝние; и *допуст.* *устарелое* я[в']лѝние; **явлѝ[н'и]е** и **явлѝ[н'й]е**, в беглой речи возможно явлѝ[н'н']е и явлѝ[н']е; **здáвствуйте** \ \ [здáвстуй]те и *допуст.* [здáс']те, в беглой речи возможно [дрáс']те). Система запретительных помет имеет градацию — «не рекомендуется» → «неправильно» → «грубо неправильно»: ср. в форме **готѐвьтєсь** — **готѐ**[ф']тєсь !не рек. готѐ[ф]тєсь; **жу**[рѝ] !не рек. [ж'у]рѝ; **корѝ**[ч']невѝй !не рек. корѝ[ш]невѝй; ср. в форме **готѐвьсѝя** — **готѐ**[ф']сѝя !неправ. готѐ[ф]сѝя; **фа**[н'ѐ]ра !неправ. фа[нѐ]ра; ср. **досуг**, досугá, *мн.* досугѝ, досугáм !грубо неправ. дѐсуг...; **капиталѝ**[з]м ! грубо неправ. капиталѝ[з']м; **симпатѝ**[ч']нѝй !грубо неправ. симпатѝ[ш]нѝй.

Способы подачи орфоэпической информации во всех этих словарях могут различаться. Например, по-разному передается твердость/мягкость согласных: ср. варианты [тэ́нор] и [тѐнор] в Словаре К. С. Горбачевича, [тэ́нор] и [т'ѐ]нор в Словаре И. Л. Резниченко¹ и [тэ́нор] и [т'ѐ]нор в БОС. Орфоэпические рекомендации авторов (кодификаторов) словарей также могут не совпадать, хотя все они стремятся отразить существующую на момент составления словаря произносительную норму. Вызвано это объективными причинами и связано в первую очередь с нестабильностью нормы. Решение кодификатора, т. е. квалификация того или иного варианта произношения как нормативного или ненормативного, принадлежащего старшей или младшей норме, допустимого или недопустимого и т. д., определяется тремя основными факторами: распространенностью варианта в речи носителей литературного языка, произносительной традицией и соответствием варианта тенденциям развития языка. Составители орфоэпических словарей в разной степени принимают во внимание

¹ Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение: Ок. 25 000 единиц. М., 2003. С. 1009.

эти факторы и по-разному оценивают роль того или иного фактора, поэтому в основе принятия конкретных решений в значительной степени лежит лингвистическая интуиция специалистов в области орфоэпии. От кодификаторов требуется известная смелость для того, чтобы кодифицировать вариант, который орфоэпическая традиция рассматривала как неприемлемый. Излишняя ориентация некоторых орфоэпических словарей на предшествующую произносительную традицию (часто это проявление так называемого «ученого пуризма») приводит к тому, что в них как нормативные часто представлены варианты произношения, которые уже не соответствуют реальной речевой практике основной массы носителей литературного языка. Для современных орфоэпических словарей характерно признание довольно широкой вариантности в произношении, менее жесткая система запретительных помет.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1972.
2. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. М., 1998. С. 247—267 (Гл. 11. Фонетика и произносительная норма).
3. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б.* Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64—70.
4. *Вербицкая Л. А.* Давайте говорить правильно. 3-е изд., испр. и доп. М., 2003.
5. *Вербицкая Л. А.* Русская орфоэпия (К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы). Л., 1976.
6. *Ганиев Ж. В.* Русский язык: Фонетика и орфоэпия. М., 1990.
7. *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 178—222 (Орфоэпия. § 51—60).
8. *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика, орфография. М., 2005. С. 226—253 (Ч. IV. Орфоэпия).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Вербицкая Л. А., Игнаткина Л. В., Т. А. Сергеева, Н. И. Гейльман.* Литературное произношение. Разговорная речь // Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи / Под общ. ред. Л. Р. Зиндера и Л. В. Бондарко. Л., 1980. С. 100—122.
2. *Высоцкий С. С.* О московском народном говоре // Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М., 1984. С. 22—37.
3. *Ганиев Ж. В.* Неизменный принцип русской орфоэпии. М., 2009.
4. *Горбачевич К. С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971. С. 41—89 (Гл. II. Изменения в ударении), с. 90—107 (Гл. III. Изменения в произношении).
5. Динамика структуры современного русского языка / Отв. ред. проф. В. В. Колесов. Л., 1982. С. 7—22 (Социолингвистические аспекты изменения современного русского языка), с. 22—51 (Функционирование звуковой

- системы литературного русского языка в современных условиях), с. 61—76 (Тенденции развития русского ударения и грамматическая форма слова).
6. *Еськова Н. А.* О принципах составления русского нормативного словаря орфоэпического типа // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 123—124.
 7. *Каленчук М. Л.* О фонетической и орфоэпической подсистемах русского литературного языка // Язык: система и подсистемы: К 70-летию М. В. Панава. М., 1990. С. 58—69.
 8. *Каленчук М. Л.* О фонетической обусловленности и орфоэпической прикреплённости // Проблемы фонетики. I / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1993.
 9. *Колесов В. В.* Фонетические особенности современного просторечия в границах национального языка // Язык и общество. Вып. 4. / Отв. ред. проф. Л. И. Баранникова. Саратов, 1977. С. 78—97.
 10. *Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.
 11. *Пожарицкая С. К.* Орфоэпия: идеи и практика // Язык и речь: проблемы и решения: Сборник научных трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой / Под ред. Г. Е. Кедровой и В. В. Потапова. М., 2004. С. 231—238.
 12. *Поливанов Е. Д.* О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка (1931 г.) // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 206—224.
 13. *Поливанов Е. Д.* Фонетика интеллигентского языка (1931 г.) // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 225—235.
 14. *Розанова Н. Н.* Современное московское просторечие и литературный язык (на материале фонетики) // О московском народном говоре // Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М., 1984. С. 37—65.
 15. Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. М., 2013. С. 13—103 (Гл. I. Активные процессы в основной фонетической системе русского литературного языка), с. 104—224 (Гл. II. Активные процессы в фонетике подсистем современного русского литературного языка).
 16. Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974. С. 38—155 (II. Фонетика: фонетические варианты и их социальное распределение).
 17. *Ушаков Д. Н.* Современный русский язык. Орфоэпия // Ушаков Д. Н. Русский язык. М., 1995. С. 148—188.
 18. *Чернышев В. И.* Законы и правила русского произношения. Звуки. Формы. Ударение. Опыт руководства для учителей, тещов и артистов (3-е изд. 1915 г.) // Чернышев В. И. Избранные труды. Т. 1. М., 1970. С. 51—100.
 19. *Чернышев В. И.* Как говорят в Петербурге (1913 г.) // Чернышев В. И. Избранные труды. Т. 2. М., 1970. С. 338—346.
 20. *Щерба Л. В.* О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 141—146.
 21. *Щерба Л. В.* Теория русского письма. Л., 1983. С. 21—29 (§ 17—25. Разные стили произношения. Отношения между письмом и орфоэпией).

§ 1. Открытие фонемы и возникновение фонологии

Фонология обычно определяется как раздел лингвистики, который изучает звуковые средства с точки зрения их функционирования в языке. При этом фонология, как правило, либо включается в фонетику (в широком смысле) в качестве одного из ее аспектов, либо — реже — противопоставляется фонетике как естественнонаучной дисциплине¹. Однако, как бы то ни было, первоначально фонология выделилась из фонетики именно как один из ее аспектов, хотя название «фонология» окончательно закрепилось за ним несколько позже. В основании фонологии лежит теория фонемы, и возникновение теории фонемы было одновременно и началом становления фонологии.

До возникновения фонологии даже среди лингвистов господствовало убеждение, что каждый звук речи в его физической реальности представляет собой языковую единицу. Эта иллюзия стала рушиться во 2-й половине XIX в. по мере развития инструментальной фонетики. Становление фонологии, т. е. открытие фонемы как языковой единицы и формирование теории фонемы, происходило в борьбе против физикалистского представления о звуковых единицах языка. Главная роль в этом принадлежала двум лингвистам — Яну Игнацы Нечиславу Бодуэну де Куртенэ (1845—1929), которого в России, где он много лет работал, принято звать Иваном Александровичем, и его ученику Льву Владимировичу Щербе (1882—1944).

¹ Противопоставление *физиологии звуков* как науки вспомогательной для лингвистики (т. е. не лингвистической) и *фонетики* как науки лингвистической восходит к Ф. де Соссюру (см. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 70—71). *Физиологию звуков* он называл (в противоречии со всей последующей традицией) *фонологией* («Фонология находится вне времени, так как механизм артикуляции всегда остается тождественным самому себе <...> [фонология] для науки о языке — лишь вспомогательная дисциплина и затрагивает только речь»), а *фонетику* же считал одним из основных разделов науки о языке, изучение которого, по мнению Соссюра, может быть только «историческим» («Фонетика — наука историческая: она анализирует события, преобразования и движется во времени»).

Начало учению о фонеме положил И. А. Бодуэн де Куртенэ. Ему принадлежит открытие того, что фонема не идентична звуку, т. е. он первый противопоставил *звук* как физическое явление и *фонему* как языковую единицу.

В 1870 г., выступая с вступительной лекцией в Санкт-Петербургском университете, он выразил свое фонологическое кредо: «Предмет *фонетики* составляет:

- а) рассмотрение звуков с чисто физиологической точки зрения, естественные условия их образования, их развития, и их классификация, их разделение (уже здесь нельзя рассматривать язык в отвлечении от человека, а, напротив того, следует считать звуки акустическими продуктами человеческого организма)¹;
- б) роль звуков в механизме языка, их значение для чутья народа, не всегда совпадающее с соответственными категориями звуков по их физическому свойству и обусловленное, с одной стороны, физиологической природой, а с другой — происхождением, историей звуков; это разбор звуков с *морфологической*, словообразовательной точки зрения; наконец, предмет фонетики составляет
- в) генетическое родство звуков, их история, их этимологическое и строго морфологическое сродство и соответствие, — это разбор звуков с точки зрения *исторической*.

Первая физиологическая и вторая морфологическая части фонетики исследуют и разбирают законы и условия жизни звуков в состоянии языка в один данный момент (статика звуков), третья же часть — историческая — законы и условия развития звуков во времени (динамика звуков)².

В этом рассуждении Бодуэна есть уже довольно четко сформулированное противопоставление физической и функциональной реальности звуковой стороны языка, есть указание на единство фонетики, которая изучает обе эти реальности, но пока еще нет понятия фонемы. Термин «фонема» был, видимо, подсказан Бодуэну его учеником Н. В. Крушевским, который в свою очередь позаимствовал его у Ф. де Соссюра. Однако у Соссюра, использовавшего его в «Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (1879 г.), фонема обозначала фонетическую единицу праязыка, к которому восходят звуки родственных языков-потомков и который восстанавливается с помо-

¹ «Научно исследование звуков языка с физической точки зрения необходимо основывать на результатах физиологии и акустики. Некоторые исследователи не хотят ничего знать об акустике и физиологии, доверяясь при рассмотрении звуков собственным грамматическим силам. Я думаю, что, занимаясь научным изучением известного предмета, следует знакомиться со всевозможными исследованиями того же предмета и не отказываться от результатов других, для нас вспомогательных наук <...>».

² *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке (1871 г.) // *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 65—66.

щью сравнительно-исторического метода на материале регулярных фонетических соответствий в морфемах дочерних родственных языков¹.

В отличие от Соссюра, Бодуэн и Крушевский стали использовать понятие фонемы для обозначения самих членов регулярных фонетических соответствий в родственных языках (корреспонденты) и чередующихся элементов (альтернантов) морфем в одном языке. Это вполне соответствует бодуэновской второй части предмета фонетики («роль звуков в механизме языка» и «разбор звуков с *морфологической*, словообразовательной точки зрения»). В таком значении термин «фонема», обозначающий языковую единицу, которую «нельзя отождествлять со звуками», впервые появляется в работе Бодуэна 1881 г.: «фонема есть сумма обобщенных антропофонических свойств известной фонетической части слова, неделимая при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентских связей в области нескольких языков. <...> Неделимое с антропофонической точки зрения есть звук, неделимое с фонетической точки зрения есть фонема, неделимое с морфологической точки зрения есть морфема»².

Таким образом, Бодуэн де Куртенэ не сразу пришел к пониманию фонемы как психическому эквиваленту звука. Однако к концу 1880-х гг. у него окончательно сформировалось именно такое понимание фонемы, которое отразилось в знаменитом определении фонемы, затем с небольшими вариациями неоднократно повторявшееся в других работах: «Фонема = единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука — психический эквивалент звуков языка»³. Таким образом, по Бодуэну, *звук* — единица физическая, *фонема* — не физическая, а языковая. Определение фонемы дано Бодуэном как бы в психологических терминах, но для самого ученого это были самые что ни на есть лингвистические термины, т. к. Бодуэн считал научным только такое изучение языка, в основе которого лежит психологический подход. Для его общелингвистической концепции первостепенную важность имело понятие «чутье языка», «языковое сознание».

Принципиально разведя понятия *звука* и *фонемы*, Бодуэн рассматривал фонему не только как «однородное, неделимое в языковом отношении антропофоническое представление», но и как сложный

¹ Подробнее об этом см.: *Jakobson R. The Kazan's School of Polish Linguistics and Its Place in the International Development of Phonology // Jakobson R. Selected Writings. — Vol. II. Word and Language. 2nd ed. The Hague; Paris: Mouton, 1971. P. 394—428. См. также: *Якобсон Р. Значение Крушевского в развитии науки о языке // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 342—343.**

² *Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков (1881 г.) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 121.*

³ *Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт теории фонетических альтернатив (1895 г.) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 271.*

комплекс отдельных произносительных и слуховых представлений. Таким образом, фонемы разлагаются на артикуляторные элементы — *кинемы* — и акустические элементы — *акусмы*. Учение Бодуэна о *кинемах* и *акусмах* предвосхитило теорию дифференциальных признаков фонем.

§ 2. Фонологическая концепция Л. В. Щербы

Следующий важный шаг в развитии теории фонемы сделал ученик Бодуэна Л. В. Щерба. Фонологическая концепция Щербы строится строго на семантической основе¹. Щербовская фонология, хотя и являлась продолжением идей Бодуэна де Куртенэ, содержала много нового по сравнению с бодуэновской концепцией. У Бодуэна еще не было ясности в понимании соотношения фонемы и ее реализаций, хотя он и учитывал, что одной фонеме может соответствовать несколько звуков. В связи с этим Бодуэн де Куртенэ так и не ответил на вопрос, чем определяется членение речевого потока на фонемы и на каком основании разные звуки объединяются в одну фонему.

Важнейшим вкладом Щербы в развитие теории фонемы было то, что он впервые ввел в определение фонемы указание на ее смысло-различительную (дистинктивную) функцию². Разумеется, и до Щербы идея различительной роли звуков в языке стихийно осознавалась лингвистами, в том числе и Бодуэном де Куртенэ. Однако определение фонемы с учетом «смыслоразличительной» (дистинктивной) функции впервые дал именно Щерба: «Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущее быть выделяемо (говорящим³. — М. П.) в речи без искажения фонетического (т. е. фонемного. — М. П.) состава слова»⁴. Главное же в фонологической концепции Щербы было не открытие различительной функции, а то, что **Щерба, основываясь на различительной функции фонемы, противопоставил понятия *фонемы* и *оттенка фонемы***. С этого противопоставления фонемы и оттенка (аллофона, комбинаторного варианта) можно начинать отсчет фонологии. Таким образом, Щербу

¹ Ср. господствовавшую в то время точку зрения, представленную в «Общем языковедении» (Одесса, 1906) видного лингвиста и тонкого фонетиста А. И. Томсона: «Фонетика изучает звуковую сторону языка без отношения к значениям» (с. 100).

² Уже в 1911 г. в небольшой заметке, опубликованной на французском языке, Щерба четко противопоставил *фонемы*, «которые имеют смыслоразличительное значение», и *оттенки*, «не имеющие его» (*Щерба Л. В.* Краткий очерк русского произношения // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 171).

³ Щерба имеет в виду, что в диалоге «при ослышках говорящий искусственно выделяет сомнительный элемент, говоря, например, *soif*, а не *soïf*», и, если фонемный состав слова не искажается, это значит, что «выделенный» элемент речевого потока реализует целую фонему.

⁴ *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении (1912 г.) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 121.

можно назвать первым фонологом в абсолютно современном понимании этого слова. Парадокс заключается в том, что Щерба, который ввел указание на дистинктивную функцию в определение фонемы, не считал ее первичной функцией фонемы. Для Щербы, несомненно, **главной функцией фонемы является ее конститутивная (и опознавательная) функция**, ее участие в формировании (и опознавании) звуковых оболочек слов, различительная же функция — прямое следствие конститутивной. Еще одним отличием фонологической концепции Щербы от бодуэновской является то, что у Щербы фонема выступает скорее как единица, конституирующая и дифференцирующая план выражения не морфем, а слов и их форм. Таким образом, щербовская фонология — это прежде всего фонология слова.

Для Щербы, который вполне разделял психологический пафос Бодуэна, фонема, конечно же, не была результатом «впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука». Щерба особо подчеркивал тот факт, что фонема часто реализуется очень разными оттенками, иногда совсем не похожими друг на друга. Квинтэссенция щербовской теории фонемы в том, что звуки (оттенки) объединяются в фонему не на основе артикуляционно-акустического сходства, как думали в его время и продолжают думать до сих пор многие фонологи, а на основе связи со значением. Это хорошо видно, если сравнить аргументы Щербы и некоторых современных фонетистов при решении вопроса о фонематическом статусе [i]. **Щерба уже в 1912 г. считал необходимым опираться не только на критерий дополнительной дистрибуции, но и на чередования в морфеме:** «Но ввиду того, что случаи, где со смысловой точки зрения (выделено мною. — *М. П.*) *ы* и *і* являются тождественными, крайне немногочисленны — так как нет случаев чередования *ы* и *і* в корнях в противоположность разным оттенкам *е* (*белый — белъ*), — то *ы* является все-таки самостоятельной фонемой...»¹. В рассуждении Щербы важен сам семантический (в данном случае морфологический) критерий парадигматической идентификации фонемы, а не конкретные приводимые им примеры и решения, которые могут быть оспорены. Сравните это с интерпретацией проблемы современными фонетистами: «Бесконечные споры между представителями московской и петербургской школ о том, являются ли [и] и [ы] разными фонемами или одной, можно рассматривать как отражение разных интуиций относительно того, что фонетически близко, а что нет»². И далее: «Сравнение русского [ы] с верхними гласными среднего ряда в других языках обнаруживает их различие. Однако оно не столь велико, и споры вокруг фонематического статуса [ы] имеют определенное основание: степень фонетического расхождения [и] и [ы] приближается к тому порогу, который определяет для носителя языка тождество или нетождество звуковых

¹ Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912. С. 50.

² Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М., 2001. С. 332.

единиц»¹. Опора на критерий артикуляторно-акустического сходства при парадигматическом отождествлении звуков, явленный в данном рассуждении, является в значительной степени шагом назад по сравнению с идеями Щербы. Научный контекст, в котором вызревала фонологическая концепция Щербы, хорошо отражает следующий отрывок из учебника по общему языкознанию такого тонкого фонетиста, как А. И. Томсон (кстати, ученика Ф. Ф. Фортунатова): «комплексы движений органов речи и слуховые ощущения и, обозначаемые буквою *к*, представляют много разновидностей, имеющих между собою известные общие элементы и известные различия. <...> Но в то же время все звуки, обозначаемые посредством буквы *к*, <...> имеют в акустическом и особенно физиологическом отношении значительное сходство и существенно отличаются от разных *т*, *ф* и пр. Поэтому все *к* образуют более широкую единицу в звуках и движениях, которая следовательно тоже имеет право на название „отдельный звук“»².

Еще одной чертой фонологической теории Л. В. Щербы, отличающей его от концепции Бодуэна, является идея **автономности фонемы**. Фонетическая система языка, по Щербе, стоит на функциональном, семантическом основании. Однако фонемы в его концепции, будучи выделены на основании их функции, их связи со значимыми единицами языка, с более высокими уровнями структуры языка (грамматикой и словарем), являются в то же время автономными единицами звукового строя. Этим определяется фундаментальное положение щербовской фонологии: фонетическое различие является необходимым условием различия фонологического, т. е. то, что одинаково в фонетическом отношении, одинаково и в фонологическом отношении. Из этого вытекает, что один и тот же оттенок (аллофон) не может принадлежать разным фонемам. Например, аллофон [t] является реализацией фонемы /t/, независимо от того, в какой словоформе или морфеме он представлен — *пруд* и *прут*. Таким образом, автономность фонемы как языковой единицы выражается в том, что каждая фонема реализуется в языке своими аллофонами, а свойства фонемы не зависят от того, в звуковые оболочки каких значимых единиц языка она входит.

§ 3. Фонологические школы

В отечественной лингвистике наиболее авторитетными являются три фонологические направления:

- *Щербовская фонологическая школа* (ЩФШ)³;
- *Московская фонологическая школа* (МФШ);
- *Пражская фонологическая школа* (ПФШ).

¹ Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М., 2001. С. 364.

² Томсон А. И. Общее языковедение. Одесса, 1906. С. 217–218.

³ Она же Ленинградская (ЛФШ) и позднее Санкт-Петербургская (СПФШ), но самоназванием является Щербовская фонологическая школа.

Все три школы так или иначе развивают идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ. Представители этих школ в разной степени включали в сферу своих особых интересов различные аспекты изучения звукового строя русского языка. Например, в ПФШ наиболее подробно разработаны классификация фонологических оппозиций, теория нейтрализации фонологических оппозиций и теория дифференциальных признаков; представители МФШ всегда придавали первостепенное значение изучению связей фонемы с морфемой, разработали теорию сильных и слабых позиций фонемы; последователи Л. В. Щербы ставили во главу угла экспериментальное исследование сознания носителей языка. Однако есть такие ключевые проблемы фонологии, которые не могут быть обойдены ни в одной фонологической школе. И именно эти проблемы — даже если их решение прямым образом не сформулировано в работах представителей того или иного направления, но обнаруживается в практике фонетических исследований — могут быть положены в основу сравнения различных фонологических концепций. Какие же это проблемы?

Как уже было отмечено выше, всякая фонологическая теория должна решить по крайней мере две проблемы: 1) разработать процедуры и критерии установления репертуара фонем языка; 2) обосновать принципы определения фонемного состава высказываний на данном языке, т. е. принципы фонематической транскрипции любого речевого сегмента.

Установление репертуара фонем предполагает выполнение двух операций фонологического анализа. На первом этапе производится *синтагматическая идентификация фонем*. На следующем этапе исследования вычлененные в результате сегментации отрезки — *аллофоны* — отождествляются друг с другом, т. е. производится *парадигматическая идентификация фонем*. В результате этой операции фонолог получает состав фонем данного языка. Получив репертуар фонем, фонолог может приступить к объяснению того, какими процедурами следует руководствоваться при определении состава фонем в звуковой оболочке конкретной фразы, слова, морфемы. Разумеется, фонологическая теория не ограничивается установлением состава фонем языка и высказывания, а раскрывает связи между фонемами, т. е. моделирует систему фонем. К теоретическому аппарату фонологии относятся также такие понятия, как *позиция, оппозиция, дифференциальный признак, нейтрализация, функциональная нагрузка, аллофон* и другие. Но стоящие за этими понятиями явления могут моделироваться уже после того, как установлен состав фонем языка.

Сделаем краткий обзор ведущих отечественных фонологических школ, обратив особое внимание на то, как они определяют состав фонем языка, т. е. отвечают на вопрос о критериях, лежащих в основе синтагматической и парадигматической идентификации фонем, а также как в разных школах решается проблема определения фонемной принадлежности аллофонов в составе словоформы, т. е. как

устанавливается фонемный состав словоформ. Все три перечисленные выше фонологические школы решают эти проблемы совершенно по-разному.

§ 4. Щербовская фонологическая школа

Теория фонемы Щербы легла в основу так называемой Щербовской (Ленинградской, Санкт-Петербургской) фонологической школы. Концепция ЩФШ представлена в трудах прямых учеников Щербы — Маргариты Ивановны Матусевич (1885—1979), Льва Рафаиловича Зиндера (1904—1995), прежде всего в его «Общей фонетике» (1-е изд. 1960; 2-е изд. 1979), и Юрия Сергеевича Маслова (1914—1990). В 40—50-е гг. XX в. в западной лингвистике о концепции ЩФШ было известно прежде всего из серии фонологических работ Александра Николаевича Гвоздева (1892—1959), который не был прямым учеником Щербы, но популяризировал и развивал его идеи в полемике с МФШ. ЩФШ представлена также в трудах Лии Васильевны Бондарко (1932—2007), Людмилы Алексеевны Вербицкой, Мирры Вениаминовны Гординой, Вадима Борисовича Касевича, Нины Александровны Любимовой, Наталии Дмитриевны Светозаровой и других. В 70—90-е гг. XX в. большую роль в популяризации концепции ЩФШ сыграл учебник Льва Львовича Буланина «Фонетика современного русского языка» (М., 1970), который был фактически первым достаточно полным описанием звукового строя современного русского литературного языка, созданным с позиций ЩФШ.

Исходной посылкой в ЩФШ является положение о том, что основной, первичной функцией фонемы является конститутивная, суть которой состоит в том, что фонемы выступают в качестве строительного материала для образования звуковых оболочек (плана выражения) единиц более высоких уровней языковой структуры — слов и морфем. Различительная же функция, заключающаяся в том, что фонемы различают звуковые оболочки слов и морфем, является вторичной и рассматривается как следствие конститутивной функции фонемы. Согласно концепции ЩФШ, фонемы данного языка, будучи выделены синтагматически и парадигматически на основании их потенциальной связи со смыслом (через морфемы), функционируют в языке автономно от морфем и являются самостоятельными, независимыми от морфем, единицами звукового строя языка.

В соответствии с этими фундаментальными положениями в ЩФШ выдвигается следующий общий принцип **синтагматической идентификации фонемы**: членение на фонемы является функцией членения на морфемы, т. е. определяется смысловым членением потока речи. Следовательно, для того чтобы осуществить синтагматическую идентификацию фонемы, необходимо располагать информацией о морфемных границах в данном языке. Соответственно, если звуковая последовательность разделяется морфемной границей, она тем самым разделяется и фо-

немной границей, т. е. членится на две фонемы, причем аналогичная звуковая последовательность не на границе морфем также членится на две фонемы согласно принципу аналогии. Это означает, что если внутри какого-либо звукового комплекса в данном языке может проходить одна морфемная граница, то этот звуковой комплекс — бифонемное сочетание. Например, звуковой отрезок ['ka] в слове *рука* разбивается морфемной границей, а значит, разделяется и границей фонемной; аналогичный звуковой отрезок ['ka] в слове *карта*, хотя и не разбивается морфемной границей, также представляет собой реализацию двух фонем, поскольку данная звуковая последовательность может разделяться морфемной границей. Принцип аналогии, применяемый в подобных случаях, вытекает из другого фундаментального положения ЩФШ: фонетическое различие — необходимое условие различия фонологического, т. е. одинаковые звуковые комплексы должны быть интерпретированы одинаково и фонематически. Таким образом, при синтагматической идентификации фонем ЩФШ опирается на *критерий морфемной границы*.

ЩФШ опирается на морфему и при **парадигматической идентификации фонем**: два аллофона являются реализациями одной фонемы, если они могут в данном языке чередоваться в одной морфеме и находятся при этом в дополнительной дистрибуции. Например, в исходе словоформы *прут* имеется [t^h] (условно обозначим конечный [t] при помощи символа для аспирированных согласных), артикуляторно и акустически весьма сильно отличающийся от [t] в словоформе *прута́*, а также от [t°] (лабиализованного) в слове *пруту́*, но, тем не менее, все три звука являются реализациями (аллофонами) одной фонемы /t/, поскольку чередуются в одной морфеме и находятся в дополнительной дистрибуции, т. е. не противопоставлены друг другу в одинаковых фонетических условиях. Те же самые звуки [t^h], [t] и [t°], представленные, например, в словоформах *вот*, *тур*, *там*, но не вступающие в чередования, также являются реализациями фонемы /t/ — в соответствии с принципом аналогии.

Опирающийся исключительно на чередование звуков в морфеме подход сталкивается с существенным противоречием. В одних морфемных рядах конечнослоговое [t^h] находится в дополнительной дистрибуции с начальнослоговым [t] (*прут* : *прута*), в других — с начальнослоговым [d] (*пруд* : *пруда*). Следовательно, фонолог, исходя только из морфемного тождества, не может однозначно произвести отождествление данных аллофонов, поскольку в одной морфеме в дополнительной дистрибуции находятся как [t^h] : [t], так и [t^h] : [d]. Соответственно два [t^h] в словоформах *прут* и *пруд* совпадают фонетически, но при этом входят в разные ряды чередований: ср. [t^h]/[t]/[t°] и [t^h]/[d]/[d°], т. е. могут быть отождествлены одновременно и с оттенками [t], [t°] в словах *прута*, *прутом* и с оттенками [d], [d°] в словах *пруда*, *прудом*. Это противоречит положению ЩФШ о том, что один и тот же аллофон не может относиться к разным фонемам. Следовательно, необходимо сделать выбор,

а именно решить, с каким же из двух звуков — [t] или [d] — фонематически отождествляется конечный [t^h]. Сходная ситуация наблюдается и при отождествлении аллофонов [á] : [λ], [ó] : [Λ] — *вал* : *валы*, *вол* : *волы*. Обычно представители ЩФШ обосновывают свое решение следующим образом: признак глухости/звонкости является для русских согласных фонологически существенным (= дифференциальным), значит, [t^h] отождествляется с [t] и [t^o], а не с [d] и [d^o]. Соответственно, [á] и [λ] являются оттенками фонемы /a/, а [ó] — оттенком фонемы /o/ на основании противопоставленности по ДП лабиализованности/нелабиализованности¹ (иногда принимают во внимание ДП подъема²). Следовательно, ДП глухости объединяет аллофоны [t^h] и [t] в одну фонему /t/, а ДП нелабиализованности (или нижнего подъема) — аллофоны [á] и [λ] в одну фонему /a/. Однако если учесть, что систему ДП, или, другими словами, фонемных признаков, строго говоря, можно установить только после выявления состава фонем, использование понятия ДП на этапе парадигматической идентификации представляется неправомерным.

Совершенно очевидно, тем не менее, что для носителя языка [t] и [t^h], так же, как и [á] и [λ], — это «один и тот же звук», т. е. одна фонема. Выбор нужно сделать, и представители ЩФШ делают его, исходя из языкового сознания носителей языка, но ни в коем случае не из критерия артикуляторно-акустической близости соответствующих звуков: «На самом деле начальный [t] и конечный [t] похожи друг на друга очень мало (не больше чем [t] и [c]), и единственное основание для представления об их фонетической близости — это отсутствие функционального противопоставления [t] начального [t] конечному, т. е. не фонетическое, а фонологическое свойство»³.

Теперь посмотрим, как в ЩФШ определяется фонемный состав звуковых отрезков речевого потока, в частности, как решается проблема определения фонемной принадлежности аллофонов в составе конкретных словоформ.

В концепции ЩФШ всякая фонема, являясь самостоятельным членом фонологической системы, обладает собственным, только ей присущим набором оттенков (аллофонов). Из этого положения вытекает, что каждая фонема в принципе противопоставлена любой другой фонеме в любом своем оттенке, т. е. в любой позиции, в том числе и в так называемой *слабой*. Тем самым, хотя представители ЩФШ и используют термины *сильная* и *слабая позиция*, в частности, когда речь идет о чередованиях фонем в морфеме⁴, для этой школы понятия, обо-

¹ Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975. С. 72—73.

² Осипов Б. И. Понятие позиции и «физикалистские» фонологические школы // Вопросы русского языкознания. Вып. 2: Русский язык и его диалекты / Отв. ред. Е. С. Скобликова. Куйбышев, 1976. С. 41—43.

³ Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. С. 47.

⁴ Буланин Л. Л. О сильных и слабых позициях фонем в русском языке // Звуковой строй языка. М., 1979. С. 27—32.

значенные соответствующими терминами, не являются принципиально важными при определении фонемного состава словоформы. Фонемный статус аллофонов фонем, находящихся в слабой позиции, определяется так же, как и фонемная принадлежность аллофонов фонем в сильной позиции. И это совершенно не зависит от словоформ и морфем, в которых они находятся. Морфема уже выполнила свою очень важную, как мы видели, роль на этапе синтагматической и парадигматической идентификации, при установлении состава фонем и их аллофонов. Логика рассуждения здесь такая: теперь, когда известен состав фонем, а значит аллофоны каждой фонемы и набор характеризующих ее фонологически существенных (дифференциальных) признаков, нет никакой необходимости обращаться к морфемной структуре словоформ, поэтому достаточно лишь соотнести аллофон, относительно которого принимается решение, с уже известной системой фонем и определить его фонемную принадлежность. В принципе так действует, видимо, и носитель языка, воспринимающий речевой поток и опознающий звуковые оболочки словоформ, их фонемный состав.

Например, известно (это, как мы видели, устанавливается в процессе парадигматической идентификации фонем), что фонема /a/ между твердыми согласными реализуется в аллофонах [a], [ʌ] и [ə]; следовательно, слово [ʌbrɛkʌ'dabrɛ] *абракадабра* будет иметь фонемный состав /abrakʌ'dabra/. Другой вариант объяснения: фонема /a/ (и все ее аллофоны) одновременно характеризуется ДП неверхнего подъема, непереднего ряда и нелабиализованности (это устанавливается при моделировании системы ДП системы фонем), следовательно аллофоны с такими признаками [a], [ʌ] и [ə] в слове *абракадабра* являются реализациями фонемы /a/. В практическом плане при фонологическом анализе такого рода ЩФШ так или иначе опирается на языковое сознание (чутье) носителя языка и стремится верифицировать принимаемое решение экспериментально. Поэтому для ЩФШ важным является выяснение вопроса о том, при помощи какого способа (соотнесение со звуками-эталоном, хранящимися в языковой памяти, или соотнесение с классификацией по дифференциальным признакам) носитель языка опознает фонемную принадлежность того или иного звука, т. е. осуществляет категоризацию звуков.

Те случаи, когда какие-то фонемы данного языка вообще не представлены или встречаются по тем или иным причинам редко в некоторых позициях, трактуются в ЩФШ как *ограничения в дистрибуции* фонемы, а не слабые позиции фонемы или позиции нейтрализации фонем. Так, в русском языке ограничение в дистрибуции характерно для звонких согласных, которые не употребляются в конце слова, для фонемы /o/, которая очень редко употребляется в безударной позиции. Часто подобные ограничения в дистрибуции проявляются в чередованиях фонем: /va'da/ ~ /vot/ (*вода* — *вод*), /v'ol/ ~ /v'i'du/ (*вёл* — *веду*) и т. п. Таким образом, согласно концепции ЩФШ, некоторые фонемы хотя и не употребляются каких-то фонетических по-

зициях, но опознание, отождествление и противопоставление фонем (последнее — иногда лишь потенциально) сохраняется и в позициях ограничения дистрибуции, т. е. в «слабых» позициях.

§ 5. Пражская фонологическая школа

Пражский лингвистический кружок возник в 1926 г. по инициативе чешского лингвиста Вилема Матезиуса и русского слависта Романа Осиповича Якобсона, работавшего тогда в Праге. В работе кружка принимали участие и другие отечественные лингвисты — Николай Сергеевич Трубецкой, преподававший тогда в Вене, и Сергей Осипович Карцевский, работавший в Женеве. Этот кружок, который и разработал фонологическую концепцию Пражской школы, существовал до начала Второй мировой войны. В центре лингвистических исследований членов Пражского лингвистического кружка в конце 20-х и 30-х гг. XX в. находилась фонологическая проблематика. Наиболее важными в этой области были работы Трубецкого, Якобсона, а также Богумила Трнки, Йозефа Вахека, Андре Мартине. основополагающим трудом, в котором изложена фонологическая теория ПФШ, являются «Основы фонологии» Трубецкого, вышедшие в 1939 г. по-немецки (русский перевод опубликован в 1960 г.). Однако полного сходства во взглядах на фонему среди сторонников ПФШ все-таки не было.

Исходной точкой концепции ПФШ является положение о том, что основная функция фонемы — различительная. Из этого положения вытекает и принцип сегментации речевого потока, выдвинутый представителями этой школы, прежде всего Н. С. Трубецким, а именно принцип, основанный на *ассоциативном анализе*, или на анализе *минимальных пар*: «Существуют фонологические единицы, которые можно разложить на ряд следующих друг за другом во времени более мелких фонологических единиц. К такому типу единиц принадлежат [me:] и [by:] в немецких словах Mähne ‘грива’ — Bühne ‘сцена’. Из противоположений Mähne ‘грива’ — gähne ‘зеваю’ и Mähne ‘грива’ — mahne ‘увещаваю, предупреждаю’ следует, что [me:] распадается на [m] и [ε:], а из противоположения Bühne ‘сцена’ — Sühne ‘покаяние’ и Bühne ‘сцена’ — Bohne ‘боб’, вытекает, что [by:] распадается на [b] и [y:]»¹. Суть такого анализа заключается в том, что исследователь, сравнивая звуковые оболочки слов и морфем, устанавливает участки сходства и различия, в результате доходя до вычленения минимальных, далее не делимых фонологических сегментов. Например, для того чтобы определить, на какие минимальные фонологические единицы делится звуковая последовательность [dóm], необходимо сравнить ее со звуковыми последовательностями [tóm], [sóm] и [dók], [dón]: сравнивая [dóm] и [tóm], устанавливаем членимость отрезка [d+o]; сравнивая [dóm] и [dón], устанавливаем членимость отрезка [o+m]. Установить путем

¹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 41—42.

сравнения дальнейшую членимость отрезков [d], [ó], [m] невозможно, следовательно, эти отрезки являются минимальными фонологическими сегментами — аллофонами, каждый из которых представляет одну фонему, т. е. данная последовательность представляет собой сочетание трех фонем.

Следует подчеркнуть, что сегментация на основе минимальных пар может лишь проиллюстрировать уже известное членение речевого потока. Этот метод афункционален, так как не опирается на связь фонологического уровня с более высокими уровнями языковой структуры. При подобном анализе звуковые отрезки сравниваются без какой-либо опоры на смысл. Мы можем сравнить звуковые последовательности [dom] и [tom] только в том случае, если мы уже знаем, на какие отрезки он членился: только предварительно установив, что [d] и [t] являются минимальными фонологическими сегментами, можно сравнивать звуковые последовательности [dóm] и [tóm] и говорить о противопоставлении [d]:[t]. Это хорошо видно при сравнении, например, [š'·e·j] *щей* и [č'·e·j] *чей*, особенно если эти формы в фонетической транскрипции представить как [š'š'·e·j] и [č'č'·e·j]. Получается, что [š'·] и [č'·] являются бифонемными сочетаниями, хотя сам Трубецкой считал их фонемами /š/ и /č/. Итак, ассоциативный анализ не может быть эффективным средством синтагматического отождествления фонем. Минимальные пары — не доказательство, а иллюстрация членения на фонемы.

Помимо общего принципа членения речевого потока на фонемы на основе минимальных пар, Н. С. Трубецкой предложил набор конкретных правил разграничения отдельных фонем и сочетаний фонем. Эти правила, которые ниже цитируются по русскому переводу «Основ фонологии» Н. С. Трубецкого (М., 1960), дополняют ассоциативный анализ и даже в некоторой степени предшествуют ему. Первые три правила имеют исключительно фонетический характер: например, «потенциально однофонемными» признаются такие звуковые отрезки, которые (1) не рассекаются слоговой границей, (2) образуются единым артикуляторным движением, (3) имеют длительность, не превышающую обычную длительность одного звука. Другие правила апеллируют к системе фонем, что вряд ли правомерно, т. к. на этом этапе анализа состав фонем еще не установлен и опираться на него нельзя. Например, Трубецкой считает, что сочетание звуков следует признать «однофонемным (то есть как реализацию одной фонемы), если оно в соответствии с правилами данного языка ведет себя как одна фонема или если общая структура фонологической системы этого языка требует такой оценки». Однако на этапе определения однофонемности/бифонемности звуко-сочетаний исследователь не знает «правил данного языка» и «общей структуры фонологической системы», а только пытается их установить. Обращает на себя внимание то, что ни один из критериев Трубецкого не учитывает какой бы то ни было роли значимых единиц языка (морфем и словоформ) в сегментации речевого потока на фонемы. Его позиция вызывающе антиморфологична. Как видим, практические правила

определения однофонемности и многофонемности у Трубецкого еще в меньшей степени, чем «ассоциативный анализ», основаны на функциональном (связанном с семантикой) подходе.

Теперь рассмотрим, как осуществляется парадигматическая идентификация фонем в концепции ПФШ. Принципы объединения аллофонов (в ПФШ используется термин *вариант*) в фонемы были очень четко сформулированы Н. С. Трубецким в виде «правил различения фонем и вариантов»: 1) [у Трубецкого это правило № 3] «если два акустически (или артикуляторно) родственных звука никогда не встречаются в одной и той же позиции, то они являются комбинаторными вариантами одной и той же фонемы» (т. е. звуки данного языка являются аллофонами одной фонемы, если они акустически или артикуляторно близки друг другу и находятся в дополнительной дистрибуции); 2) [правило № 2] «если два звука встречаются в одной и той же позиции и не могут при этом заменять друг друга без того, чтобы не изменить значения слова или не исказить его до неузнаваемости, то эти звуки являются фонетическими реализациями двух разных фонем» (т. е. звуки данного языка являются аллофонами разных фонем, если они находятся в контрастной дистрибуции и при этом замена одного из них другим вызывает изменение значения слова или сильно деформирует его облик); 3) [правило № 1] «если в том или ином языке два звука встречаются в одной и той же позиции могут замещать друг друга, не меняя при этом значения слова, то такие звуки являются факультативными вариантами одной фонемы» (т. е. звуки данного языка являются факультативными вариантами одной фонемы, если они находятся в контрастной дистрибуции и при этом замена одного из них другим не вызывает изменения значения слова).

Таким образом, в русском языке звуки [ʼá] и [ʼó] встречаются только в позиции между мягкими согласными, в то время как звуки [á] и [ó] возможны только в позиции между твердыми согласными, т. е. имеет место дополнительная дистрибуция. Поскольку звуки [ʼá] и [ʼó] встречаются в одной позиции и замена одного из них другим изменяет смысл слова (ср. *тятя* — *тётя*) или сильно деформирует его (ср. *пять* — **нёть*), эти звуки являются реализациями разных фонем — /a/ и /o/. В то же время звук [á] находится в состоянии дополнительной дистрибуции как со звуком [ʼá], так и со звуком [ʼó], т. е. потенциально может входить в одну фонему и с тем, и с другим. Однако артикуляторно и акустически звук [á] «ближе» к звуку [ʼá], чем к звуку [ʼó], поэтому [á] и [ʼá] являются реализациями одной фонемы /a/, а [ʼó] и [ó] — аллофоны другой фонемы /o/.

Как видим, ПФШ при парадигматической идентификации фонем опирается на два критерия: один из них — **критерий дополнительной дистрибуции** — может рассматриваться как функциональный, поскольку исходит из различительной функции фонемы, а другой — **критерий артикуляторно-акустического сходства** — афункционален. Опора на неопределенное и расплывчатое понятие звукового сходства является слабой

стороной этой фонологической концепции. Внутри ПФШ критерий фонетического сходства также подвергался критике. Так, А. Мартине и Р. Якобсон предлагали при парадигматической идентификации опираться на дифференциальные признаки, но до установления состава фонем пользоваться понятием дифференциального признака фонемы не представляется возможным. Таким образом, при установлении состава фонем дифференциальные признаки — это то же артикуляторно-акустическое сходство, лишь слегка подретушированное. Как мы видели, с такой же проблемой сталкивались и представители ЩФШ.

Прежде чем обратиться к тому, как в ПФШ решается вопрос определения фонемного состава словоформ, необходимо охарактеризовать «пражское» понимание фонемы в ее отношении к фонологической системе в целом.

Исходные положения ПФШ следующие: (1) фонологическая система представляет собой систему фонологических оппозиций, фонемный состав языка является по существу лишь коррелятом системы фонологических оппозиций, соответственно, фонема вторична по отношению к оппозициям, в которые она входит; (2) главная функция фонемы — различительная (но есть и другие функции, например, разграничительная); (3) каждая фонема как член фонологической системы определяется своими релевантными различительными признаками, обусловленными оппозициями фонем. Идея наличия у фонемы одновременно сосуществующих различительных признаков, как мы видели, присутствовала уже у Бодуэна де Куртенэ, но именно Пражской школе современная фонология обязана идеей о том, что фонема — это «пучок различительных признаков». Идея «пучка», видимо, принадлежала не самому Трубецкому, а Якобсону. Именно на него ссылается Н. С. Трубецкой, определяя фонему: «И так как каждая фонема обязательно является членом фонологической оппозиции, то она совпадает не с конкретным звуком, а только с его фонологически существенными признаками. Можно сказать, что фонема — это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию»¹. В другом месте Трубецкой определяет фонему как «набор тех одновременно действующих звуковых свойств, которые используются в данном языке для различения слов разного значения». Особенно характерно следующее рассуждение: в парах типа *дом* : *том* различительными элементами не могут быть /d/ : /t/ — если говорить о *минимальном* различии², то им является здесь

¹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 45.

² Собственно это же находим уже у Бодуэна: «При семасиологическом различении таких слов, как *сад|зад, там|дам, кора|гора, суд|зуд, пал|бал...* семасиологизовано представление различных способов работы голосовых связок... При семасиологическом различении таких слов, как *быть|мыть, баба|мам, дядя|няня, дам|нам...* ... семасиологизовано представление различия поднятия мягкого неба...» (Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963. С. 279).

«звонкость : ø», так как /d/ не только фонетически, но и фонологически состоит из архифонемы /Т/ + признак «звонкости».

Определяя фонему как пучок фонологически существенных признаков, ПФШ закладывает основу для разрушения понятия фонемы как главной и автономной единицы звукового строя. Она становится лишь способом записи совокупности различительных признаков, а главным героем фонологии становится сам *различительный признак*.

Итак, фонема, представляя собой пучок РП (ДП), с одной стороны, выводится из оппозиций, а с другой — в первую очередь выполняет различительную функцию. Как же, согласно концепции ПФШ, происходит определение фонемной принадлежности звуков в словоформах? С точки зрения ПФШ в некоторых позициях противопоставление, а значит, и различение некоторых фонем невозможно, а поскольку в ПФШ главная функция фонем — различительная, мы не можем определить, какая из противопоставленных в других позициях фонем представлена в позиции «неразличения». Такие позиции неразличения фонем трактуются в ПФШ как позиции *нейтрализации* фонологической оппозиции. Понятие нейтрализации является одним из ключевых в этой концепции. Сущность нейтрализации заключается в том, что две фонемы, которые противопоставлены друг другу в одной позиции (релевантной), утрачивают это противопоставление в другой. Таким образом, в ПФШ позиция нейтрализации фонологической оппозиции — это своего рода слабая позиция для противопоставления двух фонем по какому-либо признаку. Наиболее существенным моментом теории ПФШ является то, что в позиции нейтрализации выступает особая фонологическая единица — *архифонема*, под которой понимается совокупность дифференциальных признаков (ДП), общих для двух фонем нейтрализуемой оппозиции.

Проиллюстрируем эти положения на примере русских согласных. Русский консонантизм предстает в концепции ПФШ как система фонологических оппозиций. В соответствии с таким описанием, например, в фонологической системе русского языка имеются в частности оппозиции /p/:/t/:/k/ и /b/:/d/:/g/, /t/:/s/ и /d/:/z/, /t/:/t'/ и /d/:/d'/, и наконец /t/:/d/. Фонема /t/ со стороны своих ДП характеризуется как *переднеязычная, смычная, твердая* и *глухая*, а фонема /d/ — как *переднеязычная, смычная, твердая* и *звонкая*. Каждая из фонем функционирует как набор соответствующих ДП, различаясь только одним ДП глухости/звонкости. Эта оппозиция — нейтрализуемая: в конце слова /t/ и /d/ перестают различаться, причем в позиции нейтрализации выступает архифонема /Т/. В отношении ДП архифонема /Т/ характеризуется как *переднеязычная, смычная* и *твердая* (набор из трех ДП вместо четырех ДП у фонем /t/ и /d/), так как ДП глухости/звонкости в нее не входит: /Т/ как бы и не «глухая» и не «звонкая». Уровень фонем и уровень архифонем не равнозначны. Получается, что звуковые оболочки словоформ состоят из единиц разного уровня — фонем и архифонем, однако Н. С. Трубецкой допускал (он так

до конца и не проработал этот вопрос), что в позиции нейтрализации архифонема представлена одним из членов фонологической оппозиции, а именно немаркированным. В приведенном примере архифонема /Г/ представлена фонемой /t/, т. к. в оппозиции фонем по глухости/звонкости немаркированным членом всегда является глухой. Таким образом, словоформы *прут* и *пруд* на архифонемном уровне могут быть обозначены как /pɾuГ/, а на фонемном — как /pɾut/. Обращает на себя внимание, что морфологическая характеристика словоформы не играет никакой роли в этом анализе, как и вообще в решении фонологических проблем Н. С. Трубецким.

§ 6. Московская фонологическая школа

Истоки этой школы восходят ко 2-й половине 1920-х гг. С начала 1930-х гг. началось сотрудничество Рубена Ивановича Аванесова (1902—1982) и Владимира Николаевича Сидорова (1903—1968) с Александром Александровичем Реформатским (1900—1978), Петром Саввичем Кузнецовым (1899—1968) и Алексеем Михайловичем Сухотиным (1888—1942). В круг их научных интересов в первую очередь входили проблемы русской диалектологии, позднее — литературного языка, а также прикладной лингвистики — орфографии, алфавита, транскрипции. Особое внимание основоположников МФШ к вопросам диалектологии и орфографии многое объясняет в особенностях их фонологической теории¹.

Кратким изложением концепции МФШ была статья Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка» (1930 г.). Более полное изложение положений МФШ было дано в их же учебном пособии «Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология» (написано в конце 30-х гг., вышло в 1945 г.). В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов и А. А. Реформатский и далее придерживались этой концепции, причем последний в 1970 г. выпустил книгу «Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия», в которой переизданы названные и многие другие основные работы представителей МФШ. Существенный вклад в развитие и популяризацию идей МФШ в 1950—1970-е гг. внес Михаил Викторович Панов (1920—2001). В настоящее время ведущим представителем МФШ является Леонид Леонидович Касаткин.

Один из основателей школы — Р. И. Аванесов — с начала 1950-х гг. начал пересматривать ряд положений МФШ. Возможно, это было связано с появлением в конце 1940-х гг. чрезвычайно глубокой и всесторонней критики концепции МФШ в трудах сторонника ЩФШ А. Н. Гвоздева.

¹ См. в частности: Булатова Л. Н. О связи московской диалектологической школы с московской фонологической школой // Язык: Система и подсистемы. Сборник к 70-летию М. В. Панова. М., 1990. С. 22—30.

МФШ занимает особое положение среди фонологических школ. Отличительная особенность этой школы заключается в том, что ее представители допускают возможность того, что один звук может быть реализацией двух разных фонем, т. е. предполагают, что два одинаковых (и с артикуляторно-акустической точки зрения, и с точки зрения восприятия носителя языка) звука могут трактоваться как фонетические реализации двух разных фонем в зависимости от того, в каких морфемах они представлены. Следовательно, согласно МФШ один и тот же звуковой сегмент может быть фонологически интерпретирован по-разному¹. Это связано с тем, что в первоначальной концепции МФШ конститутивная функция фонемы приобретает настолько тотальный характер, что фонема как бы растворяется в морфеме, утрачивая свою самостоятельность в качестве единицы звукового строя, и рассматривается прежде всего как ряд позиционно чередующихся в морфеме звуков, или как наименьший (далее не делимый) этимологический элемент морфемы.

Как и ПФШ, МФШ приходит к разрушению понятия фонемы как автономной единицы звукового строя. Но приходят они к этому с разных сторон. В концепции ПФШ — как бы изнутри фонемы, со стороны ее различительных признаков, в концепции МФШ автономность фонемы разрушается извне, со стороны морфологического уровня. Если в центре внимания «пражской» фонологии оказывается различительный признак фонемы, то главным героем МФШ является *морфема*.

В МФШ время от времени предпринимаются попытки сгладить это противоречие между морфологической функцией и звуковым воплощением фонемы. Одной из таких радикальных попыток было создание фонологической теории Р. И. Аванесова (см. § 7). Менее радикальным является подход к фонеме Л. Л. Касаткина: «Фонемы — это абстрактные единицы фонетического яруса языка, воплощающиеся в речи в множествах позиционно чередующихся звуков. Все эти множества звуков являются отражением реализации фонем во всех морфемах русского языка, выступающих в разных словах и словоформах. Но в каждой морфеме фонема обычно представлена лишь частью этого множества»². При этом фонема оказывается абстрагированной от конкретных морфем, но, тем не менее, трудно найти общие фонетические признаки, которые позволили бы объединить все воплощения одной фонемы. Таким образом, фонема в концепции МФШ остается привязанной к морфеме, неотделима от нее, не может выступать как автономная единица звукового строя языка. Фонема в МФШ явно

¹ В известной степени ПФШ тоже, как мы видели, допускает разную фонологическую интерпретацию одного и того же звука, вводя различие между фонемами и архифонемами как разными фонологическими единицами.

² Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003. С. 93.

вторична по отношению к воплощающим ее звукам. Любое описание звукового строя русского языка в рамках теории МФШ начинается не с фонем, а со звуков речи. После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению процедур синтагматической и парадигматической идентификации фонемы в МФШ.

Проблема **сегментации речевого потока на фонемы** не находится в центре внимания МФШ, а если и затрагивается, то решается либо с использованием ассоциативного анализа (в духе Трубецкого), либо на основании артикуляторно-акустических характеристик звуков. Так, один из основоположников МФШ П. С. Кузнецов в статье 1959 г. писал: «Любой звук речи может быть ограничен от звука речи предшествующего и последующего. Это может быть сделано с разной степенью точности, какими средствами — в данном случае безразлично. Несмотря на наличные артикуляционные и акустические переходы от одного звука к другому, такое разграничение проведет любой говорящий на данном языке, с большей степенью точности наблюдатель-лингвист, еще с большей степенью точности — прибор»¹. У П. С. Кузнецова речь, правда, идет о членении речевого потока на так называемые *звуки речи*, но это сути дела принципиально не меняет, поскольку *звуки речи* воплощают *фонемы*. Такой подход к сегментации вполне соответствует дофонологическим представлениям в лингвистике, т. к. фонология, прежде всего в работах Бодуэна де Куртенэ и Щербы, возникла именно в результате четкого осознания того факта, что членение речевого потока с артикуляторной и акустической точек зрения — иное, принципиально отличное от членения на фонемы, что ни акустический, ни артикуляторный анализ не могут решить проблему синтагматической идентификации фонем.

Разумеется, в тех случаях, когда звуковой комплекс рассекается морфемной границей, МФШ принимает наличие и фонемной границы (в этом отношении позиции ЩФШ и МФШ совпадают), но если внутри аналогичного звукового комплекса не проходит морфемная граница, то представители МФШ принимают решения исходя, как правило, из артикуляторно-акустических соображений. Например, [s:] в слове *рассада* будет интерпретирован как бифонемное сочетание <зс>², а в слове *касса* может трактоваться как реализация фонемы /с:/; и тогда в системе фонем появится соответствующая долгая согласная фонема. Также и [š':] в слове *вещи* реализует фонему <ш>, а в слове *резчик* то же [š':] реализует сочетание фонем <зч>. Принцип аналогии, используемый при фонемной идентификации в ЩФШ, в МФШ не применяется. Соответственно в звуке [š':] может воплощаться, в зависимости от морфемной и словообразовательной структуры слова,

¹ Кузнецов П. С. Об основных положениях фонологии // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 473.

² Сохраняем здесь и дальше кириллические транскрипционные символы и скобки, принятые в традиции МФШ.

и фонема <щ> (*щука, щит*), и сочетания фонем <сч> (*песчаный*), <с'ч> (*разносчик*), <зч> (*расческа*), <з'ч> (*возчик*), <шч> (*веснушчатый*), <жч> (*перебежчик*) и другие.

При анализе принципов **парадигматической идентификации фонемы** в МФШ следует иметь в виду, что в этой фонологической концепции смешиваются две существенно различные задачи — установление состава фонем языка (исследовательская) и определение фонемной принадлежности конкретного звука в высказывании (аналитическая). Это, несомненно, связано с тем, что «московская» фонема мыслится в первую очередь как элемент морфемы. Согласно концепции МФШ, фонема объединяет ряд позиционно чередующихся в морфеме звуков, причем один из них находится в сильной позиции — позиции максимального различия, другие — в слабой. Состав фонем данного языка определяется по сильной позиции. Таким образом, в языке столько фонем, сколько их различается в сильной позиции. Например, корневая морфема *вод-* представляет следующий ряд чередующихся звуков [ó]:[л]:[ъ] (ср. *воду, вода, водяной*); в морфеме *вал-* представлен другой ряд — [á]:[л]:[ъ] (ср. *вал, валы, валовой*). Каждый из этих рядов возглавляет звук, находящийся в сильной позиции: первый — [ó], второй — [á]. По МФШ, в русском языке в сильной позиции различается 5 гласных, значит, 5 единиц и в системе фонем: <a>, <э>, <o>, <и>, <у>. В сильной позиции выступает так называемый *основной вид* (*основная разновидность, сильный вид, доминанта, прототон*¹) фонемы. Фонема в МФШ всегда обозначается по своему *основному виду*, т. е. такой разновидности фонемы, которая представлена в сильной позиции.

В отличие от других фонологических школ, где понятию фонемы как функциональной единицы языка противостоит понятие *аллофона* (или *оттенка* в ЩФШ, или *комбинаторного варианта* в ПФШ) как модификации фонемы в речи, МФШ различает две разновидности модификаций фонем — вариации и варианты.

Вариации — это обусловленные позицией фонетические реализации фонемы, когда не происходит совпадения в одном звуке данной фонемы с какой-либо другой (по образному выражению основоположников МФШ, это — «звуковые синонимы основного вида фонемы», у которых звучание разное, а фонологическая значимость одинаковая): например, разные модификации фонемы <a> — [á] (основной вид фонемы), [ạ́], [á̆], [á̇] (ср. *мат, мать, мят, мять*) — обусловленные твердостью и мягкостью соседних согласных, будут вариациями фонемы <a>. Понятие *вариации* в известном смысле совпадает с понятием *аллофона* (или *оттенка*, или *комбинаторного варианта*) в других фонологических школах. При отождествлении вариаций с основным видом фонемы (т. е. при установлении их фонемной принадлежности) в МФШ затушевывается роль чередования в морфеме и фактически используется критерий артикуляторно-акустического сходства.

¹ Это термины, используемые различными представителями МФШ, для обозначения одного и того же понятия.

Варианты — это такие позиционно обусловленные реализации фонемы, когда происходит совпадение в одном звуке данной фонемы с какой-либо другой («звуковые омонимы», у которых звучание одинаковое, а фонологическая значимость разная): например, [t] в слове *пруд* и материально «то же самое» [t] в слове *прут* будут вариантами разных фонем (в первом случае — фонемы <д>, во втором — <т>).

В соответствии с разграничением понятий *основного вида*, *вариации* и *варианта* фонемы некоторые представители МФШ различают четыре типа позиций: *сигнификативно сильную* — позицию различения фонем, *сигнификативно слабую* — позицию неразличения фонем — в которой появляется *вариант* (общий для двух фонем), *перцептивно сильную* — в которой выступает *основной вид* фонемы (она же, конечно, при этом и *сигнификативно сильная*), *перцептивно слабую* — но при этом *сигнификативно сильную* — в которой появляется *вариация* (основного вида фонемы).

Переходим к проблеме **определения фонемной принадлежности конкретного звука в словоформах**. Согласно концепции МФШ, установить принадлежность звука, находящегося в слабой (прежде всего в сигнификативно слабой) позиции, к той или иной фонеме невозможно без учета морфемы, в состав которой он входит.

Чтобы определить, вариантом какой фонемы является звук в слабой позиции, необходимо установить, с каким звуком в сильной позиции он чередуется в той же морфеме. Звук в слабой позиции представляет ту фонему, которая в данной морфеме выступает в сильной позиции (в частности в сигнификативно сильной позиции, где возможно различение фонем). Например, в слове *прут* звук [t] является вариантом фонемы <т>, поскольку в сильной позиции в этой морфеме выступает в своем основном виде фонема <т> (ср. *кота*); в слове *пруд* тот же звук [t] — вариант фонемы <д>, т. к. в сильной позиции представлен основной вид фонемы <д> (ср. *кода*).

Итак, в сильной позиции выступает *основной вид*, в сигнификативно слабой — *вариант* фонемы. В тех же случаях, когда чередование в морфеме отсутствует и нельзя определить основной вид фонемы, с которым чередуется звук в слабой позиции, выступает особая фонологическая единица — *гиперфонема*, которая представляет собой объединение двух и/или более фонем, оппозиция которых нейтрализуется. Это своего рода абсолютно слабая позиция. Например, в слове *стол* звук [s] в слабой позиции (перед глухим шумным согласным) не может быть приведен к основному виду фонемы (реализацией которой он являлся бы). Звук [s] в принципе может быть вариантом как фонемы <с>, так и фонемы <з>, а поскольку мы не можем установить его тождество ни с той, ни с другой фонемой, звук [s] в этой морфеме представляет гиперфонему <с/з> (или {с/з}). Соответственно слово *стол* может быть записано в фонематической транскрипции МФШ как <с/зтол>, или <{с/з}тол>, или /{с|з}тол/. Таким образом, получается, что звуковые оболочки слов и морфем состоят из последовательностей фонем и гиперфонем.

М. В. Панов расширил понятие гиперфонемы за счет таких случаев, когда «в сильной позиции у данной морфемы представлено несколько звуков и дана позиция нейтрализации. В слове *лебедь* = [л'ѐб'ит'] заударный гласный можно проверить двояко: *лебяжий* и *лебѣдка*, но преимуществ ни у той, ни у другой проверки нет. Поэтому транскрибировать надо так: <л'эб'а/од'>¹.

Первоначально идея гиперфонемы (сама идея принадлежала, судя по всему, В. Н. Сидорову) состояла в том, что звук в такой «непроверяемой», абсолютно слабой позиции является как бы представителем сразу двух (и более) фонем, которые не различаются в данной позиции, а вместо термина *гиперфонема* иногда использовался термин *группа фонем*. Следует, однако, заметить, что в МФШ существует иная трактовка понятия *гиперфонема*, существенно отличающаяся от приведенной. Например, А. А. Реформатский (а вслед за ним В. А. Виноградов) различает внутри фонемного уровня два подуровня — гиперфонемный и собственно фонемный. На гиперфонемном подуровне нарушена индивидуальная различимость фонем, но сохраняется групповая: например, в безударных слогах происходят нейтрализации <a>÷<o> и <i>÷<э>, поэтому на гиперфонемном уровне в такой слабой позиции различаются три гиперфонемы <a/o>, <i/э> и <у> (последняя выступает на этом подуровне в качестве гиперфонемы). Согласно этой трактовке, при переходе на фонемный подуровень гиперфонемы в конкретной словоформе может быть «разрешимой» (когда по сильной позиции возможно определить, какая фонема представляет данную гиперфонему, т. е. достичь индивидуальной различимости фонем) и «неразрешимой» (когда в данной морфеме отсутствует чередование варианта с основным видом фонемы). Такая, более последовательная по сравнению с исходной, трактовка предполагает более широкое понимание гиперфонемы: под гиперфонемой понимается фонологическая единица не только в морфологически изолированной («непроверяемой») позиции, т. е. в нечередующемся для данной морфемы контексте, но и в «проверяемой» слабой позиции. Тем самым *гиперфонема* МФШ в известном смысле сближается с *архифонемой* ПФШ.

В концепцию МФШ время от времени вносятся некоторые коррективы. Например, Л. Л. Касаткин использует понятие архифонемы, определяя ее как общую часть нейтрализованных фонем, т. е. как «ряд звуков, чередующихся в сигнификативно слабых для этих фонем позициях»². Например, фонема /с/ в *сильной позиции* представлена звуками [с, с°, с', с'°], фонема /з/ — звуками [з, з°, з', з'°]. Архифонемы /с—з/ и /с—з—с'—з'/ представлены теми же звуками, но в разных комбинациях: архифонема /с—з/ — звуками [с, с°, з, з°], архифонема

¹ Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967. С. 237.

² Касаткин Л. Л. Московская фонологическая школа и ее терминология, связанная с учением о фонеме // Касаткин Л. Л. Современная русская литературная и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999. С. 57.

/с—з—с'—з'/ — звуками [с', с'', з', з'']. Гиперфонема, по Касаткину, «это архифонема, не приводимая в данных морфемах однозначно к одной из нейтрализованных фонем»¹. Различие между архифонемой и гиперфонемой он предлагает обозначать и в транскрипции: «архифонема <т—д>, гиперфонема <т'/д> или <т/д>»². Это определение гиперфонемы включает и такие случаи, когда для звука слабой позиции возможна двойная проверка по сильной позиции: ср. [л'эб'ит'] = <л'эб'а/д'> *лебедь* — *лебяжий* и *лебёдка*, [т'имн'иць] = <т'/омн'ица> *тёмный* и *темень*.

§ 7. МФШ: концепция Р. И. Аванесова

Особой разновидностью МФШ является фонологическая теория одного из ее основателей Р. И. Аванесова, который в 1950-х гг. отошел от ортодоксальной концепции МФШ. Новая концепция Аванесова нашла полное выражение в работе «Фонетика современного русского литературного языка» (М., 1956), а последний прижизненный вариант представлен в книге «Русская литературная и диалектная фонетика» (М., 1974).

В этой теории звук речи (по Аванесову, «кратчайшая звуковая единица»), находящийся в слабой позиции, рассматривается с двух сторон: во-первых, в качестве элемента звуковой оболочки *словоформы*; во-вторых, как элемент звуковой оболочки *морфемы*. Звуковая оболочка словоформы представляет собой последовательность *сильных* и *слабых фонем*: сильные фонемы выступают сильных, слабые — в слабых позициях, причем на уровне словоформы слабые фонемы не сводимы к сильным, т. е. сильные и слабые фонемы на этом уровне равноправны. В соответствии с этим различием звуковых оболочек словоформ и морфем Аванесов, сохраняя, естественно, *фонетическую* транскрипцию, вводит две фонематические транскрипции: *словофонематическую* и *морфофонематическую*. Ср. словоформы *грозовой* и *белел* в трех транскрипциях: 1) фонетическая [грэзаво'ј] и [б'и'л'эл]; 2) словофонематическая |гразавој| и |б'ал'эл|; 3) морфофонематическая <грозовој> и <б'елэл>³. Морфофонематическая транскрипция фактически совпадает с фонематической транскрипцией ортодоксальной МФШ, а словофонематическая транскрипция, отражающая последовательности сильных и слабых фонем, является оригинальным изобретением Р. И. Аванесова.

Как сильная, так и слабая фонема может выступать в своих вариантах, обусловленных позиционно. Так, в словоформе *вода* [вда́] (словофонематическая транскрипция |вада́|) кратчайшая звуковая единица [á] — вариант сильной фонемы <a> (другим вариантом этой сильной фонемы будет, например, [ʼá] в позиции после мягкого, например

¹ Касаткин Л. Л. Московская фонологическая школа и ее терминология, связанная с учением о фонеме // Касаткин Л. Л. Современная русская литературная и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999. С. 57.

² Там же.

³ Примеры взяты из кн.: Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

в слове *земля* [з'и^емл'я́]), а кратчайшая звуковая единица [л] — вариант слабой фонемы |а|. Вариант [л] реализуется в 1-м предупредном слоге после твердого согласного, а в позиции же после мягкого слабая фонема |а| представлена другим вариантом — [и^е]: ср. *тяну* [т'и^енү] (словофонематическая транскрипция [т'анү]). В словоформе *валы* [валы́] (= |валы́|) в первом слоге также представлена слабая фонема |а|, эквивалентная слабой фонеме |а| в словоформе *вода*, но не эквивалентная сильной фонеме <a> в окончании той же словоформы.

Если же рассматривать звук, находящийся в слабой позиции, как элемент звуковой оболочки морфемы, то он входит в так называемый *фонемный ряд*, который представляет собой совокупность сильных и слабых фонем, чередующихся в данной морфеме. Например, сильные и слабые фонемы (или их варианты¹), представленные в первом слоге словоформ *вод*, *вода*, *водяной*, на уровне морфемы объединяются в фонемный ряд <o>//[л]/[ь], возглавляемый сильной фонемой. Ср. также фонемные ряды <o>//[ь] (*селом* — *садом*, *стеной* — *думой*) и <d>//[т]/[д'] (*вода* — *вод* — *воде*). Как и в традиционной концепции МФШ, в систему фонем входят только сильные фонемы, возглавляющие фонемные ряды. Слабые фонемы не включаются в состав фонем языка.

В концепции Аванесова нет ответа на существенный вопрос: как отождествляются слабые фонемы разных словоформ, т. е. как устанавливается функциональное тождество вариантов в рамках слабых фонем, например, принадлежность вариантов [л], [ь] и [и^е] слабой фонеме |а|, а также разных [л] в составе разных словоформ *вода* [вдá] и *гара* [гарá]? Таким образом, остается не выявленным собственно фонологический, функциональный статус так называемых слабых фонем. Также остается неясным, почему слабые фонемы не включаются в состав фонем языка. Позднее некоторые последователи Р. И. Аванесова стали включать в состав фонем русского языка как сильные, так и слабые фонемы².

Ортодоксально настроенные представители МФШ упрекали его в том, что он пошел навстречу ЩФШ, однако сам Р. И. Аванесов не принял этих упреков, поскольку, по его мнению, все, что было разграничено в старой фонологической концепции, сохранено и в новой, но устранена двойственность понимания фонемы. Фактически различия носят терминологический характер:

В исходной теории МФШ		В теории Р. И. Аванесова
<i>основной вид фонемы</i>	=	<i>сильная фонема</i>
<i>вариант фонемы</i>	=	<i>слабая фонема</i>
<i>фонема</i>	=	<i>фонемный ряд</i>
<i>вариация фонемы</i>	=	<i>вариант фонемы</i>

Представляется справедливым рассматривать концепцию Р. И. Аванесова в рамках МФШ.

¹ Это разграничение проводится в работах Р. И. Аванесова непоследовательно.

² Так поступила, например, С. Н. Дмитренко, автор раздела «Фонетика» в «Русской грамматике» (Т. I. М., 1980. С. 76—87).

§ 8. Отношение к ЩФШ в работах представителей МФШ

1. Многие представители МФШ часто приписывают Л. В. Щербе и его школе понимание фонемы как «звукотипа» в духе английского фонетиста Дэниэла Джоунза (1881—1967), определявшего фонему как класс или «семью» звуков в данном языке, которые «относительны по своему характеру и используются так, что ни один из звуков никогда не встречается в том же фонетическом окружении, что и другой звук»¹. В частности, М. В. Панов пишет: «Л. В. Щерба в своих фонологических работах решал два вопроса: 1) как определить количество фонем в данном языке; 2) как установить, какие звуки входят в пределы одной фонемы («принадлежат» одной фонеме). Первую задачу Щерба решает на позиционном основании: фонем столько, сколько звуков в позиции наибольшего различия. Второй вопрос решается при полном отказе от позиционного критерия: в одну фонему объединяются звук в сильной позиции и все похожие на него звуки в слабых позициях (любых, без различия!). Основа объединения — не позиционное размещение, не функция, а чисто физическое (акустическое) и артикуляционное сходство. Так идея фонемы подменяется тривиальным понятием звукового типа. Ответом на второй вопрос Щерба зачеркнул фонологичность первого»². М. В. Панов, видимо, считает, что теория фонемы Щербы в «фонологичности» даже не дотягивает до концепции Д. Джоунза, который, как известно, узнал о теории фонемы во время его посещения Петербурга именно от Щербы. Впрочем, Панов, похоже, всерьез полагает (совершенно безосновательно), что и Д. Н. Ушаков, вообще не пользовавшийся понятием фонемы в своих работах, был «ближе к фонологии, чем Л. В. Щерба»³. К сожалению, М. В. Панов постоянно и совершенно сознательно путает фонологию с фонологической концепцией МФШ, что, конечно, совершенно недопустимо в научной полемике. Разумеется, положения ЩФШ не имеют ничего общего с тем, что приписывает ей М. В. Панов. Подтвердить это легко высказываниями самого Л. В. Щербы:

- а) «В русском языке <...> два оттенка *a* и два оттенка *i* в зависимости от качества следующего согласного, например, в словах дан и дань, бит и бить; но эти оттенки не способны самостоятельно дифференцировать слова — с точки зрения смысла они всегда тождественны; другими словами, в русском существует лишь одна фонема *a* и одна фонема *i*» («Русские гласные в качественном и количественном отношении», 1912 г.);
- б) тождественность акустически и артикуляторно разных звуков, по Щербе, определяется коммуникацией, «то есть в конечном счете смыслом: единый смысл заставляет нас даже в более или менее

¹ Jones D. The Phoneme: Its Nature and Use. Cambridge, 1950. P. 10.

² Панов М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество // Д. Н. Ушаков. Русский язык / Вступ. ст., подг. текста, сост. М. В. Панова. М., 1995. С. 29.

³ Там же. С. 29.

разных звуках узнавать одно и то же <...> Вот это общее и называется фонемой» («Фонетика французского языка», 1937 г.);

- в) «... каждая фонема определяется тем, что отличает ее от других фонем того же языка. Благодаря этому все фонемы каждого данного языка образуют единую систему противоположностей, где каждый член определяется серией различных противоположений как отдельных фонем, так и их групп» («Фонетика французского языка», 1937 г.).

Следует, однако, признать, что вырванные из контекста некоторые высказывания Л. В. Щербы содержат уподобление фонем «звуковым типам». Так, в той же «Фонетике французского языка» он писал: «Первое ударенное *a* в словах *рада*, *сада*, *лада* и т. п. мы произносим по-другому, чем второе неударенное, и т. п. Однако все эти сходные между собой, но могущие быть различаемыми на слух звуки мы объединяем в русском языке в один звуковой тип <...> *a* и т. д. <...> Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема) будем называть оттенками фонем. <...> Чем же определяется это общее? Очевидно, именно общением, которое является основной целью языка, т. е. в конечном счете смыслом; единый смысл заставляет нас даже в более или менее разных звуках узнавать одно и то же»¹. Совершенно очевидно из контекста, что под «звуковым типом» (не *звукотипом*!) Щерба имел в виду инвариант звуков (оттенков), т. е. общее по отношению к частному, чем и является фонема как языковая единица по отношению к своим реализациям — аллофонам.

2. Представители МФШ приписывают открытие смысловозначительной функции фонемы и введение ее в определение фонемы Боуэну де Куртенэ, от которого предпочитают вести свою родословную, отказываясь признать приоритет Щербы, кстати, отмеченный не только учеными, близкими Щербе, — С. И. Бернштейном, Е. Д. Поливановым и др., но даже Н. Ф. Яковлевым, которого многие считают предтечей МФШ, и основоположником ПФШ Н. С. Трубецким в «Основах фонологии» и в письмах Р. О. Якобсону.

3. Фонологи МФШ стараются подчеркивать близость концепций МФШ и ПФШ, противопоставляя их как «фонологические» школе Щербы как якобы «фонетической». Однако скорее МФШ стоит особняком в фонологии, поскольку нет другой школы кроме МФШ, в теории которой противопоставлялись бы понятия *фонема* — *вариация* — *вариант*. Противопоставление же понятий *фонема* — *аллофон* универсально и сближает между собой другие фонологические школы (несмотря на различие в трактовках и терминологии: *оттенок* или *аллофон* в ЩФШ, *комбинаторный вариант* — в ПФШ). Что касается

¹ Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. 7-е изд. М., 1963. С. 17—19.

трактовки ЩФШ как «фонетической» или «физикалистской», то это так же нелепо, как если бы кто-нибудь из представителей ЩФШ трактовал МФШ как «орфографическую».

4. Противники ЩФШ указывают на ее якобы практическую беспомощность, великодушно признавая, что есть лишь одна область, где концепция ЩФШ работает — это техника связи. Тем не менее, следует отметить, что в 1920—1930-е гг. при описании бесписьменных языков народов СССР, в том числе и с целью создания для них алфавитов, лингвисты опирались на открытую Щербой «смыслоразличительную» функцию фонемы. Что же касается, например, методики преподавания русского языка как иностранного, фонологическая концепция ЩФШ практически представляется более удобной, чем терминологически громоздкая и не опирающаяся на учет языкового сознания носителей языка теория МФШ.

§ 9. Выводы

При исследовании и описании звуковых систем конкретных языков и, в частности, русского языка, представители разных фонологических школ, руководствуясь различными принципами и методами фонологического анализа, приходят, в конце концов, к весьма сходным результатам. Этот факт объясняется тем, что рассмотренные фонологические концепции имеют между собой значительно больше общего, чем различного.

Например, мы видели, что при парадигматической идентификации фонемы все школы считают необходимым пользоваться понятием *дополнительной дистрибуции*. При этом все три школы признают недостаточность условия дополнительной дистрибуции для установления принадлежности двух аллофонов к одной фонеме. ПФШ прибегает в данном случае к дополнительной критерию артикуляторного и акустического сходства звуков, а МФШ и ЩФШ — к критерию чередования в морфеме. При этом ЩФШ последовательно придерживается принципа «один оттенок — одна фонема», в то время как МФШ допускает принцип «один вариант — разные фонемы», сохраняя одновременно принцип «одна вариация — одна фонема».

Некоторые расхождения в оценке состава фонем русского языка (например, споры о фонемах /i/, /šː/, мягких заднеязычных) объясняются, как правило, не принципиальными расхождениями в фонологической теории, сколько тем или иным ограничением привлекаемого для решения этих спорных вопросов языкового материала, что тоже, конечно, так или иначе связано с особенностями фонологических школ.

В конечном счете сходство фонологических концепций обусловлено тем, что все они имеют дело с некой *объективной* реальностью, все они пытаются, каждая по-своему, объяснить и описать эту объективную реальность — звуковой строй языка, основным элементом которого является фонема. Таким образом, фонема — это объективная

(но не физическая!) реальность. Та или иная фонологическая теория дает определение понятия фонемы, но сама фонема как единица звукового строя конкретного языка, как элемент фонетической системы существует независимо от фонологической теории.

Фонема относится к таким языковым единицам, сущность которых не раскрыта до конца и, вероятно, всегда будет предметом дискуссий именно потому, что фонема в отличие, например, от аллофона, это не только научное понятие, но языковая реальность, факт языковой действительности. Аллофон же — не языковая единица, а лингвистическое понятие, при помощи которого описывается физическая реальность. Аллофоны — это не кирпичики, из которых складываются фонемы, как можно было бы подумать, если исходить из логической последовательности процедур фонологического анализа. В этом отношении термин Щербы *оттенок фонемы* чрезвычайно удачен: он подчеркивает первичность фонемы по отношению к ее физическим реализациям. Другими словами, оттенок, или аллофон, — это способ описания физической реальности, которая в фонологии трактуется как реализация или модификация фонемы. Аллофоны фонемы имеют лингвистическое содержание только как **потенциальные зародыши будущих фонем** и как элемент нормы, как **принятые в данном языковом коллективе нормальные реализации фонем**. Понятие аллофона связывает фонему с физической реальностью, с звуковой материей. Таким образом, фонема — это объективная реальность, а аллофон как единица реально не существует. Он представляет собой лишь научное понятие, используемое фонологами для описания той физической реальности речевого потока, в которой реализуются последовательности функциональных единиц языка — фонем. Понятие аллофона понадобилось потому, что фонема и физическая реальность лежат в двух разных несовместимых плоскостях. Наведение мостов между этими несовместимыми плоскостями возможно, видимо, только при обращении к перцептивному аспекту фонетики. Это теоретический аспект проблемы, но есть и практический аспект. Пользоваться осциллограммами и спектрограммами для демонстрации различий между реализациями фонемы в разных позиционных условиях неудобно, поэтому в качестве средства представления физической реальности в фонетике принято использовать значки так называемой фонетической («аллофонной») транскрипции, которая исполняет роль квазифизической реальности в исследовании и описании звукового строя языка.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Богомазов Г. М. Современный русский литературный язык. Фонетика. М., 2001. С. 158—174 (Фонологические школы: сходства и различия).
2. Зиндер Л. Р. Бодуэн, Щерба и истоки фонологической теории Трубецкого // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 126—135. (перепечатано в кн.: Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007. С. 394—407).

3. *Зиндер Л. Р.* Основные фонологические школы // Вопросы общего языкознания. М., 1967 (перепечатано в кн.: Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007. С. 369—375).
4. *Касаткин Л. Л.* Московская фонологическая школа и ее терминология, связанная с учением о фонеме // Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: ЯСК, 1999. С. 45—60.
5. *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 137—146 (§ 35. Фонологические школы).
6. *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001. С. 325—348 (Глава 6. Традиционные фонологические модели).
7. *Попов М. Б.* Традиционные фонологические направления в русистике. СПб., 1999.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиндер Л. Р.* К истории фонетики в России // Уч. зап. ЛГУ. 1960. № 237 Вып. 40. С. 5—25 (перепечатано в кн.: Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007. С. 520—539).
2. *Зиндер Л. Р.* [Рец. на кн.:] А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии // Вопросы языкознания. 1972. № 1. С. 132—135. (то же в кн.: Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007. С. 383—389).
3. *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика, орфография. М., 2005. С. 127—143 (Ч. II. Лигвистическая фонетика (Фонология)).
4. *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001. С. 485—513 (Глава 10. Динамические модели в фонологии).
5. *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии (очерк) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Исторический очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 9—120.
6. *Реформатский А. А.* Проблема фонемы в американской лингвистике // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Исторический очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 204—248.

I. Возникновение теории фонемы

1. *Бернштейн С. И.* Основные понятия фонологии // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 62—80.
2. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* 1) Фонема (1899 г.); 2) Фонология (1899 г.); 3) Опыт теории фонетических альтернатив (1895 г.); 4) Введение в языковедение (1917 г.) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I, II. М., 1963.
3. *Поливанов Е. Д.* Субъективный характер восприятий звуков языка (1931 г.) // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 236—253.
4. *Щерба Л. В.* 1) Субъективный и объективный метод в фонетике (1909 г.); 2) Русские гласные в качественном и количественном отношении (1912 г.), § 1—15; 3) Из лекций по фонетике (1917 г.) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

II. Щербовская фонологическая школа

1. *Бондарко Л. В.* 1) Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981; 2) Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.
2. *Буланин Л. Л.* Фонетика современного русского языка. М., 1970.
3. *Буланин Л. Л., Мирецкий А. Л.* Учебно-методическая разработка по русской фонетической транскрипции. Ч. I. Фонематическая транскрипция. Л., 1984.
4. *Гвоздев А. Н.* О фонологических средствах русского языка (1949 г.) // Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963.
5. *Гордина М. В.* Фонетика французского языка. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997.
6. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. 2-е изд. М., 1979 (переиздано в кн.: Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007);
7. *Зиндер Л. Р.* Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. СПб., 1997.
8. *Касевич В. Б.* 1) Элементы общей лингвистики. М., 1977; 2) Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
9. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. 1-е изд. М., 1975; 2-е изд. М., 1987 и след. изд.
10. *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
11. *Попов М. Б.* Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004.
12. *Щерба Л. В.* 1) Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским (1937 г.). 7-е изд., М., 1963; 2) Теория русского письма (1943 г.). Л., 1983.

III. Пражская фонологическая школа

1. *Вахек Й.* Лингвистический словарь Пражской школы (1960 г.). М., 1964.
2. *Мартине А.* Основы общей лингвистики (1960 г.) // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
3. Пражский лингвистический кружок. М., 1967 (статьи Й. Вахека, В. Матезиуса, Л. Новака, Н. С. Трубецкого).
4. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии (1938 г.). М., 1960.
5. *Якобсон Р.* 1) Звук и значение (1942/1976); 2) Принципы исторической фонологии (1931) // Якобсон Р. Избранные труды. М., 1985. С. 30—91.

IV. Московская фонологическая школа

1. *Аванесов Р. И.* 1) Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956; 2) Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
2. *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики современного русского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945. С. 5—67 (переиздано в сокр. в кн.: Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Исторический очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 249—277).
3. *Касаткин Л. Л.* 1) Современная русская литературная и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999; 2) Фонетика современного русского литературного языка. М.: Изд-во МГУ, 2003;

- 3) Современный русский язык. Фонетика. М.: Изд. центр «Академия», 2006; 3-е изд. М., 2014.
4. *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М.: Академический проект, 2005.
5. *Кузнецов П. С.* Об основных положениях фонологии (1959 г.) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Исторический очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 470—480.
6. *Панов М. В.* 1) Русская фонетика. М., 1967; 2) Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
7. *Реформатский А. А.* 1) Введение в языковедение (1947 г.). 4-е изд. М., 1967; 2) Из истории отечественной фонологии. Исторический очерк. Хрестоматия. М., 1970.

§ 1. Определение письма

Энциклопедия «Русский язык» определяет *письмо* следующим образом: «**Письмо́** — знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать информацию на расстоянии и закреплять ее во времени»¹. Таким образом, письмо следует понимать как систему графических знаков, предназначенную для передачи единиц языка, реализуемых в речи, а не просто для передачи информации, содержащейся в речи. Другими словами, единицы письма обозначают те или иные языковые единицы, главным образом слова и фонемы (или сочетания фонем).

§ 2. Аспекты письма

Применительно к русскому письму три аспекта письма — алфавит, графику и орфографию — впервые четко разграничил И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он определил их следующим образом:

«1. *Русский алфавит* или русская азбука, т. е. описание и всесторонняя характеристика элементов писанно-зрительного материала, связанного потенциально с элементами произносительно-слуховыми, но еще без определенных частных ассоциаций <...>

2. *Русская графика*. Связь писанно-зрительных элементов с элементами только произносительно-слуховыми, в отвлечении от ассоциаций с представлениями морфологическими и семасиологическими.

3. *Русская орфография* или правописание в тесном смысле этого слова. Связь писанно-зрительных представлений не только с представлениями произносительно-слуховыми, но тоже с представлениями морфологическими и семасиологическими»².

Итак, по Бодуэну де Куртенэ, *алфавит* представляет собой упорядоченную совокупность основных единиц письма, т. е. букв, без указания на их конкретное звуковое значение. *Графика* как аспект

¹ Дьяконов И. М. Письмо // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 339.

² Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку (1912 г.) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963. С. 221.

письма устанавливает связь алфавита с системой фонем языка, т. е. принципы и правила обозначения буквами фонем и их сочетаний безотносительно к конкретным морфемам. *Орфография* устанавливает принципы и правила употребления букв алфавита в конкретных морфемах. Таким образом, если графика связана с системой фонем, то орфография, основываясь на отношениях, установленных графикой, обращена к смысловой стороне языка и имеет дело со значимыми единицами — морфемой и словом.

Однако не всякая письменность нуждается в алфавите, а тем более в графике и орфографии. Это станет ясным, если мы рассмотрим еще один существенный аспект письма, который не считал нужным особо выделить в процитированной работе И. А. Бодуэн де Куртенэ, а именно, тип письма. *Тип письма* определяется тем, какие именно языковые единицы (слова, морфемы, слоги, фонемы) передаются основными единицами письма.

§ 3. Типы письма

К какому же типу относится современное русское письмо? Традиционно выделяют следующие типы письма: *пиктографическое* (= рисуночное, фразовое), *идеографическое* (= иероглифическое, словесное), *слоговое* (= буквенно-слоговое) и *звуковое* (= буквенно-звуковое). Буквенно-звуковое письмо иногда подразделяют на консонантно-звуковое, в котором обозначены только согласные, и вокализованно-звуковое, в котором отдельными письменными знаками обозначаются как согласные, так и гласные звуки.

Исторически пиктографическому письму предшествовало так называемое *предметное* письмо, которое, впрочем, часто не относят к собственно письму. Строго говоря, если исходить из приведенного выше определения письма, пиктографическое письмо как внеязыковую знаковую систему следовало бы исключить из собственно письма и трактовать как некую стадию предыстории письма, следующую после предметного. Это вытекает из определения письма как фиксации единиц речи (что лингвистически более оправдано), а не просто как закрепления речевой информации. Для пиктографического «письма» больше подходило бы определение «идеографическое», поскольку такое письмо передает только общий смысл («идею») сообщения и, в сущности, не привязано к конкретной языковой системе. Сообщение, переданное посредством пиктограмм (рисунков), не обозначающих конкретных языковых единиц, может быть прочитано и понято на любом языке. Собственно же письмо фиксирует звучание (звуковую оболочку языковых единиц), а через него — языковое значение, тем самым оно привязано к конкретной языковой системе и ее единицам (фонемам и их сочетаниям, морфемам и словоформам, слогомorfемам). Итак, к типам собственно письма целесообразно относить иероглифическое, слоговое и звуковое, отделив от них предметное письмо и пиктографию как стадии предписьма.

В *иероглифическом* письме основной языковой единицей, передаваемой письменным знаком (иероглифом), является *слово*, поэтому такое письмо также называют *словесным*. Впрочем, в языках, для которых подходит такой тип письма (например, в китайском), *слово* грамматически не противопоставлено *морфеме*, а фонетически совпадает со *слогом*, поэтому минимальную фонетическую единицу таких слоговых языков, не делимую далее на фонемы, называют *слогоморфемой*. Таким образом, в китайском словесном письме иероглиф передает звучание слогоморфемы. В чистом виде словесное письмо практически не встречается: известные иероглифические письменности, как правило, являются *словесно-слоговыми* (для уточнения звучания слова к иероглифу может прибавляться *силлабограмма*).

Тип письма, который называют *слоговым* письмом, по сути, является разновидностью *звукового*. Однако в слоговом письме буква, как правило, обозначает слог, т. е. сочетание фонем, составляющих один слог, а в звуковом — фонему. Как буквенно-слоговое, так и буквенно-звуковое письмо характерны для языков фонемного строя. Оба эти типа письма противопоставлены словесному (иероглифическому) письму и предполагают наличие алфавита.

В сущности, прав был Ф. де Соссюр, который писал, что существует два типа (системы) письма:

«1. Идеографическое письмо, при котором слово изображается одним знаком, не зависящим от звуков, входящих в его состав. Этот знак представляет слово в целом и тем самым выражаемое им понятие...

2. Система, обычно называемая „фонетической“, стремящаяся воспроизвести звуковую цепочку, представляющую слово. Фонетические системы письма бывают то слоговыми, то буквенными...»¹.

В идеале тип письма должен соответствовать звуковому строю языка: для фонемных языков больше подходит звуковое или слоговое письмо, для языков слогоморфемного типа — иероглифическое.

Исторически иероглифические письменности восходят к пиктографии, а слоговое письмо обычно является результатом развития и приспособления иероглифической письменности к особенностям языков фонемного типа. В связи с тем, что письменность и, в частности, алфавит редко создается для определенного языка заново, обычно имеет место не *изобретение*, а *наследование* письма. Унаследованное письмо постепенно приспособляется к особенностям языка-рецептора. Но даже в случае *изобретения* алфавита в нем часто используются буквы уже существующих письменностей, особенно в части их начертания.

Почти все системы буквенно-звукового письма так или иначе восходят к семитскому письму Финикии, Сирии и Палестины, которое в свою очередь является продолжением древнеегипетского иероглифического письма. Древнеегипетское письмо было словесно-слоговым, т. е. в нем наряду с иероглифами имелись фонетические знаки, которые

¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 64.

обозначали слоги. Долгое время считалось, что финикийское письмо XII—X вв. до н. э. было консонантно-звуковым, однако скорее всего оно было слоговым. Собственно же звуковое, т. е. вокализованно-звуковое, письмо впервые появилось в IX—VIII вв. до н. э. у греков. Они заимствовали финикийский алфавит и добавили к нему буквы, обозначающие гласные, причем первоначально обозначение гласных было факультативным. Классический древнегреческий алфавит из 24 букв сформировался к V в. до н. э. Одним из ответвлений греческого алфавита является латинский алфавит.

Возникновение славянской письменности также связано с творческим освоением греческого письма. Обе древние славянские азбуки — *глаголица* и *кириллица* — созданы под влиянием и по образцу греческого алфавита: глаголица была *изобретена* Кириллом в 863 г. в Византии, а кириллица — это *заимствование* и *приспособление* греческого алфавита с добавлением букв глаголицы. Замена глаголицы кириллицей была инициирована учениками Кирилла и Мефодия в конце IX в. в Болгарии. К древней кириллице восходит и современный русский алфавит.

Таким образом, что касается типа современного русского письма, то оно является *буквенно-звуковым*, что предполагает наличие алфавита. Русское письмо естественно допускает ряд отступлений от буквенно-звукового типа. В частности, в нем используются цифры или знаки типа №, \$, =, + и т. п. Это своего рода вкрапления элементов словесного (иероглифического) письма. Отдельные буквы русского алфавита могут обозначать сочетания фонем: ср. «я» /ja/, «ё» /jo/, «е» /je/, «ю» /ju/. Тот факт, что такие сочетания фонем формально совпадают со слогом, не может служить основанием для предположения о наличии в русском письме каких-то рудиментов слогового письма. Кроме того, в русском алфавите есть буквы «ъ» и «ь», которые не используются для обозначения целых фонем. Функции этих букв проясняются в графике и частично в орфографии.

§ 4. Алфавит

В языках фонемного строя, в том числе в русском, фонемы служат, в частности, для «смыслоразличения», точнее — для различения звуковых оболочек слов. Буквенно-звуковое письмо характеризуется наличием знаков письма — букв, которые, обозначая фонемы, также могут выполнять в письме различительную функцию. Упорядоченная совокупность основных знаков письма, т. е. букв, предназначенных для передачи фонем, и называется алфавитом. Понятие алфавита включает как минимум следующие признаки: 1) *состав*, 2) *порядок*, 3) *начертания*, 4) *названия* букв. Кроме того, некоторые лингвисты считают возможным говорить об *алфавитных значениях* букв.

Возникает вопрос: принадлежат ли какие-либо звуковые значения букв собственно алфавиту или, как полагал Бодуэн де Куртенэ, они

даются в графике и орфографии? Если исходить из того, что буквы имеют *алфавитные* значения, отличные от *графических* и *орфографических* (см. ниже), то, видимо, целесообразно определять эти значения, исходя из названий букв. В этом случае буква «б» будет иметь алфавитное значение /b/, буква «о» — /o/, буква «я» — /ja/. Если же считать, что особых алфавитных значений не существует, то все значения букв распадаются на две группы — графические и орфографические. При таком решении «б» имеет два графических значения (/b/ и /b'/) и два орфографических (/p/ и /p'/). Буква «о» имеет графическое значение /o/ и орфографическое /a/. Для «я» графическими значениями будут /ja/ и /^(*)a/, а орфографическими — /ji/ и /i/. Такой подход позволяет не допускать пересечения графических и орфографических значений букв. Иногда графические значения букв называют главными, а орфографические — второстепенными.

Если все-таки алфавит непосредственно связан с системой фонем и алфавитные звуковые значения даны уже в названиях букв алфавита, то при сравнении алфавитных значений букв с составом фонем в современном русском алфавите обнаружатся некоторые «недостатки». Во-первых, в нем как бы не хватает букв для обозначения парных мягких согласных фонем, а во-вторых, в нем имеется некоторый избыток букв для гласных: на 6 гласных фонем приходится 10 букв. Такое положение возникло исторически, в результате изменений, которые произошли в звуковом строе русского языка.

§ 5. Слоговой принцип русской графики

Связь алфавита и системы фонем осуществляется через графику. Координация фонем и букв в системе русской графики определяется так называемым слоговым принципом. Он имеет две сферы действия: обозначение твердости/мягкости согласных и обозначение фонемы /j/.

Обозначение твердости/мягкости. Указание на твердость/мягкость парных по этому признаку согласных содержится не в самих буквах согласных, а в следующих за ними буквах.

Внутри слова перед гласным твердость/мягкость согласного обозначается буквой следующего за ним гласного: мягкость передается так называемыми смягчающими буквами «е», «ё», «и», «ю», «я», твердость — соответственно несмягчающими буквами «э», «о», «ы», «у», «а».

Если необходимо обозначить мягкость согласного в абсолютном конце слова и перед согласным внутри слова, то мягкость передается постановкой «мягкого знака» после согласного: *банька* /ban'ka/ — *банка* /banka/, *конь* /kon'/ — *кон* /kon/ и т. п. Соответственно отсутствие в подобных случаях «ь» оказывается значимым и указывает на твердость предшествующего согласного.

Таким образом, необходимость обозначения твердости/мягкости согласных гласными буквами приводит к тому, что одна и та же гла-

сная фонема обозначается разными буквами в зависимости от твердости/мягкости предшествующих согласных: ср. *мал* — *мял*, *лук* — *люк*, *вол* — *вёл*, *сэр* — *сер*.

Обозначение /j/. В соответствии со слоговым принципом русской графики фонема /j/ («йот») обозначается двумя разными способами в зависимости от позиции: на конце слова и перед согласными — посредством буквы «й», а перед гласными (в начале слова, а также внутри слова после гласных и после согласных) обозначается при помощи так называемых «йотированных» (они же «смягчающие» — см. выше) букв «е», «ё», «ю», «я», «и»¹.

Таким образом, «йотированные» гласные буквы получают в русской графике две функции: указание на мягкость предшествующего согласного и обозначение «йота» (в последнем случае смягчающий гласный обозначает /j/ + соответствующий гласный). Эти функции вступают в противоречие, когда фонема /j/ оказывается в позиции после согласного перед гласным. Для снятия этого противоречия используются буквы «ъ» и «ь» в так называемой разделительной функции: они указывают, что следующая за ними йотированная гласная использована для обозначения /j/, а не мягкости предшествующего согласного (ср. *польёт* /pal'jot/ — *полёт* /pal'ot/, *сёмка* /sjomka/ или /s'jomka/ — *Сёмка* /s'omka/)². «Графический слог», т. е. сочетание букв согласного и гласного, как бы разбивается (разделяется — отсюда термин «разделительный знак») твердым или мягким знаком, которые выступают в разделительной функции.

Выбор того или иного разделительного знака — «ъ» или «ь» — определяется уже правилами орфографии. Важно подчеркнуть, что в современном русском письме выбор твердого или мягкого разделительного знака ни в коей мере не диктуется твердостью или мягкостью согласного (ср. *адъютант* /ad'ju'tant/ — *семья* /s'i'mja/ и /s'i'm'ja/, *вьюга* /'vjuɡa/ и /'v'juɡa/).

§ 6. Отступления от слогового принципа

Слоговой принцип русской графики имеет одно существенное ограничение в своем употреблении: он распространяется лишь на обозначение твердости/мягкости **парных** по этому признаку согласных. Непарные согласные не нуждаются в специальном указании на их фонетическую твердость или мягкость. Написание йотированных

¹ Что касается «и», то /j/ перед /i/ в современном русском литературном произношении, как правило, встречается только в позиции после согласного: /vaba'b'ji/ «воробы», но /i'gri/ «игры», /ma'ix/ «моих» (при редко встречающемся устаревшем /majix/). Таким образом, «и» в начале слова и после гласного не указывает на наличие /j/ перед /i/.

² То, что «ь» (и «ъ») не обозначает в этих случаях /j/, видно из сопоставления параллельных форм типа *ученье* — *учение*, *житие* — *житьё* и т. п.

или нейотированных гласных после букв, обозначающих непарные по твердости/мягкости согласные (твердые /ž/, /š/, /c/ и мягкие /č', /š':/), определяется правилами орфографии: после «ж», «ш», «щ», «ч» и «ц» пишутся «а, у, е», после шипящих «ж», «ш», «щ», «ч» — только «и», написания «и/ы» после «ц», а также «ё/о» после всех непарных регулируются особыми орфографическими правилами. Таким образом, все написания гласных после непарных по твердости/мягкости согласных, как бы противоречащие слоговому принципу русской графики (типа *лыжи, парашют, цирк, чудо, чаща* и т. п.), связаны с ограничением этого принципа, т. е. на них слоговой принцип не распространяется и соответственно они не являются его нарушением.

Однако в русском письме имеются и нарушения слогового принципа. Они встречаются в некоторых заимствованиях и сложносокращенных словах. К нарушениям слогового принципа русской графики относятся следующие типовые случаи.

1. Написание «й» перед нейотированным гласным при обозначении /j/ в начале слова и после гласных в таких словах, как *майор, йогурт, Нью-Йорк, фойе, Йемен* (вместо **маёр, *ёгурт, *Нью-Ёрк, *фое, *Емен*) и т. п.
2. Написание «о» после «ь» при обозначении /j/ после согласных в словах типа *бульон, почтальон, каньон* (вместо **бульён, *почтальён¹, *каньён*) и т. п.
3. Обозначение /j/ на стыке двух частей сложносокращенных слов, где /j/ обозначен так, как если бы это был стык самостоятельных слов: *минюст, иняз, детясли, стройуправление* (вместо **минъюст, *инъяз, *детьясли, *строюправление²*) и т. п.
4. В таких же случаях при обозначении твердости/мягкости согласного: *госинспекция, партимущество, сверхинтуция, контригра, пединститут, Связьинвест* (вместо **госынспекция, *партимущество, *сверхинтуция, *контригра, *педынститут, *Связинвест*, причем в последнем случае возможно произношение глухого согласного в соответствии с буквой «з» /sv'as'inv'est/, как это должно происходить на конце слова) и т. п.
5. Написание «е» после твердых согласных, парных по твердости/мягкости, в заимствованиях: *тире, модель* (вместо **тирэ, *модэль*) и др.
6. Написание «е» после гласных и в начале слова при отсутствии /j/: *проект, пациент, еканье* (вместо **проэкт, *пациэнт, *эканье³*).

Написания, вызванные ограничением слогового принципа русской графики, а также приведенные в п. 1 нарушения этого принципа вряд ли могут быть прочитаны неправильно, если ориентироваться на нормальную реализацию русских фонем (ср., однако, распространенное произношение [ž'u'r'i] *жюри* с мягким шипящим). В пп. 3—6

¹ В XIX в. были возможны написания *бульионь, почталионь*.

² *Строю правление* и *стройуправление* произносятся одинаково.

³ Впрочем, такое написание также встречается.

нарушений представлены написания, которые при последовательном применении слогового принципа могут быть прочитаны неправильно с точки зрения состава фонем каждого из слов (например, *иняз* */in'as/ вместо /injas/), поскольку здесь представлены написания с обычной для русского письма последовательностью букв. В пп. 1—2 представлены написания с необычной для русского письма последовательностью букв.

Нарушения и ограничения слогового принципа связывают графику как аспект письма с орфографией, поскольку касаются написания отдельных слов и предполагают возможность выбора пишущим той или иной буквы, особенно в тех случаях, когда это не влияет на правильность прочтения (ср. *майор* — **маёр*, *огурцы* — **огурци*).

§ 7. Орфография

Буквенное обозначение фонемного состава слов и морфем не исчерпывает задач орфографии, которая устанавливает также правила употребления прописных и строчных букв, правила переноса, правила слитных, раздельных и полуслитных (через дефис) написаний, правила сокращения слов на письме. Тем не менее, ведущей задачей орфографии, непосредственно связанной с графикой — как бы продолжающей её, справедливо считается буквенное обозначение фонемного состава слов и морфем в той части, которая не определена правилами графики (ее слоговым принципом).

Целесообразно различать несколько значений термина *орфография*. *Орфографию*₁ в первом значении можно определить как исторически сложившуюся систему единообразных написаний словоформ, принятую и используемую носителями данного языка. Это единообразие написаний слов и морфем в тех случаях, где исторически сложившаяся система орфографии предполагает возможность обозначения одной фонемы двумя и более буквами, т. е. там, где у пишущего существует возможность выбора, обеспечивается правилами орфографии. Соответственно *орфография*₂ во втором значении — это система правил, которые и обеспечивают единообразие написаний. Кроме того, *орфография*₃ — это и раздел науки о языке, изучающий орфографию в первом и втором значении. В принципе может быть письмо «без орфографии». Это возможно тогда, когда в системе письма каждая фонема всегда обозначается одной и той же, специально для нее предназначенной буквой. В таком случае все написания определяются правилами графики. Пример такого теоретически возможного письма «без орфографии» применительно к русскому литературному языку (с екающим произношением) привел Л. В. Щерба: «В адной из аддалённых улиц Масквы, ф серам доме з белыми калоннами, антресолю, и пакривифышмыс балконам жыла некагда барыня, вдова, акружонная мнагачисленной дворней. Сынавья её служжыли ф Петербурге, дочери вышли замуш; ана выежжала ретка и уединённа

даживала последние годы своей скупой и скупящейся (=скупящей) старости. День её, нерадасный и ненасный, давно прашол, но и вечер её был чернее ночи» (начало повести И. С. Тургенева «Муму»)¹.

Такого рода письмо в идеале должно совпадать с фонематической транскрипцией (фонографический принцип графики), а если сохранить слоговой принцип русской графики и при этом распространить его на непарные по твердости/мягкости согласные, сняв ограничения слогового принципа (как в приведенном примере Л. В. Щербы), это письмо будет в значительной степени приближаться к фонематической транскрипции. Некоторые проблемы возникают лишь в случае вариантного фонемного состава словоформы, что автоматически приводит к вариантному написанию, конечно, не желательному на письме: ср. *ф Петербурге* — *ф Питирбурги*, *акружонная* — *акружоная* и т. п. Письмо без орфографии возникает при создании оригинального письма для бесписьменного языка. Таким было первоначальное славянское письмо, созданное Кириллом. Но письмо без орфографии в принципе может быть введено и для любого буквенно-звукового письма, имеющего развитую орфографию. Такого рода предложения поступали в Орфографическую комиссию во время орфографической дискуссии 1964 г. Одно из таких предложений содержалось в письме, написанном в Орфографическую комиссию. Вот небольшой (слегка измененный) отрывок из этого письма «без орфографии»: «Возможнали руская фанитическая письмо? Эта вапрос нисуразныйшый иссамых нисуразных вапросаф, иба толька таким ано и далжно быть. Этот выват так ачивидин, што врятли стоит ыво абасновывать. Лучшая иво абаснавания — наглядный пакас рускава фанитическава письма».

§ 8. Принципы русской орфографии

Орфография со своими правилами буквенного обозначения морфем и слов в части, не определенной графикой, возникает тогда, когда общество желает сохранить сложившуюся систему написаний в ущерб однозначному соотношению «фонема — буква» (фонографический принцип), которое оказалось нарушенным вследствие произошедших фонологических изменений и не было (или не могло быть) урегулировано правилами графики. Например, после того как во 2-й половине XVI — 1-й половине XVII вв. аканье (т. е. произношение /gala'voju/ *головою* вместо /golo'voju/) утвердилось в говоре Москвы (московском койне), а старые написания с «о» на месте /а/ из /о/ сохранились наряду с новыми (т. е. писали и *головою*, и *галавою*), возникла проблема урегулирования передачи безударных /а/ и /о/, поскольку в сложившейся после установления аканья системе написаний буква «о» могла обозначать и фонему /о/ (под ударением) и фонему /а/ (без ударения), а фонема /а/ в свою очередь

¹ Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 149.

стала обозначаться и буквой «о» (без ударения) и буквой «а» (как под ударением, так и без ударения). В современной орфографии это регулируется правилами правописания безударных гласных на базе *морфологического принципа орфографии*.

Одной из ярких особенностей современного русского языка, которая в значительной степени определяет специфику русской орфографии, является богатая система чередований, возникших вследствие тех или иных фонологических изменений. Некоторые из этих чередований — очень древние, они появились в языке еще в праславянский период, т. е. до появления письменности. Поэтому естественно, что они находят отражение на письме: /k/ — /č/ *теку* — *течѣшь*, /g/ — /ž/ *берегу* — *бережѣт*, /x/ — /š/ *тих* — *тишина*, /o/ — /a/ и /d'/ — /ž/ *заходит* — *захаживает* и т. п. Другие чередования возникли после формирования письменной традиции, поэтому обычно не отражаются на письме: /d/ — /t/ *пруды* — *пруд*, /o/ — /a/ *воду* — *вода*, /a/ — /i/ *пять* — *пяти*, но могут и отражаться на письме: /e/ — /ø/ *день* — *дня*, /o/ — /ø/ *сон* — *сна* и *лѣд* — *льда*, /o/ — /e/ *дешѣвый* — *дешевле* и *бѣдра* — *набедренный* и др. Чередования фонем буквально пронизывают систему склонения, спряжения и словообразования русского языка, охватывая наиболее частотный пласт лексики и являясь важным морфонологическим средством.

Некоторые чередования фонем — например, ударного /o/ и безударного /a/ или звонкого и глухого согласных на конце слова — распространяются на столь большое число морфем и столь частотны, что производят впечатление фонетической закономерности, не знающей исключений. Условия таких чередований можно легко описать в фонетических терминах, поэтому их называют *живыми фонетическими чередованиями*. Эти чередования еще называют *позиционными*, т. к. чередующиеся фонемы находятся как бы в разных позициях: одна — в *сильной* (для гласных это позиция под ударением, для звонких и глухих согласных — перед гласным или сонантом), а другие — в *слабой* (для гласных — безударной, для звонких и глухих согласных — конца слова или перед другим шумным согласным). Понятия *сильная* и *слабая позиции* распространяются и на случаи, где отсутствуют чередования фонем: в словоформе *сад* гласный /a/ находится в сильной позиции, конечный согласный /t/ — в слабой, в словоформе же *сады*, наоборот, гласный /a/ — в слабой, а согласный /t/ — в сильной позиции.

Есть чередования другого типа. Они, как правило, отражаются на письме и не поддаются или поддаются с трудом описанию в фонетических терминах. Такие чередования называют *историческими*.

Отражение на письме всех чередований — не только исторических, но и живых — то есть введение письма «без орфографии» — привело бы к графическому (зрительному) разрыву связей между родственными морфемами и неприемлемой пестроте написаний. Поэтому основными принципами русской орфографии стали морфологический и традиционный (фонемно-традиционный).

В основе *морфологического принципа орфографии* лежит такой способ обозначения живых фонетических чередований, когда фонема, находящаяся в слабой позиции, передается не той буквой, которая соответствует ей в графике, а той, которая обозначает чередующуюся с ней фонему в сильной позиции. Буква фонемы слабой позиции как бы проверяется по сильной позиции. Таким образом, обе чередующиеся фонемы — в целях графического единообразия — обозначены буквой, которая в графике предназначается фонеме, находящейся в сильной позиции: *стол* → *сто́лы*. Этот принцип распространяется на все слабые позиции, а значит и на те, где нет чередования фонем, но могло бы быть, т. к. условия те же, что и в случаях с чередованием фонем: ср. *вал* → *ва́лы*, где «чередуются» ударное /а/ и безударное /а/ же (т. е. чередования фонем, строго говоря, отсутствует), а безударное /а/ передается буквой «а» согласно морфологическому принципу.

В русском письме есть орфограммы, которые вступают в противоречие с морфологическим принципом. Примером нарушения морфологического принципа русской орфографии может служить правописание так называемых приставок на -з-: *без-*, *вз-*, *из-*, *раз-*, *роз-*, *чрез-*, *низ-*. Здесь /z/ и /s/ чередуются, но несмотря на то, что возможна проверка по сильной позиции (например перед сонантом), /z/ и /s/, находящиеся в слабой позиции (перед парными шумными), обозначаются «своими» буквами (в известной степени по произношению). Принцип написания в этом случае прямо противоположен морфологическому принципу: фонема в слабой позиции обозначается буквой, предназначенной в графике для передачи этой фонемы (*разбить* — *распи́ть*), несмотря на то, что проверка по сильной позиции возможна (*разли́ть*). Еще одним примером такой орфограммы является правописание безударной гласной в приставках *раз-/роз-*: ср. *ро́здал*, *ро́спись*, но *разда́ча*, *распи́ска*. Этот способ обозначения на письме чередующихся фонем в слабой позиции принято называть *фонетическим принципом* орфографии¹. Он выдерживается не совсем последовательно, так как фонетическому принципу подчиняется только чередование по одному признаку фонемы (глухости/звонкости): ср. обозначение фонем /ž/, /š/ буквами «з», «с» в *распи́ть* /ra'ššit'/, *изжи́ть* /i'žžit'/ и подобных или фонемы /s/ буквой «з» в *безвку́сный* /b'i'sfkusnjj/ и фонемы /a/ буквой «о» в *розы́ской* /razi'sknoj/ в соответствии с *розыск*. Приведенные примеры являются своего рода «исключениями из исключения». В русском письме использование фонетического принципа лучше интерпретировать не как проявление фонетического принципа орфографии, а как **нарушение морфологического принципа**.

¹ Термины, обозначающие орфографические принципы, названные здесь *морфологическим* и *фонетическим*, зависят от общefonологической концепции, лежащей в основе той или иной теории письма. Концепция, излагаемая в настоящей книге, опирается в целом на теорию фонемы ШФШ. В Московской фонологической школе *морфологический* принцип орфографии принято называть «фонологическим» или «фонематическим».

Итак, орфография не может быть построена исключительно на фонетическом принципе, т. к. это уже будет письмо «без орфографии». Вместе с тем все написания, соответствующие в русском письме фонетическому принципу, могут быть приведены в соответствие с морфологическим принципом. Совсем другое положение в тех случаях, когда фонема, находящаяся в слабой позиции, не чередуется с фонемой в сильной позиции, т. е. когда ее нельзя «проверить» по сильной позиции и обозначить в соответствии с морфологическим принципом (да и фонетическим, если его понимать как нарушение морфологического в указанном выше смысле). Фонема здесь оказывается в морфологически изолированной, своего рода абсолютно слабой позиции. В таком случае она обозначается одной из тех букв, которыми эта фонема могла бы быть обозначена по морфологическому принципу, если бы проверка по сильной позиции в данной морфеме была возможна, причем единообразие написания сохраняется: ср. *собака/собачий/собачиться, вокзал, здесь, масштаб* и т. п. Такой принцип обозначения фонем в слабой позиции называют *традиционным принципом* орфографии, точнее — *фонемно-традиционным*. Название «традиционный» связано с тем, что данные орфограммы проверке не поддаются и пишутся по традиции (его еще иногда называют *историческим*). В большинстве случаев написание соответствует древнему или, по крайней мере, достаточно старому написанию (и произношению), хотя совсем не обязательно этимологическому (ср. *здоров* < др.-рус. *сѣдоровъ*, *карман* < др.-рус. *корманъ* < *кѣрманъ* и др.).

Особой разновидностью традиционного принципа является правописание безударных гласных в ряде корневых морфем *рост-/раст-, зор-/зар-, клон-/клан-, гор-/гар-, скоч-/скач-* и т. п. Это своего рода пересечение морфологического, фонетического и традиционного принципов. Здесь, в отличие от фонемно-традиционного принципа, который применяется в случае невозможности проверки по сильной позиции, проверка возможна, но под ударением в соответствующих морфемах оказываются и /о/ и /а/ (ср. *рост, выращивать; зорька, зарево*), поэтому правописание безударного гласного регулируется довольно сложными правилами (ср. *росток, поросль, но возраст, отрасль; заря, озарение*). Такие написания попадают в категорию *нарушений морфологического принципа* русской орфографии.

Еще одной разновидностью традиционного принципа орфографии часто считают так называемый *традиционно-иероглифический* принцип. Его спецификой является то, что он применяется при обозначении фонемы в сильной позиции. Наиболее ярким примером является обозначение фонемы /v/ буквой «г» в окончании Р. п. ед. ч. прилагательных и местоимений: *доброго, синего, того, его* и т. п. (ср. *строго, дорого*). «Иероглифичность» этого принципа заключается в том, что фонемы /g/ и /v/ в русском языке не чередуются, поэтому никакого фонетического оправдания для такого обозначения фонемы /v/ нет, но есть историческое. В сущности, эти написания следует интерпре-

тировать не как особый принцип орфографии, а как написания, нарушающие правила русской графики (ср. выше о нарушениях слогового принципа русской графики). К ним примыкают случаи обозначения фонемы /š/ буквами «ч» и «щ» в словах *конечно* /ka'n'ešna/, *булочная* /'bulašnaja/, *что* /što/, *помощник* /pa'mošn'ik/, *всенощная* /'fs'eпаšnaja/ и др. (ср. /č'n/, /č'n'/ и /č't/ в *печной*, *ночник*, *почта* и мн. др.). Здесь неадекватное обозначение чередующейся фонемы в сильной позиции (ср. *було/č'/ная* — *було/č'/ка*, /š/то — /č'/его, /č'/ему..., *помо/š'/ник* — *помо/š':/ь*, *помо/š':/и...*) обусловлено не только силой традиции, но в большинстве случаев и стремлением сохранить единство морфемы, т. е. фактически перенесением морфологического принципа на фонемы сильной позиции, что приводит к неотражению на письме так называемых исторических чередований.

К традиционному принципу иногда относят написание «ь» в наречиях *вскачь*, *сплошь*, *настежь*, частицах *лишь*, *вишь*, *ишь*, *бишь*, глаголах *идеешь* и т. п., где он не имеет ни фонетического, ни морфологического значения. Что касается написания «ь» в формах существительных 3-го склонения *ночь*, *рожь*, в императиве *режь*, инфинитиве *беречь*, то эти случаи можно подвести под особый орфографический принцип, который иногда обозначают громоздким термином *принцип морфолого-графических аналогий*¹. Согласно этому принципу, написание «ь» вызвано графической индукцией со стороны морфологически аналогичных словоформ, где его появление обусловлено слоговым принципом русской графики, со стороны написаний, в которых «ь» имеет фонетическое значение: *ночь*, *рожь*, как *тьнь*; *режь*, как *брось*; *беречь*, как *тереть*. Написание «ь» после шипящих в наречиях типа *наот-машь*, *вскачь* и др., видимо, также тяготеет к принципу морфолого-графических аналогий, т. к. здесь возможно усматривать аналогию со стороны огромного количества наречий, оканчивающихся на парный, но мягкий согласный, закономерно обозначенный мягким знаком: ср. *впрямь*, *исподволь*, *набекрень*, *вглубь*, *вспять* и др.

Суммируя сказанное о принципах русской орфографии, можно сделать следующие выводы. Главным, основополагающим принципом русской орфографии является *морфологический принцип*. В тех случаях, когда проверка по сильной позиции невозможна, он дополняется традиционным (фонемно-традиционным), причем последний в значительной степени базируется на морфологическом принципе. Таким образом, морфологический и традиционный принципы русской орфографии не противоречат, а наоборот, взаимно дополняют друг друга, совместно способствуя сохранению единообразия в написании. Третьим принципом русской орфографии можно признать принцип морфолого-графических аналогий, хотя он занимает периферийное положение в русской орфографии. Что касается фонетического принципа, то его в силу крайней ограниченности применения

¹ Л. В. Щерба называл его «идеографическим».

нельзя рассматривать как самостоятельный принцип русской орфографии, а соответствующие написания целесообразно интерпретировать как нарушения морфологического принципа. Другие разновидности традиционного принципа — не относящиеся к фонемно-традиционному — также не представляют собой особых принципов русской орфографии, а являются нарушениями либо правил графики (традиционно-иероглифические написания типа *того*), либо морфологического принципа (правописание безударных гласных в корнях типа *зор-/зар-*). Итак, суть морфологического принципа орфографии заключается не в сохранении единообразия написания морфемы, а в «проверке по сильной позиции». Что же касается «единообразия», то оно является общей идеей письма как такового. Единообразие характерно и для традиционного, и в известной степени для фонетического принципа орфографии.

§ 9. Типы написаний

От принципов орфографии следует отличать типы написаний. Типы написаний целесообразно классифицировать по двум пересекающимся признакам: по соответствию «произношению» и по отношению к «проверке».

По соответствию произношению (фонемному составу словоформы) принято различать *фонетические (адекватнофонемные)* и *нефонетические (неадекватнофонемные)* написания. Фонетические написания не следует смешивать с фонетическим принципом орфографии. Фонетическими могут быть как написания по фонетическому (*раздать — растащить*), так и по морфологическому (*трава, рак*) и традиционному (*карман, зигзаг*) принципу. Кроме того, фонетическими будут и те написания, которые определяются графикой и по отношению к которым не применяется какой-либо из принципов орфографии (в словах *трава, рак, карман, раздать* написания всех букв — фонетические, т. е. адекватнофонемные). С другой стороны, некоторые написания, считающиеся проявлением фонетического принципа орфографии, не являются в полном смысле слова фонетическими: например, в *расширить* буква «с» передает фонему /š/, т. е. написание является лишь частично фонетическим (в отношении глухости/звонкости), но не адекватнофонемным. Таким образом, фонетическим считается написание, при котором фонема (независимо от позиции — сильной, слабой или абсолютно слабой) передана буквой, предназначенной для этой фонемы в графике. Фонетические написания *соответствуют* произношению, написания по фонетическому принципу *определяются* произношением.

По отношению к проверке написания могут быть *опорными, проверяемыми и неповеряемыми*.

Опорным является написание, которое определяется графикой (с учетом ограничений слогового принципа) и на которое можно опираться, применяя морфологический принцип орфографии. Например,

в слове *вал* написания всех букв являются опорными, т. е. определяются графикой, причем написание «а» можно опереться при проверке второй буквы в словоформе *валы*. Неадекватнофонемное написание также может быть опорным, как «и» = /i/ в слове *жив*, на которое, однако, можно опереться при проверке безударной гласной в *живой*.

Проверяемым (косвенно проверяемым) является написание, которое в соответствии с морфологическим принципом русской орфографии можно проверить по опорному, т. е. фактически по сильной позиции при наличии живого фонетического чередования в соответствующей морфеме. Соответственно *бесповерочным* является написание, которое невозможно проверить в силу отсутствия чередования. Проверяемые написания, как правило, подчиняются морфологическому принципу орфографии, но изредка — и с его нарушением (по фонетическому принципу). Бесповорочные написания — как фонетические, так и нефонетические — подчиняются традиционному принципу. В качестве особого случая можно рассматривать такие случаи, когда возможна двойная проверка (*лебедь* — *лебяжий* и *лебёдка*, *поклониться* — *поклон* и *кланяться*). Подобные написания (которые не следует проверять, в отличие от *бесповерочных*, которые невозможно проверить) иногда называют *непроверяемыми*. К ним можно было бы отнести и написания по фонетическому принципу (*расписка* — *роспись*), которые в принципе можно проверить, но в соответствии с правилами орфографии проверять не полагается.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Дьяконов И. М.* Письмо // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1998.
2. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. § 290—304 (Глава VIII. Графика и орфография) [или: *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика // *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2007].
3. *Иванова В. Ф.* Современная русская орфография. М.: Высшая школа, 1991.
4. *Иванова В. Ф.* Современный русский язык. Графика и орфография. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976.
5. *Касаткин Л. Л.* Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 223—248 (Теория письма. § 51—60).
6. *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика, орфография. М., 2005. С. 254—278 (Ч. V. Графика и орфография).
7. *Щерба Л. В.* Теория русского письма (1943 г.). Л.: Наука, 1983.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Jakobson R.* Избыточные буквы в русском письме // *Jakobson R.* Selected writings. T. I. s'Gravenhage, Mouton, 1962. P. 559—562.
2. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Об отношении русского языка к русскому письму (1912 г.) // *И. А. Бодуэн де Куртенэ.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 209—235.

3. *Гвоздев А. Н.* Основы русской орфографии (1947 г.) // А. Н. Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетике. М.: Просвещение, 1963. С. 27—86.
4. *Зализняк А. А.* О понятии графемы // *Balkanica: Лингвистические исследования.* М.: Наука, 1979. С. 134—152.
5. *Зиндер Л. Р.* Очерк общей теории письма. Л., 1987.
6. *Иванова В. Ф.* Принципы русской орфографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
7. *Иванова В. Ф.* Трудные вопросы орфографии. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1982.
8. *Истрин В. А.* Возникновение и развитие письма. М.: Наука, 1965.
9. *Кузьмина С. М.* Теория русской орфографии. Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М.: Наука, 1981.
10. *Панов М. В.* И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964.
11. *Селезнева Л. Б.* Современное русское письмо. Категории и единицы. М.: Высшая школа, 2004.
12. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики [1916 г.] // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
13. *Фридрих И.* История письма / Пер. с нем. М.: Наука, 1979.
14. *Чернышев В. И. Ф. Ф.* Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания (по материалам Архива Академии наук СССР и личным воспоминаниям) // Академик А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов / Под ред. акад. С. П. Обнорского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 167—252.
15. *Щерба Л. В.* Основные принципы орфографии и их социальное значение [1926 г.] // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 45—56.
16. *Яковлев Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) (1928 г.) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
§ 1. Предмет фонетики	—
§ 2. Функции звуковых средств языка	7
§ 3. Сегментные и супraseгментные средства	8
§ 4. Членение речевого потока	9
§ 5. Теория фонемы	11
§ 6. Транскрипция	17
§ 7. Аспекты фонетики	23
§ 8. Произносительный аппарат	27
§ 9. Основные акустические понятия	29
§ 10. Перцептивный аспект фонетики	35
Глава 1. СИСТЕМА ФОНЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА	42
§ 1. Гласные и согласные	—
§ 2. Состав фонем русского языка	45
§ 3. Процедуры установления состава фонем	48
§ 4. Принципы синтагматической идентификации фонем	50
§ 5. Принципы парадигматической идентификации фонем	56
§ 6. Установление состава фонем и неоднородность речевого потока	58
§ 7. Установление состава фонем и фонетические подсистемы	60
§ 8. Фонологический статус [i]	62
§ 9. Различительные признаки в системе русского вокализма	66
§ 10. Фонологический статус мягких заднеязычных	69
§ 11. Фонологический статус долгих мягких шипящих	71
§ 12. Различительные признаки в системе русского консонантизма	75
Глава 2. МОДИФИКАЦИИ ФОНЕМ	81
§ 1. Модификации фонем в потоке речи	—
§ 2. Классификация аллофонов	83
§ 3. Факультативные варианты фонемы	87
§ 4. Артикуляционная классификация русских согласных и модификации русских согласных фонем	88
§ 5. Артикуляционная классификация русских гласных и модификации гласных фонем	97
§ 6. Комбинаторные аллофоны ударных гласных	108
§ 7. Артикуляционная база русского языка	114
Глава 3. СЛОГ	120
§ 1. Понятие слога	—
§ 2. Слог в фонемных и слоговых языках	121
§ 3. Типы слогов в русском языке	124
§ 4. Открытый слог как минимальная произносительная единица	127
§ 5. Разные подходы к слогу и слогоделению	132
Глава 4. ЧЕРЕДОВАНИЯ ФОНЕМ	142
§ 1. Понятие чередования фонем	—
§ 2. Типы чередований фонем	143
§ 3. Морфонология. Понятие морфемы	151

Глава 5. УДАРЕНИЕ	154
§ 1. Супraseгментная фонетика	—
§ 2. Словесное ударение	156
§ 3. Фонетические признаки словесного ударения	162
§ 4. Побочное ударение	165
§ 5. Редукция безударных гласных	167
Глава 6. ИНТОНАЦИЯ	176
§ 1. Интонация	—
§ 2. Компоненты интонации	177
§ 3. Функции интонации	180
§ 4. Единицы интонации	185
Глава 7. ОРФОЭПИЯ	192
§ 1. Фонетическая система и произносительная норма	—
§ 2. Понятие «современный русский литературный язык»	199
§ 3. Произносительные особенности <i>просторечия</i> ₁ и <i>просторечия</i> ₂	208
§ 4. Произносительная норма литературного языка	212
§ 5. Произносительные стили литературного языка	216
§ 6. Становление произносительной нормы современного русского литературного языка	222
§ 7. Московский и петербургский варианты литературного произношения	226
§ 8. Орфоэпия и орфофония	243
§ 9. Кодификация произносительной нормы. Орфоэпические словари	247
Глава 8. ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ	255
§ 1. Открытие фонемы и возникновение фонологии	—
§ 2. Фонологическая концепция Л. В. Щербы	258
§ 3. Фонологические школы	260
§ 4. Щербовская фонологическая школа	262
§ 5. Пражская фонологическая школа	266
§ 6. Московская фонологическая школа	271
§ 7. МФШ: концепция Р. И. Аванесова	277
§ 8. Отношение к ЩФШ в работах представителей МФШ	279
§ 9. Выводы	281
Глава 9. ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ ПИСЬМА	286
§ 1. Определение письма	—
§ 2. Аспекты письма	—
§ 3. Типы письма	287
§ 4. Алфавит	289
§ 5. Слоговой принцип русской графики	290
§ 6. Отступления от слогового принципа	291
§ 7. Орфография	293
§ 8. Принципы русской орфографии	294
§ 9. Типы написаний	299

Учебное издание

Попов Михаил Борисович

**ФОНЕТИКА СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Учебник

*для высших учебных заведений
Российской Федерации*

Корректор *Н. М. Казимирчик*

Технический редактор *А. Г. Хуторовская*

Художественное оформление *О. В. Рудневой*

Подписано в печать 13.06.14.

Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 100 экз. Заказ №

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.